

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКА	Выпуск 3 2014
--	--	------------------------------------

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Агеева Е.А.</i> Московское Рогожское кладбище и зарубежные старообрядческие общины: опыт взаимодействия во второй половине XIX века.	3
<i>Алексеев А.В.</i> Предварительные результаты археологических исследований на месте Свято-Троицкой Юрьегорской пустыни	15
<i>Барт М.В.</i> Модели компрессивного способа словообразования в профессиональном компьютерном дискурсе.	36
<i>Бешикарев А.А.</i> Нарушения журналистской профессиональной этики в региональной бесплатной печати (на примере газеты «Народная»)	55
<i>Бровкина Т.В.</i> Некоторые наблюдения по истории текста Повести о происхождении табака	64
<i>Горунович А.Н.</i> Социальная реклама в России: проблемы и перспективы	69
<i>Дементьев А.В.</i> Система роспевов в богослужебном уставе Выго-Лексинского старообрядческого общежития	75
<i>Доброноженко Г.Ф.</i> Административно-ссылные «политики» в Коми крае в 1920-е годы	112
<i>Добычина М.А., Иванов В.А.</i> Служебная, научная и общественная деятельность дворян Кавелиных	129
<i>Кырнышева О.В.</i> Журнальная периодика в усть-сысольской общественной библиотеке XIX в.	140
<i>Лудыкова В.М.</i> Новый инфинитив в роли организующего центра предложения в коми языке	150
<i>Минеева И.Н.</i> Русскоязычная литература в Швеции и о Швеции: взгляд на рубеже столетий	159
<i>Мурашова Н.С.</i> Формирование и развитие термина «духовный стих» в исполнительском обиходе и исследовательской среде	170
<i>Никонов С.А.</i> Промысловые владения Троицкого Печенгского монастыря на Терском берегу Поморья во второй половине XVI – начале XVII в.	186
<i>Полетаева Е.А.</i> Агиографический цикл как тип монастырского сборника (на примере рукописных памятников Кожеозерского монастыря нач. XVIII в.)	196
<i>Пыстина О.В.</i> Языковая игра как прием в заголовочных комплексах региональных изданий	203
<i>Рыжова Е.А.</i> К вопросу об авторском коллективе регионального краеведческого журнала «Записки Общества изучения Коми края» (публикации С.А. Попова)	213
<i>Сипола О.</i> Иконостас Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря 1794 г.	222
<i>Супрун В.И.</i> Диалектные единицы в архивных документах	240
<i>Шабаетв Ю.П.</i> «Русский Север» и Поморье: символическое пространство в культурном и политическом контексте	249

<i>Юркина О.В.</i> Жанровое преломление идиостилевых норм И.А.Гончарова при изображении природы и внутреннего мира человека в романах писателя	283
Публикации источников, обзоры, материалы, воспоминания	
<i>Волкова Т.Ф.</i> Печорские списки сказания об Александре Македонском	297
<i>Вуттке Н.А., Свигзова С.Б.</i> Вспоминая Н.А. Егунову: к столетию со дня рождения	319
<i>Иванов В.И.</i> Дело 1684 года о подтверждении жалованной грамоты Троицкого Юрьегорского монастыря	322
<i>Краева Н.В.</i> Северные монастыри России в коллекции Национального музея Республики Коми	331
<i>Мелихов М.В.</i> Рукописные сборники печорского старообрядца С.А. Носова: сборник № 26	336
<i>Старицын А.Н.</i> Экспедиция в заповедные места староверов	353
Сведения об авторах	369

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мелихов Михаил Васильевич – д.филол.н., профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета.

Заместитель главного редактора:

Доброноженко Галина Федоровна – д.и.н., профессор, зав.кафедрой истории, политологии и социологии Сыктывкарского государственного университета;

Редакционная коллегия:

- Волкова Татьяна Федоровна**, д. филол.н, профессор кафедры русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета;
- Гончаров Игорь Анатольевич**, д.филол.н., профессор, зав.кафедрой политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета;
- Лудыкова Валентина Матвеевна**, д.филол.н., профессор, зав. кафедрой коми и финно-угорской филологии Сыктывкарского государственного университета;
- Канева Татьяна Степановна**, к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой русской и общей филологии Сыктывкарского государственного университета;
- Рыжова Елена Александровна**, к. филол. н., доцент, зав.кафедрой журналистики Сыктывкарского государственного университета

Редактор С.Б. Свигзова
 Корректор Л.В. Гудырева
 Верстка и компьютерный макет А.А. Ергаковой

Подписано в печать 05.12. 2014. Печать ризография.
 Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Формат 70x108/16.
 Усл. печ. л. 43,2.
 Заказ № 178. Тираж 150 экз. (1-й завод – 45 экз.)

Адрес редакции Вестника СыктГУ.
 167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
 тел. 8 (8212) 43-16-87

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 93 (016:091)

Е.А. Агеева

МОСКОВСКОЕ РОГОЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА *

Статья посвящена переписке 1860-1870-х годов между зарубежными общинами Белокриницкой иерархии и московской Архиепископией. Содержание писем позволяет проследить, какую значительную помощь в решении самых разных вопросов общинам и обителям оказывал московский центр во главе с владыкой Антонием. Одним из постоянных корреспондентов был И.С. Гончаров, известный в дипломатических кругах как ходатай по старообрядческим делам. Его письма, как и других деятелей староверия, публикуются впервые по авторским автографам.

Ключевые слова: старообрядчество, зарубежные общины, благотворительность, монастыри, церковно-бытовые традиции.

Charitable activities of the Rogozhskoye cemetery in Moscow on the development of Belokrinitzskaya Hierarchy in the epistolary heritage of the second half of the XIX century

The article is devoted to the correspondence of 1860-1870-ies between foreign communities of Belokrinitzskaya Hierarchy and the Moscow Archdiocese. The content of letters reveals that the Moscow center, headed by Bishop Anthony has provided significant assistance to communities and monasteries in various matters. One of the regular correspondents was Iosif Goncharov, known in diplomatic circles as a mediator by the Old Believers cases. His letters and letters of other figures of the Old Believers are published for the first time on author autographs.

Keywords: Old Belief, foreign faith communities, charity, monasteries, church everyday traditions

История Русской Православной Старообрядческой Церкви позволяет говорить о том, что церковная благотворительность была неотъемлемой её частью и носила как частный, так и системный, общественный характер. Наряду с широко развитой тайной милостыней следует выделить Московское Рогожское кладбище

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00033 «Культурные особенности этнолокальных групп русских в исторической ретроспективе и на современном этапе».

и Московский Духовный Совет при нем, а с 1906 г. Московскую старообрядческую общину Рогожского кладбища (МСОРК), средоточием которых были богадельня и лечебница. Большое внимание уделялось развитию образования, и при первой появившейся возможности на благотворительной основе были созданы училище [1] и позднее Старообрядческий институт[2]. Особые усилия и поддержка были направлены на сохранение и развитие традиций древних искусств, особенно певческого. Неизменной заботой и системой пожертвований был окружен хор Рогожского кладбища [3]. Певцы получали не только жалованье, но и благоустроенное жилье, где размещалась вся семья. Новое здание Певческой палаты, построенное на средства Ф. Е. Морозовой в память о сыне и называемое «Новый дом певчих имени С. И. Морозова», было освящено 4 мая 1914 г. Вдовы певцов также оставались в общине. Певцы и вдовы снабжались «припасами и печеным хлебом». Попечители Рогожского кладбища обращались к благотворителям с просьбой «пожертвовать для одяния призреваемых в старообрядческом Рогожском богаделенном доме, равно и певцов, исправляющих Божественную службу» [ОР РГБ. Ф. 246. К. 61. Д. 3. л. 2 об. – 4]. Сохранились книги для записей пожертвований к празднику Пасхи: в 1905 г. – среди жертвователей А. И. Грачев, Муравлёв, В. А. Шибаев, А. И. Морозов и др., и 1914 г. – в числе жертвователей наследники Назаровых, Свешниковы, братья Шибаевы, Миловановы, Товарищества Рябушинских, Ивана Бутикова, и пожелавшие остаться анонимными [ОР РГБ К. 62. Д. 4. Л. 1–6 об.].

Хору устраивали торжественные угощения после больших праздников и длительных песнопений, но и требования к певцам и головщикам были почти такие, как и к иконописцам. В Уставе церковного причта святых храмов МСОРК певцам посвящено несколько разделов, где отмечается, что «поступающие вновь в число певцов на Кладбище должны быть хорошей нравственности, вообще беззачинной жизни и безукоризненного поведения и иметь о своей личности и поведении рекомендацию от известных и заслуживающих доверие лиц» [ОР РГБ. К. 62. Д. 1. Л. 9 об. – 10 об.].

Неизменно оказывалась помощь монастырям, слабосильным, удаленным и малочисленным приходам, беднейшим священникам. Но был и особый вид вспомоществования – это помощь заграничным епархиям, тесно связанная с укреплением старообрядческой Церкви и развитием Белокриницкой иерархии. И если благотворительностью в Синодальной церкви занимались сами монастыри, то сообществу Рогожского кладбища надо было оказывать помощь в прямом смысле для выживания зарубежных обитателей. Немалый вклад был сделан московским центром в строительство и благоустройство храмов по всему миру. Иногда эта помощь состояла в подборе мастеров-иконописцев и позолотчиков, направлению учителей хорового дела, посылке книг, определенных хлопотах по оформлению необходимых документов. Но к особому виду благотворительности можно отнести разрешение с помощью Архиепископии периодически возникающих сложнейших иерархических и иногда личностных конфликтов, что требовало от центра глубоких знаний церковно-уставного характера и больших ду-

шевных усилий по умиротворению и сохранению целостности церкви. Непримиимый противник старообрядчества и, прежде всего, Московской Архиепископии, желавший за пять лет до дарования исповедных свобод изгнать старообрядческий центр из Москвы, великий князь Сергей Александрович [4] отмечал в своей записке, адресованной Министру Внутренних дел и обер-прокурору Синода Победоносцеву, что австрийская иерархия, широко раскинувшаяся по всей России и руководимая влиятельными московскими старообрядцами, приобретает все более господствующее положение. По его мнению, «автономия, данная Рогожскому Кладбищу, привела к тому, что все русские поповцы составляют из себя ныне государство в государстве» [4, с. 462]. Стремясь обвинить и уничтожить старообрядчество, он на самом деле определил реальное значение московского центра, которому надо было поддерживать значительное число последователей практически по всему миру. И в наше время, когда произошли геополитические изменения и коренным образом изменились и экономические основания, тем не менее опыт общения и поддержки зарубежных общин представляется весьма важным. Бесценным источником для изучения взаимосвязей Рогожского кладбища и зарубежных центров староверия представляется обширная переписка, сохранившаяся, очевидно, частично, порой трудная для чтения, но позволяющая открыть важные страницы сложной борьбы за укрепление Церкви.

Благотворительная деятельность, широкая по охвату, была начата с первых лет существования Белокриницкой иерархии и учреждения Архиепископии в Москве. Особая заслуга, несомненно, принадлежит владыке Антонию. Сохранились обширные своды посланий и обращений к нему с благодарностью за поддержку и очередными просьбами и вопросами. В письме, написанном 3.07.1868 г. и полученном в Москве 11 числа того же месяца, архиепископ Аркадий Васлуйский [8, с. 320] писал: «Преосвященному господину Архиепископу Антонию о Господе радоватися. <...> Видим из вашего письма, писанного епископу Аркадию, что у Вас есть приготовлены несколько икон, которые обещаете выслать ему. Нет ли таковых икон, которые прилично поставить в олтаре на горнее место, как вы знаете. Если будут, то прошу вас, Бога ради, уделить для нашей обители таковые. Ибо у нас во олтаре очень мало икон, так же и за крыласами, при том нужны будут и в новопостроенную трапезу, в таковых иконах нет ли Иоанна Богослова аршинного для храма его? И если есть, то пришлите таковые, весьма нужная...» [ОР РГБ. Ф. 246. К. 177. Д. 3. Л. 179].

Речь идет, очевидно, о Михайло-Архангельском монастыре в Новой Некрасовке – местности в это время уже не зарубежной, но ранее переходившей из рук в руки. Храм в честь ап. Иоанна Богослова находился в другом селении – Старой Некрасовке. Владыка, видимо, беспокоился о христианах всей округи.

В сентябре 1867 г. [точная дата не указана] Аркадий (Андрей Родионович Шапошников) – епископ Славский [9], экзарх всех некрасовцев, епископ «странствующих христиан», бывший настоятель Лаврентьева монастыря, «дюжесловный, многочитанный» [8, с. 316-317], писал владыке Антонию: «По законности нашей с цареградским посланником Игнатьевым написали мы о

всеобщей веротерпимости о недоумении нашем, почему преследуются наши епископы? За границей взяты Аркадий и Алимпий, сей последний уже умер. В России взяты Конон, Геннадий и Саватий. Содержатся они в суздальской крепости в Спасо-Евфимиевом монастыре под стражею [5]. Католическое духовенство, то, которое во время мятежа командует их бандами, благословляют. Проливают кровь царскую и кровь властей, и русского народа – сие духовенство терпимо. Старообрядцы, напротив, преследуются. Лютеранское, протестантское, армянское и даже еврейские синагоги терпимы. Магометанские муллы, их Коран не преследуется. Старообрядцы умирают за Царя, не щадят капиталов в пользу государства, не имеют полной веротерпимости, удаляют их от общественных выборов, яко врагов государства. Посланник ответил Горшкову: «Я пошлю Вашу бумагу к государю. Вдруг получает известие, что будет к нему великий князь Алексей Александрович, будет он в пятницу, вы явитесь ко мне, говорит посланник, Горшков и вилковский поверенный, я вас познакомлю с великим князем. Вместо пятницы великий князь прибыл в среду, и вскоре отправился на Южный берег Крыма, через час прибыли депутаты, а великий князь не более часа, как отправился в Крым, посланник много тужил от неудачи. Я, говорит, вашу бумагу прочитал, и великому князю вручил ему для доставления государю. Что скажет на сие великий государь, Бог весть. Я Вам копии не посылаю, ради того, дабы она преждевременно не разносилась». Далее епископ сообщал о повседневных делах: «церковную постройку сей податель видел [имя подателя письма не сообщается – Е. А.], ибо он квартиру имел при этом самом здании. Мало, что не готово, об иконостасе я Вам писал, но о получении его мне неизвестно, пред сим Вам послано письмо чрез Царьград, о смерти вожделенного отца Илии, теперь мы крайне обнищали – пришлите к нам отца Козму, или Афанасия, а мы не имеем таковых. Если возможно будет Вам, пришлите нам Антиминс один или хотя бы и более. Смиранный епископ Аркадий» [ОР РГБ. Ф. 246. К.172. Д.2. Л. 22-23 об].

В ноябре того же года Аркадием Славским было послано ещё одно письмо, очевидно, одно из последних, содержащее в том числе и бесценную информацию по истории подмосковных Гуслиц [6]: «Письмо Ваше, писанное 9 октября и при нем 50-ти рублёвый билет, я получил 11 ноября, <...> благодарю за Вашу память и впредь прошу не забывать». Далее он пишет о «кирилловских делах», то есть о полемике и событиях вокруг Окружного послания и вновь возвращается к жизни обители: «О смерти о. Илии Вы уже известились. Я теперь потерял корабль, который много вмещал добра; теперь остались: 1. Макарий, подобне Кириллу, 2. Ефросин, о сем знают Козма и Афанасий. 3. Виссарион – ни тепл, ни холоден, о Епифании писать нечего. Се из собора 80-ти человек. Есть новочеркасский Рудухин четвертый год, но не поступает в братию. Сей имеется на очереди, но требуется при нем терпеть. Адрес по времени вышло, будет на Вилков, только нужно по тоньше осведомиться, письма Гончарова будете читать не без труда, мы их читаем, сообразуясь с обстоятельствами, но всего мы понять не можем. Были у нас в сентябре месяце гуслики с иконами – Прокоп Васильев, раздорник,

и Мартин Фадеев села Горы Богородского уезда Карповской волости, сей последний сын Церкви, я вручил ему письмо, писанное вам, что мы с Гончаровым суметь подать посланнику в Цареграде. <...> У гусяков были иконы и писанные и медные. Я хотел их просить отлить медных евангелистов на Евангелия полулистное и четвертное, по три или по два прибора. Если вам невместимо, то возложите на Мартина. Он обещается к лету к нам приехать с иконами. Я в одном письме писал Вам, аще случится быть к нам, то купите 10 толковых евангелий. Сие письмо посылаю Вам через Вилков. Е.А. Шапошников» [ОР РГБ. Ф. 246. К. 172. Д. 2. Л. 40-41 об.].

Упомянутый Виссарион был четвертый епископ Тульчинский, рукоположен 16 декабря 1873 г., и правил Тульчинской епархией до конца 1877 г. В этом же году, 6 декабря, переведен на Измаильскую епархию с возведением в сан архиепископа. Скончался в г. Измаиле 27 января 1881 г. [8, с.318].

В вышеизложенном письме обращает на себя внимание оценка владыкой стиля посланий И. С. Гончарова, действительно, несколько трудных [для понимания, но важных по содержанию]. Гончаров Иосиф Семенович, родившийся 3. 11. 1796 [по другим данным, в 1793 г. – Е. А.] в селе Сарикей [ныне Румыния], завершил свой жизненный путь в 1879 в г. Хвалынске Саратовской губернии в Черемшанском монастыре близ Хвалынска Саратовской губернии – один из видных старообрядческих деятелей, атаман некрасовцев, способствовал учреждению Белокриницкой иерархии [7]. Одно из них публикуется¹ с некоторыми сокращениями, впервые по автографу с сохранением авторской орфографии, с уточнением описок и по правилам современной пунктуации, отсутствующей у И. С. Гончарова. По содержанию оно созвучно письму владыки Аркадия. Было отправлено Гончаровым в Москву 24 октября.

[По молитве]. «Его высокопреосвященству архиепископу и всей России блюстителю Антонию. Прошу завочно Вашего святительского прощения, мира и благословения и при сих кратких строках и худейшим моим начертанием. Завочно повергаю себе пред чесными стопы чесных ног Ваших и целую завочно хождение следы ваши и при сем проесню Вам пущенное письмо Вашего чеснаго писменаго начертания получил исправно и облобызал, и прочитал, и увидел с письма Вашего ко мне отеческую и святительскую любовь. Пишите ко мне, недостойному и худейшему в человецех, положить у память Вашего святительского звания написать икону во имя котораго святителя, но я вижу с письма Вашего святительскаго усердия, усердия, но хотя и страх и трепет меня обнимает написать Вам и напоминанить ту, которою имя иконну и осметься напомнить Вам, ежели не у труд будит Вам, то напишите икону имя, ей называеца Церковь, только ежели будит усердие Ваше, то положите память свою у роды родов своих, только чтобы писма хорошова, ибо у нас у Турции икон редко хто и слы-

---

¹ Часть писем, освещающих взаимоотношения с лондонскими изгнанниками, опубликована: Из переписки О.С. Гончарова с Герценом и Огаревым / публ. П.Г. Рындинского // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С. 70-78.

хал. А это пишате, чтобы поставить на Тульчинскую епархию епискупа, но я свои стороны уверяю Вас истеном в том, [что] нет у нас таковых у нас людей, чтоб возвесть на таковую степень, нема не одново человека. Думали возвесть священноиерея Илию, но Бог прикратил его жизнь, а Кузьму было положили, Вы пишате, что определен у Вас там. А болие у нас нема ково поставить, а есть прочии, но ставить, чтобы не открылся так, как Иустин [8, с. 317] зделал, у нас ещё и теперь тои звук не вышел, но только просим у Вас чесной совет Ваш. Вы избежите своево человека и поставьте там и пришлите к нам, и тово мы с радостью примем. А у нас нету таковых людей, а это ужо старостию отягщен. Я соболезную об нем. Колько он трудов и попечение имел о церьквах божиих. Когда получил он предписание Ваше построить во имя Успения церковь у Тульчи, но он не щадя свих древних лет прилагал старания об ней, уже и окончил совсем, только коностаса нету и еще капиталу не стала, но печаль его снедает, ибо должин много остался, ибо она стала не мение двох тысищ астрицких червонцов, а при том еще построил для бедных людей келии, но он сильно скорбит о недостатках, но некому неизвестна, кроме мене. Ежели этот столп упадет у нас, то тогда не будит наша Турьцая такового питиводителя [путеводителя – Е. А.], нет таковых людей, как эта одна звезда у нас у Турьцыи живущих христиан освещала своим благим и здоровым рассуждением. Посли не надеюся иметь другаго такового учителя и покровителя сирах. А это пишате, что у вас не перестают гонении, но я Вас об эти, хотя мало, проясню. Мы это дел самое не умалчиваем. У этим и у прошлом месяце сеньтябре был я у Царьгради у посланника Николая Павловича генерала Игнатьева¹, и была бумага нашим святителем написана их величеству Александру Николаевичу <...> Посланник письмо принял и прочитал, и сказал: «Весьма умно написано». И на ту пору прибыл великий князь Алексей Александрович с Америки, и он эту нашу бумагу уручил ему у собственные руки, чтобы он определил своими руками его величеству. <...> И тои обещался лично их величеству предоставить усе наши дела и обиды. Владыка светый, Вашими святыми молитвами удостоилися с высокими лицами братски усякое советовать, не то как с простыми людьми. Ближе нам с высокими лицами обходица нежели с простыми и невежами и неучеными, и грубыми мужиками. Игнатьев их величеству брат крестовой. Их величество их дети от купели принимает, она княгиня Голицина Катерина Леонидовна². Верьте, владыко светый, с высокими лицами так обходимся, и не знаю, и сам себе удивляюся, как они мене принимают и провожают, как настояща сродника своево долгое время не видевшего. Владыко светый, напишите Вы со свои стороны, что нужно просить у его величества государя императора. Нам весьма легко просить через его посланников, усе можно

---

¹ Игнатьев Николай Павлович (29.01.1832 – 03.07.1908 гг.) – граф, генерал от инфантерии, дипломат-панславист и государственный деятель, игравший заметную роль при императоре Александре II. С 1864 по 1878 гг. безраздельно занимался делами российского посольства в Константинополе.

² Игнатьева Екатерина Леонидовна, урожденная Голицына (03.07.1842 – 20 мая 1917) – жена посланника Николая Павловича Игнатьева.

нам делать. Еще есть у мене есть великай приятель у Петербурхи (Так! – Е.А.) князь Лобанов Алексей Барисьевич¹ помощник унутриних дел министра. Нам можно усе сделать, только просим вашива совету. Вы только напишите свое мнение, а мы послы напишим. Имеим за Ваши светгы малитвы щастие во всех дерьжацав великоих. <...> У Журиловскою церковь выслать понекодила для украшения Покрова Богородицы. Владыко светый, сто пидесят лет против России на вайну ходили, а я окончил, с этих пор не ходим славить Амир, даже не то за труды заплатили, и разныи расходы имел, и то не одной полушки не верьнули, только единому Богу изьвесно с мене неминують. Усе я с ними страдаю, а помочи не от каво не имею. Книги выслал Вам, с тех пор ответ не получил. Владыко светый, не прогневайтиса на мене, что я это написал, простите мене. А это прошу Вас, напишите вышеписаное свое мнение. При сем остаюсь Вам покорный слуга О(сип) С(еменович) Г(ончаров) благополучен». [ОР РГБ. Ф. 246. К. 172. Д. 2. Л. 32–33 об.]

Письмо, как видим, освещает условия жизни старообрядцев, оказавшихся вне родины, благотворную роль владыки Антония и Московской архиепископии в развитии зарубежных епархий, взаимоотношения с российским дипломатическим корпусом. Показана и подвижническая деятельность владыки Аркадия Славского. Его скорая смерть 11 ноября 1868 г. была действительно тяжелым, невосполнимым ударом для всего старообрядческого мира. В поддержку Гончарова и всех последователей покойного владыки из Архиепископии писали:

«Глас в раме слышан бысть, плач и рыдание и вопль мног. Рахиль плачущися чад своих, яко несут. (Матф., зач.4)».

Истинный Христианин и благий о святой Церкви ревнитель Иосиф Семенович! Внезапно, со слезами необьяснимой жалости поразило нащ дух, воистину плача достойное чрез депешу В. В. Фомина из Ясс известие, что кончил тщаливейший иерарх Церкви Христовой, Славский архиепископ Аркадий, временную жизнь свою, которому при крайней сожалении нашем, просим от Христа Бога, оставления, елико бе, человеческих его прегрешений, и получения покойного места в крове Божии, и деже есть глас празднуюющих всех православных святителей. При всем же сим жалостном положении, мы решились по священной обязанности нашей, предложить, как вам всем, так и всем священным лицам, вашей теперь уже в довствующей епархии, которых имена нам неизвестны, чтобы позаботились вы во исполнение священных правил четвертого вселенского собора прав. 25 и Карфагенского собора прав. 80, повелевающих не далее трех месяцев по смерти епископа поставить другого, избирая сами собою для поставления во

---

¹ Лобанов-Ростовский, князь Алексей Борисович (18.12.1824 – 10.01.1896), государственный деятель, воспитывался в Царскосельском лицее. Был посланником в Константинополе (1859–63), орловским губернатором (1866), товарищем министра внутренних дел (1868–78), послом в Константинополе (1878–79), Лондоне (1879–82) и Вене (1882–95). 26.02. 1895 назначен на пост министра иностранных дел. Любитель отечественной старины, собрал выдающуюся коллекцию книг и документов, автор сочинений.

епископы человека, по древнему обычаю, означаемому в житиях святых отцов, что мирские люди, оставшиеся после смерти какого-либо епископа сами избирали себе епископов, о чем упоминает и толкователь правил Иоанн Зонара на I-е правило св. апостолов в следующем: «Ибо когда градским людям свободно было избирать епископов, собиралися оные народы, и иныя сего, а инаго избирали, а дабы множайщих избрание превозвышало, то повествуется, что избирающие протягивали руки, и по оным числилися, коегождо избирающии, и от множайших избранного во епископство производили». И таковой обычай был и в Новгороде, как видно из описания новгородских древностей. Хотя сей обычай и не всеобдержно хранила Церковь, а иногда даже воспрещала его, но, во всяком случае, не будут осуждены по оному поступающие. И еще при сем для общей пользы Церкви Христовой к поддержанию святительского сана, советуем вам избрать два лица, и по избрании подайте прошение Митрополиту, что бы он дал благословение Архиепископу Аркадию Васлуйскому поставить Вам одного человека на Тульчу, а другого епископом на Славу. Потому что у вас все равно как священники, так и светские не преследуются от начальства, а по сему лучше, чем у нас в России, и не будут отказываться у вас хорошие люди от приятия святительского сана, и может чрез сие безопасности хранится в Церкви Христовой чин епископства. Но если же, чего только сохрани Боже, по какому либо случаю нечаянно выбудут все заграничные епископы, то Российское правительство очень легко может их, т.е. православных епископов, до конца решить во святей Церкви. Можно предполагать, что только из заграничных епископов и ослаблено нам от самого строгого вида преследование оным. Если же Господь Бог укажет вам таких людей и поможет по нашему совету предлагаемое исполнить, то при составлении их разделите им слободы наподобие епархий для того, чтобы после не делали друг другу стеснений. 19 ноября 1868 г.» [ОР РГБ. К. 172. Д. 2. Л. 153–154].

В письмах конца 1868 г. присутствует явное противоречие: Гончаров пишет, что у них в настоящее время нет людей, способных вести за собой паству, московские духовные власти предлагали ему провести по старому обычаю выборы. С одной стороны, это был важный шаг по сохранению древних традиций, что было возможно в относительно благоприятных, с точки зрения преследований, условиях зарубежных епархий. С другой стороны, этот совет преследовал цель утвердить духовную дисциплину и призвать христиан к созиданию и укреплению Белокриницкой иерархии в зарубежье. Направление же епископа из Москвы было весьма опасным в условиях слежки и притеснений.

Переписка Архиепископии позволяет выявить ряд имен настоящих подвижников из среды обычных мирян, получавших почту, выполнявших разные поручения по передаче денег, книг, икон и т.п., что было делом достаточно нелегким и просто опасным. Это не только постоянный ходатай И. С. Гончаров, но и упомянутые Иосиф Савельевич Галкин, Василий Васильевич Фомин – яский купец, а также Федор Николаевич Добрынин из Белгорода.

8 сентября 1874 г. архимандрит Силуян со всею братией из Архангельского монастыря на Дунае [11, с. 26] писал: [По молитве] «7 сентября прибыл к нам в

монастырь Иосиф Савельевич господин Галкин и вручил нам письмо Вашего Высокопреосвященства от 24 августа, при котором и 600 руб. денег для нашего монастыря припроважденныя Вами.<...> И совместно со всею братией приношу Господу Богу благодарение, ровно и вашему Боголюбию за пролитую к нам, нищим, великою милостыню». После череды благодарностей и добрых пожеланий, следовала роспись необходимых строений и благоустройств и новые просьбы о помощи: «Братское расположение. Сделать трапезную теплую церковь. У нас построена церковь пространныя и нет возможности зимой натопить её, под одной крышею и в одних стенах сделано 8 келий, и я думаю, кельи те поломать и сделать алтарь, трапезу и келарню и хороший будет покой зимний, а для лета на настоящей церкви воздвигнуть кунпол и будет такой летний покой. Такое наше расположение. Аще будет Вам угодно, пришлите свое благословение и изволения, пождем оно. И ради Христа, помогите милостынею, и о всех наших обстоятельствах расскажет Иосиф Савельевич». [ОР РГБ. Ф. 246. К. 177. Д. 3. Л. 105–105 об., 106 об.]

3 сентября того же года писали сестры одного из монастырей (не указан): «По молитве. Высокопреосвященному господину нашему Архиепископу Антонию о Господе радоваться. При сем мы смирения все сестры наша убогия обители со смирением припадаем к честным стопам ног Ваших и просим Вашего прощения и благословения и святых ваших молитв, и тако извещаем Вам, что мы имели счастье получить от Вашего посланника Иосипа Савельевича 200 рублей серебром сего текущего сентября 3-го, за которые мы Вас вседушно благодарим, и на все дни и на все дни возсылаем теплые молитвы к Богу за Ваше отеческое благоустройство. Продлит Вам Господь в сем мире жизнь Вашу, а в будущем веке вознаградит Вас неувядающем венцем. Мы только на Бога имеем надежду и на Ваше покровительство, что Вы наша нищеты всегдашние благодетели, и тако пребудет навсегда. Ваши недостойные молитвенницы, и впредь просим Вашего неоставления. Настоятельница инокиня Иринарха, инокиня Анфиса со всеми о Христе сестрами земно Вам кланяемся». [ОР РГБ. Ф. 246. К. 177. Д. 3. Л. 121–121 об.]

О деятельности В. Фомина убедительно повествуют его письма. 24 сентября 1868 г. из Ясс к владыке Антонию: «Прошу вашего Архипастырского мира и благословения и св(ятых) молитв. Честь имею уведомить вас, что письмо ваше от 4 сентября получил 23 сентября, вместе и от 10 сентября. В первом, Вы изволите извещать, что 4 сентября выслали деньги в Киев и Белгород следующие А. Варсонофию и Евфросину, во втором извещаете, что 7-го сентября скончался раб божий Андрей, и чтобы они молились о нем. Я тот же час вчерашнего дня послал к обоим и просил их, чтобы немедленно написали ответы <...>. Извещаю вас, что иконостас икон уже доставлен в М(алые) Скуляны¹. Завтрашнего дня надеемся иметь его в Яссах. Спаси вас Христос и Царица небесная за ваше

---

¹ По данным Брокгауза и Ефрона, это местечко Бессарабской губ., Ясского у., при р. Пруте, на границе с Румынией, где находились пограничная почтовая контора, здание карантин и таможенная застава.

усердное попечение о Церкви святой. Вы изволите писать, что я писал к Ивану Петровичу о соборе. Я прежде написал вам, а после того Иван Петрович просил, чтобы непременно прислать подробное действие собора, тогда я написал, но не знал, что оно послужит во вред. Теперь более писать не буду. Затем желаю вам многолетнего здоровья и благоденствия. Остаюсь с истинным почтением навсегда доброжелатель и слуга покорный...» [ОР РГБ. Ф. 246. К. 177. Д. 3. Л. 142]. Письмо лаконично и даже несколько деловито, но затрагивает ряд, без сомнения, животрепещущих вопросов и показывает, сколь широк был диапазон действий Фомина не один год.

Об этом свидетельствует другое его письмо, написанное владыке Антонию 12 декабря 1874 г.: <...> Честь имею уведомить вас, что письмо Анисима Васильевича [10], по приказанию вашему, я получил, и по оному мы написали просительные письма к различным лицам за подписом нашего священника и прочих лиц из числа общества. Владыка святей, приступая к начатию сооружения храма Пресвятыя Богородицы в Яссах¹ и продолжая оное, я был твердо уверен, что построение это никогда не будет без вашего благодеяния. И вспомоществование, которые всегда оказываемо вами без малейшей остановки, в этом уповании, я приложил все мое усердие и старания относительно сооружения святого храма, не получа пока на сие ещё пожертвования, и дабы это не приостановить не во время, я был вынужден продолжать работу, ибо такая подошла работа, что невозможно было оставить, на что употребил все силы и старания, чтобы совершенно покрыть жестью все куполы, но не было возможности, захватили морозы и снег в начале месяца ноября, и тогда принуждены были остановить работу до будущей весны. Продолжая работу до такого времени, я употребил своих денег более 5 тысяч, чрез то я сам себя весьма отяготил, нужно было непременно в Белгород к г(осподину) Добрынину Федору Николаевичу 1000 руб., то же в Киев в контору г(осподину) Г. Мальцову 500 руб., за которые я надеялся, что будут высланы от вас, но между тем высылка не состоялась. Выслать же из Ясс, я не мог, потому что употребил много денег на церковное строение, и эта не высылка денег причинила мне не малую остановку в торговле и даже неудовольствие с лицами, с которыми я вел коммерцию не малое время. Я потому и обращаюсь к вам, владыко святей, с всепокорнейшей просьбою избавить меня от незаслуженных мною неприятностей. Во избавление таковых покорнейше прошу вас выслать в Белгород г(осподину) Добрынину 1000 руб., также и в Киев в контору

---

¹ «Первых старообрядческий храм был построен на левом берегу реки Бахлуйя в 1780 г. В 1866 году храм сгорел, и на его месте в течение 1872-1882 гг. был построен новый каменный храм, который сохранился и донныне. Архитектором этого храма был румын Эмилиан Штефан, но строительство велось по всем канонам православного зодчества под тщательным наблюдением попечителя храма, старовера Василия Фомина. Пока храм строился, староверы молились в стоящем в той же церковной ограде небольшом зимнем храме во имя свв. ап. Петра и Павла. В настоящее время храм во имя Успения Пресвятой Богородицы находится на улице Димитрия Мангерон, в самом центре города». Портал «Самарское староверие». Электронный ресурс. Код доступа samstar.ucoz.ru» Статьи»39-1-0-217.

Мальцова Василию Демьяновичу Беззаботнову 1000 руб. для уплаты долгу за употребление материалов на построение церковное.

Владыка святой, если милость ваша будет исполнить мою просьбу в этом месяце, а наипаче всего, чтобы выслать к г(осподину) Добрынину, то можно избежать неприятностей, а если высылка денег продлится далее, в таком случае нельзя ожидать хорошего результата. К г(осподину) Шибяеву Исидору Мартыновичу послали просительное письмо, так же к брат(ьям) Банкетовым и к брат(ьям) Рахмановым, просили их. Если что Господь по сердцу положит им пожертвовать, то чтобы вручили вам или г(осподину) Ивану Ивановичу Бутикову.[12] Вся моя надежда на вас, владыка святой, и уверен, что вы меня обрадуете, и снимите с меня такое тяжкое иго.

С получения сего прошу вас уведомить меня. И так пожелав вам многолетнего здравия и благоденствия и высокаторжественный праздник христово Рождества дожидаться в здравии и благополучии и праздновать в духовной радости. За тем остаюсь с истинным почтением и преданностью навсегда слуга ваш покорный Василий Васильевич Фомин. Яссы.

Погода в нас стоит теплая, и вместо снега проходят дожди. Владыка святой, если Господь пошлет своим милосердием пожертвовать от усердных христоролюбцев, и будет сумма 4000 руб., тогда прошу выслать Добрынину 1500 руб., и ко мне в Яссы 1500 руб., и г(осподину) Мальцову, как выше писано, 1000 руб. Помози царица Небесная, чтобы так исполнилось» [ОР РГБ. Ф.246. К.177. Д.3. Л.308-309].

Письмо – настоящий крик души, со всей яркостью передает обстановку строительства храма и невероятные личные усилия Василия Фомина, и помощь Митрополии и «всего мира».

Нет необходимости вновь говорить о важности изучения эпистолярного наследия как исторического источника. На наш взгляд, даже этот небольшой срез старообрядческой переписки 1860-70-х гг. значительно пополняет и расширяет наши представления о последователях старой веры, об их подлинной жизни со всеми трудностями, противоречиями и духовным подвижничеством.

***

1. Агеева Е.А. Благотворительность как часть традиционной культуры старообрядцев Белокриницкой иерархии в конце XIX – начале XX в. В переписке общин Бессарабии и Московского Рогожского кладбища // Традиционная культура. 2009. №1 (33). С. 105-111.

2. Агеева Е.А. Династия Богатенко в культурно-общественной жизни Москвы в первой трети XX века // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): сб. научных трудов. Вып. 4. М., 2010. С. 301-309.

3. Агеева Е.А. Из истории хора и певческого рукописного наследия Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища в конце XIX – первой четверти XX века // актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д.В. Разумовского): сборник статей. Гимнология. Вып. 6. Научно-издательский центр «Московская консерватория». М., 2011. С. 512-523.

4. Агеева Е.А. Генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович Романов против архиепископа Савватия и Рогожского кладбища в Москве // Старообрядчество в России XVII-XX вв.: сб. научных трудов. Вып. 5. М., 2013. С. 457-483 .
5. Агеева Е.А. Старообрядцы в Спасо-Евфимиевом монастыре // Спасо-Евфимиев монастырь в истории и культуре России (к 650-летию основания монастыря): материалы научно-практической конференции / Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2001. С. 54-67.
6. Агеева Е.А. Гуслица // Православная энциклопедия М., 2006. Т. XIII. С. 503-509.
7. Агеева Е.А. Гончаров Иосиф Семенович // Православная энциклопедия. М., Б.г. Т. 12. С. 81-83.
8. Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Изд-во БГПУ, 1999.
9. Панкратов А.В. Аркадий // Православная энциклопедия. М., Б.г. Т. 3. С. 268-269.
10. Панкратов А.В. Арсений (Анисим Васильевич Швецов) // Православная энциклопедия. М., Б.г. Т. 3. С. 419-420.
11. Смилянская Е.Б., Денисов Н.Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая традиция. М.: Индрик, 2007.
12. Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2012. С. 197-205.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА МЕСТЕ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ ЮРЬЕГОРСКОЙ ПУСТЫНИ

Статья по итогам охранных археологических работ 2013 г. на месте Троицкого Юрьегорского монастыря, основанного прп. Диодором Юрьегорским в конце 1620-х гг. (территория Водлозерского национального парка в Онежском районе Архангельской области). В результате исследований были определены места захоронений св. прп. Диодора и Прохора. Работы проводились в связи с планируемым воссозданием Троицкой церкви.

Ключевые слова: Диодор Юрьегорский, Юрьева гора, монастырь, храм, погребение, археологические раскопки.

Article on the results of archaeological work in 2013 on the site of Trinity Yuregorskogo monastery, founded Venerable. Diodorus Yuregorskim late 1620s. (territory Vodlozersky National Park in the Onega district of Arkhangelsk region). The studies were identified burial sites of St. Venerable. Diodorus and Prochor. Work was carried out in connection with the planned re-creation of Trinity Church.

Keywords: Diodorus Yuregorsky, St. George's Hill, monasteries, temples, burial, archaeological excavations

Свято-Троицкая Юрьегорская обитель, основанная в 1626–1629 гг. постриженником Соловецкого монастыря Дамианом (в схиме Диодором), была одним из самых труднодоступных монастырей Русского Севера. Располагалась она близ границы современных Архангельской области и Республики Карелия в бассейне реки Илексы, на северо-западном возвышенном берегу озера Монастырского (рис. 1). Вот как описана вновь созданная обитель в сохранившейся писцовой книге 1628–1629 гг., составленной князем Иваном Долгоруковым и подьячим Постником Раковым: «В Новгородском уезде в Заонежских погостах, в Водлозерском стану, в чёрных волостях, пустошь, что была деревня на Юрьеве Горе Июдка Васильев <...> А ныне на той пустоши устроен монастырь вновь, а в монастыре церковь Живоначальная Троицы, да другая церковь Пречистые Богородицы Введение, да у той же церкви придел великих чудотворцов Зосимы и Савватия, обе деревянные, клетчки. А в церквах образы и сосуды церковные, и ризы и книги и всякое церковное строение матери царя Михаила, государыни великие старицы иноки Марфы Ивановны и иных вкладчиков. А в монастыре же четыре кельи братских, в них живут священник,

да старцев двадцать четыре человека, а строил тот монастырь Соловецкого монастыря постриженник, старец Демьян со 134 (1626) году. <...> А жилые деревни к тому монастырю не подошли. А от того монастыря жильё – деревни верст шестьдесят и больши...» [2, с. 788–789].

При первых представителях правящей династии Романовых Юрьегорская обитель пребывала под личной государевой опекой и в документах называлась «царским богомольем». Однако XVIII век, с его жесткой государственной политикой в отношении черного духовенства, оказался для монастыря временем непростых испытаний. Так, например, известно, что в 1721 г. Юрьегорская Демьянова пустынь теряет самостоятельность и на 7 лет приписывается к Каргопольскому Спасскому монастырю [2, с. 801]. И если в 1725–1726 гг. здесь еще проживали 18 насельников [4, с. 65; 5, с. 43], то в 1741 г. числились уже лишь 4 монаха [5, с. 45]. Накануне секуляризационной реформы 1764 г. монастырь всё же имел два деревянных храма, «особь стоящую» колокольню, настоятельскую, казначейскую и братские кельи, баню, амбары, кожевню, гумно с ригой. В его церквях сохранялись старые иконы в дорогих окладах и серебряные богослужебные сосуды – по преданию, дары царицы-инокини Марфы Ивановны [4, с. 84; 10, с. 116–120].

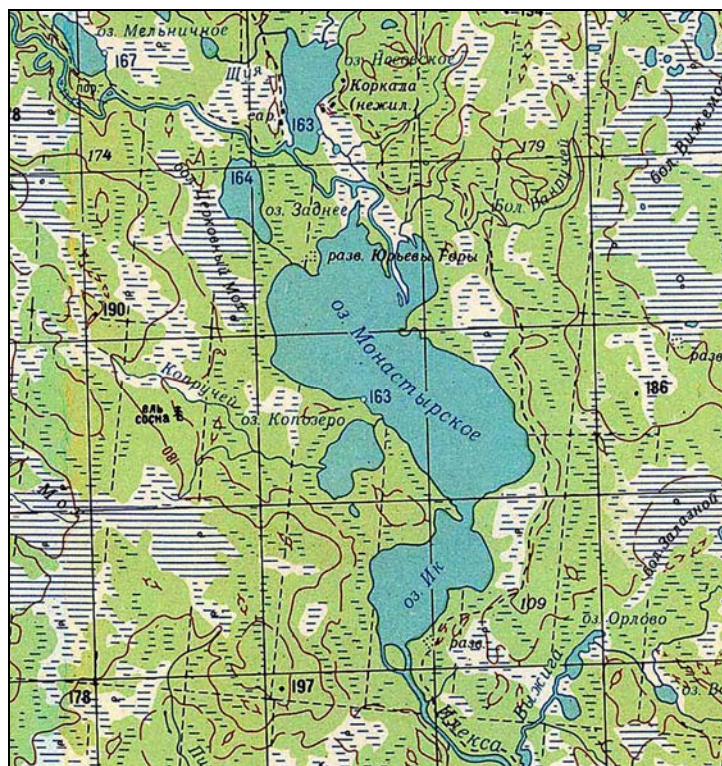

Рис. 1. Онежский район Архангельской обл. Район озера Монастырского. Фрагмент современной топографической карты

В 1764 г. Юрьегорский монастырь был закрыт и преобразован в обычный сельский приход. Оставшиеся монахи были переведены в штатные и заштатные монастыри Олонецкой и Каргопольской епархии: «А монашествующия двое в Климецкой монастырь высланы, а в Александро-Ошевенской монастырь выслан из них монашествующих один Гавриил, а Родион имеется болен, почему ево оттуда и вывести, за непроходимыми болотами, до настоящего зимнаго пути никак не возможно; а Лаврентий волею Божию умре...» [2, с. 802]. В 1769 г. при Троицкой церкви бывшей Юрьегорской пустыни уже находился причт, состоящий из священника Семена Никитина и дьячка Карпа Федорова [4, с. 84].

Как и в XVII веке, сейчас это место удалено от ближайшего человеческого жилья на 70 с лишним километров и лежит посреди непроходимых болотных топей и дремучих таёжных суземков. В наши дни добраться сюда в летний период своим ходом практически невозможно.

Монастырь занимал вершину и склоны Юрьевой горы, живописно возвышающейся над всей безлюдной окрестностью. Однако, несмотря на удаленность и труднодоступность этого места, ныне уже положено начало работам по возрождению Свято-Троицкой Дамиановой пустыни. По инициативе основателя и первого директора Водлозерского национального парка, иерея Олега Червякова, в 2013 г. на Юрьевой горе построена и освящена часовня над местом кельи прп. Диодора. Здесь же был заложен фундамент деревянного Троицкого храма, сруб которого уже изготовлен плотницкой артелью и ждет перевозки из деревни Варишпельда.

В июле 2013 г. ФГБУ «Национальный парк “Водлозерский”» и приходом храма во имя прп. Диодора Юрьегорского с. Куганаволок и храма Спаса Нерукотворного Образа в д. Варишпельде (Петрозаводская и Карельская епархия Русской Православной Церкви) автор этих строк был приглашен в качестве специалиста-археолога для осуществления необходимого архитектурно-археологического надзора за строительными работами на Юрьевой горе. Помимо проведения научных и охранных мероприятий, автору была поставлена нелегкая и ответственная задача обнаружения, обследования и фиксации точного места захоронения основателя Свято-Троицкой Юрьегорской обители, прп. Диодора, и его главного ученика и сопостника, прп. Прохора Юрьегорского – судьба и современное местонахождение честных мощей этих двух преподобных, включенных в Соборы Новгородских и Соловецких святых, были никому не известны.

Исследования на месте Троицкого храма

Необходимость проведения срочных охранных археологических работ на Юрьевой горе была вызвана тем, что на месте древнего Троицкого храма в 2013–2014 гг. планируется начать возведение новой деревянной церкви. Её проект был разработан в ФГБУ «НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН» кандидатом архитектуры А.Б. Бодэ (г. Москва) по заказу ФГБУ «Национальный парк “Водлозерский”». Инициатива строительства храма исходит от иерея Олега Червякова, настоятеля храмов во имя прп. Диодора

Юрьегорского с. Куганаволок и Спаса Нерукотворного Образа в д. Варишпельде. Цель нового строительства на Юрьевой горе – отметить место молитвенных подвигов и захоронения прп. Диодора и Прохора Юрьегорских и запечатлеть память об основанном ими монастыре.

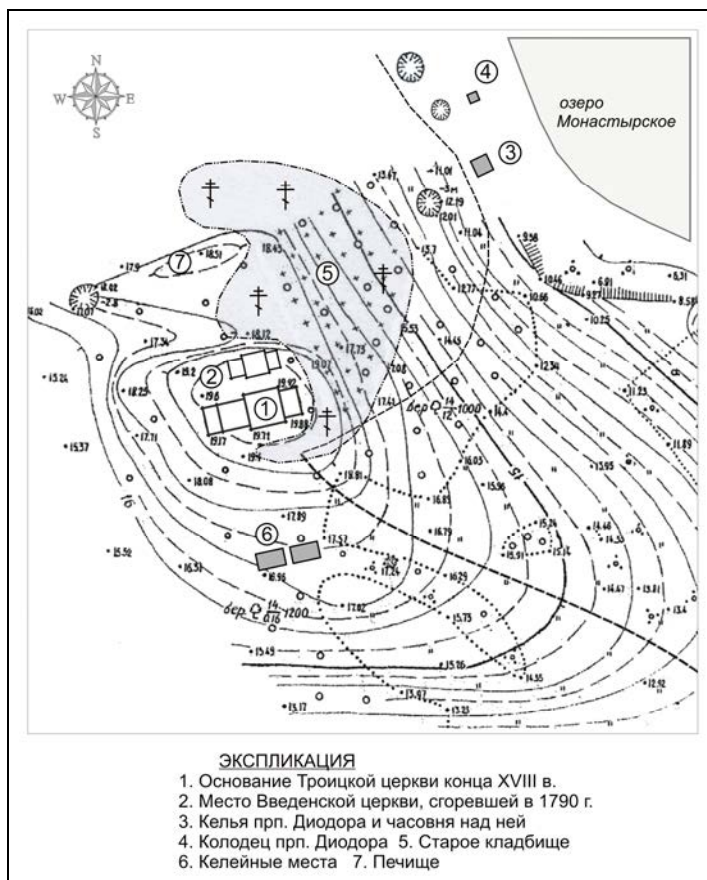

Рис. 2. Опорный план Свято-Троицкой Юрьегорской Дамиановой пустыни

Проведенные нами работы включали в себя:

1. Сбор исходных данных и обобщение архивных и опубликованных материалов по объекту исследований – Троицкому храму Свято-Троицкой Юрьегорской Дамиановой пустыни.

2. Натурные изыскания – обследование остатков памятника на местности, обмеры и фотофиксация его современного состояния, заложение архитектурных зондажей и шурфов¹.

3. Поиск и изучение мест захоронений основателя Юрьегорской обители прп. Диодора и его ученика прп. Прохора – современное местонахождение и со-

¹ В исследованиях на Юрьевой горе принимали активное участие Валерий Михайлович Гудым, о. Олег Червяков и Александр Гришин. Выражаю им искреннюю признательность за организацию работ и помощь на раскопе.

стояние честных мощей этих двух святых были никому неизвестны, так как точное расположение их могил со временем было забыто.

4. Прогнозная оценка воздействия строительства новой церкви на сохранность архитектурных остатков памятника деревянного зодчества, культурный слой и некрополь бывшего монастыря на стадиях строительства и дальнейшей эксплуатации.

5. Надзор за производством земляных работ, связанных с возведением фундаментов нового храма, просмотр и ручная переборка выкапываемого грунта с целью сбора археологического материала и архитектурных остатков.

6. Научный анализ и обобщение полученных материалов, подготовка научного отчета по итогам работ и выработка рекомендаций по обеспечению сохранности памятников архитектуры и археологии на Юрьевой горе.

Краткое описание раскопа 2013 г.

Контур деревянного Троицкого храма, построенного в последних годах XVIII в. и частично разобранного в довоенное время, ныне хорошо просматривается по сохранившимся под мхом и дерниной остаткам бревен нижнего венца, лежащим *in situ*. Остатки окладного венца церкви дошли до нас, главным образом, в виде затянутых мхом невысоких валов древесного тлена и гнилых бревен, на глазах распадающихся в труху. Но некоторые участки брёвен и узловые соединения рубки «в обло» всё же до сих пор имеют вполне удовлетворительную сохранность (рис. 3).

Рис. 3. Угол нижнего венца сруба Троицкого храма 1796 г.

Все видимые участки сруба нами были расчищены от растительности и тщательно зафиксированы. Точные географические координаты церковного места, снятые с помощью GPS-приемника: широта – N 62°53'28.1"; долгота – E 037°03'37.4". В церкви было два престола – во имя Живоначальной Троицы и Введения во храм Пресвятой Богородицы. В юго-западном углу основного объёма находился придел во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Храм считался «теплым» – в северо-западном углу трапезной стояла большая кирпичная печь, от которой ныне сохранился лишь оплывший бесформенный развал. При его внимательном осмотре найден фрагмент литой чугунной дверцы поддува топочной камеры с рельефной жанровой композицией.

Размеры кирпича, использовавшегося в кладке печи:

№	Длина	Ширина	Высота
1	23,5 см	9,5 см	6,4 см
2	22,5 см	8,9 см	6,9 см
3	23,0 см	9,0 см	6,6 см
4	24,0 см	9,5 см	6,5 см
5	обломан	11,5 см	7,0 см
6	обломан	11,0 см	6,5 см

Остатки постройки ориентированы по оси запад-восток с незначительным отклонением к северу. Если судить по размерам основания, храм являлся довольно крупным архитектурным сооружением – его длина превышала 23 м при ширине основного объёма ок. 9 м. Деревянная пятиглавая Троицкая церковь с высокой шатровой колокольней была возведена на самой вершине Юрьевой горы, на высоте порядка 20 метров над урезом воды в озере Монастырском (рис. 2). Судя по сохранившимся архивным чертежам, планам и историческим описаниям, в XIX веке прихрамовая территория была окружена рубленой оградой с четырьмя воротами и угловыми башенками (рис. 10). Сразу за алтарем церкви располагался древний некрополь, занимавший значительную часть северо-восточного склона Юрьевой горы. При внимательном осмотре местности вокруг разрушенного храма нам удалось обнаружить и фрагментарно сохранившиеся участки валунного основания бывшей церковной ограды, и следы довольно обширного грунтового могильника площадью в несколько сот квадратных метров.

Кладбище сильно заросло лесом, старые могилы здесь определяются по рядам и скоплениям полуоплывших продолговатых земляных холмиков. Ближе к храму имеется несколько захоронений с характерными валунными обкладками могильного холмика по всему периметру, очень напоминающие средневековые жальничные погребения Новгородчины.

Наш рекогносцировочный раскоп размерами 4 x 4 м был заложен внутри сруба окладного венца центральной части Троицкого храма, вплотную к сохранившемуся южному бревну четверика (рис. 4, 5).

Рис. 4. Юрьева гора. Раскоп 2013 г. На месте Троицкого храма. Общий вид

Выбор места раскопа был далеко не случаен. Из имевшихся в нашем распоряжении архивных документов, чертежей и описаний следовало, что именно в Троицкой церкви, близ её южной стены («на полуденной стороне», «где в одном аршине почивают мощи преподобного Диодора»), в высоком холодном подклете, превращенном в часовню-усыпальницу, располагалась рака, установленная над местом погребения чтимого святого. Изначально рака-надгробница, покрывшая место, где под спудом покоились мощи прп. Диодора, была деревянная, но в начале XX в. (до 1916 г.) она, изрядно изветшавшая, была заменена на новую, металлическую.

Чтобы избежать случайного повреждения могилы и св. мощей при строительстве новой церкви, было необходимо точно, до сантиметра, определить место и глубину захоронения. После снятия покрова дерна и мха верхний горизонт напластований на всей площади раскопа был представлен однородным бурым рыхлым слоем древесного тлена. Толщина слоя достигала 15–20 см. Здесь же было расчищено два полуистлевших толстых бревна, лежавших параллельно в направлении северо-запад – юго-восток. И тлен, и бревна являются остатками той части деревянных стен и перекрытий, которые оставались гнить на месте после разборки церковного здания. При тщательной расчистке этих напластований были найдены отдельные сохранившиеся фрагменты деревянной позолоченной резьбы от иконостаса или крупного храмового киота, битое оконное стекло, многочисленные кованые гвозди четырехгранного сечения. Ниже слоя строительных остатков залегала тонкая, едва уловимая при расчистке и не везде сохранившаяся

прослойка темного гумуса, которая интерпретирована нами как натоп, отложившийся в подклете Троицкого храма за время полуторавековой жизни памятника.

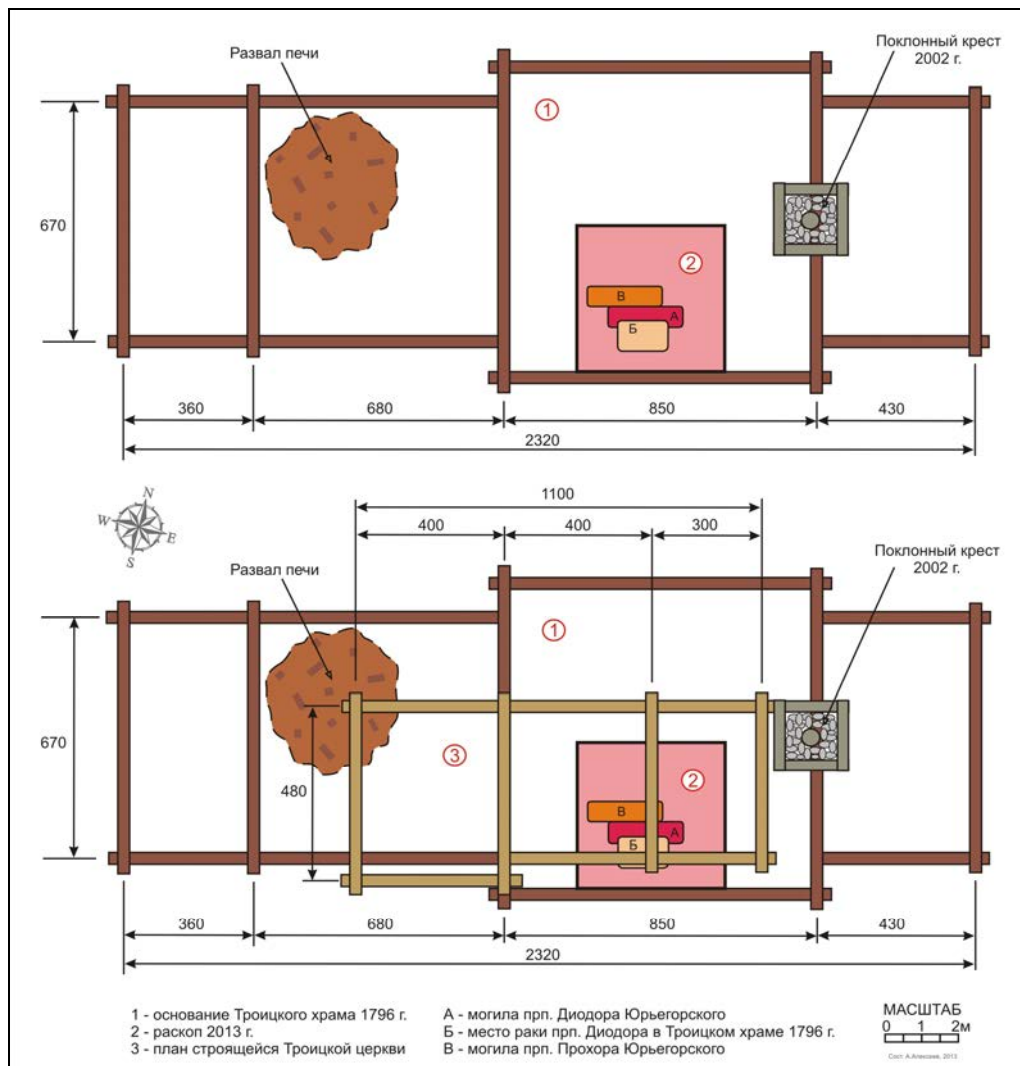

Рис. 5. Юрьева гора. Планы и обмеры Троицкого храма 1796 г. с обозначением места раскопа 2013 г. и новой строящейся церкви

Из находок этого горизонта следует отметить обломки стеклянной лампадной чашечки с рельефным рисунком, звено цепи и ажурную консоль для подвешивания самой лампы, несколько медных российских монет XIX – начала XX в., фрагменты тонкого (ок. 1,5–2 мм) бесцветного прозрачного стекла от киота, части медного тисненого оклада иконы. Ниже по всему раскопу залегал слой пожарища, представленный завалами древесного угля, фрагментами обугленных плах и бревен, зольно-угольными скоплениями и линзовидными пятнами. Мощность слоя варьировала от 5–7 до 13–15 см. Горизонт пожара подстилался сильно

прокалённым песком с пережженными камнями и мелким дисперсным углем. При разборе пожарища было найдено несколько датирующих находок. Это медные монеты регулярного российского чекана XVIII в. В горелом слое неоднократно попадались бесформенные слитки и капли меди от каких-то расплавленных в огне предметов. Здесь же были найдены кусочки слюды от оконниц (некоторые со следами копоти), кованые гвозди с окалиной, фрагменты частично ошлакованных и деформированных печных кирпичей с оплавленными (оплывшими) боковинами и торцами. Всё указывает на то, что предшественник последнего Троицкого храма, построенного в 1796 г., погиб в огне мощнейшего пожара. Температура горения при этом была столь высока, а время пожара столь продолжительно, что полностью расплавились медные предметы, находившиеся в интерьере здания. Более того – кирпич из церковной печи¹ также подвергся сильной деформации под воздействием огня. Всё это может говорить только об одном – в огне ужасного по силе пожара погибла отнюдь не малая постройка, а грандиозное по своим размерам сооружение!

Благодаря работе К.А. Докучаева-Баскова мы знаем, что в 1790 г. в Юрьегорском приходе произошел трагический случай – от удара молнии здесь сгорели оба храма – и Троицкий, и Введенский [2, с. 812]. Судя по всему, они располагались на вершине горы рядом друг с другом, так что огонь легко перекинулся с одной постройки на другую. Вероятно, это был классический тип композиции культового ансамбля – так называемый северный тройник, состоящий из двух церквей и колокольни. При этом исследователь пишет, что пожар уничтожил древние церкви, построенные самим преподобным Дамианом. Однако это неверно! В огне пожара 1790 г. погибла не та небольшая скромная Троицкая церковь клетского типа, которая была срублена еще при первых насельниках обители в 1627–1629 гг. Как мы уже сказали выше, археологический контекст места пожара определённо указывает на то, что огонь поглотил очень большое архитектурное сооружение, не уступающее по своим габаритам Троицкому храму 1796 г. Но как же объяснить такое вопиющее противоречие? Всё встало на свои места и все вопросы отпали, когда мы внимательно перечитали один из документов, опубликованный К.А. Докучаевым-Басковым. Так, в описи Юрьегорской обители, составленной в 1765 году (т. е. за четверть века до пожара 1790 г.) по указанию канцелярии Каргопольского Духовного Правления, числилась «церковь Живоначальная Троицы деревянная **пятиглавная**» с приделами святителя Николая Чудотворца и Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Под церковью находилась гробница Чудотворца Диодора с украшенной ракой [2, с. 803–806]. Упомянутый в документе пятиглавый храм с двумя большими приделами никак не может отождествляться с тем первым клетским памятником, возведен-

---

¹ По документам известно, что сгоревшая Троицкая церковь была холодной. Но не исключено, что в какой-то из этапов жизни памятника в одном из его приделов была сложена небольшая печь для отопления (частичного) в зимнее время года – такие случаи известны.

ным еще при жизни прп. Диодора. И новые данные археологии на это также однозначно указывают.

Но когда же первоначальная клетская церковь была заменена большой пятиглавой? Судя по всему – в середине XVII в. И случилось это опять же по причине пожара – той беды, которая из столетия в столетие традиционно преследовала наши деревянные храмы, иной раз существенно сокращая их и без того недолгий век. Сейчас мы можем со всей определённо сказать, что древнейшая Троицкая церковь Юрьегорской пустыни также была уничтожена огнём пожара, причем произошедшего еще при жизни преподобного Прохора – первого ученика и сомолитвенника Диодора. Но свою аргументацию этому выводу мы приведем ниже.

При расчистке прокаленного песка, подстилающего слой пожара 1790-х гг., была найдена одна чрезвычайно важная датирующая находка – проволочная серебряная копейка ручного чекана времени царствования Михаила Федоровича (рис. 6). На лицевой стороне монеты изображен всадник с копьем, по сторонам от фигуры литеры «К» и «Ц» («князь» и «царь»), под конём слово «Москва» в форме «ОС/МК». Плохо прочеканенная оборотная сторона несет многострочную надпись: «царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси». Копейка была отчеканена на Московском денежном дворе после 1626 года [8, с. 173–175]. То есть эта находка относится ко времени возникновения – самого начального этапа устройства Юрьегорской пустыни. Вполне вероятно, эта монета попала сюда из Москвы, будучи привезенной самим Диодором в составе той значительной суммы (500 с лишним рублей), полученной им от матери царя, великой инокини Марфы Ивановны, и от других христоробивых придворных жертвователей на новое «церковное и монастырское строение». До этих пор прп. Диодор не имел у себя на Юрьевой горе «ни единыя медницы» [2, с. 783–785].

Рис. 6. Серебряная копейка времени правления Михаила Федоровича из раскопок на Юрьевой горе

Еще перед разбором горизонта пожарища 1790-х гг., при зачистке поверхности углистого слоя, в 67 см к северу от бревна южной стены Троицкого храма 1796 г. было выявлено большое пятно мелкофракционного песка палевого оттенка. Пятно имело довольно четкий контур и представляло собой в плане прямоугольную фигуру размерами 135 x 76 см, ориентированную четко по храму. При разборе оказалось, что это песчаная подсыпка под какое-то основание. Толщина подсыпки достигала 10–12 см. Скорее всего, эта подсыпка была сделана под основание раки прп. Диодора, которая находилась в высоком подклете церкви, в одном аршине от её южной стены. Немного смущали пропорции пятна – продольный размер в 1,35 м не мог соответствовать длине могильной ямы под средний рост взрослого человека. Но припоминая близкие пропорции сохранившегося до наших дней деревянного футляра-надгробницы над местом захоронения прп. Кассиана Муезерского († в конце XVI в.) в бывш. Свято-Троицком Муезерском монастыре (расположен на острове Троица посреди оз. Муезера в Северной Карелии), мы укрепились в своей правоте. К тому же, рядом с песчаным пятном концентрировались находки фрагментов подвесной медной лампы со стеклянным стаканом для масла – вероятно, той самой лампы, что неугасимо горела в часовне под храмом у раки прп. Диодора. Однако при зачистке материка под местом раки, никаких признаков древней могилы мы не обнаружили – ниже палевой песчаной подсыпки здесь лежал лишь большой природный валун со слегка обгоревшей вершиной.

После прокопа прокаленного в пожаре песка мы снова сделали тщательную зеркальную зачистку поверхности материка. И только после этого проявился характерный прямоугольный контур так ожидаемой нами могильной ямы! Могила точно повторяла ориентацию храма, но была смещена от места основания ковчега к северу настолько, что стоявшая здесь некогда памятная надгробница лишь слегка накрывала её южную часть (рис. 5). Точные промеры показали, что яма располагалась в 125 см к северу от южной стены Троицкого храма и имела размеры: длину 200 и ширину 57 см. Заполнение могилы – рыхлый желтоватый песок с небольшими пятнами серой супеси и единичными вкраплениями древесных угольков. Но почему рака не полностью накрывала могилу святого, а была смещена к югу на 60 см? Тут может быть лишь одно возможное объяснение – после пожара Троицкой церкви в 1790-х гг. точное расположение места захоронения преподобного Диодора было утрачено. Над его могилой тогда грудились лишь бесформенные завалы обгоревших брёвен и угля от погибшей в пламени постройки. Все четкие ориентиры для верного определения местонахождения св. мощей во многом были размыты, сглажены – место могилы смогли указать лишь приблизительно. И потому не удивительно, что по возведении нового храма в 1796 г. обновленная рака была установлена не совсем там, где располагалась предшествующая деревянная надгробница, упомянутая в описи Юрьегорской обители, составленной в 1765 году.

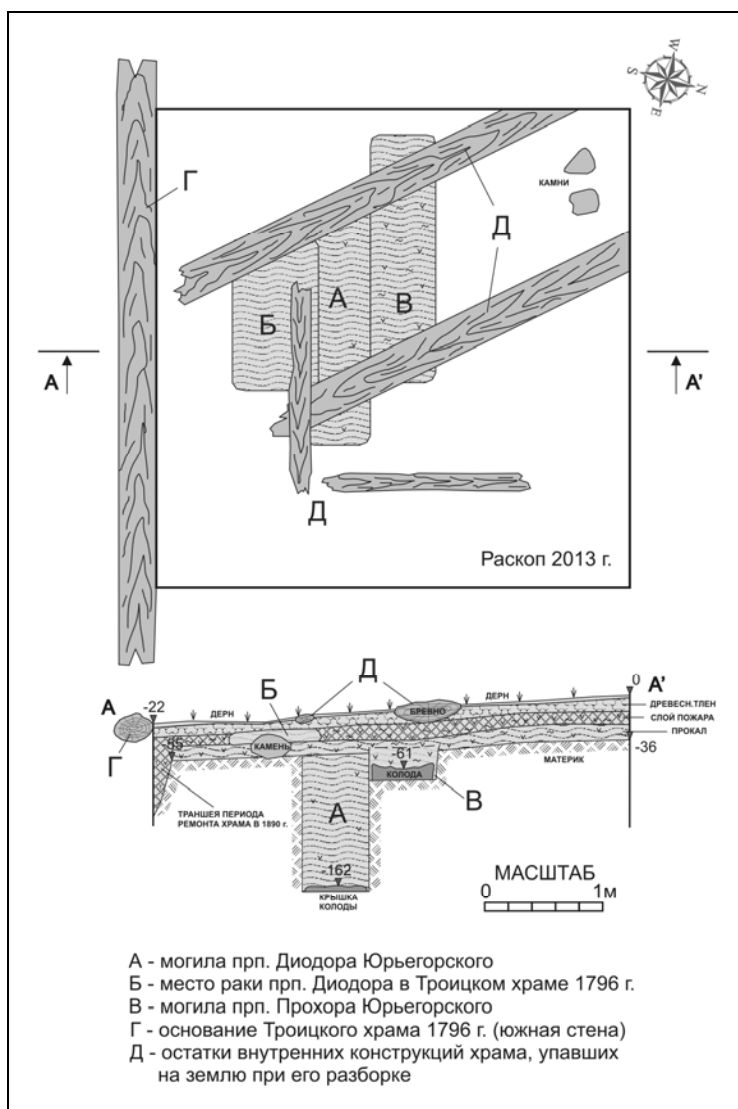

Рис. 7. Сводный план и стратиграфический разрез раскопа 2013 г.

Зачищая в раскопе поверхность могилы прп. Диодора, мы обратили внимание на довольно странную особенность грунта на одном небольшом участке к северу от ямы – прокаленный пожаром песок здесь буквально проваливался под нашими ногами. Поначалу мы не придали этому явлению особого значения, но после того, как прошел дождь и раскоп стал постепенно просыхать, на наших глазах здесь вдруг стал проявляться контур второй могилы (!), рыхлое заполнение которой высыхало быстрее плотного материка.

Да, это оказалась прямоугольная в плане могильная яма, вплотную примыкающая к северной стенке могилы прп. Диодора. Её размеры близки параметрам первой ямы – длина 206 см; ширина варьируется от 54 до 60 см. Однако вторая могила смещена по отношению к первой к западу на 52 см – т.е. они лишь час-

тично соприкасаются своими боковыми стенками. Заполнение ямы – рыхлый крупнозернистый прокаленный песок коричневатого оттенка с включениями мелких древесных угольков и зольных пятен аморфных очертаний.

Неожиданное обнаружение второй могилы сразу поставило перед нами два сложных вопроса: 1. Кто погребен в этой могиле? 2. Какая из могил более старая, а какая копалась позже? А быть может, они синхронны?

Чтобы снять эти вопросы, необходимо было вскрыть обе ямы. Ведь только лишь по стратиграфии разрезов заполнений могил можно определить, какая из них копалась первой, а какая второй. К тому же при вскрытии мы получаем важную информацию о глубине залегания самих погребений и их сохранности.

Таким образом, нам ничего не оставалось делать, как приступить к вскрытию обеих грунтовых ям.

Первая могила оказалась довольно глубокой и узкой (рис. 7). Полуистлевшая продавленная крышка деревянной долбленной колоды была расчищена на глубине 162 см от нулевой точки раскопа и 113 см от поверхности материка. Стенки могильной ямы вертикальные, заполнение – однородный желтый песок с единичными мелкими углистыми вкраплениями.

Разбор заполнения второй могилы закончился довольно скоро – яма оказалась совсем неглубока – рыжий тлен полностью истлевшей крышки деревянной долбленной колоды показался на глубине 61 см от нулевого репера и всего 16 см от уровня последней чистовой зачистки поверхности материка. Здесь следует учитывать, что истинная поверхность материка была примерно на 8–10 см выше, но, поскольку она была сильно прокалена в пожаре 1790-х гг., нам пришлось частично её прокапывать – иначе бы планиграфия в раскопе не читалась.

При аккуратной расчистке полосы гробового тлена в западной части могилы под кистью вдруг обнажилась лобная кость хорошо сохранившегося человеческого черепа. Бережно, не касаясь останков руками, мы немного расширили площадь расчистки вокруг головы погребенного, лишь удалив из ямы тлен и рыхлый песок. Остальную часть крышки гроба решено было больше не трогать, чтобы случайно не задеть кости посткраниального скелета. Судя по визуальным признакам (по степени зарастания швов и отсутствию передних зубов на верхней челюсти (прижизненная потеря), расчищенный череп принадлежит человеку уже пожилого или старческого возраста. К сожалению, более точный биологический возраст погребенного мы определить не смогли – для этого в нашем распоряжении пока слишком мало данных. Крышку колоды в первой могиле мы не разбирали и человеческих останков не тревожили вовсе.

Предварительные выводы по итогам обследования погребений:

1. Первая могила оказалась существенно глубже могилы №2. Она и является более ранней. Песчаная подсыпка под основание раки, частично перекрывавшая контур южной могильной ямы, указывает на то, что именно эта могила почиталась как место упокоения прп. Диодора. Глубина и заполнение ямы тоже говорят об этом. Если мы внимательно прочитаем житие святого, то там найдем ответ на вопрос, почему первая могила копалась гораздо глубже: «И по сем Да-

миан прииде в Каргополь монастырского ради орудия и мало дней прибыв в недуг телесный впаде... Старец же призвав священника именем Феодора и исповедався ему и причастився Божиих тайн... и преставися в лето 7142 (1634) г., ноября в 27 день... И погребено бысть тело его под церковь отцем его духовным; и прибыв два месяца исполнь и поя пришед ученик его, Прохор, в Каргополь и взя тело его и привезе на Юрьеву гору, в созданный от него монастырь, его ради старца Дамиана молитв, и погребе его близ церкви Живоначальныя Троицы, от полуденныя страны» [2, с. 793]. В приведенном фрагменте жития чрезвычайно важно указание на то, что останки Диодора были перевезены Прохором из Каргополя на Юрьеву гору и захоронены **не под** Троицкой церковью, **а под открытым небом к югу от неё**, как и предписывал древнерусский погребальный чин. Поэтому могила прп. Диодора копалась довольно глубокой. Редкие включения мелких угольков в её засыпке могут указывать на сезонность захоронения – возможно, февральскую мерзлую землю отогревали костром.

2. Вторая могила копалась спустя довольно продолжительное время после совершения захоронения прп. Диодора. Рискнем утверждать, что рядом с гробницей святого был положен его первый, верный и любимый ученик и сомолитвенник Прохор, который и привез тело своего учителя на Юрьеву гору из далекого Каргополя. К сожалению, мы практически ничего не знаем о прп. Прохоре. Известно лишь то, что скончался он около середины XVII в. Археологический контекст места захоронения человека, достойного чести быть положенным рядом со святым основателем Троицкой обители, позволяет с очень высокой степенью вероятности говорить нам о том, что его погребение совершалось **уже внутри объема нового храма**. Именно поэтому мы имеем дело с очень неглубокой могильной ямой – делать её полутораметровой в подклете церкви не было никакой надобности. К тому же копающие могилу, вероятно, опасались случайно задеть гроб с мощами прп. Диодора. Большое количество угля и золы в засыпке могилы прямо указывает на то, что незадолго до погребения где-то рядом сгорела сравнительно крупная деревянная постройка и следы от пожара отложились здесь в виде углистого слоя. Этот слой и был переотложен во время копания и обратного засыпания могилы при похоронах. Скорее всего, в пожаре сгорела первоначальная клетская Троицкая церковь, построенная в 1626–29 гг. Но еще раз следует оговориться, что ко времени осуществления второго захоронения над этим участком уже была воздвигнута (или только строилась) новая большая церковь, которая задумывалась заказчиками строительства именно как храм-усыпальница прп. Диодора Юрьегорского. Это и был тот самый пятиглавый Троицкий храм, фигурирующий в описи 1765 г. и сгоревший от удара молнии в 1790-х гг. Таким образом, могила святого оказалась под срединной частью храма, то есть в исключительном с точки зрения средневекового погребального обряда месте, особо подчеркивающим праведность похороненного.

У нас есть все основания утверждать, что в результате проведенных раскопок на Юрьевой горе, под Троицким храмом в июле 2013 г. было обнаружено точное место упокоения преподобного Диодора, Юрьегорского Чудотворца. Ря-

дом же оказалась не рядовая средневековая могила, а давно затерянная гробница одного из местночтимых святых – прп. Прохора (Порфирия) Юрьегорского. Канонизация Прохора подтверждена включением его имени в Соборы Новгородских святых. Поэтому после прп. Дiodора из всей братии Троицкой обители один лишь он мог быть похороненным в храмовой усыпальнице.

Рис. 8. Просфорная печать, найденная на Юрьевой горе в 2013 г.

Археологические находки

В процессе исследований на Юрьевой горе (непосредственно в раскопе и при надзоре за строительными работами) была получена представительная и чрезвычайно интересная коллекция разновременных индивидуальных находок, которая представлена предметами церковного обихода – кусками серебряной позолоченной басмы, деталями больших напольных храмовых подсвечников и паникадила, фрагментами киотных лампад, книжными застёжками и накладками. К довольно редким находкам относится бронзовая просфорная печать-дорник, отлитая из медного сплава (рис. 8). Печать квадратной формы, на её рабочей поверхности помещены изображение четвероконечного креста и зеркальная надпись ИИХН. На оборотной стороне имеется отломанный штифт для крепления рукояти. Печать следует датировать после 1667 г. Не менее интересна нижняя часть (чаша) крупного кадила, украшенная растительным рисунком в виде пальметт. За исключением печати, которая, вероятно, происходит из монастырской просфорной, все эти вещи можно отнести к церковной утвари из Троицкого храма.

Среди находок следует выделить серию предметов личного благочестия – литые медные образок и створку складня с изображением Николая Чудотворца, три нательных креста XVIII–XIX вв. (рис. 9). По стилистическо-иконографическим признакам некоторые из этих находок являются продукцией выговских старообрядческих медеплавильных мастерских. Известно, что литые изделия вы-

говской медницы широко не только бытовали у старообрядцев, но и проникали в среду приверженцев ортодоксальной церкви.

Обращает на себя внимание факт отсутствия в раскопе находок бытовых предметов и фрагментов керамики – это является прямым указанием на то, что жилые и хозяйственные постройки монастыря располагались несколько поодаль от храмов и некрополя.

Рис. 9. Образцы христианской металлопластики, найденные в ходе раскопок 2013 г. и при обследовании территории старого юрьегорского кладбища

О топографии Юрьегорского погоста

Итак, сакральным центром монастырского комплекса являлась вершина Юрьевой горы с ансамблем из двух деревянных церквей и отдельно стоящей колокольни. Ныне здесь возвышается деревянный резной поклонный крест, установленный сотрудниками национального парка в 2002 году на месте престола Троицкого храма. Крест был освящен настоятелем Водлозерского Ильинского погоста иеромонахом Нилом († 2003 г.). В 60–70 м к северо-востоку от руин Троицкой церкви в 2013 году была возведена небольшая часовня, отмечающая место кельи прп. Диодора. Часовенный сруб стоит над кромкой довольно крутого берегового склона, на высоте 8–9 м над уровнем воды в озере. Основание постройки опущено в довольно глубокий котлован, врезанный в берег – это и была землянка-келья основателя Юрьегорской обители. Именно здесь прп. Диодор провел в молитвенном одиночестве первые 7 лет своего пустынножительства на Юрьевой горе, пока к нему не пришел прп. Прохор – его будущий верный ученик и сопостник. Сейчас под часовней восстановлена келья,

имеющая печь и отдельную дверь со стороны озера. Рядом с часовней имеется большая и глубокая воронкообразная западина от какой-то несохранившейся монастырской постройки. Немного севернее еще две большие западины с сильно оплывшими и заросшими стенками. Рядом, у берега, обновлённый колодезный сруб – по преданию, этот колодец был ископан самим Диодором. Следует добавить, что и место келии преподобного, и этот колодец раньше являлись почитаемыми святынями – в конце XIX века местным духовенством над ними были установлены и поддерживались в благолепном виде небольшие деревянные часовни. В одном из сохранившихся документов 1887 г. колодец преподобного описывался как уже изрядно обветшавший, но вода в нём была прекрасная, прихожане и паломники ею умывались, пили «и получали по вере исцеления» [1, с. 230].

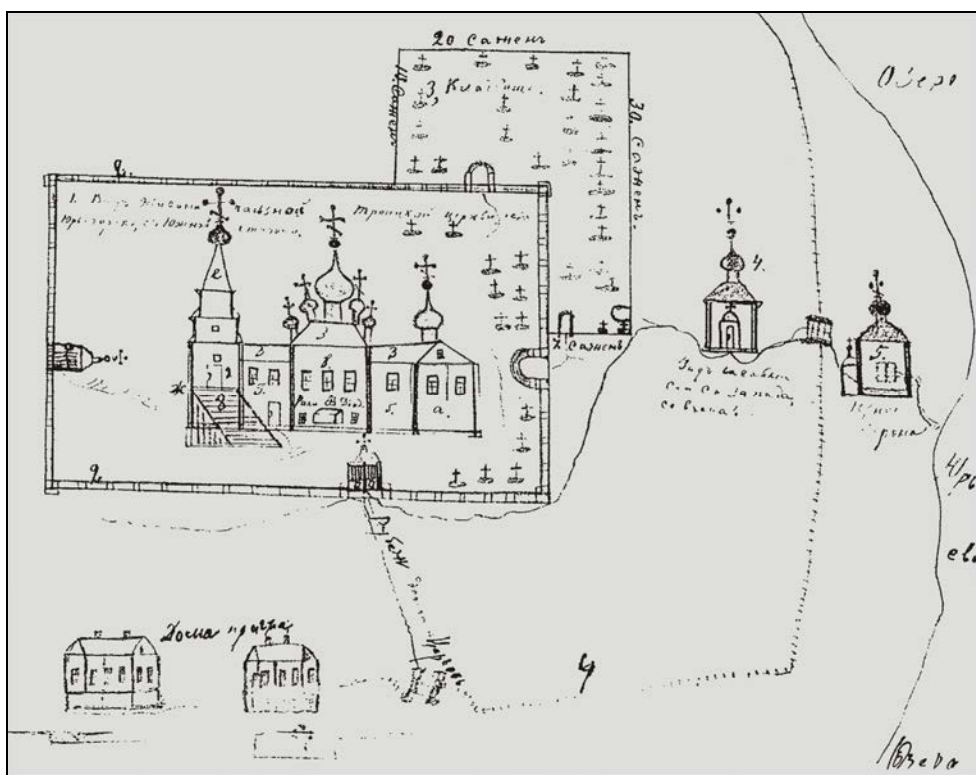

Рис. 10. Юрьегорский погост и его Троицкий храм на озере Монастырском. Чертеж священника Петра Пятницкого 1887 г. из документов Архангельской Духовной консистории. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 899; Оп. 31. Д. 483, 785.

Проследовав от святого колодца в северо-западном направлении, можно выйти на старую, зарастающую лесом дорогу, огибающую бывший монастырский комплекс. Основания северного и западного склонов Юрьевой горы вдоль этой дороги подрезаны эскарпом. Когда и кем здесь проводились довольно трудоёмкие земляные и дорожные работы, сказать сейчас сложно – скорее всего, это

следы хозяйственной деятельности монастыря еще в досинодальный период. Обследуя окрестности Юрьевой горы, мы провели осмотр, обмеры и фотофиксацию остатков шатровой часовни-сени на берегу Новой речки – протоки, соединяющей оз. Монастырское и оз. Заднее. Открытая сень над большим поклонным крестом была поставлена в 1890 г. на собственные средства служившего в то время в Юрьегорском приходе священника Петра Пятницкого на месте биения прп. Диодора сосланным сюда опальным монахом Феодосием. Как и Троицкий храм, сень дошла до нас в руинированном состоянии – под слоем мха сохранился лишь её нижний окладной венец в виде восьмигранного сруба. Сам крест утрачен. Приводим точные географические координаты этого объекта, снятые с помощью прибора спутниковой навигации (GPS-приемника): широта – N 62°53'29.1" (62.891417); долгота – E 037°02'49.5" (37.047083).

На южном пологом склоне Юрьевой горы, в лесу, в 40–45 м к югу от Троицкого храма, нами были обнаружены следы нескольких древних построек в виде неглубоких и сильно оплывших западин с рядами затянутых дерном и мхом валунов по периметру. Здесь же, среди корневой системы вывернутых ветром деревьев заметны обнажения культурного слоя – темно-серой гумусированной супеси с включениями древесного угля, пещины и фрагментов красноглиняной керамики. Судя по всему, именно здесь располагались два дома причта, показанные на чертеже священника Петра Пятницкого 1887 г. Это место чрезвычайно интересное и перспективное для дальнейших поисков следов монастырских келий и служебных построек XVII–XVIII вв.

Признаки старого обжитого места безошибочно определяются и под Юрьевой горой, в 200–230 м к юго-востоку от Троицкой церкви. На всём Монастырском озере с его низкими болотистыми берегами это, пожалуй, единственный удобный для поселения участок суши. У самого берега, на высоте 6–8 м, сейчас располагаются ветхие строения бывшего рыбхоза и нынешнего кордона «Монастырское» ФГБУ «Национальный парк “Водлозерский”» – две избы, баня, сарай, летняя кухня, дощатый помост причала. По всей видимости, кордон наследовал место селища – позднесредневекового поселения с рядом жилых и хозяйственных построек, следы которых и поныне угадываются в виде ям и западин. Вероятно, здесь надо искать следы той разоренной в Смутное время двухдворной деревни Юрьева гора, отмеченной в писцовых книгах Обонежской пятины за 1563 и 1616/1617 г. [3; 6, с. 38]. Так, известно, что ещё в 1628–29 гг., когда уже устаривался монастырь, здесь «под горою» были два двора пустых крестьянских, которые позднее использовались братией как монашеские кельи [2, с. 782].

Несколько слов о кладбище

Троицкий храм занимал центральное место в композиционно-пространственной организации ансамбля Юрьегорской пустыни, являлся неотъемлемой частью культурного ландшафта побережья озера Монастырского. Это был и духовный центр округи, и своеобразное древлехранилище, где веками копились и сберегались иконы, книги, различные вклады благочестивых

прихожан, богослужebная утварь, старинные монастырские документы. Троицкий храм был и святыней, домом Божиим, освящавшим землю, где поколение за поколением погребались, находили вечное упокоение безвестные монахи, священники и простые прихожане, жившие на этой земле несколько столетий назад. Могилы, которые окружали церковное здание, отмечались здесь традиционными дерновыми холмиками с деревянными крестами либо северными столбцами-гольцами. Наиболее престижной, сакрально значимой зоной некрополя являлась территория у самого храма, и особенно у алтаря. Некоторые погребения здесь обозначены валунными обкладками могильного холмика по всему периметру, напоминающие средневековые жальники Новгородчины. Но, скорее всего, эти могилы относятся уже к Новому времени. Вот что пишет о подобных захоронениях современный исследователь Водлозерья К.К. Логинов: «В северной части Водлозерья могилу принято было укреплять, обкладывая её камнями, как у саамов Карелии в XII–XIV вв. По внешнему сходству петрозаводские археологи приняли могилу охотника Фадеева на Веденаволоке за могилу древних Саамов, и чуть было не вскрыли её. В остальной части Водлозерья могилы в старину имели вид обычного земляного холмика (иногда обложенного с боков досками, чтобы земля не размывалась дождями) с крестом или высаженным на могиле (в ногах) деревом» [7, с. 387]. Большинство погребений Юрьегорского погоста ориентированы не по сторонам света (канонической является западная ориентировка), а по храму, который имел отклонение от оси запад-восток в сторону севера. Это отклонение трудно объяснить, и может зависеть как от особенностей планировки монастырского комплекса, так и от времени (сезона) закладки церкви.

При внимательном обследовании территории старого кладбища на двух могильных холмиках нами были обнаружены довольно интересные произведения христианской металлопластики XIX века. Это медные литые образки с изображениями Николая Чудотворца и Богоматери (рис. 9, № 1, 4). Одна из иконок лежала под слоем мха в основании полусгнившего деревянного надмогильного креста. Причем на самом кресте осталось вырезанное углубление под этот образок. Поле иконки со святителем Николаем Чудотворцем оказалось насквозь пробито ржавым гвоздем.

Нет никакого сомнения, что эти предметы врезались в надмогильные кресты или сооружения типа столбцов-гольцов, которые хорошо известны этнографам на Русском Севере. Последние представляют собой небольшие резные столбы с двухскатной остроугольной кровелькой. «В каждый столбец с западной стороны врезана небольшая медная иконка из тех, что в XVIII и XIX веках делали в выговских скитах и оттуда они расходились по всей России» [9, с. 141]. Естественно, по истечении времени такие деревянные надмогильные сооружения ветшают, падают и гнивают, а врезанные металлические образки оказываются на земле. Здесь они могут быть случайно втоптаны в грязь, сломаны, наконец, могут попасть в засыпку новой могилы. Именно таким обра-

зом на древних сельских кладбищах и скапливались веками произведения медного литья, которые часто обнаруживаются при археологических исследованиях.

Рис. 11. Старое кладбище на Юрьевой горе. Современное состояние

В северной части территории кладбища (на периферии) мы обнаружили два литых чугунных креста XIX века. Эти ажурные художественные кресты, являющиеся образцами массовой продукции Петрозаводского Александровского литейного завода, отмечают могилы довольно зажиточных крестьян бывш. Троицкого прихода (рис. 11). Родственники далеко не всех здесь погребенных могли позволить себе приобрести и заказать доставку сюда таких дорогостоящих надгробных памятников.

Примечательно, что оба креста оказались сломаны в основании и брошены на землю (недавно инспекторы национального парка снова подняли их, подвязав к вбитым колышкам). Рядом лежали останки еще двух аналогичных крестов. Нет сомнения, что все эти кресты были разбиты здесь не случайно, а вполне преднамеренно. Ведь в послереволюционное время безжалостная борьба с церковью привела к повсеместному уничтожению христианских святынь, в число которых входили и кладбища. Разжигаемая официальной богоборческой пропагандой ненависть к надгробному кресту или открыто выражающему православный характер надгробию часто находила выплеск в безобразных проявлениях узаконенного вандализма – было повергнуто на землю, осквернено и разбито бесчисленное количество старинных высокохудожественных стел, монументов, колонн, саркофагов, крестов. Вероятно, и по Юрьегорскому погосту прокатилась эта ужасная волна погромов. В это же страшное время здесь была осквернена, разграблена и, в конце концов, разрушена главная святыня Юрьевой горы – Троицкий храм с усыпальницей преподобного Диодора.

***

1. Головченко С., Чирцов А. В поисках Дамиановой пустыни (Экспедиция на озеро Монастырское 23-31 мая 2004 г.) // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2005. Вып. 4.
2. Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри крайнего Севера // Христианское чтение. СПб., 1885. № 5-6.
3. Жуков А.Ю. Водлозерская волость Каргопольского уезда: середина XVI – первая треть XVIII в. // Ильинский Водлозерский погост: мат-лы науч. конф. «Водлозерские чтения: Ильинский погост». Петрозаводск, 2009.
4. Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009.
5. Кожевникова Ю.Н. Братская община Троицкого Юрьегорского монастыря в 1726 году // Святые и святыни Обонежья. Мат-лы всерос. научной конф. «Водлозерские чтения-2013». Петрозаводск, 2013.
6. Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.
7. Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.-Петрозаводск, 2010.
8. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989.
9. Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989.
10. Червякова Н.В. Основатель Троицкого монастыря святой преподобный Диодор Юрьевгорский: духовный и исторический образ // Структура и динамика природных экосистем и формирование народной культуры на территории НП «Водлозерский». Мат-лы отчетной конф. по итогам 2002-2004 гг. Петрозаводск, 2005.

МОДЕЛИ КОМПРЕССИВНОГО СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ КОМПЬЮТЕРНОМ ДИСКУРСЕ

В работе анализируется профессиональный компьютерный жаргон – слой лексики, который используется в общении на профессиональную тему специалистами и пользователями компьютеров, – это живой и подвижный пласт языка, имеющий свою структуру, законы формирования и развития. В частности, рассматривается компрессивный способ образования новых лексем в данном пласте языка.

Ключевые слова: компьютерный жаргон, профессиональный жаргон, словообразовательные модели, универбация, усечение, телескопия, аббревиация, акронимы, субстантивация.

In this work professional computer jargon is analysed, i.e. the lexical layer, which is used to communicate on any professional subject by specialists and computer users. It is a lively and flexible layer of the language, having its own structure, the laws of formation and development. In particular a compressive method of new lexems formation in this language layer is considered.

Keywords: computer jargon, professional jargon, wordbuilding models, univerbation, truncation, telescoping, abbreviation, acronym, substantivisation

Исследование социолектов русского языка велось в последние десятилетия практически во всех областях языкознания, однако нельзя с уверенностью сказать, что везде оно было одинаково интенсивным. Современный русский компьютерный жаргон (далее КЖ) – слой живой и подвижной лексики, который используется в общении на профессиональную тему специалистами и пользователями компьютеров, имеющий свою структуру, законы формирования и развития – не явился тому исключением. В целом следует признать, что в отношении деривации исследование КЖ продвинулось дальше, чем, скажем, в семиотике и синергетике (хотя весьма интересные результаты получены и в двух последних областях). Однако и деривационная проблематика исследована в отношении КЖ неравномерно: больше всех, пожалуй, «повезло» такому разделу деривации, как аффиксация. Амбициозный план – подвергнуть целостному описанию номенклатуру и содержание словообразовательных моделей КЖ – весьма далек от осуществления. Вероятно, ввиду нестандартности и не всегда нормативности их построения, что вызывает определенные трудности в их классификации.

На сегодняшний момент компрессивные способы словообразования являются одной из лакун в рассмотрении деривационных процессов КЖ. В связи с чем в данной статье попытаемся восполнить ее.

Одним из активных проявлений компрессии в КЖ является универбация.

Универбы образуются на базе атрибутивного словосочетания с последующей утратой последнего из компонентов и сопровождением суффиксации производящей основы.

Слова с агентивным и инструментальным значениями оформляются нейтральными продуктивными суффиксами.

Значение лица:

А +-ик: *сетевик* < сетевой программист.

А +-ник: *электроник* < программист в сфере электронной продукции.

Значение предмета:

А+-ик: *поисковик* < поисковая система, *ролевик* < ролевая игра.

А+-ник: *струйник* < струйный принтер, *аркадник* < аркадная игра (< англ. Arcade 'Аркада') (класс компьютерных игр со сценарием, требующим активных действий играющего по прохождению управляемым им персонажем многочисленных уровней), *серийник* < серийный номер, *безымянник* < безымянный файл.

Однако речетворчество носителей КЖ отличается высокой экспрессией и оценочным характером, вследствие чего при наименовании предметов задействуются экспрессивные суффиксы.

Продуктивным и массовым явлением в современном русском языке стала суффиксальная универбация атрибутивного словосочетания с использованием суффикса -к(а) [9, с. 19].

Действительно в КЖ данная модель обнаруживает высокую активность:

А+-к(а): *локалка* < локальная сеть, *виртуалка* < виртуальная программа, *оперативка* < оперативная память, *материнка/мамка* < материнская плата, *электронка* < электронная почта, *горячка* < горячая перезагрузка, *внешка* < внешняя ссылка, *лицензионка* < лицензионная программа, *операционка* < операционная система, *абонентка* < абонентская линия, *элка* < электронная почта, *глобалка* < глобальная сеть, *стратегичка* < стратегическая игра, *персоналка* < персональный компьютер, *дежурка* < дежурное питание.

Более сильную оценочную экспрессию имеют следующие суффиксальные морфемы:

А+-ух(а): *прикладуха* < прикладная программа, *гостевуха* < гостевая книга, *сетевуха* < сетевая плата, *звуковуха* < звуковая карта, *микруха* < микроскопическая схема.

А+-ушк(а): *прикладушка* < прикладная программа, *звуковушка* < звуковая карта, *сетевушка* < сетевая плата.

А+-ак: (орфогр. также -як) *вирусняк* < вирусный файл, *левак* < левая продукция, *сквозняк* < сквозная ссылка.

Данные суффиксы приносят фамильярную окраску в лексемы и выражают грубовато-пренебрежительное отношение к номинациям.

Универбационные единицы образуются от глагольных основ с сопровождением суффиксации. (Отметим: наименования, образованные от глагольных основ, называются лингвистами ‘универбалы’ [12]).

Ряд исследователей относит к универбалам жаргонизмы с суффиксальной морфемой *-лк(а)*, исходя из словообразовательной модели ‘глагол + *-лк(а)*’ и объясняя это тем, «что в современном русском языке находит свое отражение усиление закона речевой экономии, обусловленное прагматическим стремлением как можно быстрее и в оптимально сжатом виде передать максимальное количество информации, объем которой постоянно растет» [4, с. 80].

Предложенная модель ‘глагол + *-лк(а)*’ оправдывает себя, поскольку в ней прослеживается смысловая игра на действие, а также реализуется тенденция к экономии языковых средств. Однако если исходить из того, что при помощи суффикса *-лк(а)* образуются «существительные (чаще всего от глагольных основ) со значением орудия действия, наименования прибора» [11, с. 98], то данная морфема относится к нейтральному словообразующему суффиксу, и в КЖ она будет служить для обозначения игр, программ или устройств. «Суффикс *-лк(а)* с глагольной основой высокопродуктивен в некодифицированной речи при наименовании предметов по действию» [2, с. 118].

V+-*лк(а)*: *гляделка* < глядеть (программа просмотра), *курилка* < курить (руководство пользователя), *лечилка* < лечить (антивирусная программа), *печаталка* < печатать (принтер), *качалка* < качать (программа для скачивания файлов), *сообщалка* < сообщать, *звонилка* < звонить (программа дозвона), *леталка* < летать (игра-симулятор воздушных сражений), *стрелялка* < стрелять (игра, где стреляют), *искалка* < искать (поисковая система), *писалка* < писать (устройство записи), *развлекалка* < развлекать (развлекательная, игровая программа), *рисовалка* < рисовать, *смотрелка* < смотреть (устройство для просмотра), *чистилка* < чистить (антивирусная программа), *ходилка* < ходить (игра, где ходят), *сжималка* < сжимать (программа-архиватор), *смыкалка* < смыкать (микрпереключатель на компьютерных платах или на задних панелях), *ломалка* < ломать (программа для взлома), *стучалка* < стучать (программа дозвона), *бутовалка* < жарг. бутовать (загрузочный диск), *ребутилка* < жарг. ребутить (программы перезагрузки), *крякалка* < жарг. крякнуть (программа для взлома), *дрыкалка* < дрюкать (< нем. *drücken* ‘печатать’) (принтер), *болталка* < болтать (чат-форум), *бродилка* < бродить ((1): игра, где бродят, (2): браузер), *инсталка* < устанавливать (программа инсталляции).

При обозначении предметов, относящихся к действию, используются другие продуктивные нейтральные суффиксы:

V+-*ник*: *исходник* < исходный файл, *цитатник* < цитирующий сайт.

V+-*чик*: *отладчик* < программа отладки.

Однако превалируют суффиксы, характерные для экспрессивно окрашенной, оценочной лексики:

V+-к(а): *бегучка* < бегущая строчка, *выделенка* < выделенная линия, *несущка* < несущая память, *ищейка* < искать (поисковый сайт), *сохраненка* < сохраненная информация, *демка* < демонстрационная версия программы.

V+-ух(а): *развлекуха* < развлекающая игра.

V+-ах(а): *демонстраха* < демонстрационная версия программы.

V+-шк(а): *демонстрашка* < демонстрационная версия программы.

V+-яшк(а): *инсталяшка* < инсталляционная программа, *бутяшка* < бутовая (загрузочная) дискета.

«Среди суффиксальных универбов выделяется группа ‘слов-квантификаторов’, которые служат обозначениями предметов (реже лиц) по количественной характеристике и являются синонимами развернутых официальных наименований. Универбам-квантификаторам присуща высокая идиоматичность лексического значения, особенно в тех случаях, когда в слове содержится только количественное указание и отсутствует именная часть основы. Семантика включенных компонентов в структуре универбов-квантификаторов восстанавливается, опираясь на мотивирующее словосочетание, которое может состоять из двух, трех и более членов» [9, с. 27-28].

Модель образуется как на базе порядкового числительного и имени существительного (браузер второй версии), так и сочетанием количественного числительного с существительным (браузер два). При образовании универбов-квантификаторов в КЖ участвуют экспрессивные суффиксы:

N+-к(а): *двойка* < два (браузер второй версии IBM PC AT 286), *тройка* < три (браузер третьей версии IBM PC AT 386), *четверка* < четыре (браузер четвертой версии IBM PC AT 486), *пятерка* < пять (браузер пятой версии IBM PC AT 586).

N+-ушк(а)/-ёшк(а): *двушка* < два (браузер второй версии IBM PC AT 286), *трёшка* < три (браузер третьей версии IBM PC AT 386).

N+-ёх(а): *трёха* < три (браузер третьей версии IBM PC AT 386).

N+-як: *пятак* < пятидюймовый диск.

Представленная модель усложняется наличием второй основы: универбы-квантификаторы образуются на базе словосочетания путем сложения двух основ с последующей суффиксацией. При их образовании зафиксированы разговорно-экспрессивные суффиксы.

N+i+S+-к(а): *трехдюймовка* < три + дюйм + -к(а) (дискета размером три дюйма), *пятидюймовка* < пять + дюйм + -к(а) (дискета размером пять дюймов), *трехстволка* < три + ствол (кнопка) + -к(а) (трехкнопочный манипулятор типа ‘Mouse’), *однозадачка* < один + задача + -к(а) (однозадачная система), *четырёх-адреска* < четыре + адрес + -к(а) (четырёхадресная команда).

В данной модели слова с суффиксом -к(а) употребляются в значении «предмет, характеризующийся количеством или номером» [7, с. 78].

В сложных универбах в постпозиции находятся субстантивы:

S+i+S+-к(а): *оптиковолоконка* < оптика + волокна + -к(а) (оптиково-волоконная сеть).

А также может находиться глагол:

S+i+V-лк(а): *числодробилка* < число + дробить + -лк(а) (компьютер).

Универбы образуются посредством усечения одного из компонентов, подвергаемого нулевой суффиксации производящей основы.

Универбы могут быть равны части слова:

А: *реал* < реальный мир, *виртуал* < виртуальный мир, *конфиг* < конфигурационный файл, *девелопер* < девелоперский сайт, *локаль* < локальная сеть, *уник* < уникальный посетитель (например, сайта), *информат* < программист, изучающий информатику.

Универбы по данной модели могут совпадать со словом с непроизводной основой:

А: *аноним* < анонимный пользователь, *домен* < доменный адрес, *аркад* < аркадная игра, *тон* < тоновый набор, *кварц* < кварцевый резонатор, *север* < серверный мост (микросхема устройство в материнской плате).

Снабжение материально выраженной флексией приводит к образованию лексем:

А: *стратегия* < стратегическая игра, *корень* < корневая директория, *лазарь* < лазерный принтер, *стекло* < стеклянный фильтр.

Приведенные универбы омонимичны именам существительным, от основ которых были образованы имена прилагательные, входящие в базовое словосочетание.

Флективные универбы, совпадающие со словами из общенародного языка, легко вписываются в словарный строй КЖ и не препятствуют пониманию, поскольку ясны из общего контекста.

Как видно, процесс универбации в КЖ продуктивен и в настоящее время достигает пика своей активности.

Стандартными, составляющими регулярную словообразовательную модель, становятся усечения достаточно частотных в употреблении слов. Модели образования усеченных единиц в КЖ строятся в зависимости от того, какая часть цельного слова опускается.

В КЖ многочисленны образования апокопы, при которой опускается финальная часть лексической единицы.

Усечение основы русского производящего слова или транслитерированного слова происходит как на морфемном шве: *ава* < аватар, *месса* < мессага (< англ. message ‘сообщение’); так и без учета морфемного шва (в превалирующем большинстве): *админ* < администратор, *винч* < винчестер, *док* < документация, *пень/пент* < пентиум (< англ. Pentium), *комп* < компьютер, *проц* < процессор, *вирь* < вирус, *пров* < провайдер, *винд* < виндоус (< англ. Windows) (операционная система OS Microsoft Windows), *интро* < интродакшн (англ. < introduction ‘введение’) (заставка), *мон* < монитор, *бан* < баннер, *мак* < макинтош (< англ. Macintosh), *компил* < компиляция, *бинк* < бинклей (< англ. Binkley) (почтовая программа Binkley Terminal), *аттач* < аттачмент (< англ. attachment ‘приспособление, приставка’) (присоединение, вложение, приложение к письму), *двиг* < двига-

тель, *диз* < дизайн, *дор* < дорвей (< англ. doorway ‘входная дверь, портал’) (входная страница в сети), *индекс* < индексация, *дистр* < дистрибутив, *сопр* < сопроцессор, *зюк/зюх* < зюхель (< ZyXEL) (тайваньская компания ZyXEL [Зайксл]), *сабж* < сабъект (< англ. subject ‘тема, предмет разговора’) (тема).

Широко представлена декомпозиция.

В эндоцентрических (неидиоматичных) субстантивных композитах иноязычного происхождения отсекается одна из корневых морфем:

гиг < гигабайт, *кило* < килобайт, *флоппи* < флоппи-диск, *компакт* < компакт-диск, *мег* < мегабайт, *лап* < лаптоп (< англ. laptop ‘ноутбук’), *тера* < терабайт, *софт* < софтвер (< англ. software ‘программное обеспечение’), *кеш* < (< англ. cache memory ‘кеш-память’), *флеш* < флеш-мемори (< англ. Flash-Memory ‘флеш-память’), *слим* < слимлайн (< англ. slimline ‘компактный корпус’) (тип компактного корпуса).

Меньшей продуктивностью характеризуются образования афerezиса, при котором сокращается начало слова.

бук < ноутбук, *нет* < Интернет, *бот* < робот.

Среди образований такого рода в КЖ встречаются лексические единицы, которые подвергаются усечению как с помощью апокопы, так и афerezиса:

ноут, *бук* < ноутбук; *комп*, *путер* < компьютер.

Примеры свидетельствуют, что апокопа доминирует над афerezисом, поскольку начало слова, а в основном это корень, несет в себе основную смысловую нагрузку. «Корень – морфема, являющаяся центральным элементом в составе слова, основным средством выражения его лексического значения» [11, с. 124].

Ряд ученых объясняет возникновение афerezиса тем, что при отсечении начальной части слова в жаргоне происходит сокрытие смысла слова, сужение коммуникативного пространства до круга посвященных [8, с. 130; 13, р. 28].

Однако носители русского КЖ не пытаются эзотеризироваться от ‘непосвященных’. Ими движет принцип экономии речевых усилий и печатной площади. Исследование опытного материала показало также, что появление афerezиса детерминировано тем, что отсекаемая начальная морфема является чаще всего служебным аффиксом, а конечная часть выступает как главный и обязательный элемент в составе слова. Например, усечение ‘*нет*’ (< Интернет) означает ‘сеть’ и имеет ключевое значение, а удаленный префикс ‘интер’ – ‘международный’ – не важен для передачи информации.

Большая группа монолитных единиц образуется путем присоединения к усеченной базовой основе флексии:

S+а/-я: *инфа* < информация, *дока* < документация, *дира* < директория, *конфа* < конференция, *клава* < клавиатура, *прога* < программа, *либа* < либрани (< англ. library ‘библиотека’) (программная библиотека), *вата* < ватком (< англ. Watcom) (производитель программного обеспечения), *ути* < утилита (полезная программа).

Исконно русская (материально выраженная) флексия придает слову вид русского и наделяет его грамматическими свойствами, характерными русскому языку, вследствие чего монолиты функционируют по правилам и на правах русского языка.

Тенденция к сохранению рода мотивирующего слова в мотивированном приводит к появлению дублетных форм: *прог* и *прога* (программа).

Однако эти сокращения (*инфа*, *дока*, *дира*, *конфа*, *клава* и др.) можно отнести к такому виду усечений, как контрактура, при которой утрачивается середина слова.

инет < Интернет, *ползатель* < пользователь.

Высокопродуктивно выпадение глагольных суффиксов:

регить < регистрировать, *функциклить* < функциклировать (работать) *компилить* < компилировать, *эмулить* < эмулировать, *программить* < программировать, *иниться* < инициализироваться, *сканить* < сканировать, *инсталлить* < инсталлировать, *конвертить* < конвертировать, *модерить* < модерировать, *администрировать/админить* < администрировать.

Программисты сокращают в процессе коммуникации слова без ущерба понимания. Слово хорошо известно, и о его смысле можно догадаться. Впоследствии большинство усечений в жаргоне приобретают устойчивый характер и воспринимаются носителями жаргона как полноценные единицы.

Англоязычная система оставляет печать своих словообразовательных компрессионных процессов также в КЖ других языков. (Ср. в немецком: *info* < Information, *Net* < Internet, *prof* < professional, *subj* < Subjekt; во французском: *info* < information, *électro* < électronique, *docu* < document).

В отличие от других европейских компьютерных жаргонных систем модель усечения в русском подъязыке не исчерпывает себя только в рамках удаления части слова. Словообразовательная активность жаргонных лексических единиц проявляется в том, что они становятся основой для новых жаргонизмов, образующихся посредством суффиксации, – появляется смешанная модель.

Среди стилистически нейтральных суффиксов в русском КЖ представлены словообразовательные суффиксы с ролевым статусом агента:

S+-чик: *инетчик* < жарг. инет, *авчик* < жарг. ава.

S ролевым статусом предмета:

S+-ер: *флоппер* < жарг. флопп.

S+-изм: *клавизм* < жарг. клава.

Стилистически маркированные слова создаются с помощью экспрессивных суффиксов, посредством которых выражается отношение к лицам, явлениям или предметам компьютерной сферы:

S+-ик: *флоптик* < жарг. флоп, *комтик* < жарг. комп, *процик* < жарг. проц, *дизик* < жарг. диз, *моник* < жарг. мон, *веник* < жарг. винд, *авик* < жарг. ава.

S+-ак: (орфогр. также -як) *флоппак* < жарг. флопп, *сервак* < жарг. серв, *стремак* < жарг. стрем, *слимак* < жарг. слим.

S+-чик: *админчик* < жарг. админ.

S+-ин(а): *софтина* < жарг. софт.
 S+-ок: *движок* < жарг. двиг.
 S+-ун: *двигун* < жарг. двиг.
 S+-л(о): *двигло* < жарг. двиг.
 S+-к(а): *клавка* < жарг. клавиша, *инетка* < жарг. инет, *фотка* < жарг. фото.
 S+-арь: *флопарь* < жарг. флоп.
 S+-уз(а): *виндуза* < жарг. винд.
 S+-юх(а): *видюха* < жарг. вика, *пеньтюх* < жарг. пень.
 S+-ях(а): *видяха* < жарг. вика.
 S+-ач: *дискач* < жарг. диск, *компач* < жарг. компакт.
 S+-юк(а): *виндюк* < жарг. винд.
 S+-ушк(а)/-юшк(а): *нетушка* < жарг. нет, *интрузка* < жарг. интро.
 S+-ашк(а)/-яшк(а): *компашка* < жарг. комп, *софтяшка* < жарг. софт.
 S+-ар(а): *винтяра* < жарг. винт.
 S+-ец: *виндец* < жарг. винд.

Семантика усеченного деривата равна семантике производящего слова, отличие состоит в стилистической характеристике: производное имеет сниженную стилистическую окраску по сравнению с производящим. Далее при присоединении суффикса к уже усеченной производящей основе (при смешанной модели) лексическая единица спускается еще на одну ступень по стилистической шкале. Таким образом, можно зафиксировать яркий пример двойного снижения в семантике моделей компьютерных жаргонизмов.

Часто воспроизводимые в речи жаргононосителей усеченные слова не затрудняют процесс коммуникации, а лишь привносят лаконичность, выразительность, оценку и экспрессию.

Вслед за усечениями принцип экономии и лаконизма речи реализует телескопия, являясь одновременно средством концентрации информации и выполняя экспрессивную, оценочную функцию.

Многочисленную группу простой модели составляют двухкомпонентные телескопные единицы. Субстантивные телескопные лексемы образуются на базе двух имен существительных. Полные телескопизмы данного типа репрезентированы следующими моделями (первая – гиперактивна, вторая – больше окказиональна).

Усекается конечная часть первого компонента и начальная часть второго:

юзверята < жарг. юзверь + ребята (пользователи), *траблема* < трабл (< англ. trouble ‘тревога, заботы’) + проблема (проблема, трудность), *хамер* < хакер + ламер (хакер и ламер в одном лице), *програзм* < программа + оргазм (состояние высшего удовлетворения от процесса программирования), *яблофон* < яблоко (< англ. Apple) + айфон (< англ. Iphon) (устройство-айфон фирмы-производителя Apple), *крысовод* < крыса + провод (провод, соединяющий манипулятор типа ‘Mouse’ (мышь) с компьютером), *мануэль* < мануал (< англ. manual ‘справочник’) + Эммануэль (руководство пользователя), *мерзила* < мерзость + мозила (< англ. Mozilla) (браузер Mozilla), *сетикет* < сеть + этикет, сетиратура < сеть + литера-

тура, *флоппинет* < флоппидиск + Интернет, *флудераст* < флуд + педераст (распространитель ненужной информации), *модераст* < модератор + педераст (модератор), *дурьдинамики* < дурь + динамики.

Конец слова соединяется с концом другого слова:

нетикет < Интернет + этикет.

Частичные телескопизмы продемонстрированы тремя своеобразными моделями.

К полной форме первого компонента присоединяется усеченный конец второго компонента:

кейген < кей (< англ. key 'ключ, код, замок') + генератор (генератор ключа), *компотер* < компот + компьютер (компьютер).

Укорачивается конечный элемент первого слова, второе слово остается полным:

можлоб < модем + жлоб (медленно работающий модем).

Высоко востребованы гаплогогические телескопизмы.

На конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова:

компьютерроризация < компьютер + терроризация (активное внедрение компьютерных технологий), *наукабель* < паук + кабель (множество кабелей), *микрехи* < микро + крохи (микросхемы), *рархив* < рар (< англ. RAR) + архив (программа-архиватор RAR), *тормозила* < тормоз + мозила (< англ. Mozilla) (браузер Mozilla).

Телескопные слова, образованные по данным моделям, аккумулируют в себе значения обоих знаменательных слов.

Адъективно-субстантивные телескопные образования по простой модели строятся на основе атрибутивного словосочетания. Полные телескопные единицы иллюстрируются продуктивной моделью.

Усечению подвергаются оба конечных фрагмента мотивирующего словосочетания:

мылсерв < мыльный (< англ. mail 'почта, письмо') + сервер (почтовый сервер), *примат* < прикладной математик, *сисадмин* < системный администратор, *сисоп* < системный оператор, *матобес* < математическое обеспечение, *сиспрог* < системный программист, *ось* < операционная система, *рунет* < русский + Интернет (русская или русскоязычная часть сети Интернет), *бенет* (транслитерация) или *байнет* (транскрипция) < белорусский + Интернет (белорусская или белорусскоязычная часть сети Интернет).

Частичные телескопные новообразования представлены следующей моделью.

Утрачивается конец первого зависимого компонента, второй стержневой – не изменяется. Нетривиальность данной словообразовательной модели компьютерного подязыка выражается в использовании в качестве основ усеченных препозитивных имен прилагательных:

- компьютеризмов: *офсайт* < официальный + сайт, *матплата* < материнская + плата, *админпанель* < административная панель (панель администратора);

- буквально переведенных с английского на русский язык компьютерных лексем: *синезуб* < синий (< англ. blue 'синий') + зуб (< англ. tooth 'зуб') (устройство Bluetooth);

- лексем, образованных с помощью фонетической мимикрии: *голдед* < голый (< англ. Gold) + дед (< англ. Edit) (редактор почты Gold Edit);

- метафорических лексических единиц: *танцплощадка* < танцевальная + площадка (коврик для манипулятора типа 'Mouse').

Адъективные телескопные лексемы простых словообразовательных моделей создаются на базе двух имен прилагательных.

В материале исследования отсутствуют частичные телескопизмы данного типа.

Редуцируется конечная часть первого компонента и начальная часть второго: *портативильный* < портативный + мобильный, *компативный* < компактный + портативный.

В телескопных лексемах этих моделей один компонент определяет другой, дополняет и уточняет его значение.

Приведенные жаргонизмы впоследствии становятся ядром для порождения других жаргонных дериватов: в КЖ обнаруживаются комбинированные словообразовательные модели телескопизмов. В рамках данных моделей присутствуют только полные телескопизмы, поскольку их общая модель строится на основе атрибутивного словосочетания с сопровождением суффиксации.

Образуется мутационная модель телескопных слов.

S+-чик: *рунетчик* < рунет + -чик (пользователь русской части сети Интернет), *бенетчик* < бенет + -чик (пользователь белорусской части сети Интернет).

Возникает модификационная модель телескопных единиц. В ее образовании участвуют суффиксы, имеющие отпечаток стилистической окраски:

S+-ша: *хамерша* < хамер + -ш(а).

S+-к(а): *сисопка* < сисоп + -к(а), *приматка* < примат + -к(а), *флудерастка* < флудераст + -к(а).

S+-ниц(а): *сисопница* < сисоп + -ниц(а).

При образовании феминативных лексем встречаются дуплеты *сисадминка* и *сисадминша* < сисадмин + -к(а) или -ш(а).

S+-чик: *сисадминчик* < сисадмин + -чик.

S+-к(а): *оска* < ос + -к(а).

Конструируется транспозиционная модель телескопизмов.

S+-и-ть: *сисопить* < сисоп+-и-+ть (исполнять обязанности системного оператора), *сисадминить* < сисадмин+-и-+ть (исполнять обязанности системного администратора).

Комбинация деривационных способов свидетельствует о максимальном использовании всех возможностей языка.

Телескопные единицы, построенные по комбинированным моделям, получают новое модификационное или мутационное значение, передающее дополнительную информацию о лице, предмете или явлении компьютерного мира.

Малочисленную группу в КЖ занимают телескопные трехкомпонентные образования.

Отбрасывается конечный элемент трех знаменательных слов:

опсос < оператор сотовой связи, *межделмаш* < международные деловые машины.

Исследование семантики телескопообразований выявило, что характер редукции любого телескопизма зависит от семантического значения мотивирующих лексем, от которых собственно и образуются телескопные слова.

В целом телескопные новообразования в русском КЖ представляют собой спорадические образования, отдельные структурные элементы которых не повторяются в других образованиях с тем же значением.

Обратимся к аббревиатурным моделям.

Традиционно модели буквенных аббревиатур (алфавитизмов/альфабетизмов) состоят из начальных букв каждого слова, входящих в исходное словосочетание.

Исконно русские аббревиатуры – явление редкое в русском КЖ: *ОЗУ* – оперативное запоминающее устройство (оперативная память), *ПО* – программное обеспечение.

Значительно чаще осваиваются иноязычные аббревиатуры. При образовании компьютерных аббревиатур используются все известные способы заимствования иноязычных слов и выражений: калькирование, транскрипция, транслитерация. Доминантами являются семантические кальки с английского языка: *ПК* < англ. PC (< Personal Computer ‘персональный компьютер’), *ЖЖ* < англ. LJ (< Live Journal ‘живой журнал’).

Семантические кальки, будучи инициалами уже переведенных на русский язык многокомпонентных наименований, внешне ничем не напоминают о своем иноязычном происхождении, теряют видимую связь со своим аббревиатурным оригиналом, сохраняя лишь общность денотата и структурно-семантическое сходство. Они менее всего подвержены семантическим изменениям, сохраняя обычно свое прямое значение наименования определенной реалии.

Транскрипции и транслитерации, сменив графический облик, сохраняют сходство звучания с исходной аббревиатурой: инициально-буквенной (алфавитизмами/альфабетизмами): *БМП* (бээмпэ), *CD* (си-ди), *PC* (пи-си); или инициально-звуковой (акронимами): *ЛОЛ* < LOL (Laughing out loud), *АФАИК* < AFAIK (As Far As I Know), *АФАИР* < AFAIR (As Far As I Remember).

В современном русском языке аббревиатуры (столь популярные в советские времена) ассоциируются с официальным языком, канцеляризмами, речевыми штампами и практически не используются в нелитературных языковых системах. Русский КЖ здесь не исключение. Поскольку данные аббревиатуры не жаргонизированы, они остаются за рамками исследования. В сферу исследовательских интересов входят жаргонные отаббревиатурные лексемы.

Отход от установившихся издавна моделей образования аббревиатур реализуется посредством побуквенного раскрытия (преимущественно заимствован-

ной из английского языка) аббревиатуры с оформлением русскими суффиксами. Академик В.Г. Костомаров отмечает, что в современном русском языке «как никогда много образуется прилагательных и имен лиц от буквенных аббревиатур, чего строго избегала, по крайней мере, письменная речь предшествующего периода, практически не допускавшая слов типа: *ГАИшник, МИДовец, кагэбэшник, кэзэбистский...*» [6, с. 201].

Используются нейтральные словообразующие суффиксы деятеля.

Abbr+-er: *айбиэмер* < англ. IBM (программист, использующий оборудование фирмы IBM).

Abbr+-ист: *сионист* < СИ (программист, использующий язык программирования СИ).

Abbr+-ник: *айтишник* < англ. IT (программист, специализирующийся в Интернет-технологиях), *фидошник* < англ. FIDO (пользователь сети FIDO).

Abbr+-оид: *юниксоид* < англ. UNIX (пользователь операционной системы UNIX).

Abbr+-щик: *хэтэмээльщик* < англ. HTML (программист, владеющий языком разметки гипертекста HTML).

При обозначении предметов включаются инструментальные нейтральные суффиксы:

Abbr + -er: *zipер* < англ. ZIP (архиватор ZIP).

Abbr+-ник: *авишник* < англ. AVI (видеофайл в метаформате), *айдишник* < англ. ID (идентификатор), *айпишник* < англ. IP (Интернет-протокол), *азмдэшник* < англ. AMD (процессор фирмы AMD), *дивидишник/ дивидюшник* < англ. DVD (цифровой видеодиск), *упээсник* < англ. UPS (источник беспроводного питания), *айрушник* < англ. IR (промежуточное представление проекта).

Abbr +-тель: *zipователь* < англ. ZIP (архиватор ZIP).

Abbr+-ирование: *армирование* < англ. ARM ((1): усовершенствованные средства управления питанием, спецификация ARM (2): управление производительностью приложений, технология ARM).

Наряду с традиционными (номинативной и компрессивной) функциями аббревиация выполняет экспрессивную. При присоединении к инициальным аббревиатурам экспрессивных, стилистически маркированных суффиксов, характерных для просторечной, сниженной лексики, рождаются слова, содержащие оттенок непринужденности, фамильярности, грубоватости, в некоторых случаях намека на обценные лексические единицы.

Аббревиатурные экспрессемы ограничиваются ономаσιологическими номинациями. К производящей аббревиатуре присоединяются суффиксы, обозначающие предметы или явления:

Abbr +-к(а): *симка* < англ. SIMM (модуль SIMM), *сидиромка* < англ. CD-ROM (разновидность компакт-дисков), *гифка* < англ. GIF (формат GIF), *пинговка* < англ. PING (утилита для проверки соединений в сетях).

Abbr+-ш-к(а): *писишка* < англ. PC (персональный компьютер), *сидишка* < англ. CD (компакт-диск), *бээмпэшка* < англ. BMP (графический файл), *аже-*

пешка < англ. AGP (ускоренный графический порт), *экспишка* < англ. XP (операционная система OS Microsoft Windows XP), *энтишка* < англ. NT (операционная система OS Microsoft Windows NT), *мешка* < англ. ME (операционная система OS Microsoft Windows ME), *юззбэшка* < англ. USB (последовательный интерфейс передачи данных); *авишка* < англ. AVI (видеофайл в метаформате), *озушка* < ОЗУ (оперативное запоминающее устройство), *жежешка* < ЖЖ (живой журнал), *пекашка* < ПК (персональный компьютер).

Abbr+-ик: *авик* < англ. AVI (видеофайл в метаформате), *дипик* < англ. DIP (тип корпуса микросхем), *комик* < англ. COM (формат COM), *цапик* < ЦАП (модуль ЦАП).

Abbr + -чик: *гифчик* < англ. GIF (формат GIF).

Abbr+-юк: *дидюк/дивидюк* < англ. DVD (цифровой видеодиск), *сидюк* < англ. CD (компакт-диск), *писюк* < англ. PC (персональный компьютер).

Abbr + -ушк(а)/-юшк(а): *сидюшка* < англ. CD (компакт-диск), *писюшка* < англ. PC (персональный компьютер).

Abbr + -юх(а): *писюха* < англ. PC (персональный компьютер), *энтюха* < NT (операционная система OS Microsoft Windows NT), *сидюха* < англ. CD (компакт-диск).

Abbr + -ак/-як: *сказяк* < англ. SCSI (тип интерфейса), *тиффак* < англ. TIFF (формат хранения растровых графических изображений).

Abbr+-ун: *бздун* < англ. BSD (операционная система линейки BSD), *зипун* < англ. ZIP (архиватор ZIP).

Abbr +-ец: *гифец* < англ. GIF (формат GIF), *псдец* < англ. PSD (растровый формат хранения графической информации).

Abbr+-их(а): *авиха* < англ. AVI (видеофайл в метаформате).

Суффикс *-их(а)* классически имеет значение ‘женскости’ и, присоединяясь к основам существительных, образует феминные единицы со сниженным значением: *врачиха, купчиха, зайчиха*. В компьютерной жаргонной речи происходит нарушение деривационной модели: этот суффикс образует имена существительные от аббревиатур, принося пейоративное значение. Следовательно, аббревиатуры-экспрессы заполняют относительные лакуны в языке, то есть потенциальные словообразовательные модели.

Выбор суффиксов не случаен: коннотативно они связаны со словами из сниженного пласта языка, что способствует более точной передаче отношения к реалиям компьютерной действительности.

Отметим, что аббревиатурная модель, оформленная экспрессивными суффиксами, продуктивна в других социолектах. К примеру, в субстандартной лексике автомобилистов зафиксированы лексемы «от условных (или кодовых) обозначений предметов: *эмка* – легковой автомобиль марки ‘М’» [7, с. 95].

Следовательно, данная модель является общежаргонной, продиктованной квинтэссенцией главенствующей функции жаргона – экспрессивной.

Для гармоничного включения в систему русского языка как синтетического и возможности выражения грамматических свойств в коммуникации к аббревиатуре присоединяются русские флексии.

Abbr+*-a/-я*: *бздя* < англ. BSD (операционная система линейки BSD), *бима* < англ. IBM (компьютер фирмы IBM), *рама* < англ. RAM (оперативная память RAM).

Исходная и калькированная аббревиатуры могут иметь разный порядок букв для удобства произношения (см., например, *бима*).

Несмотря на внешнюю простоту и прагматическую причину возникновения модели, ее эмоциональная температура весьма высока: образуются комичные лексемы, коннотативно совпадающие с общенациональными словами или нецензурной лексикой.

Отметим, многие приведенные выше компьютерные аббревиатуры функционируют в структуре новой категории слов на периферии синтаксиса и словообразования – особого рода составных, разнографических существительных – биноминов (термин – М.В. Костроминой [10]), изафетов (термин – В.Г. Костомарова [5]): *ITшник*, *CDшка*, *DVDшка*, *NTшка*, *AVIк* и другие. Ученый В.Г. Костомаров отмечает, что «в современном русском языке складывается новый тип определительных словосочетаний или же составных слов, а лучше... сказать изафетов, воспринимаемых русским языковым чутьем как семантические универбы» [5, с. 212]. Их дифференциация проходит по сферам употребления. Одни принадлежат письменной речи (*IBMер*), другие – устной (*айбиэмер*).

Адаптация иноязычной аббревиатуры в современном русском языке считается превращением ее в самостоятельное цельнооформленное слово: формирование семантической структуры, развитие новых значений, образование дериватов [1, с. 209].

Словообразовательные модели в КЖ в пределах аббревиации не замыкаются на образовании имен существительных.

От компьютерных аббревиатур образуются глаголы по трансформационной субстантивной модели: к аббревиатуре присоединяется словообразующий суффикс – маркер спряжения – и формообразующий суффикс – маркер инфинитива.

Активно создаются глаголы с суффиксальными морфами:

Abbr+*-и-ть*: *рарить* < англ. RAR (использовать архиватор RAR), *аржить* < англ. ARJ (использовать архиватор ARJ), *тарить* < англ. TAR (использовать архиватор TAR), *зупить* < англ. ZOO (использовать архиватор ZOO), *лхачить* < англ. LHA (использовать архиватор LHA), *хэтэмеэлить* < англ. HTML (использовать язык программирования HTML).

Abbr + *-a/-я-ть*: *хаять* < англ. HA (использовать архиватор HA).

Abbr+*-ова-ть*: *зиповать* < англ. ZIP (использовать архиватор ZIP), *зуповать* < англ. ZOO (использовать архиватор ZOO), *айсовать* < англ. ICE (использовать архиватор ICE), *пинговать* < англ. PING (проверять соединения в сетях), *кастовать* < англ. CAST (автоматически тестировать программы).

Abbr+и-ну-ть: *зипнуть* < англ. ZIP (использовать архиватор ZIP), *зупнуть* < англ. ZOO (использовать архиватор ZOO).

Отаббревиатурные глаголы впоследствии становятся базой для образования других моделей.

Довольно активно создается префиксальная модель:

об- +Abbr-V: *обхаять* < хаять.

при- +Abbr-V: *приайсовать* < айсовать.

про-+Abbr-V: *пропинговать* < пинговать.

за-+Abbr-V: *зарарить* < рарить, *зааржить* < аржить, *зазиповать* < зиповать, *затарить* < тарить.

Таким образом, благодаря суффиксам и префиксам обнаруживаются видо-вые пары: *зиповать* – *зипнуть*, *зуповать* – *зупнуть*, *хаять* – *обхаять*, *рарить* – *зарарить* и др.

Посредством рефлексивного элемента образуется постфиксальная модель:

Abbr-V+-RE: *рариться* < рарить, *тариться* < тарить.

Смешанная модель глагольных аббревиатур представлена префиксально-постфиксальной способом:

за-+Abbr-V+-RE: *зарариться* < рарить, *затариться* < тарить.

Образование отаббревиатурных имен прилагательных строится по модели:

Abbr+-н-ый: *айдишная* (игра) < англ. ID, *дивидишный* (компьютер) < англ. DVD, *сидишный* (компьютер) < англ. CD.

В словарном материале встретились модели атрибутивных форм глагола: страдательные причастия прошедшего времени.

Их образование происходит от беспрефиксальных и префиксальных глаголов.

Abbr-V+-енн-ый: *раренный* < рарить, *таренный* < тарить, *зараренный* < зарарить, *затаренный* < затарить, *зазупленный* < зазупить, *отлхаченный* < отлхачить.

Abbr-V+-ованн-ый: *зипованный* < зиповать, *аржеванн-ый* < аржить, *приайсованный* < приайсовать, *зазипованный* < зазиповать, *заражеванн-ый* < зааржить.

Abbr-V+-ан/-ян-ый: *обхаянный* < обхаять, *аржаной* < аржить.

Участие аббревиатуры в сложении увеличивает сложность словообразовательного акта.

Суффиксально-сложная аббревиатурная модель строится на базе опорного компонента, содержащего глагольную основу, в сопровождении субъективно-оценочных суффиксов:

Abbr+i+-к(а): *сидивертка* < сиди (< англ. CD) + -верт + -к(а) (разновидность компакт-дисков).

Более сильную экспрессию передают суффиксальные морфемы:

Abbr+i+-ушк(а): *сидивертушка* < сиди (< англ. CD) + -верт + -ушк(а) (разновидность компакт-дисков).

С нулевым суффиксом закрепились лексические единицы:

Abbr+i+-пой: *фидопой* < ФИДО + -пой (< *попойка* < пить) (попойка операторов сети ФИДО).

К цельной аббревиатуре присоединяется связанный окказиональный компонент. С помощью связанного элемента выражается негатив по отношению к номинированным лицам.

Abbr+i+-нег: *айтишинег* < айти (< англ. IT) + -нег (программист в Интернет-технологиях).

Частотны сложения с опорным компонентом со значением «подобия тому, что названо первым компонентом» [7, с. 111]:

Abbr +i+-подобный: *фидоподобный* < ФИДО + -подобный.

В русском КЖ активно используются инициально-звуковые аббревиатуры – акронимы.

KK < okay cool (Окей, здорово)

CU < see you (Увидимся)

CUL < see you later (Увидимся позже)

IKWUM < I know what you mean (Я знаю, что ты имеешь в виду)

IOU < I owe you (Я должен тебе)

OIC < Oh, I see (О, я понимаю)

и т.д.

В целом функциональная направленность аббревиации в русском КЖ кардинально меняется: в аббревиатуры привносится оценочная функция, снимается официоз, занижается высокий официальный ранг аббревиатурных лексем. Ярким доказательством данной максимы является арсенал компьютерных аббревиатурных жаргонных моделей.

В КЖ развито явление языковой компрессии – субстантивация.

Полная субстантивация – явление эпизодическое в КЖ и практически ограничивается следующими лексемами: *хвостатая* (манипулятор типа ‘Mouse’), *мышастая* (манипулятор типа ‘Mouse’), *софтверий* < англ. software (программное обеспечение), *сексепильный* < англ. Excel (приверженец программы Excel).

В языкознании вызывает диспут тот факт, что могут ли производные *мышастая*, *хвостатая* быть отнесены к полной субстантивации исходя из того, что сочетаний с прилагательными этого типа никогда не было, и предлагается отнести это явление к ложной субстантивации по аналогии с лексемами *шашлычная*, *чайная*, *пирожковая* кодифицированной речи.

Анализ показал, что лексем *мышастая*, *хвостатая* образовались от сочетаний *мышастый манипулятор* и *хвостатый манипулятор* (проводной манипулятор). (Например, *Так мышастый действительно отличный... Сам пользую уже года 4, правда модель с хвостом, но зато не садятся акку в самый нужный момент* [<http://www.rozetka.de/Forums/archive/index.php?t-4438.html>]). Как известно, субстантивируясь, прилагательные приобретают грамматические категории существительных: род, число и падеж. Однако изменение категории рода (*мышастый* – *мышастая*) может навести на мысль о явлении ложной субстантивации, так как таких сочетаний нет. Женский род лексем *мышастая*, *хвостатая* возник

по семантическому признаку: *мышь* (манипулятор типа 'Mouse') – женского рода. (Речь идет именно об этом типе манипулятора.) Несмотря на то что неодушевленным именам существительным, обозначающим предметы и явления, несвойственно уподобление рода и пола, и на них накладывается отпечаток иной семантики категории рода, поскольку у грамматической категории рода присутствуют предметно-смысловые основы. Что, в свою очередь, может служить основанием считать лексические единицы *мышастая*, *хвостатая* полной субстантивацией.

В ракурсе компрессивной деривации широко представлена эллиптическая субстантивация.

При этом сжимание словосочетания в одно слово может происходить лишь в том случае, если словосочетание обладает способностью обозначать то же понятие, что и отдельное слово. Новое существительное включает в себя значение предметности, выраженное целым словосочетанием [3, с. 61].

Образование субстантиватов в русском КЖ происходит по модели: из частотного словосочетания 'прилагательное + существительное'/'причастие + существительное' элиминируется имя существительное.

Наиболее часто опускаемые имена существительные при конверсивах, мотивированных прилагательными:

архив: *зазипованный/зипнутый/зазипованный* (архиватор ZIP), *запленный/зазупленный/зазуженный/зуженный* (архиватор ZOO), *отэлхаченный/лхаевый/элашевый* (архиватор LHA), *айсовый/приайсованный* (архиватор ICE), *раренный/зараренный* (архиватор RAR), *аржаной/аржаной/аржеванный* (архиватор ARJ), *укнутый* (архиватор UC), *зажаренный* (архиватор JAR);

файл: *архивнутый* < архивированный;

компьютер: *задумчивый, тормозной, кривой* (плохо работающий), *гнилой* (плохой компьютер), *душевный* (хороший), *битый* (поломанный, испорченный), *безголовый* (компьютер, работающий без дисплея), *глючный* (с периодической неисправностью), *дохлый* (неисправный);

процессор: *запуганный* (плохо работающий), *разогнанный* (хорошо работающий);

кодер: *гнусный/гнушный/гнутый* (написанный под эгидой GNU), *гуёвый, гувевый* (приложение, обладающее GUI), *иксовый* (графический интерфейс пользователя), *дефолтный* (присваиваемый автоматически) *шареный* (общего пользования), *засеренный* (недоступный элемент управления в окне, зарисованный серым цветом), *сказёвый* (устройство для работы через интерфейсы), *нуленный* (программа с отсутствием регистрации);

программа: *багистая* (программа с множеством ошибок), *задумчивая* (медленно работающая программа), *гнилая* (плохо написанная программа), *гибкая* (программа, которая отказывается работать);

дискета: *пропиленная* (испорченная дискета), *бэднутая* (дискета с bad-секторами);

Имена существительные *pluralia tantum* адъективного склонения, мотивированные прилагательными, представляют обозначения лиц:

мелкомягкие (производитель или пользователь продукции фирмы OS Microsoft), *красноглазые* (пренебрежительное название пользователей OS Linux), *гнуемые* (производитель или пользователь продукции фирмы GNU), *интэловские* (производители или пользователи продукции фирмы Intel).

Субстантивированные причастия образуются свободно в соответствии с нуждами контекста [7, с. 85]. При субстантиватах, мотивированных причастиями, чаще всего удаляются слова:

диск: *бутовый* (загрузочный), *посытавшийся* (поломанный), забитый (начиненный вирусами), *поюзанный* (бывший в употреблении);

прибор: *заточенный* (приспособленный для решения какой-то определенной частной задачи);

файл: *утоптанный* (архивированный), *залоченный* (закодированный), *обрусевший* (русской версии).

Таким образом, субстантиваты в русском КЖ обладают двумя активными категориями: предметности и лица. Имя прилагательное вбирает в себя семантику существительного и используется в качестве номинации. Грамматически компьютерные субстантиваты ведут себя на правах существительных адъективного типа склонения. Субстантиваты имеют форму рода в соответствии с родовой принадлежностью элиминированного имени существительного.

Количественные характеристики компрессивных словообразовательных моделей свидетельствуют о том, что компрессивы занимают в профессиональном компьютерном дискурсе значительное место. Окончательно вытесняются описательные выражения и многословные названия.

***

1. Баранова Л.А. Иноязычные аббревиатуры как структурный элемент слов и словосочетаний в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: материалы III междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. Секция: Русское словообразование. С. 209-210.

2. Земская Е.А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2004. 240 с.

3. Копоть Л.В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2005. 210 с.

4. Коряковцева Е.И. Русский язык в эпоху Интернета: новые *nomina abstracta* в текстах общероссийских газет // XIX Оломоуцкие дни русистов: сб. ст. междунар. конф. Оломоуц: Изд-во Univerzita Palackého, 2008. С. 79-82.

5. Костомаров В.Г. «Изафет» в русском синтаксе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст: сб. науч. ст. М.: Изд-во Института русского языка РАН, 1996. С. 212-217.

6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1997. 263 с.
7. Краткая русская грамматика: учебник. 2-е изд., стереотип. / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина [и др.] / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2002. 726 с.
8. Левит З.Н. Лексикология французского языка. М.: Высшая школа, 1979. 160 с.
9. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение): пособие к спецкурсу. М.: Прометей, 1994. 116 с.
10. Русский язык: учебник для пед. ин-тов: в 2 ч. / М.В. Костромина, К.А. Николаева, Г.М. Ставская, Е.Н. Ширяев / под ред. Л.Ю. Максимова. 2-е изд. М.: Просвещение, 1989. Ч. 2: Состав слов и словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация. 288 с.
11. Современный русский язык: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина / под ред. Н.С. Валгиной. М.: Логос, 2002. 528 с.
12. Соколовская Т.Д. Активные процессы в современном русском языке: универбация, конденсация и др. сокращения. М.: Изд-во гос. ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2004. 152 с.
13. Calvet L.-J. Métro-boulot-dodo / L.-J. Calvet // Le français dans le monde. 1973. № 143. P. 27-30.

Список источников материала исследования:

14. Глоссарий компьютерного жаргона // сайт онлайн-словарей OnlineDics.ru. – 2009 [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://teenslang.su> (дата обращения 03.09.2009).
15. Глоссарий компьютерного жаргона // Персональный сайт Виктора Футько. – 2008 [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: www.at-first.info> (дата обращения 12.09.2008).
16. Глоссарий компьютерного жаргона // Секреты Всемирной паутины: сайт Святослава Чернецкого. – 2009 [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://networkmy.ru/156> (дата обращения 11.02.2009).
17. Форум «Клуб программистов». – 2008. [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://programmersforum.ru/> (дата обращения 12.09.2008).
18. Форум программистов. – 2008. [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://forum.codeby.net/> (дата обращения 12.11.2008).
19. Форум программистов и сисадминов. – 2008. [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://www.cyberforum.ru/> (дата обращения 14.11.2008).
20. Форум программистов, вебмастеров, пользователей – 2008. [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://forum.ru-coding.com/> (дата обращения 14.04.2008).
21. Форум программистов сайта «Сусман» – 2008. [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://forum.sysman.ru/> (дата обращения 14.04.2008).
22. Форум программистов «ВесельчакУ» – 2008. [Электронный ресурс]. <http://www.edudic.ru/ksl/1/12/URL: http://forum.shelek.ru/> (дата обращения 04.02.2008).

**НАРУШЕНИЯ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕСПЛАТНОЙ ПЕЧАТИ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «НАРОДНАЯ»)**

В статье исследуются случаи нарушения профессиональной журналистской этики в бесплатной рекламной-информационной городской газете г. Сыктывкара «Народная».

***Ключевые слова:** региональные СМИ, журналистская этика, скрытая реклама, этика и экономика.*

The work analyses cases of professional journalistic ethic breach in free informational and advertising Syktyvkar city newspaper «Narodnaya».

***Keywords:** local media, ethics, economics.*

История журналистской этики началась задолго до формирования самой профессии: ее формирование в том или ином виде шло со времен появления первых газет в начале XVII в. Однако особую актуальность вопрос социальной ответственности работника прессы приобрел в начале XX века, с того момента, когда журналистика превратилась в источник немалых доходов и мощный механизм политического и финансового влияния. Именно к этому времени восходит появление первых официально зафиксированных норм профессионального поведения газетных работников: в 1910 г. свой кодекс приняла Ассоциация редакторов Канзаса (США) [6, с. 213]. В начале 1990-х годов опять же в связи с превращением масс-медиа в значительную финансовую и общественную силу в условиях формирования рыночной экономики и распада моноидеологии национальные кодексы журналистской этики стали появляться в России, первым из которых стал Кодекс профессиональной этики российского журналиста (1994). Многие из его положений сегодня имеют аналоги в Законе о СМИ и, следовательно, предусматривают не только этическую ответственность, но и юридическую.

Необходимость в подобных документах была вызвана реалиями тогдашних СМИ. Так, в российском телевизионном эфире 90-х годов до разработки общепринятых норм многие явления новостных программ вызывали неприятие зрителей: незавуалированный показ насилия, последствий терактов, чередование трагических сюжетов с оптимистичной рекламой. Газетные телекритики не раз указывали на такую ошибку в поведении ведущих, когда во время интервью на темы катастроф или боевых действий те поддерживали диалог со своими собе-

седниками репликой «хорошо» [1, с. 15]. За прошедшее с тех пор время стало понятно, что этика сотрудника СМИ включает в себя самый широкий спектр ограничений: от необходимости соблюдения уголовного законодательства до следования правилам родного языка.

Разные источники по проблеме этики дают свои рекомендации по профессиональному поведению работника СМИ, но в целом их можно привести к нескольким основным принципам: нельзя причинять репутационный ущерб объектам публикации, необходимо четко отделять мнение от факта, рекламу от новости. Согласно этим принципам, журналист обязан подтверждать фактами любое утверждение, способное причинить кому-либо вред, сохранять конфиденциальность своих источников и не разглашать личную информацию о персонажах публикаций (адреса, номера автомобилей и т.д.). При этом особое внимание уделяется освещению событий криминального характера: важно соблюдать презумпцию невиновности и не называть подозреваемых или подсудимых преступниками до решения суда [4, с. 85].

Особое место в вопросах этики занимает бесплатная печать. Существующая исключительно за счет поступлений от рекламы, распространяющаяся порой огромными тиражами (поскольку не ограничена рамками спроса), она обретает статус особого влияния на читателей. Для многих бесплатные газеты сегодня являются единственным приемлемым видом печатных СМИ. Все последние маркетинговые исследования доказывают, что на фоне падения тиражей практически всех типов изданий только бесплатные газеты демонстрируют уверенный рост.

В Республике Коми первой бесплатной газетой стала «Pro Город Сыктывкар» кировского холдинга RNTI media Group, открывшаяся в 2008 году. Этот опыт оказался успешным в коммерческом плане, у газеты вскоре оказался самый большой тираж среди городских изданий (83 000 экземпляров). По закону рыночной экономики любое приносящее выгоду предложение мгновенно обрастает конкурирующими проектами сходного типа. Попытками повторить модель «Pro Города» были, например, сыктывкарские газеты «Эжвинская сплетница» и «Настоящий момент», не приносившие дохода издателям и потому закрывшиеся после выпуска нескольких номеров. Долше других всего в сегменте бесплатной рекламно-информационной прессы просуществовала газета «Народная» (2010-2013 годы, тираж 65 000). Существует распространенное мнение о том, что следование нормам морали не столько помогает в журналистском ремесле, сколько является помехой. История газеты «Народная» способна опровергнуть это суждение.

Все три года существования издание пыталось найти свой облик, что проявлялось в постоянных переменах во внешнем оформлении, рубриках и стиле подачи. Так, в течение нескольких первых недель у газеты существовала вкладка с телевизионной программой, от которой почти сразу отказались, по всей видимости, по причинам экономического характера. В газете никогда не было постоянного штата, менялись редакторы и рядовые сотрудники, ни один из них не был

профессионалом в журналистике. Очевидно, вследствие этого в издании постоянно допускались грубые нарушения общепринятых норм журналистской этики.

Так, в сентябре 2012 года в «Народной» появилась рубрика «Письма читателей» (частично скопированная с рубрики «Про Города» «смс-жалобы»), в которой с целью налаживания интерактивного общения с аудиторией читателей было предложено высылать в адрес редакции свои наблюдения о недостатках городской жизни. Заголовок первой же публикации этой рубрики подпадает под статью 152 ГК РФ «О защите чести, достоинства и деловой репутации»: «На пятнадцатом маршруте работают маньяки и наркоманы». Лид: «Горожане подвергают свою жизнь опасности, садясь в автобус» («Народная» №124 от 13 сентября 2012 года). Тем самым все сотрудники данного автобусного маршрута были объединены в категорию лиц с асоциальным поведением. Далее в тексте статьи со ссылкой на «информатора, пожелавшего остаться неизвестным», рассказывается о водителе «бардовой ГАЗельки» (орфография источника сохранена), который по имеющимся у редакции сведениям, основанным, судя по отсутствию прямой речи, на слухах, являлся наркоманом. В материале приводились имя, фамилия и номер автомобиля заподозренного шофера, что является нарушением статьи 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», где оговаривается, что серьезным правовым нарушением является «Незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации». В опубликованной на той же полосе еще одной жалобе от читательницы (имя которой было изменено) кондуктор другого автобуса того же маршрута назван в заголовке «извращенцем» на основании того, что его прикосновения в переполненном транспорте показались корреспондентке непристойными.

В дальнейшем, особенно когда редактором газеты становится В. Горбачева, обнародование личных данных и досудебные обвинения персонажей публикаций становятся обычной практикой как в рубрике «Письма читателей», так и в собственно журналистских материалах. В этом отношении показателен выпуск №127 от 4 октября 2012 года, где на одном развороте рядом были опубликованы два материала с нарушениями как этических, так и законодательных норм. В письме читателя «А настоящий ли поп?» персонаж публикации, названный по имени и фамилии священник, был напрямую обвинен в мошенничестве, притом личные наблюдения автора письма содержали в себе не столько фактические, сколько оценочные суждения: «Он сразу меня как-то смутил... Не было вокруг него этакого ареола святости...» При этом фамилия читательницы, приславшей в редакцию свою жалобу, в отличие от обвиняемого героя публикации, не была приведена.

Напечатанная на той же полосе редакционная статья «Полиция отказывается ловить педофилов» (автор – Ника Росс, псевдоним В. Горбачевой) описывала в качестве положительного опыта действия представителей националисти-

ческого движения «Рубеж севера» по самостоятельному выявлению и наказанию педофилов. Действительно, на сайте этой организации www.rubsev.ru регулярно появляются видеоролики, в которых показывается, как члены «Рубежа севера» через подставных лиц организуют переписку в социальных сетях между лицами, не достигшими 16 лет и подозреваемыми в педофилии, а затем, являясь на место назначенного свидания, устраивают допрос и наказание в виде обливания своей жертвы жидкостью неизвестного происхождения. В статье «Народной» был подробно описан один из таких случаев, при этом в ней помимо фотографии предполагаемого педофила были приведены такие частные сведения, как его имя, фамилия, отчество, домашний адрес, место работы, марка и номер автомашины. Тем самым было допущено нарушение одного из пунктов принятого в 1994 году Кодекса профессиональной этики российского журналиста: «Журналист придерживается принципа, что любой человек является невиновным до тех пор, пока судом не будет доказано обратное. В своих сообщениях он воздерживается называть по именам родственников и друзей тех людей, которые были обвинены или осуждены за совершенные ими преступления» [10].

Газета сочувственно процитировала слова одного из активистов «Рубежа севера», объяснявшего свои поступки «бездействием полиции», а в качестве «нейтрального мнения» эксперта привела комментарий студентки специальности «Юридическая психология», дававшей определение педофилии. По сути, статья демонстрирует слабость государственных правоохранительных органов и на этом основании провоцирует такое противоправное действие граждан, как само-суд. Между тем в Кодексе профессиональной этики российского журналиста имеется пункт, в котором говорится: «Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму» [10].

Таким образом, в приведенном случае были не соблюдены такие основополагающие требования журналистской этики, как минимизация репутационного ущерба объектам публикаций, предоставление возможности оправдаться персонажам критических журналистских материалов, обнародование разных мнений (по возможности, не менее трех) по конфликтным ситуациям, неразглашение частных сведений, запрет на вынесение обвинений до судебного решения.

Широко известно продиктованное профессиональной грамотностью требование, что журналист по возможности должен избегать написания материалов, в которых он имеет прямую заинтересованность (например, сводя счеты с личными противниками или выгораживая своих родственников в глазах общественности). Ряд публикаций «Народной» периода лета-осени 2012 года подпадает под эту категорию нарушений этики. В качестве примера можно привести статью из 114-го номера от 5 июля 2012 г. «Семилетняя девочка выиграла суд у сыктывкарской миграционной службы. Известный правозащитник Эрнест Мезак кинул собственного ребенка «на амбразуру». Автор материала В. Горбачева, скрывшаяся под псевдонимом Ника Росс, в мае 2012 года проиграла судебный процесс, в котором герой ее статьи Эрнест Мезак выступал адвокатом оппонента Горбачевой Павла Сафронова. (<http://www.bnkomi.ru/data/news/4882/>). Личные выпады

в адрес правозащитника присутствуют в блоге Горбачевой и на ее странице социальной сети «ВКонтакте». Тональность статьи в «Народной» далека от объективной: «Известный скандалами правозащитник решил не идти мирным путем... потащил семилетнюю девочку в суд». В этом случае нарушаются требования объективного отбора и подачи новости, и газетные полосы превращаются в трибуну личных мнений журналиста.

Еще один пример подобного подхода к печатному изданию содержится в выпуске №131 от 1 ноября 2012 года в рубрике «Письма читателей». Под заголовком «Осторожно! «Водятел» за рулем!» была опубликована подписанная псевдонимом «URAN» жалоба на водителя, подрезавшего на дороге автомобиль автора письма. Письмо сопровождалось фотографией с изображением автомобиля с ясно различимыми номерами. В действительности, Uraп – это «ник» (интернет-псевдоним) редактора издания В. Горбачевой. Например, информационное агентство www.bnkomi.ru представляет ее своим читателям следующим образом: «Вероника Горбачева, известная в молодежной среде под прозвищем Uraп...» Таким образом, это «письмо», стилизованное под разговорную речь («...водитель понял, что сейчас получит по шее и втопил посильнее тапку в пол... очень бы хотелось, чтобы в газете опубликовали фото этого, мягко говоря, нехорошего человека»), служит не столько целям информирования аудитории, сколько выражением частного мнения работника СМИ относительно частного случая.

Наряду с этим в газете присутствовали материалы, которые можно расценивать как рекламные, но при этом поданные как новостные. Так, ряд публикаций был направлен на создание положительного имиджа уже упомянутой организации «Рубеж севера»: объявление о готовящемся «Русском марше» в №131 от 01.11.2012, статьи «Горожан призвали вооружаться. Сыктывкарцы считают, что от бандитов можно защититься только самому» в №136 от 06.12.2012, «В защиту деревьев. Молодежь вооружилась битами и прошла по Ботаническому саду» в №148 от 28.02.2013. В выпуске №126 от 27.09.2012 в рубрике «Народная реплика» на вопрос газеты «Как вы добиваетесь решения проблем?» среди простых сыктывкарцев отвечал глава «Рубежа севера» Алексей Колегов, на тот момент участвовавший в предвыборной борьбе за пост кандидата в депутаты Госсовета Коми по Эжвинскому округу: «...благодаря нашим действиям в Эжве за счет Сыктывкарского ЛПК, который постоянно травит людей выбросами, началась витаминизация района, поставлены экологические посты». Это яркий образец так называемой «ползучей» или скрытой политической рекламы, замаскированной под обычный информационный материал. Такие публикации также оговорены в Кодексе профессиональной этики российского журналиста: «Журналист считает недостойным использовать свою репутацию, свой авторитет, а также свои профессиональные права и возможности для распространения информации рекламного или коммерческого характера, особенно если о таком характере не свидетельствует явно и однозначно сама форма такого сообщения. Само сочетание журналистской и рекламной деятельности считается этически недопустимым» [10].

Переходя к следующему виду нарушений, допущенных в газете, стоит напомнить, что особая ответственность ложится на журналиста при освещении трагических событий: в этом случае общепринято считаются недопустимыми ироничный тон, насмешка над жертвами и пострадавшими, предоставление слова виновникам происшествий (например, преступникам). Журналист должен всегда помнить, что его издание могут прочитать родственники и близкие персонажей его публикации, и постараться не причинить им дополнительных психологических травм своими высказываниями. Эти требования также неоднократно нарушались «Народной». Так, в статье «От сердечного приступа за неделю умерли два студента» Г. Веровой в № 130 от 25.10.2012 в завершении, то есть на том месте, где по законам логичной композиции традиционно находится основной вывод из текста, содержится выпад в адрес друзей одного из умерших студентов: «На контакт ни с кем идти молодые люди не хотят и огрызаются на всех посторонних, кому стала интересна минувшая жизнь Ивана». В другой публикации того же автора в №134 от 22.11.2012 «Смерть бабушки стала причиной потопа» материал открывается фразами, сочетающими ироничную интонацию с шокирующими подробностями при этом со ссылкой на столь недостоверный источник как слух: «В Эжвинском районе вечером 12 ноября умерла пожилая женщина. Казалось бы, что в этом необычного? Да, вот только по слухам ее тело оказалось сваренным в кипятке». Статья и в дальнейшем сохраняет близкую к разговорной ироничную окраску в явном несоответствии с темой материала.

Выше уже упоминалось о том, что в 90-е годы в России недовольство как медиакритиков, так и простых зрителей вызывало соседство в эфире центральных каналов трагических сюжетов с бодрой рекламой или реплики ведущих «хорошо» на суждения интервьюируемых о катастрофах и преступлениях. В этой связи стоит упомянуть, что в том же номере «Народной», где была напечатана процитированная статья, помещалось объявление саморекламы, где редакция объявляла все слухи о возможности скорого закрытия издания происками конкурентов и сообщала в завершение: «Мы вас радовали, радуем и будем радовать...» Оптимистичные заявления в данном контексте могут оцениваться как очевидное проявление журналистского цинизма и способны сформировать у части аудитории неверную шкалу ценностей.

Однако такие, казалось бы, «выигрышные» методы борьбы за внимание аудитории, как субъективная и близкая к разговорной манера подачи, шоковая тематика, критика «на лица», опора на приземленные чувства людей (мстительность, недоверие к любого рода «чужакам») на деле привели к негативным для газеты последствиям, которые становятся очевидными в №144 от 14.02.2013. Здесь на месте рубрики «Письмо читателя» появляется опровержение одной из прошлых статей «Народной» «Почем кладбищенская земля, господин Бабяк?» и извинения учредителя издания перед ее оскорбленным персонажем. Как известно, подобные опровержения печатаются по результатам судов и, как правило, сопровождаются внушительными штрафами. Таким образом, политика редакции не только не принесла ей особых дивидендов, но и, напротив, привела к

материальным потерям. Неслучайно в том же номере рубрика «Письмо читателя» исчезает с полос газеты и анонсируется новая – «SMS-радости», где вместо прежней критики читателям предлагается делиться своими позитивными новостями такого рода: «На одной из заправок на выезде из города в Вильгорт обслуживает очень вежливая кассирша. Она всем улыбается и желает доброго пути». Впрочем, и эта рубрика не продержалась в газете больше, чем в двух номерах.

С конца апреля 2013 года газета перестала доставляться к читателям. Связано это и с кадровыми проблемами, и, как можно предположить, с финансовыми, вызванными в том числе судебными издержками. Автор учебного пособия «Экономика отечественных СМИ» в главе «Менеджмент и СМИ» С.М. Гуревич отмечает: «Экономическая сторона редакционной деятельности во многом связана с ее этической стороной. Это сказывается на многих направлениях редакционного менеджмента. Прежде всего, на формировании имиджа периодического издания. Одной из его составляющих всегда является этический имидж. О газете или программе судят не только по их тематике, особенностям содержания, формы и стиля, но и по соответствию их отношения к событиям и людям, нравственным нормам, принятым в обществе. Этический имидж издания соответствует нравственному уровню его аудитории: бульварная газета издается для читателей, которые ищут в ней, прежде всего криминальные и безнравственные сенсации. Если этого не будет, она потеряет свою популярность. И наоборот, люди высокого нравственного уровня ищут периодическое издание с соответствующим этическим имиджем и быстро формируют его аудиторию. Этический имидж издания не должен опускаться ниже определенной границы – общечеловеческих нравственных норм. В противном случае такое издание лишится большей части своей аудитории, что приведет к серьезным финансовым потерям.

Нарушение этических норм сказывается не только на имидже издания, но и напрямую на редакционном бюджете, где появляются новые расходные статьи. Некоторые редакции и компании вынуждены непрерывно выступать ответчиками на судебных процессах по искам граждан, посчитавших себя оскорбленными в публикациях журналистов. Убытки редакций от необходимости выполнения судебных приговоров в пользу истцов составляют все более значительные суммы. И если прибавить к этим убыткам потери от скрытой рекламы, публикации искаженной и ложной информации, то становится ясно: нарушать этические нормы в журналистике невыгодно – как редакции, так и каждому ее сотруднику» [3, с. 102].

Однако почти одновременно с закрытием «Народной» в апреле 2013 года другая бесплатная газета «Панорама столицы» стала объектом широкого обсуждения из-за действий неэтичного характера. В №786 от 22.04.2013 в специально возрожденной для этого рубрике «Литературная гостиная» без ведома автора были опубликованы стихи реактора независимой республиканской газеты «Красное знамя» Е. Горчакова, наиболее эпатажные и неоднозначные из всех, которые были им выложены на сайте stihi.ru. Вызвав этими действиями волну

возмущения среди читателей (основную часть которых, судя по контенту издания, составляют лица пенсионного возраста), редакция публично извинилась перед ними на своей странице в Интернете и через информагентство «БНКами», при этом прямо раскрыв свои цели: «В прошлом номере были опубликованы некорректные, оскорбительные и даже пошлые стихи главного редактора газеты «Красное знамя» Евгения Горчакова. Эта публикация вызвала волну негодования и массу звонков в редакцию газеты. Читатели требуют никогда больше не публиковать подобные гадости. Мы приносим свои извинения нашим читателям! Этими стихами мы хотели показать суть того, что сегодня в действительности происходит с газетой «Красное знамя». Сегодня мы – сыктывкарцы – наблюдаем за разборками между новым руководством газеты и властью республики. Это конфликт личностей, из-за которого погубили газету. От прежней осталось только название. А кто они – новые руководители – Евгений Горчаков, Владимир Губарев, Борис Суранов? Что они сделали для жителей Сыктывкара, республики? Судя по содержанию сегодняшнего «Красного знамени» этим людям нет дела до жителей республики. И эти гадкие стихи, что мы опубликовали, – тому подтверждение». Эти извинения сделали очевидным тот факт, что «Панорама столицы» своей публикацией, во-первых, попыталась нанести удар по конкуренту, а, во-вторых, в угоду местным властям создать в глазах аудитории негативный имидж независимого издания, нередко критиковавшего действия местных чиновников всех рангов.

Показательно, что реакция интернет-аудитории оказалась прямо противоположной той, на которую рассчитывали авторы провокации. Абсолютное большинство комментаторов высказалось в поддержку Горчакова, на сайтах газеты «Красное знамя» и портала 7x7 были опубликованы резонансные статьи известных журналистов В. Черницына «Сочувствую» и Е. Соловьевой «По поводу стихов Евгения Горчакова, размещенных в ПС и на БНК», где разоблачались намерения газетчиков. То есть неэтичный способ поведения оказался неэффективным для «Панорамы столицы» и в имиджевом, и в материальном плане: публикация стихов опального редактора нарушает новые правила о нецензурной брани в СМИ, о возрастных ограничениях на продукцию СМИ и закон об авторском праве и потенциально грозит изданию большими штрафами.

Таким образом, на основе наших наблюдений можно сделать несколько выводов. Как правило, причиной появления публикаций неэтичного характера на страницах региональной печати является недостаток профессионализма журналистов и редакторов этих изданий. По всей видимости, профильное образование могло бы помочь сотрудникам СМИ избежать подобных нарушений. Во-вторых, соблюдение этических норм оказывается серьезным регулятором, способствующим успешному продвижению медиапродукта на рынке информации.

***

1. Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М., 2003.
2. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
3. Гуревич С.М. Экономика отечественных СМИ. М., 2004.
4. Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу: об этическом подходе в журналистской профессии. М., 1998.
5. Лазугина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М., 1999.
6. Назаретян А.К. Журналистская этика: тенденции развития // Этическая мысль. 2010. Вып. 10. С. 213-234.
7. <http://www.7x7-journal.ru>
8. <http://www.bnkomi.ru/>
9. [http:// www.komikz.ru/](http://www.komikz.ru/)
10. <http://www.ruj.ru/about/codex.htm>

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ТЕКСТА ПОВЕСТИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА

В целях определения истории текста «Повести о происхождении табака» автор обратился к ряду списков произведения варианта «из книги Пандок». В статье характеризуется тематика и проблематика Повести, определяется степень изученности ее списков в текстологическом аспекте. Установлены искаженные чтения для ряда списков основной редакции 1-го вида, по которым можно разделить списки Повести на несколько групп. На основе анализа выделенных групп выстраивается движение текста 1-го вида основной редакции от архетипа к имеющимся вариантам списков.

Ключевые слова: *Повесть о происхождении табака, древнерусские повести, табак, текстология.*

To determine the history of the text of «The novel of the origin of tobacco» the author turned to several versions of «from Pandok book» option of the novel. The article describes the topic and problems of the Novel, focuses on the level of research on the versions with regards to textological aspect. Altered readings for several versions of the main revision of the first type were revealed which makes it possible to divide Novel versions into several groups. Based on the analysis of the determined groups the evolution of the text of the main revision of the first type can be identified from the archetype to the existing options of the versions.

Keywords: *The novel on the origin of tobacco, Old Russian novels, tobacco, textology.*

Повести о табаке – литературные памятники XVII в., объединенные темой происхождения и распространения среди людей «мерзкого зелья» – табака. Они, по словам В.Н. Перетца, представляют научный интерес как памятники поздней средневековой русской литературы, трансформировавшиеся под воздействием христианских идей, а позднее получившие дополнительную обработку под пером старообрядческих авторов [5, с. 150].

Тема табака, его окутанное легендами происхождение, отношение к нему простого народа, Церкви и государства, последствия греховного приобщения христианина к курению или нюханию табака всегда вызывала интерес у читателя. В настоящее время в старообрядческой среде известен широкий круг литературных и публицистических произведений, объединенных никоцианской тематикой.

Наиболее часто в рукописных сборниках встречается повесть, в заглавии которой есть указание на некую книгу «Пандок» как ее источник – «Сказание от

книги, глаголемыя Пандок, о хранительном былии, мерзком зелии, еже есть траве табаце, откуда бысть и како зачатся и разсеяся по вселенней, и всюду бысть». Относительно происхождения этого сказания ученые выдвинули две гипотезы. Согласно одной, оно является памятником переводной литературы, согласно другой, предание сложилось самостоятельно в XVII веке на основе русских легенд и сказаний [3, с. 45].

Повесть рассказывает о том, как эллинский царь Анепсий, узнав при помощи ангела о происхождении неизвестной травы, приводившей его подданных в опьяняющее и экстатическое состояние, находит могилу блудницы, из тела которой вырос табак, и принимает крещение от христианского епископа. Насадителем табака является дьявол, по его наущению табак находят эллины и начинают разводить его в своих садах ради веселья. Действие относится к начальному периоду распространения христианства, так называемым апостольским временам. Место действия – «Эллинская земля», владения царя Анепсия, основного героя Повести. Жертвами появления и распространения табака становятся жители страны – эллины, а спасает героев от страшного греха табакокурения эллинский епископ. Именно эта повесть получила наибольшее распространение в рукописях XVII–XIX вв., в том числе и на Нижней Печоре.

Все известные списки Повести варианта «Пандок» разделяются, как показали предшествующие исследования [2, с. 11], на три группы: первую составляют списки основной редакции, наиболее распространенной в среде переписчиков, вторую – списки особой редакции, третью – списки кратких редакций. Внутри основной редакции выделяются три вида. Эти выводы были сделаны Т. Ф. Волковой и О. С. Уляшовой в ходе исследования списков Повести санкт-петербургских хранилищ [2, с. 11].

Мы расширили по сравнению с нашими предшественниками источниковедческую базу исследования за счет ранее не привлекавшихся списков из хранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Это позволило уточнить ранее сделанные текстологические наблюдения по истории текста Повести.

Классификация мотивов Повести была предложена Т.Ф. Волковой [2, с. 14–20]. Мы проанализировали, опираясь на эту классификацию, ряд сюжетных мотивов Повести в списках I вида основной редакции как наиболее близкого к архетипу. Для исследования нами привлечены следующие списки Повести о происхождении табака: ИРЛИ, собрание Перетца, № 469, лл. 2 об. – 36, XVIII в. (далее – П); БАН, Архангельское, № 589 Д, лл. 119 – 140, нач. XVIII в. (далее – А); РНБ Q1 1285, лл. 173–210 об., сер. XVIII в. (далее – Q); РНБ Титова 1559, лл. 276 – 287 об., сер. XVIII в. (далее – Т); РГБ, Тихонравова, № 87, лл. 88 – 95 об., XVIII в. (далее – Тх), ГИМ, Уварова, 623-4, лл. 57–70 об., XVII в. (далее – У); ГИМ, Барсова, 1625, лл. 224 об.–249, XVIII в. (далее – Б); ИРЛИ, Красноборское, 11, лл. 12 об. – 44 об., XIX в. (далее – Кр).

На данном промежутке исследования мы выделили 5 этапов развития текста Повести, связанных с появлением в нем отдельных искаженных чтений, по

которым списки Повести можно разделить на группы внутри I вида Основной редакции.

Кратко охарактеризуем выявленные нами этапы в развитии текста I вида основной редакции, которые далее будут рассмотрены подробнее. Первое искажение произошло в конце XVII в. и состояло в утрате начала мотива 17, развивающего тему трезвой жизни язычников в стране царя Анепсия (например, в списках П, А, Т, Q, У). Это искажение стало дублироваться многими из последующих переписчиков. На следующем этапе появились искаженные чтения в мотивах 9 и 16, где повествуется о замысле сатаны посадить табак (мотив 9) и о разбогатевших от продажи табака купцах (мотив 16). Одни переписчики сохранили правильные чтения (П), другие повторили вновь возникшие ошибки (А, Т, Q, У). На каком-то этапе переписывания появилось новое разночтение в мотиве 2 (о непокаявшейся пророчице Иезавели), также разделившее списки Повести (одну группу составляют списки П, А, Т, Q; другую – список У). Наконец, к разночтениям в мотивах 17, 16, 9 и 2 добавилось ошибочное чтение в мотиве 105 (о курильщиках, отлученных от церкви; сравнение их с неплодной лозой), что также зафиксировал ряд списков (А, Т, У). Некоторые писцы, видимо, имея под рукой два или несколько списков Повести, по-разному использовали искаженные чтения, включая в свой список из разных источников те чтения, которые им казались правильными.

Рассмотрим подробнее ошибочные чтения вышеназванных мотивов, приведшие к возникновению новых вариантов текста.

На границе 16 и 17 мотивов во многих списках обнаруживается явная порча текста – утрата начала мотива 17. Предшествующий 16-й мотив содержит сообщение о том, что многие купцы и продавцы обогатятся от продаж табака и «...ихъ же часть с неверными» будут гореть «во огни горящем и серою смердящею», а далее следует текст, относящийся по теме уже к мотиву 17 и представляющий собой окончание какой-то несохранившейся фразы о трезвой жизни обитателей земли царя Анепсия (списки П, А, Т, Q, У): «в трезвости ... понеже в той земли пьянства не имуще, хмелнаго пития не было...» (Т, л. 277 об.)

В других списках этот мотив имеет начало, причем в разных списках – разное: в одних сохраняется словосочетание «в трезвости», свидетельствующее о генетической связи этих списков со списками, искаженными в мотиве 17 («В той земли люди в трезвости живуци, понеже пьянства не имуще...» – Кр., л. 3 об.), в других оно заменяется синонимом (например: «**Бысть же страна некая, в ней же пьянства не было...**» – Б, л. 226; «**В земли же той пьянства** и никоего хмелнаго пития не имуще...» – Тх, л. 89 об.).

В группе списков, объединенных утратой начала мотива 17, обнаруживается еще ряд разночтений, позволяющих разделить эти списки на более мелкие группы. Так, в мотиве 16 в списках П, У, Т, Q после сообщения о том, что «мнози же купцы и продавцы» разбогатеют от «хранительнаго былия» добавлено, что часть их «с неверными» окажется «во огни горящу». В других списках (например, в списке А) вместо «с неверными» читается «скверными». По смыслу пра-

вильным является чтение «с неверными»: любители табака из числа христиан после смерти оказываются в аду вместе с грешниками других конфессий («неверными»). Таким образом, выделяется еще один этап в искажении первоначального текста I вида Основной редакции.

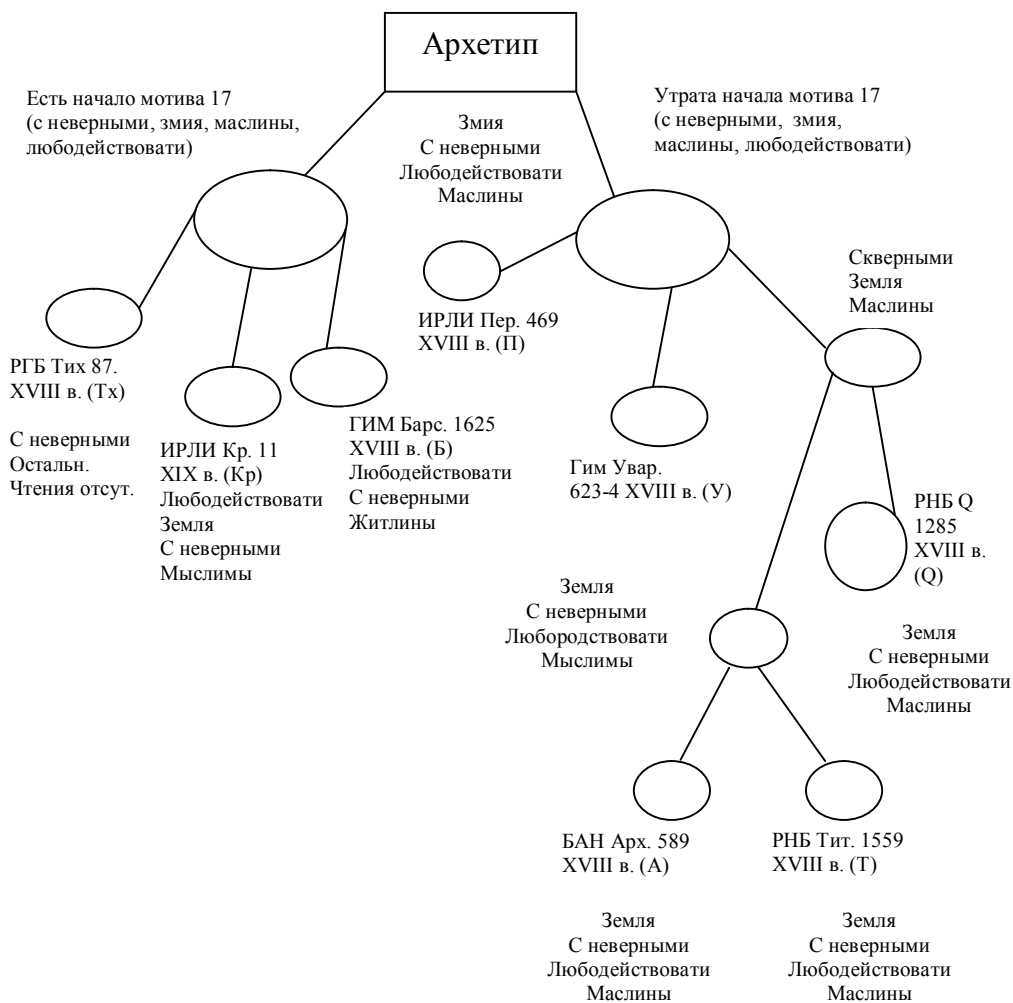
Рассматривая 9-й мотив о замысле сатаны рассадить табак, мы обратили внимание на следующий фрагмент: «...и удицею вочеловечения своего (речь идет о Христе) **змия** извлече во ад, сиречь диавола связа узами нерешимыми...» (П, л. 4). Это архетипное чтение, отражающее один из сюжетов Священного Писания о нисхождении Иисуса Христа после смерти и воскресения в преисподнюю, развиваемый в ряде богослужебных текстов, например в Требнике («Молитва о храмине, стужаемой от злых духов»): «...мучителя Крестом Твоим низложил еси, и змия удицею вочеловечении Твоего привлекал еси, и узами мрака в тартар посадив связал еси...». Однако в других списках (А, Т, Q, У) в этом мотиве обнаруживается явная ошибка: «...и удицею вочеловечения своего **земля** извлече во ад, сиречь диавола связа узами нерешимыми...» (Q, л. 176). Правильное чтение «змия» здесь заменяется на ошибочное «земля», что совершенно искажает смысл евангельского образа. Это явно механическая ошибка, однажды сделанная каким-то писцом, а потом повторенная другими.

Рассмотрим вторую часть мотива 2, которая содержит слова Господа о поведении пророчицы, впавшей в грех, где объясняется, что она пришла в мир, чтобы «учить и льстить рабы своя». Далее следует указание на то, чему именно она призвана «обучать»: в списках П, А, Т, Q, У – «**любодействовати**», в списке Кр. – «...**любодеянию**», в списке У – «**любородствовати**». Эти разночтения не меняют смысла фрагмента, однако по ним мы также можем разделить списки I вида основной редакции на две группы.

Мотив 105 содержит изречение, восходящее к Новому Завету. В Послании ап. Павла к Римлянам (11: 17) читаем: «Если же некоторые из ветвей отломались, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины...» В Повести это выражение используется для образного сравнения курильщиков с маслиной, привитой к неплодоносной лозе. В списках П и Q эта евангельская реминисценция содержит правильное чтение: «...отсекоша своя **маслины** и присадишиа к **пустынной лозе неплодной**...» (Q, л. 209 об.). А в остальных списках исследуемой группы (А, Т) видим искаженный его вариант: «...отсекоша свое **мыслемы** и присадишиа к **пустынной лозе неплодной** ...» (А, л. 140).

Таким образом, мы выделили несколько ключевых моментов искажения архетипного текста I вида Основной редакции Повести, что позволит в дальнейшем классифицировать и другие списки этого вида основной редакции, пока нами еще не привлеченные.

Приводим ниже текстологическую стемму, иллюстрирующую наши выводы о соотношении исследованных списков Повести о происхождении табака, относящихся к I виду основной редакции.

***

1. Волкова Т. Ф. Повести и легенды о табаке в контексте мифопоэтических представлений о смерти // Смерть как феномен культуры: межвузовский сборник научных трудов. 1994. С. 75-95.

2. Волкова Т. Ф. Повесть о происхождении табака (Список усть-цилемского книжника И.С. Мяндина в контексте рукописной традиции повести) // Вестник Сыктывкарского университета. 2008. Выпуск 7. Серия 6: Филология. Искусство. С. 5–33.

3. Волкова Т. Ф., Поньрко, Н. В. Повести о табаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. 1998. Вып. 3. (XVII в.) Ч. 3: П-С.

4. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). СПб., 2011.

5. Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая – 10 июня 1915 года. Киев, 1915.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена вопросам развития в России социальной рекламы. Рассматривается понятие, основные проблемы и перспективы развития социальной рекламы в России.

Ключевые слова: *Социальная реклама, Россия, проблема, перспектива.*

The paper considers the problem of development social advertising in Russia.

Keywords: *Social advertising, Russia, problem, perspective*

Несмотря на технический прогресс, относительный рост благосостояния населения в начале XXI века, проблемы социального характера продолжают присутствовать в нашей жизни. Причин тому может быть множество: побочным результатом того же технического прогресса является интенсивное и часто безответственное воздействие человека на окружающую среду, что порождает, в свою очередь, множество других проблем; рост численности населения приводит к постепенному сокращению земельной площади, пригодной для жизни, к истощению природных ресурсов, а это порождает конфликты не только между отдельными людьми, но и между целыми государствами. Кроме того, с развитием человечества меняются его взгляды на жизнь, социальные ценности, порой в лучшую, а порой и в худшую сторону. В связи с этим преступность, наркомания, алкоголизм и целый ряд подобных социальных проблем постепенно разрушают общество изнутри. При этом, на первый взгляд, ничего существенного не происходит: при всех этих проблемах люди продолжают каждый день жить и работать. Кто-то, возможно, вообще даже не замечает подобных ситуаций. Но нерешенность социальных вопросов со временем приводит к существенному росту напряженности, общество начинает деградировать, а государство слабеть, что, в свою очередь, уже затрагивает геополитические вопросы.

Таким образом, в XXI веке человечество обладает существенным арсеналом для собственного уничтожения. Поэтому очевидно, что сегодня необходимо не только создавать новую технику, осваивать космос и морские глубины, но и уделять немалое внимание вопросам социального характера, разрабатывать проекты, которые помогут не просто привлечь к ним внимание, но и предложат способ их решения.

Одним из таких инструментов, призванных заставить общество серьезно задуматься о своем настоящем и будущем, является социальная реклама.

В России проблемой социальной рекламы занимаются такие специалисты, как Г.Г. Николайшвили [5], О.Ю. Голуб [1], Е. Степанов [7], В.В. Ученова и Н.В. Старых [8], П.А. Кузнецов [4], С.С. Сергеев [6] и некоторые другие. Как правило, авторы рассматривают понятие социальной рекламы, историю ее развития, место в системе социальных коммуникаций современного общества, социальную рекламу в России и за рубежом, законодательную базу, процесс создания, проводят сравнение с коммерческой рекламой.

При этом некоторые авторы, например Г.Г. Николайшвили, считают, что «социальная реклама как научное направление пока не сформировано не только в России, но и в мире в целом», а «специальных учебников и статей по социальной рекламе, переведенных на русский язык, в настоящее время крайне мало» [5, с.5]. Е. Степанов также пишет, что «социальная тематика до сих пор является одной из самых неразработанных в науке» [7, с.5]. В связи со всеми названными причинами тема социальной рекламы по-прежнему остается довольно актуальной.

Рассуждая о социальной рекламе, стоит определить это понятие.

В.В. Ученова и Н.В. Старых прямо пишут, что «понятие социальной рекламы в наши дни все еще не обрело строго закрепленного определения» [8, с.4]. Сами же авторы присоединяются к мнению М.И. Пискуновой, которая считает, что «социальная реклама – это информация, представляющая общественные или государственные интересы и направленная на достижение благотворительных целей, оформленная таким образом, чтобы оказать направленное воздействие на массовое, корпоративное и индивидуальное сознание с целью вызвать определенную реакцию целевой аудитории» [8, с.5].

Г. Николайшвили говорит о том, что «термин «социальная реклама» применяется только в России. Во всем мире ему соответствуют понятия «некоммерческая реклама» и «общественная реклама» [5, с.10]. Социальная же реклама – это вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям [5, с.10].

Е. Степанов считает, что социальная реклама – это реклама, направленная на решение социальных вопросов, это реклама не товара, а отношения к окружающей действительности [7, с.8].

В российском законе «О рекламе» от 2006 года социальной рекламе посвящена статья 10, а в статье 3 дано ее определение (социальная реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства) [9]. Содержащаяся здесь информация дает лишь общее представление о социальной рекламе. При этом отдельного закона, посвященного социальной рекламе, в России не существует. К слову сказать, этот вопрос остается дискуссионным. Сторонники отдельного закона о социальной рекламе считают, что он позволит решить целый ряд спорных моментов в

сфере социальной рекламной деятельности. Противники же придерживаются мнения о том, что отдельный закон значительно усложнит процесс регулирования социальной рекламы.

Таким образом, получается, что социальная реклама – это просто информация, или же вид коммуникации, или же отношение к чему-либо. По своему предназначению социальная реклама призвана оказать направленное воздействие на сознание отдельного человека или всего общества, привлечь внимание к актуальным проблемам социума, решать социальные вопросы, обеспечить интересы государства.

В силу того что социальная реклама в России достаточно молода, существует немало проблем в ее развитии.

В связи с этим следует отметить, что в 2008 году журнал «Рекламодатель» опубликовал материалы круглого стола, посвященного наиболее актуальным вопросам, связанным с социальной рекламой. Участниками круглого стола были специалисты-практики – представители различных компаний и организаций, которые высказали свое отношение к развитию социальной рекламы в России и обозначили наиболее актуальные проблемы в этой сфере.

Одной из первых проблем была названа «невнятность сообщения, не содержащего призыва к действию и, во вторую очередь, недостаточное количество щитов» [3]. По своему содержанию социальная реклама должна содержать четкое обозначение проблемы и предлагать хотя бы один вариант ее решения, призывая к участию общественность. Малое количество носителей социальной рекламы приводит к сокращению числа увидевших ее представителей целевой аудитории, а значит, замедляется процесс принятия решения по данной проблеме.

Далее было отмечено, что зачастую заказчиками социальной рекламы являются в нашей стране государственные структуры, которые формально подходят к делу: проблема в рекламе обозначается, но ничего не делается при этом для ее решения.

Один из участников круглого стола отметил, что, занимаясь социальной рекламой, нельзя забывать про Интернет: «...рекламная кампания будет гораздо действеннее, если она пройдет в оффлайне и онлайн одновременно» [3]. Но при этом сегодня крайне мало сайтов, посвященных социальной рекламе, а у имеющих – труднозапоминаемые адреса. Об этом же писала и Г.Николайшвили в своей работе, отметив, что сайт www.socreklama.ru, созданный в 2003 году по ее инициативе, «пока единственный интернет-портал, где сосредоточены основные информационные и аналитические ресурсы по теме» [5, с.5].

Далее было сказано, что социальная реклама не должна быть слишком абстрактной. Проблема должна быть обозначена как можно более конкретно. В то же время, несмотря на всю конкретность, социальная реклама перед ее представлением общественности должна быть протестирована, чтобы избежать серьезных ошибок и существенных затрат по их исправлению, если реклама будет широко распространена [3]. И это действительно актуально, поскольку неправильно понятая социальная реклама может привести порой к весьма печальным последствиям.

Существенным препятствием развития социальной рекламы является вопрос о ее финансировании. Многие рекламопроизводители и рекламодатели отказываются заниматься социальной рекламой, поскольку на ней сложно заработать. При этом некоторые рекламные агентства берутся за социальную рекламу лишь с целью пополнить свое портфолио, чтобы оно выглядело более презентабельно [3].

Еще одной проблемой оказалась краткосрочность социальных рекламных кампаний. И действительно, на некоторых улицах Сыктывкара (Республика Коми) автором был отмечен такой факт: плакаты, посвященные Дню Победы, порой снимали практически на следующий день, что указывает на поверхностное отношение не только к социальной рекламе, но и к весьма знаменательным датам в истории нашей страны.

В том же Сыктывкаре была зафиксирована еще одна проблема: вандализм. Как известно, автобусные остановки являются достаточно удобным местом для размещения рекламы. Люди могут на многое обратить внимание, пока ждут автобус. На некоторых остановках была размещена информация об участниках Великой Отечественной войны: текст и фотографии. Казалось бы, разработчики проекта преследовали благую цель: вместо сведений о товарах или услугах люди могут познакомиться с информацией о ветеранах Великой Отечественной войны. Тем не менее идея оказалась испорченной, поскольку фотографии ветеранов были разрисованы. Возможно, следовало это предусмотреть и попытаться защитить плакаты каким-то способом.

Некоторые специалисты считают, что часто социальная реклама откровенно запугивает людей крайне откровенной демонстрацией проблемы. В итоге зритель оказывается настолько шокирован, что вместо того, чтобы предпринять какие-либо меры по устранению проблемы, он будет стараться вообще избегать информации о данном вопросе. Такое, действительно, возможно. Но в то же время существует такое понятие, как «шокирующая социальная реклама». Некоторые специалисты отмечают, что негативные эмоции обладают достаточно сильным эффектом и способны поэтому привлечь внимание человека, а значит, заставить его задуматься. То есть применение метода шокирования в социальной рекламе возможно, но в то же время делать это стоит осторожно. Шок должен быть лишь элементом рекламы, а не ее целью [2, с.142-150].

Социальную рекламу следует разрабатывать и размещать с учетом всех особенностей рекламного дела. Только в этом случае удастся избежать откровенных ошибок. Но часто этого не происходит, что связывают с бюджетными ограничениями и несерьезным отношением к такого рода рекламе.

Для социальной рекламы крайне важен творческий подход, нестандартные решения, поскольку с помощью представленной информации важно не просто познакомить человека с товаром или услугой, а заставить его задуматься, в идеале – изменить со временем свою поведенческую модель в лучшую сторону. При этом некоторые участники круглого стола отметили, что в России почти нет качественных изменений в области социальной рекламы. Часто она неинтересна,

стандартна. Узких специалистов в области социальной рекламы практически не хватает, в том числе и потому, что их труд слабо мотивирован [3].

Кроме того, при сравнении зарубежной и отечественной социальной рекламы оказывается заметен такой момент: на российских плакатах часто в большом количестве представлены организации-заказчики рекламы. Возникает ощущение, что реклама создавалась с целью формирования позитивного имиджа данных ведомств, а не для привлечения внимания к сути проблемной ситуации.

Отмеченные сложности в развитии российской социальной рекламы наводят на мысль о том, что в основе социальных проблем (в том числе и связанных с существованием социальной рекламы) лежит стремление человека к удовлетворению своих различных потребностей (власть, роскошь, развлечения, жилье, пища и т.д.), зачастую любой ценой и за счет других людей. То есть кто-то сознательно переступает через социальные нормы ради денег, выгоды для себя, а кто-то вынужден так поступать, руководствуясь элементарным стремлением выжить. Поэтому в условиях такого разделения общества часто просто нет времени, желания, а порой и сил (как моральных, так и физических) думать о социальных ценностях. Но это вовсе не значит, что в обществе не осталось людей, способных заботиться не только о себе, но и о других, готовых помочь нуждающимся.

Таким образом, проблем в области российской социальной рекламы существует немало. Но и коммерческая реклама далеко не идеальна. Тем не менее меньше ее не становится. Появляются новые ролики, плакаты и т.д. Но польза от такой рекламы заключается лишь в получении дополнительной прибыли рекламодателем и удовлетворении материальных нужд потребителем. Польза же от социальной рекламы может быть гораздо более значимой, поскольку затрагивает духовную сторону жизни человека, а порой и вопросы его элементарного выживания.

Поэтому социальную рекламу развивать, безусловно, стоит. Только подход к этому делу должен быть ответственным и серьезным. Необходимо изменение отношения общества, рекламодателей, рекламопроизводителей к такой рекламе путем формирования общественного мнения о престижности, значимости рекламной деятельности в социальной сфере, а также решения вопроса о ее финансировании.

В заключение стоит отметить, что социальная реклама в некоторой степени дает рекламопроизводителям даже больше возможностей в раскрытии своего творческого потенциала, нестандартного мышления по сравнению с рекламой коммерческой, поскольку здесь в достаточно сжатом виде необходимо не просто призвать человека совершить покупку, а заставить его серьезно задуматься не только о своем будущем, но и о будущем всего человечества.

***

1. Голуб О. Ю. Социальная реклама: учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010.

2. Грошев И.В., Морозова Л.В. Особенности воздействия элементов шокирующей рекламы на поведение потребителя [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2012. №1. С.142-150. URL: http://psyjournals.ru/files/50088/social_psy_2012_n1_Groshev_Morozova.pdf (дата обращения: 11.02.2014).
3. Егина Е.Б. Социальная реклама [Электронный ресурс] // Рекламодатель. 2008. №11. URL: http://www.advertiser-school.ru/advertising-theory/social-ad_theory.html (дата обращения: 10.02.2014).
4. Кузнецов П.А. Социальная реклама. М.: Юнити-Дана, 2010.
5. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008.
6. Сергеев С.С. Социальная реклама: искусство воздействия словом: учебное пособие. М.: БАХРАХ-М, 2006.
7. Степанов Е. Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция. М.: Вест-Консалтинг, 2006.
8. Ученова В.В., Старых Н.В. Социальная реклама: учебное пособие. М.: ИндексМедиа, 2006.
9. Федеральный закон «О рекламе» от 2006 года [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156937> (дата обращения: 9.02.2014).

СИСТЕМА РОСПЕВОВ В БОГОСЛУЖЕБНОМ УСТАВЕ ВЫГО-ЛЕКСИНСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА

В статье систематизируются указания на древнерусские певческие стили, присутствующие в богослужебном уставе Выго-Лексинского общежительства. Данные указания соотнесены со степенями торжественности праздников в том же уставе, что позволило выявить существование особой системы роспевов.

Ключевые слова: *богослужебный устав, система роспевов, древнерусские певческие стили, степени торжественности праздников, Выго-Лексинское общежительство, знаменный роспев.*

The article systematizes instructions on ancient-Russian singing styles that are present in the typikon of Vygo-Leksinsky coenoby. These instructions are interrelated with holidays solemnity degrees in the same typikon which allowed to find out the existence of a special chant system.

Keywords: *typikon, chant system, ancient-Russian singing styles, holidays solemnity degrees, Vygo-Leksinsky coenoby, plain chant.*

Изучение богослужебного устава Выго-Лексинского старообрядческого общежительства позволило выявить существующую в нём собственную систему торжественности праздников [2], что даёт основание сделать следующий шаг и начать рассмотрение частных особенностей выговской богослужебной практики. Одной из таких чрезвычайно важных и основополагающих сторон богослужения, регламентируемых выговским Уставом, является порядок употребления различных роспевов¹. Обилие регулярно встречающихся указаний на эти особенности сразу подводит любого исследователя к мысли, что здесь должна присутствовать некая закономерность. К такому предположению подталкивает и тот факт, что сама возможность произвола и случайности в определении того или иного

---

¹ Термин «роспев» мы будем употреблять для обозначения самостоятельного древнерусского певческого стиля (знаменный, путевой, демественный роспев и т. д.), а термин «распев» – для описания мелодии попевок или знаков. Такое различие в написании слов роспев/распев используется в работах некоторых современных музыковедов-медиевистов (см., напр.: Григорьева (Перелешина) В. Ю. Методы работы с источниками с целью составления кокизника знаменного роспева на примере попевки «колесо» // Вестник ПСТГУ. V: 1(4). М., 2011), хотя в Орфографическом словаре русского языка (М., 1990. С. 293) дается только один вариант написания: «распѣв».

порядка совершения служб в подавляющем большинстве случаев для православного богослужения не характерна. Таким образом, правомерно поставить вопрос: существует ли в выговском Уставе собственная система употребления различных роспевов и какова она?

Указания на роспевы являются одним из средств выделения степени торжественности праздников. Поэтому представляется правильным сделать попытку рассмотреть совокупность указаний на роспевы как систему, входящую в более общее образование, – систему торжественности праздников. Другими словами, система роспевов может рассматриваться как подсистема системы торжественности праздников. Исходя из этого необходимо выявить все имеющиеся указания на роспевы и распределить их по степеням торжественности, что позволит создать общую картину и определить степень её полноты.

Как становится ясным из рассмотрения источников выговского Устава, существующую в нём систему роспевов необходимо рассматривать, учитывая каждый раз время и место составления того или иного конкретного источника, поскольку указания могли со временем дополняться или адаптироваться к условиям той или иной «ограды», скита или часовни. В статье, посвящённой предварительному обзору и классификации источников богослужебного устава Выго-Лексинского общежития [1], нами было рассмотрено два основных источника, которые как позволяют выделить собственную систему торжественности праздников, так и содержат указания на роспевы. Это «Типик, сиречь устав церковных обители святого Богоявления... иже на Выгу реце» [3] и рукопись РГБ, ф. 17, № 725. Рассмотрение этих источников должно составить основу в исследовании вопроса о системе роспевов. В первом случае указания будут характеризовать порядок употребления роспевов в главной соборной часовне мужской части общежития на этапе наиболее высокого уровня певческого мастерства выговцев. Во втором случае система роспевов будет описана применительно к порядку богослужений в больничной часовне на Лексе. Также необходимо привлечь указания триодной части выговского Устава, что позволит рассмотреть и праздники подвижного годового круга. По времени создания источников и сфере их применения эти сведения допустимо соотнести с указаниями Типика. Таким образом, необходимо рассмотреть 3 варианта системы роспевов.

Начать наш анализ уместно с рукописи РГБ, ф. 17, № 725 (далее РГБ 17-725), предлагающей наиболее целостную картину в силу наличия в ней обобщающего раздела под названием «Устав общий на все праздники». Если обратиться к системе торжественности праздников в РГБ 17-725 (см. табл. II в нашей статье [2, с. 34-36]), становится ясно, что не все выделенные нами группы праздников содержат указания на роспевы. Поэтому уместно сразу же ограничить число рассматриваемых групп. Так, по признаку употребления роспевов праздники 3 и 4 группы таблицы уместно объединить в одну группу, так как различия в их указаниях касаются только порядка возжигания свеч и употребления различных пелен («уборов»). 6 группу таблицы, выделенную нами

лишь на основании наличия указаний петь входящие в нее службы «якоже Сергию сентября 25», можно рассматривать вместе с 5 группой, так как никаких различий в употреблении роспевов в них нет. Праздники 7 группы не имеют указаний, отличающих их от праздников 5 и 6 групп, поэтому мы вынуждены не рассматривать её отдельно. 9 группа, объединяющая памяти полиелейных святых, в силу краткости указаний также не содержит интересующих нас сведений. Раздел таблицы «особые случаи» мы не рассматриваем вовсе, так как в нём не содержится никаких данных о роспевах. Таким образом, остаётся 6 групп праздников, которые можно представить в виде табл. I:

Таблица I

**Группы праздников в РГБ 17-725 по признаку различия
в употреблении роспевов**

№	Характеристика праздников	Входящие в группу праздники
1.	Главные храмовые и некоторые избранные двенадцатые	Воздвижение, Знамение Пресвятой Богородицы, Богоявление, Успение Пресвятой Богородицы, Рождество Христово, Пятидесятница.
2.	Память свт. Николая и не вошедшие в 1 группу двенадцатые	Рождество Богородицы, Введение, Сретение, Благовещение, Вход Господень во Иерусалим, Великая Суббота, Вознесение, Преображение, свт. Николая.
3.	«Малые» храмовые, некоторые великие, некоторые особо почитаемые	Прп. Зосимы и Савватия Соловецких 8 августа, прп. Савватия Соловецкого 27 сентября, прп. Зосимы Соловецкого 17 апреля, в 1-е и 3-е воскресенье Великого Поста, св. Алексия человека Божия (5-е воскресенье Великого поста), Рождество Иоанна Предтечи 24 июня, свв. апп. Петра и Павла 29 июня; архангела Михаила 8 ноября, блж. Иоанна Устюжского 29 мая, прп. Александра Свирского 30 августа.
4.	Некоторые особо почитаемые	Св. ап. Иоанна Богослова 26 сентября и 8 мая, св. прор. Илии 20 июля, Всемилостивого Спаса 1 августа, Усекновение главы Иоанна Предтечи 29 августа, Покров Пресвятой Богородицы 1 октября, отцам в неделю перед 20 июля, всем российским чудотворцам в неделю после 20 июля, преп. Сергию Радонежскому 25 сентября и подобные службы, имеющие указание петь «якоже Сергию сентября 25»: 1, 5, 26 октября, 5 июля, 7 мая.
5.	Службы с литией без возвахов	24 сентября, 23 ноября, 5 декабря, 17, 20 января, 11 февраля, 3, 20, 23 мая, 28 июля.

Как видно из таблицы, устав РГБ 17-725 содержит указания только для праздников самых высоких степеней торжественности, которые как минимум содержат стихиры на литии. Порядок пения в рядовые дни в нём не оговаривается.

Сравнительно с «Уставом общим» месяцеслов содержит более подробные указания для конкретных случаев. Особой оговорки требуют только указания на день памяти свт. Николая 9 мая: месяцеслов относит её к третьей группе (счёт групп согласно табл. I, служить «якоже и Саватию Соловецкому 27 сентября»), тогда как «Устав общий» – ко второй, так же как и в случае с памятью 6 декабря.

Сведения о роспевах, употребляемых в каждой из выделенной нами групп, можно представить в виде табл. II. При её составлении сначала были внесены указания из общих глав. Затем эти указания были дополнены сведениями, содержащимися в месяцеслове. Нумерация в столбцах соответствует порядку групп праздников, выделенных нами в таблице VII. При отсутствии указаний соответствующие ячейки таблицы не заполняются. В список составляющих богослужение разделов мы включали только те, об исполнении которых есть какие-либо данные в источнике.

При систематизации не было сделано разграничения между стихирами, поющимися на «славу» и на «и ныне». Основанием для этого послужили следующие соображения. На богородичные праздники «славниками» выговский Устав называет песнопения, которые поются на «и ныне», поэтому такое объединение будет корректным. В случаях же, когда полагается собственно славник петь по знамени, не встречается ни одного указания петь богородичен на глас. Таким образом, нужно предположить существование правила, согласно которому если по знамени поётся славник, то так же должен петься и богородичен на «и ныне».

Дополнительно, в первой строке таблицы мы также приводим используемые в самом уставе РГБ 17-725 обозначения различных групп праздников. Такие обозначения позволяли уставщику легко определить, по какой схеме должно совершаться богослужение.

Таблица II

Система роспевов в РГБ 17-725

номер группы праздников согласно Таблице I		1.	2.	3.	4.	5.
обозначение типа праздника в РГБ 17-725		ВѢНОЦНОЕ БОЛ	ВѢНОЦНОЕ. ВѢЧЕРН. МАЛАА.	ВѢЧЕР БОЛ ГО ΨА	ВѢЧЕР ИЛИ Н БО.	ВѢЧЕ ИЛИ. ВОЗВЛ ЧН.
мал. вечерня	Стихиры на «Господи, воззвах» на малой вечерне		НА ГЛАГЬ	[малая вечерня не служится] ¹		
	Славник на «Господи, воззвах»		ПО ЗНАМЕНИ			
	Стихиры на стиховне		ПО ЗНАМЕНИ			

¹ В квадратные скобки заключены сведения, не являющиеся цитатой из источника.

ВЕЛИКАЯ ВЕЧЕРНЯ	Возвахи			поют	читают
	Стихиры на «Господи, воззвах» на великой вечерне	по зна́мени		на́ глагъ	
	Славник на «Господи, воззвах»	по зна́мени		на́ глагъ	
	«Свете тихий»	о́мнигла̑ ¹	большое	ма̑ .	
	Стихиры на литии	по зна́мени ²	на́ глагъ	[лития есть]	
	Славник на литии	по зна́мени ³		на́ глагъ	
	Стихиры на стиховне	по зна́мени ³		на́ глагъ	
	Славник на стиховне	по зна́мени ³		на́ глагъ	
	Тропарь по «Ныне отпускаеши»		на́ глагъ		
УТРЕНЯ	Тропарь на «Бог Господь»	на́ глагъ			
	Кафизмы	о́бѣ поѣтъ	поют едину (первую ⁴)	про́ о́днѣ ста̑(ьнѣ)	
	Седален по кафизме	на́ глагъ			
	Величание	Величѣ гла̑ и̑ ны̑ Аллилу́я ⁵	о́бѣ	по о́бѣ	
	«Всяко дыхание»	Дѣме̑ бо̑ и̑ то̑ і̑ ненена̑нка̑. Коне̑ бо̑ .	пѣ̑ и̑ дѣме̑ бо̑ Коне̑ дѣме̑ .		
	По 50 пс. «Молитв ради»	путь	рядовое		
	Стихира по 50 псалме			по зна́мени	
	Исполнение канона	носят	на месте		
	Кондак по 6 песни	поют			
	«Достойно есть» или задостойник по каноне	путь			

¹ На Знамение и Богоявление. На остальные праздники этой группы **вѣхѣ бо̑** (указание в общей главе).

² На Воздвижение **г̑ ст҃ры̑ по зна́ а̑ про́ на́гла̑**.

³ На Воздвижение **на по̑**.

⁴ Указание под 26 сентября.

⁵ На Знамение и Богоявление.

	Светилен	по ЗНАМЕНИ				
	Псалмы хвалитные	поют				
	Стихиры на хвалитех	по ЗНАМЕНИ			НА ГЛАГЪ	
	Славник на хвалитех				по ЗНАМЕНИ	НА ГЛАГЪ
молебен и обедница	Тропарь на Бог Господь на молебне пред часами	НА ГЛАГЪ				
	Исполнение канона	на 6 носят			на месте ¹	
	«Единородный Сын» на часах	большое	5 глас, ѿ ѿрѣ. ²			
	Блаженна на обеднице	НА ГЛАГЪ	носят		на месте	
	«Слава Тебе Господи» пред Евангелием	демеством				
	«Достойно есть» или задостойник	ЦРЬ СТН. (БО) ³		БО .	6 гласа	

Как видно из таблицы, праздники 1 группы отличаются использованием максимально торжественных песнопений, которые характеризуются высокой распевностью и сложностью в исполнении. Применяются все возможные виды роспевов: демественный, большой знаменный, путевой, знаменный, пение на глас. Среди песнопений встречаются аненайки, используются так называемые осмогласники («Свете тихии осмогласник»). Все стихиры поются только по знамени (в том числе и на малой вечерне, как это можно заключить из сравнения со 2 группой). Характерной особенностью, присущей в РГБ 17-725 только праздникам 1 группы, является пение на утрени двух кафизм.

Как следует из анализа указаний устава, внутри праздников 1 группы наблюдается определённая градация. Так, «Свете тихии» (или «выход») «осмогласник» поётся только на три наиболее значимых праздника: Знамение, Богоявление и Рождество Христово. На Воздвижение же, Успение и Пятидесятницу поётся «Свете тихии» большое. Воздвижение, хотя на него встречаются ссылки как на «службу-подобен» наравне со Знамением (см. в месяцеслове под 15 августа), имеет ряд особенностей, которые приближают его ко 2 группе: на литии «3 стихиры по знамени, а прочие на глас», стихиры на стиховне «на подобен», величание «обычное» (см. указания под 14 сентября).

¹ Под 17, 20 июля, 1 августа указано **Молеѣ стѣм** (пророкъ) **на ѣ** . **Канѣ нога**.

² Указание под 8 сентября.

³ «Достойно есть» **боа** и **цръ стн** на обеднице обозначают один и тот же роспев, что видно из указаний на праздники Знамения и Богоявления, которые по торжественности полностью подобны друг другу.

2 группу от 1 отличает более умеренное употребление торжественных видов роспевов для исполнения таких ключевых песнопений, как «Свете тихии», величание, «Всяко дыхание», «Единородный Сын». На утрени поются не 2 кафизмы, а 1 (вторая читается). На литии все стихиры начинают петься на глас. При этом, как видно из сравнения с 4 группой, у пения стихир на литии нет такого промежуточного варианта исполнения, когда сами стихиры поются на глас, а славник – по знамени, как это мы видим у стихир на «Господи, возвах», на стиховне и на хвалитех. Эта особенность ставит стихиры на литии особняком среди прочих. Особенности, объединяющими праздники только 1 и 2 групп, являются пение на утрени кондака по 6 песни по знамени и «Достойно есть» после канона путевым роспевом.

3 группа по видам употребляемых роспевов очень близка ко 2 группе. Главное отличие состоит в том, что вечерня и утренья служатся отдельно, а не в составе всенощного бдения. Не упоминается о более торжественном пении кондака по 6 песни и «Достойно есть» на утрени.

Начиная с 4 группы из стихир по знамени поются только славники, «Свете тихии» на вечерне поётся «малое», кафизмы на утрени не поются. Каноны на утрени, на молебне и блаженны на обеднице больше не «носятся», а «чтутся на месте». «Достойно есть» на обеднице начинает петься 6 гласа, а не «большое».

5 группа отличается чтением «возвахов», а также пением на глас славников.

Как видно из таблицы II, в каждой группе оговорен способ исполнения не всех песнопений, а только отдельных, наиболее характеризующих службы этой группы. Но мы можем попытаться восстановить эти «недостающие» указания, сопоставив порядок служб с учётом наличия среди них иерархии в степенях торжественности. Очевидно, что в общем случае существует прямая зависимость: чем торжественнее служба, тем более торжественные и сложные используются роспевы. Также приходится допустить, что появление указания петь какое-либо песнопение менее торжественно означает, что на предыдущей степени торжественности по умолчанию оно пелось более торжественно. Сделав такие предположения, можно составить реконструированный порядок употребления роспевов и представить его в виде табл. III.

Таблица III

Реконструкция системы роспевов в РГБ 17-725

номер группы праздников согласно <i>Таблице I</i>		1.	2.	3.	4.	5.
обозначение типа праздника в РГБ 17-725		Венѡщное БОЛ	Венѡщное. Вечерн.л. м.а.а.л.	Вечер БОЛ го Уд	Вечер ли н бо.	Вече ли. Бозва чн.
мал. вечерня	Стихиры на «Господи, возвах» на малой вечерне	по знамени ¹	на гласъ	[малая вечерня не служится]		

¹ Исходя из предписаний максимально торжественно исполнять песнопения на праздники 1 группы.

	Славник на «Господи, воззвах»	по ЗНАМЕНИ	по ЗНАМЕНИ	[малая вечерня не служится]	
	Стихиры на стиховне		по ЗНАМЕНИ		
ВЕЛИКАЯ ВЕЧЕРНЯ	Возвахи	поют ¹			читают
	Стихиры на «Господи, воззвах» на великой вечерне	по ЗНАМЕНИ		на глас ²	
	Славник на «Господи, воззвах»			по ЗНАМЕНИ	на глас ²
	«Свете тихий»	ОМНГЛА: ³	большое	ма .	
	Стихиры на литии	по ЗНАМЕНИ	на глас ²	[лития есть]	
	Славник на литии				
	Стихиры на стиховне	по ЗНАМЕНИ		на глас ³	
	Славник на стиховне			по ЗНАМЕНИ	на глас ²
Тропарь по «Ныне отпускаеши»		на глас ²			
УТРЕНЯ	Тропарь на «Бог Господь»	на глас ²			
	Кафизмы	ОБЪ ПОИТЪ	поют едину (первую)	про ОДНЪ СТАВЪ	
	Седален по кафизме	на глас ²	читают ⁴		
	Величание	ВЕЛИЧА СЛА И НИ АЛИ ПУ	ОБЪ		[чтения Евангелия нет ⁵]
	«Всяко дыхание»	ДЕМЕ БО И ЧО НЕНЕНАНИКА. КОНЕ БО .	ПУ И ДЕМЕ БО КОНЕ ДЕМЕ .	обычное ⁶	
	По 50 пс. «Молитв ради»	путь	рядовое		

¹ Согласно поморскому певческому Обиходу, есть только один способ певческого исполнения возвахов. Поэтому устав может предписывать только либо их пение, либо чтение.

² Поскольку в 6 группе славник поётся на глас, стихиры петься по знамени не могут.

³ Подобно стихирам на «Господи воззвах».

⁴ Поскольку не указано петь.

⁵ Судя по степени торжественности службы.

⁶ Поскольку не указано петь особым роспевом.

УТРЕНЯ	Стихира по 50 псалме	по ЗНАМЕНИ				
	Исполнение канона	носят	на месте			
	Кондак по 6 песни	поют		читают ¹		
	«Достойно есть» или задостойник по каноне	путь				
	Светилен	по ЗНАМЕНИ		читают ²		
	Псалмы хвалитные	поют				
	Стихиры на хвалитех	по ЗНАМЕНИ		на ГЛАГЪ ³		
	Славник на хвалитех			по ЗНАМЕНИ ⁴	на ГЛАГЪ	
молебен и обедница	Тропарь на Бог Господь на молебне пред часами	на ГЛАГЪ				
	Исполнение канона	на 6 носят		на месте	[молебна нет ⁵]	
	«Единородный Сын» на часах	большое	5 глас, ѿѣ.			
	Блаженна на обеднице	на ГЛАГЪ	носят		на месте	
	«Слава Тебе Господи» пред Евангелием	демеством				
	«Достойно есть» или задостойник	црѣ гтн. (ѿѣ)		6 гласа		

Некоторые клетки таблицы оставлены незаполненными в силу того, что у нас иногда имеется слишком мало данных для высказывания предположений о вероятном способе исполнения некоторых песнопений. Так, затруднительно делать предположения о порядке пения или чтения тропарей по «Ныне отпускаеши», на «Бог Господь» на утрени и на молебне и в некоторых других случаях.

Как видно из полученной таблицы, распределение различных вариантов роспевов по группам не ограничено достаточно жёсткими рамками. Часто один вариант исполнения песнопения может объединять две, три, а то и четыре группы праздников. Объяснить такое явление достаточно просто: разные песнопения имеют неодинаковое количество вариантов их исполнения, что не позволяет одновременно изменять способ их исполнения по мере уменьшения степени торжественности праздника. В то же время ни в одном случае не нарушается главный принцип отображения степеней торжественности праздников: по мере уменьшения степени торжественности уменьшается и степень распевности исполнения песнопений.

¹ Поскольку не указано петь.

² Поскольку не указано петь.

³ Исходя из предположения, что порядок пения стихир на хвалитех должен соответствовать порядку пения стихир на «Господи воззвах» и на стиховне.

⁴ Так же.

⁵ Поскольку для предыдущей степени оговаривается его наличие.

Несмотря на указанную относительную «размытость» границ праздников, нельзя не заметить и довольно ясно видимую общность отдельных групп. Так, 1 группа выделяется стремлением к максимально распевному исполнению песнопений, для которых часто предусмотрены особые варианты роспевов, присущих только ей («Свете тихии» осмогласник, величание и «Молитв ради» путевое, и др.). Много общего имеют между собой 2 и 3 группы (способ исполнения «Свете тихии», пение стихир на литии на глас, способ исполнения песнопения «Всяко дыхание», и др.). 4 и 5 группы объединены способом исполнения стихир, кафизм, хвалитных псалмов. Причём, если 1 группа во многом пересекается со 2 и 3, то 4 и 5 представляют собой достаточно чётко ограниченный блок. Поэтому в целом можно сказать, что все праздники, описываемые уставом РГБ 17-725, условно можно разделить на две основные части, которые можно было бы назвать праздниками *великими* и праздниками *почитаемыми*.

Рассмотрим теперь систему роспевов в выговском «Типике, сиречь уставе церковном обители святого Богоявления... иже на Выгу реце». Из системы торжественности праздников в Типике (см. табл. V в нашей статье [2, с. 43-47]), где мы выделили 13 различных степеней торжественности. При сопоставлении этих групп по признаку употребления различных роспевов уместно объединить 3 и 4 группу, 9 и 10 группу (их отличает только вид звона), а также 12 и 13¹. Таким образом, мы имеем 10 групп праздников, представленных в табл. IV.

Таблица IV

Группы праздников в Типике по признаку различия в употреблении роспевов

	Характеристика праздников	Входящие в группу праздники
1.	Главные храмовые праздники	Рождество Христово 25 декабря, Богоявление 6 января, Успение 15 августа.
2.	Храмовые, некоторые двенадцатые и великие праздники	Рождество Пресвятой Богородицы 8 сентября, прп. Савватия Соловецкого 27 сентября, свт. Николая ² 6 декабря и 9 мая, Благовещение 25 марта, прп. Зосимы Соловецкого 17 апреля, Рождество Иоанна Предтечи 24 июня, прп. Зосимы и Савватия Соловецких 8 августа. Воздвижение 14 сентября, Введение 21 ноября, Сретение 2 февраля, Преображение 6 августа. Свв. ап. Петра и Павла 29 июня.

¹ 12 и 13 группы имеют общность по признаку употребления роспевов, что выявлено нами на основании сопоставления указаний общих глав Типика для вседневной службы [4. Л. 14-18] и указаний для шестиричных служб в месяцеслове.

² Служба на память свт. Николая 6 декабря имеет ряд особенностей, которые характерны для первой группы праздников. В этот день по знамени поют стихиры на стиховне, на глас поют тропари на «Бог Господь на утрене и на молебне», седальны по кафизме, тропари на блаженнах, поют обе кафизмы (указание также под 9 мая), «Единородный Сын» поютъ ^ѿболь.

3.	Дни храмовых праздников ¹ на Лексе и воскресные дни	Св. ап. Иоанна Богослова 26 сентября и 8 мая, св. пророка Илии 20 июля, св. Иоанна Предтечи 29 августа.
4.	Дни памяти особо почитаемых святых и икон Божией Матери	25 сентября ² , 5 октября, 30 ноября, 21 декабря, 12 февраля, 21 мая, 9, 23 июня, 5, 8, 30 июля, 1, 26, 30 августа.
5.	Дни памяти почитаемых святых и икон Божией Матери	1, 22, 26 октября, 6, 8, 13, 27 ноября, 23 декабря, 12, 30 января, 20, 23 апреля, 7 мая, 26 июня, 10 июля, 1 и 16 августа. К этому же чину относится 14 января и 23 августа (отдание главных храмовых праздников).
6.	Избранные «трезвонные» святые	24 сентября, 5 декабря, 1, 17, 20 января, 11 февраля, 3, 20, 23 мая, 28 июля.
7.	Полиелейные святые, имеющие «трезвон без большого»	19, 30 сентября, 7, 19, 21, 23, 28, 29 октября, 11, 21, 24 ноября, 3, 9, 13, 15 декабря, 10, 11, 12, 25, 28, 31 января, 4, 24 февраля, 2, 9, 11, 17, 31 марта, 1, 26, 30 апреля, 1, 2, 14, 15, 16, 19, 24, 25, 26, 28, 29 мая, 1, 8, 25, 29, 30 июня, 2, 3, 5, 15, 24, 25, 27 июля, 2, 13, 21, 24, 27, 31 августа.
8.	Дни отдания двенадцатых праздников ³ , а также 23 сентября и 14 ноября	12, 21 сентября, 25 ноября, 31 декабря, 9 февраля, 13 августа. 23 сентября и 14 ноября.
9.	Предпразднство Рождества Христова и Богоявления ⁴	20-24 декабря, 2-5 января.
10.	Дни памяти «шестеричных» святых, дни поспразднства двенадцатых праздников, службы «без знака»	Большое число дней в году.

В сравнении с рассмотренным выше уставом РГБ 17-725, указания Типика обнимают уже весь круг праздников неподвижного круга и содержат в два раза большее число степеней торжественности, включая и наименее торжественные. За рамками источника остаются лишь праздники подвижного богослужебного круга. Отметим также, что в Типике даются также особые указания на некоторые

¹ По сообщению Ивана Филиппова, к 1731 г. на Лексе была построена новая часовня «во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста, и Одигитриа Богородицы, и Предтечи Иоанна, и Иоанна Богослова, и пророка Илии, и к часовни трапезу велию и к трапезе присовокупиша со обеих стран пределы» (Филиппов Иван. История Выговской старообрядческой пустыни издана по рукописи Ивана Филиппова с соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговских мужского и женского общежительных монастырей. Москва, 2005. С. 179, 209).

² Указания на 25 сентября (память прп. Сергия Радонежского) отличаются особенной полнотой, поэтому могут быть приняты за образцовые.

³ Кроме отдания храмовых праздников и отдания Благовещения 26 марта, выпадающего на Великий пост.

⁴ Группу, образуемую славословными службами на Зачатие св. Иоанна Предтечи 23 сентября и ап. Филиппа 14 ноября (начало Рождественского поста), мы не включаем в этот список, т.к. от предыдущей группы праздников её отличает только вид звона.

службы, которые нельзя отнести к той или иной группе. Это часы царские (под 24 декабря), некоторые особенности служб на Рождество и Богоявление, Происхождение честнаго Креста 1 августа. Также указания на роспевы имеются при описании панихид по выговским киновиархам.

При переходе к изложению системы роспевов в Типике, представляется необходимым сделать одно предварительное замечание. При сведении данных по какой-либо из групп праздников часто приходится сталкиваться с исключениями. В этом случае задачей исследователя является не оставлять без внимания такие случаи, чтобы не сделать общую картину искусственно созданной. В то же время для некоторых дней указания на вид роспева того или иного песнопения могут вообще отсутствовать, что оставляет возможность для различных интерпретаций в отношении вопроса о том, каков же должен быть роспев в данных случаях. В такой ситуации мы считаем возможным опираться на один из фундаментальных принципов, присущих как богослужебному уставу, так и всей древнерусской культуре в целом – **принцип подобия**. Иными словами, мы допускаем предположение, что если не имеется специальных указаний, то порядок совершения богослужения в своих частностях соответствует другим подобным службам.

Особой оговорки требуют указания о пении славников. Ни разу в Типике не встречается указания петь «славу» святому по знамени и в то же время богородичен на «и ныне» на глас. Во всех случаях, когда есть указание петь «славу» по знамени, для «и ныне» может даваться только указание на то, какой именно богородичен должен петься. В ряде случаев (например, 23 и 24 июня¹), когда в Минее наряду имеются как славники, так и особые богородичны, Типик делает специальную оговорку: «славники, и ныне, – все поют по знамени». Для случая воскресной службы славник нигде не упоминается, поэтому необходимость пения его по знамени или на глас Типиком не рассматривается. Кроме того, в случае с господскими и богородичными праздниками термин «славник» может обозначать песнопение, которое поётся собственно на «и ныне», а не на «слава», как это уже было нами отмечено выше перед рассмотрением устава РГБ 17-725. Всё это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод, что указание петь славник по знамени всегда обозначает и пение по знамени богородична, если он положен.

Ещё одно обобщение касается указаний о пении стихир на глас и на подобен. Мы не стали фиксировать эти особенности, так как они определяются только заданной структурой стихир. Применительно к системе роспевов пение на подобен или на глас равнозначно по степени торжественности. Поэтому во всех случаях, когда Типик предписывает петь стихир на подобен, в таблицу для удобства отображения занесена формула **на́ гласъ**.

С учётом этих замечаний систему роспевов согласно Типику можно представить в виде табл. V. Вертикальные столбцы в данной таблице соответст-

---

¹ В этот день присутствует указание петь на хвалитех как славник Предтечи, так и богородичен «Богородице Ты еси лоза», что ещё более подтверждает нашу мысль.

вуют группам праздников согласно табл. IV. В самом выговском Типике для обозначения различных групп праздников используются определённые устойчивые характеристики службы, с помощью которых уставщик легко может сразу же определить, по какой схеме должно совершаться богослужение. Эти характеристики мы внесли в первую строку таблицы.

В некоторых случаях в табл. V внесены указания об исполнении канонов и песнопений с участием канонарха, поскольку его действия во многом обуславливают и вид употребляемых роспевов. В связи с этим необходимо пояснить, что выговский Устав понимает под такими выражениями, как «канон носят», «тропарь носят». В главе Типика «О молебне и часех» [4. Л. 12 об.] для случая служения в воскресный день так описывается порядок действия канонарха при исполнении тропарей на «Бог Господь»: «тропари говорит конархист говором, а концы поют на глас». Исполнение канона описывается следующим образом: «каноны конархист носит. По ирмосе запоют запев канона поскоро. А конархист, став посреде на запад лицом, и поклонится первому лику в пояс, говорит стихи говором, на оба лика переменяя. Запевы на крылосех поют поскоро пережидаяся. Ирмосы и катавасии поют оба лика вкупе». Таким образом, переходя от одного клироса к другому, канонарх поочерёдно возглашает отдельные строки песнопений, лики же (клироса) пропевают возглашённые строки.

Отдельно остановимся на терминологии. В указаниях служб 5 группы особо отмечается, что вечерня в эти дни служитя **БОЛЬША́А**. Как видно из указаний на роспевы, особенностью этой вечерни служит пение возвахов, тогда как начиная с 6 группы возвахи читаются. На основании этого мы делаем вывод, что именно пение возвахов является определяющей чертой «большой» вечерни. Таким образом, в Типике можно насчитать 4 вида вечерни:

- **СРЕ́ДНА́А ВЕЧЕ́РНАА**, предваряющая **БОЛЬШО́Е ВСЕНО́ЩНОЕ БДЕ́НИЕ**;
- **МА́ЛАА ВЕЧЕ́РНАА**, предваряющая **БОЛЬШО́Е** или **МА́ЛОЕ ВСЕНО́ЩНОЕ БДЕ́НИЕ**;
- **БОЛЬША́А ВЕЧЕ́РНАА**;
- **ВЕЧЕ́РНАА**.

Таким образом, **СРЕ́ДНА́А ВЕЧЕ́РНАА**, являясь разновидностью предваряющей всенощное бдение **МА́ЛОЙ ВЕЧЕ́РНИ**, главным образом характеризуется пением «Свете тихии» 6-го гласа, а не «малого». **БОЛЬША́А ВЕЧЕ́РНАА**, являясь разновидностью обычной входящей в суточный круг **ВЕЧЕ́РНИ**, характеризуется пением, а не чтением возвахов. Отличия **БОЛЬШО́ГО** и **МА́ЛОГО** всенощного бдения также заключаются в разной степени торжественности пения: поются ли по знамени или на глас стихиры, «большое» или «малое» поётся «Свете тихии», «Достойно есть» и другие песнопения.

Система роспевов в Типике

номер группы праздников согласно <i>Таблице IV</i>		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
обозначение типа праздника в Типике		вечѣрнѣ среднѣмѣ, вечѣрнѣ бѣдѣнїе большѣе	вечѣрнѣ малѣмѣ, вечѣрнѣ бѣдѣнїе большѣе	вечѣрнѣ малѣмѣ, вечѣрнѣ бѣдѣнїе меньше (малѣе)	трѣзвѣнѣ во вѣлѣ, пѣнѣтъ ѣтъ лнѣтїенѣ, братїлѣ сѣмѣтъ вечѣрнѣ вѣнѣ нѣ ѣтѣрнѣ до ѣвѣлїлѣ	Трѣзвѣнѣ во вѣлѣ, вечѣрнѣ большѣмѣ ѣ лнѣтїенѣ нѣ возвѣхнѣ пѣнѣтъ	Трѣзвѣнѣ во вѣлѣ, ѣтъ лнѣтїенѣ, возвѣхнѣ говорѣмѣ	Трѣзвѣнѣ большѣго	ѣдѣнїе	предѣрѣзѣ.	звѣнѣ шестѣрнѣчнѣнѣ или звѣнѣ прѣтѣнѣ
МАЛАЯ или средняя ВЕЧЕРНЯ	Возвахи	пѣнѣтъ		говорѣтъ ѣломѣннѣ ѣ нѣлѣлѣ прѣтѣ	[средняя или малая вечерня не поѣтъся]						
	Стихиры на «Господи, воззвах»	по знѣмнѣннѣ	нѣ глѣтъ								
	Славник на «Господи, воззвах»		по знѣмнѣннѣ								
	«Свете тихий»	6 гласѣ ¹	бѣхѣдѣ малѣнѣ ²	ѣломѣннѣ сѣтъ ѣтъ							

¹ Указание под 15 августа.² Уточнение *малѣнѣ* под 17 апреля и 8 августа.

			НАЛО́А ГЛѢТЪ							
	Стихиры на стиховне	по ЗНА́МЕНИ ¹		НА́ ГЛАГЪ						
	Славник на стиховне			по ЗНА́МЕНИ						
ВЕЧЕРНЯ	Возвахи	ПО́ИТЪ				ГО́БОРОМЪ				ЧИТАЮТСЯ
	Стихиры на «Господи, воззвах»	по ЗНА́МЕНИ	по ЗНА́МЕНИ	НА́ ГЛАГЪ ²					НА́ ГЛАГЪ	
	Славник на «Господи, воззвах»	РОЗВО́А БОЛѢ (БОЛѢ РОПЧѢВЪ, ОМОГЛА)		по ЗНА́МЕНИ			НА́ ГЛАГЪ			
	«Свете тихий»	БОЛѢ ОМОГЛА	БОЛШОЕ ³	МА́ЛОИ			ВЫ́ХОДА ИГЪЕТЬ (ГО́БОРОМЪ ⁴)			
	Прокимен	Ѣ́ ОБЫ́Ч. А́ ВЪ ТРЕТѢ ДЕМЕРТВО́ (ИЛИ: БОЛѢ РОПЧѢВЪ ⁵)		[В неделю] ЧЕТЫ́РЕЖДЫ МА́ЛОИ РОПЧѢВЪ. А́ ПЛА́ТЪИ						

¹ 8 сентября, 6 декабря, 17 апреля – на ХО́ДѢ. 2 февраля – по КРЫ́ЛОРОМЪ.

² В неделю воскресные стихиры КОНАРХИ́ТЪ КОНА́РХАЕТЪ по КРЫ́ЛОРОМЪ, ПОЮТ их по ЗНА́МЕНИ; СВЯТЫМ КОНАРХИ́ТЪ КОНА́РХАЕТЪ СЛѢ́БГО КРЫ́ЛОРА, ПОЮТ их НА́ ГЛАГЪ.

³ Под 26 сентября: «6 гласа».

⁴ Указание под 9 февраля, 1 июля.

⁵ 6 января, 9 мая, 17 апреля, 2 февраля, 6 и 15 августа.

			БЕГДА ПЪТВОИ							
Стихиры на литии	по ЗНАМЕНИ	СТИХИРЫ ПРАЗ. ПЕРВЫ ПО ЗНАМЕНИ ¹ , А ПРОЧ. НА ГЛАГЪ	НА ГЛАГЪ ²	НА ГЛАГЪ						[ЛИТИИ НЕТ]
Славник на литии		по ЗНАМЕНИ		НА ГЛАГЪ ³						
Стихиры на стиховне	по ЗНАМЕНИ ⁴		НА ГЛАГЪ ⁵	НА ГЛАГЪ						
Славник на стиховне			по ЗНАМЕНИ		НА ГЛАГЪ					
Тропарь по «Ныне отпускаеши»	БЕ по ЗНАМЕНИ	ГОВОРА по КРАЙЛОГО, А КОНЦЫ НА ГЛА								читается
УТР ЕНЯ	На утрене на «Бог Господь» тропари	НА ГЛАГЪ	ГОВОРОМЪ	читается, КОНЦЫ ПОИТЪ НА ГЛАГЪ						
	Кафизмы	ПОИТЪ СВѢ	обе читаются (ГОВОРОМЪ)							

¹ 17 апреля, 9 мая, 24 июня, 8 августа первая стихира по знамени не поётся.

² В воскресные дни стихиры храму по ЗНАМЕНИ БЕЗЪ КАНАРХАНЬА, аморреевы КОНАРХИТЪ КОНАРХАЕТЪ, ПОИТ ИХ НА ГЛАГЪ.

³ Согласно указанию 20 мая: СЛАВНИКИ СТ. ПОИТЪ НА ГЛА БЕИ.

⁴ 21 ноября стиховна на ПОДО. СЛ. И ЗНА.

⁵ В воскресные дни КОНАРХИТЪ КОНАРХАЕТЪ. 1-я стихира по ЗНАМЕНИ, остальные НА ГЛАГЪ.

УТРЕНЯ	Седалны по кафизме	по́нтъ на гла҃хъ		читает конархнѣтъ, концы по́нтъ на гла҃хъ						читаются, концы по́нтъ на гла҃хъ
	Величание	пѣтвое ¹ на еходѣ, малонъ въ праз. на среднѣ		рядовое (обычное) на сходе, пѣ на малон посреднѣ		по́нтъ по крѣплогомъ, послѣднѣ на еходѣ ²				[нет чтения Евангелия и связанных с ним песнопений]
	Седален по полиелее	по́н на гла҃хъ		конархнѣ чтѣтъ на среднѣ, концы поют на клиросе						
	«Всяко дыхание»	болѣ демество а, болшонъ ро а, а	пѣтъ а, демество болѣ а, конецъ болшонъ ³	распев обычный						

¹ На Введение «величание на сходе обычное, а после путевое». На Благовещение («еще случится в постный день коея недели кроме субботы и недели») и на память свв. ап. Петра и Павла «на сходе рядовое».

² Указание под 1 августа. 8 ноября (архангела Михаила) особое указание: **Величание архангѣлъ первой рѣзъ по́нтъ меньше. ѿ на ѱл ѿ послѣдне по́нтъ болѣ ф.-н.**

³ 29 июня по́нтъ малое демество и пѣтъ – единственное упоминание о пении «Всякое дыхание» малым демеством.

		конецъ большой								
УТРЕНЯ	По 50 псалме «Молитв ради»	пѣть		по зна́мени						
	Стихира по 50 псалме	пѣть или боль роптѣ	по зна́мени			по зна́мени ¹				
	Исполнение канона	канон но́слѣтъ ² , катавасия на сходе		чтѣтъ ³ на налон, катавасия на сходе	катавасия на сходе			катавасия на сходе		чтѣтъ на нало́ухъ. Катавасия на крылосах ⁴
	По 3 песни	по зна́мени	гѣборомъ	читаются, концы по́нтъ на глагъ						читается
	По 6 песни	кондак поют по зна́мени, икогъ чтѣтъ конархитъ на ѿ. ѿ конецъ на кры́лосѣ по́нтъ зна́менной ⁵		читаются, концы по́нтъ на глагъ						читаются, концы по́нтъ на глагъ

¹ Указание под 27 ноября.

² На Благовещение не но́слѣтъ.

³ На воскресной утрени есть указание о том, что каноны чтутся канонархами правого (каноны из Октяя) и левого лика (каноны из Миней).

⁴ Указание на вседневной утрени [4. Л. 17] и под 1 июля.

⁵ Указание под 8 сентября.

УТРЕНЯ	По 9 песни	зadостойник ¹ или «Достойно есть» на сходѣ пѣть	зadостойник или Достойно на сходѣ съ глаго²			Свѣчное			«Достойно есть» малѣю
	Светилен	по знамени	ногачъ по крѣлоомѣ³					читается	
	Псалмы хвалитные	попѣть⁴	чтѣтъ					читаются	
	Стихиры на хвалитех	по знамени	на глаго⁵		на глаго			на глаго. а конархитѣ конархлетѣ⁶	чтѣтъ на налон⁷
	Славник на хвалитех		по знамени⁸						
	Стихиры на стиховне на утрени	[не поются]							на глаго
	Славник на стиховне на утрени								

¹ На двенадцатые праздники.

² 8 мая указано петь **пѣть**.

³ Для воскресного дня указание: **конархитѣ чтѣтъ**.

⁴ За исключением 29 июня. Также в этот день на хвалитех стихиры поются на подобен, а богородичен «Богородице Ты еси лоза» – **болѣ**.

⁵ На воскресной утрени указание: **конархитѣ конархлетѣ по крѣлоомѣ**.

⁶ Под 2 января указание: **на глаго. а конархитѣ конархлетѣ. Сл. Предпраз. Н нѣ. Знаменной**. Данное указание петь славник по знамени достаточно неожиданно. Под 20 декабря имеется краткое указание – **Сѣры во бѣѣ предпраз. попѣть**.

⁷ Указание в общей главе (Л. 17 об.) и в месяцеслове под 1 июля: **Шестерн стѣмъ стѣры хвалитныа ввгдѣ чтѣтъ на налон а не попѣть**.

⁸ На воскресной утрени указание: **бо. попѣть ввгдѣ свѣчной распѣвъ**.

	По Трисвятом тропарь (после славословия)		гѡворомъ	конархнѣтъ чтѣтъ						читаются ¹
МОЛЕБЕН	Тропарь на Бог Господь на молебне пред часами	пои́тъ на глагъ	гѡворомъ	говори́тъ конархнѣтъ гѡворомъ, а́ концы пои́тъ на глагъ [нои́тъ]						говори́тъ конархнѣтъ гѡворомъ, а́ концы пои́тъ на глагъ ²
	Исполнение канона	пои́тъ на глагъ на сходѣ по крѣилогомъ	нои́тъ, на сходѣ	канон ѐдннѣ ³ , нои́тъ	свѣтому ѐдннѣ канон			молебенъ праз. ѐдннѣ канонъ. Тропари чтѣтъ конархнѣтъ на налон	конархнѣты каноны говори́тъ на налоахъ. а́ не конарханѣтъ нѣмогы н катлабѣи пои́тъ ѡба лика вѣдѣтѣ	
	По 3 песни на молебне	на глагъ		конархнѣты чтѣтъ рѣдальны на налоахъ прогто						

¹ Читаются тропари по «Благо есть».

² «Якоже писано в воскресной службе». Типик, [4. Л. 18].

³ по блѣ воскресеньѣ по двѣ канона.

	По 6 песни на молебне	кондак поют по зна́мени								
	По 9 песни на молебне	задостойник или «Владычице приими» пѣть	вместо «Достойно есть» поется «Владычице приими»							«Достойно есть» мѣншее
ОБЕДНИЦА	«Единородный Сын»	по́нтъ большой	по́нтъ ¹							
	Блаженна на обеднице	по́нтъ на глагъ	но́нтъ по крѣ́логомъ ²							конархѣтъ на лалонъ ꙗзпѣбы гóворомъ
	«Достойно есть» или задостойник	црѣ стѣ ³ или догто́нно стѣ большой розвóдъ	на хóдѣ пѣтево́й	по́нтъ на хóдѣ ѿ глага					гóворѣтъ на пѣрвомъ крѣ́логѣ гóворомъ	

¹ Указание 17 апреля и 6 августа. 2 февраля: **гóворомъ**. 6 декабря: **по́нтъ болѣ**.

² В воскресенье 1-й стѣ по **зна́мени**. **а прѣчиъ стѣхѣ** [конархѣтъ] **но́нтъ по крѣ́логомъ**.

³ То есть распетый большим знаменным распевом. Под «стихом» в данном случае понимается текст задостойника. Концы этих «стихов», приведенных в певческом Обиходнике, всегда содержат попевку (мелодический оборот), называющуюся «царский конец». Отсюда и сами задостойники, распетые таким образом, получили название «царь стих».

В целом в полученной таблице наблюдается весьма последовательное сохранение принципа уменьшения степени распевности по мере уменьшения степени торжественности дня. Единственным исключением из этого правила оказывается лишь пение концов седальнов и кондака с икосом на утрени вплоть до 10 группы праздников. Но связано это не со степенью торжественности службы, а с тем, что после них всегда полагается уставное чтение.

В системе роспевов согласно Типику обнаруживаются общность между некоторыми группами праздников. Так, в 1 и во 2 группе одинаков порядок пения возвахов, прокимна, стихир на стиховне и на хвалитех, тропаря по «Ныне отпускаеши», величания, седальна по полиелее, «Молитв ради» по 50 псалме, канона, светильна, песнопения «Достойно есть» или задостойника по 9 песни канона на утрени и на молебне. Для 3 и 4 группы одинаков порядок пения всех стихир.

Ряд особенностей имеют воскресные службы¹, входящие в 3 группу: в эти дни по знамени всегда поются первая стихира на «Господи, возвах», на литии и на стиховне и первый тропарь на блаженнах.

Если попробовать посмотреть на таблицу «по вертикали», то можно заметить очень интересную особенность. Оказывается, что помимо отображения степени торжественности дня важной функцией системы роспевов является также выделение более важных периодов богослужения. Для примера можно обратиться к 1 группе. Мы увидим, что песнопения на малой вечерне поются менее торжественно сравнительно с теми же песнопениями на великой вечерне (славник по знамени/«большой развод», «Свете тихии» 6 гласа/осмогласник). На молебне канон будет исполняться более торжественно, чем на утрени (носят/поют на глас; сравни указания для 3 группы: «чтут на налои»/носят). Из указаний 2 группы видно, что в рамках великой вечерни стихир на литии занимают менее важное место, чем стихир на «Господи, возвах», на стиховне и на хвалитех. В будний день (10 группа) на утрени стихир на хвалитех уступают в своей торжественности стихирам на стиховне («чтут на налои»/поют на глас).

В сравнении с уставом РГБ 17-725 система роспевов в Типике имеет как ряд сходных черт, так и различия. 1 группа в РГБ 17-725 вполне соответствует 1 группе в Типике (различие касается лишь имеющегося дополнительного указания о пении демеством «Слава Тебе» перед Евангелием на молебне). 4 группа по своим особенностям совпадает с 4 же, а 5 совпадает с 6. В то же время 2 и 3 группы системы роспевов РГБ 17-725 трудно сопоставить с какими-то конкретными группами в Типике – каждая из них занимает промежуточное положение, причём степень распевности может, как увеличиваться (например, пение кафизмы), так и уменьшаться (например, чтение канона «на месте»). Таким образом, 5 групп системы роспевов РГБ 17-725 нельзя свести к простому сокращению 10 групп системы Типика. При сохранении общего подхода и даже

---

¹ Порядок изложен в особых главах Типика, [4. Л. 1-14].

полном сходстве указаний для некоторых групп праздников РГБ 17-725 имеет в своей системе роспевов существенные отличия.

Как и в случае с уставом РГБ 17-725, указания Типика отличаются неполнотой, и для некоторых случаев нет прямых указаний, как петь то или иное песнопение. Но исходя из оговоренных выше общих принципов вполне допустимо сделать ряд предположений. Реконструированную таким образом систему роспевов выговского Типика можно представить в виде табл. VI (см. табл. VI).

Почти во всех случаях не указанный способ исполнения песнопения достаточно легко восстанавливается из контекста, и лишь в случае с молебном и обедницей имеется несколько неясных мест. Налицо очень стройная система, которая не имеет внутренних противоречий в своей структуре. При выборе того или иного роспева максимально использованы все возможные средства древнерусской певческой культуры и в то же время не наблюдается избыточности.

Рассмотрев систему роспевов по общей и месяцесловной части выговского Устава, нельзя оставить также без внимания указания, содержащиеся в его триодной части. По времени своего создания триодная часть соотносится с Типиком и потому может быть рассмотрена как дополняющая его систему роспевов.

В первой известной нам в настоящее время редакции триодной части выговского Устава практически не содержится упоминаний о роспевах. Исключение представляют собой лишь указания на Пасху. Но эта часть устава без изменений была включена во вторую редакцию, в которой мы уже находим указания и для других случаев. Поэтому мы обратимся именно ко второй редакции триодной части, известной по единственному списку РГБ, ф. 98, № 1238. Несколько дополнить эти указания позволяет также рукопись РГБ, ф. 17, № 23 (далее РГБ 17-23), в которой имеется устав служб подготовительных к Великому посту недель.

Реконструкция системы роспевов в Типике

номер группы праздников согласно <i>Таблице IV</i>		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
обозначение типа праздника в Типике		вечернл среднлл, венощное бдѣніе большое	вечернл маллл, венощное бдѣніе большое	вечернл маллл, венощное бдѣніе меньшее (малое)	трезвонъ бо вѣл, понгъ гъ лнтѣн, братѣл столгъ вечернн вн н ѡутренн до еѡлѣл	Трезвонъ бо вѣл, вечернл большлл і лнтѣн н возвѣхн понгъ	Трезвонъ бо вѣл, гъ лнтѣн, возвѣхн говоромъ	Трезвонъ безъ большаго	ѡдлнѣ	предпраз.	звонъ шестеричный или звонъ прогтон
МАЛАЯ или средняя ВЕЧЕРНЯ	Возвахи	понгъ		читают		[средняя или малая вечерня не поётся]					
	Стихиры на «Господи, воззвах»	по знамени	на гласъ								
	Славник на «Господи, воззвах»		по знамени								
	«Свете тихий»	6 гласа	входъ малой	читают							
	Стихиры на стиховне	по знамени		на гласъ							
	Славник на стиховне			по знамени							

ВЕЧЕРНЯ	Возвахи	по́нѣ			читают	
	Стихиры на «Господи, воззвах»	по зْنَاَمЕНИ	по зْنَاَمЕНИ	на́ гла҃҃ѣ		
	Славник на «Господи, воззвах»	роꙗѡ̑ коꙗѡ̑		по зْنَاَمЕНИ	на́ гла҃҃ѣ ¹	
	«Свете тихий»	коꙗѡ̑ оꙗмоꙗѡ̑	6 гласа		мало́ѡ	читают
	Прокимен	ѡ̑ оꙗѡ̑. а́ вѣ трѣтѣ̑ демертво̑			[в неделю] четыре҃жды мало́ѡ риꙗѡ̑. а́ ꙗѡ̑ всѣ҃да ꙗѡ̑	мало́ѡ риꙗѡ̑ ²
	Стихиры на литии	по зْنَاَمЕНИ	рѣхѣ̑ ꙗѡ̑. ꙗѡ̑ по зْنَاَمЕНИ, а́ проч. на гла҃҃ѣ		на́ гла҃҃ѣ	на́ гла҃҃ѣ [ЛИТИИ НЕТ]
	Славник на литии		по зْنَاَمЕНИ			
	Стихиры на стиховне	по зْنَاَمЕНИ			на́ гла҃҃ѣ	на́ гла҃҃ѣ ³
	Славник на стиховне				по зْنَاَمЕНИ	
	Тропарь по «Ныне отпускаеши»	вѣ̑ по зْنَاَمЕНИ			говора̑ по крѣлоꙗѡ̑, а́ концы̑ на гла̑	читается ⁴

¹ Для 5 группе по аналогии с пением на глас всех остальных стихир и славников.

² Так как не указано петь иной.

³ По аналогии с пением стихир на «Господи воззвах».

⁴ Так как не петь.

УТРЕНЯ	На утрене на «Бог Господь» тропари	на́ глагъ	гѡворомъ	читается, концы́ поитъ на глагъ			
	Кафизмы	поитъ ѿбѣ	обе читаются				
	Седалны по кафизме	поитъ на́ глагъ	читаются, концы́ поитъ на глагъ				
	Величание	пѣтвое на еходѣ, малонъ съ прѣз. на фреднѣ		рѣдвое (ѡбѣчное) на сходе, прѣ на малонъ пофредѣ	поитъ по крѣлогомъ, послѣднѣ на еходѣ ¹	все по крѣлогомъ ²	[нет чтения Евангелия и связанных с ним песнопений]
	Седален по полиелее	поитъ на глагъ		конархѣ чѣтѣ на фреднѣ, концы поют на клиросѣ ³			
	«Всяко дыхание»	болѣ дѣмѣтво ѡ, большонъ ро ѡ ѡ, ѡ конѣцъ большонъ	пѣтъ ѡ, дѣмѣтво болѣ ѡ, конѣцъ большонъ	распев ѡбѣчныхъ			
	По 50 псалме «Молитв ради»	пѣтъ		по знаменн ⁴			
Стихира по 50 псалме	пѣтъ или болѣ роитѣ	по знаменн		на́ глагъ ⁵			

¹ Для 4 группы по аналогии с менее торжественной 5 группой, т.к. петь всё на сходе не указано.

² Т.к. иначе не было бы необходимости отмечать в уставе более торжественный порядок для служб 5 группы.

³ Для 3 группы по аналогии с 4, т.к. петь на глас не указано.

⁴ Для всех групп одинаково, т.к. это песнопение в поморской певческой традиции имеет только два варианта распева.

⁵ Так как не указано петь по знамени.

Исполнение канона	канон но́мѣтъ , катавасия на сходе		чѣтъъ на нѣло́нѣ , катавасия на сходе		чѣтъъ на нѣло́ухѣ . Катавасия на крылосах
По 3 песни	по зна́мени	го́воромъ	читаются, концы по́мѣтъ на́ гларѣ		
По 6 песни	кондак поют по зна́мени , и́когъ чѣтъъ конархнѣтъ на ѿѣ . Ѧ конѣцъ на кры́логѣ по́мѣтъ зна́менной		читаются, концы по́мѣтъ на́ гларѣ		
По 9 песни	застойник или «Достойно есть» на ходо́ѣ пѣтъ		застойник или Досто́нно на ходо́ѣ ѿ глаи	«Достойно есть» мѣлѣи (о́бычноѣ)	
Светилен	по зна́мени		но́мѣтъ по кры́логомъ	читается	
Псалмы хвалитные	по́мѣтъ		читаются		
Стихиры на хвалитех	по зна́мени		на́ гларѣ	на́ гларѣ	читаются
Славник на хвалитех			по зна́мени		
Стихиры на стиховне на утрени	[не поются]				на́ гларѣ
Славник на стиховне на утрене					
По Трисвятом тропарь (после славословия)		го́воромъ	читаются		

МОЛЕБЕН	Тропарь на Бог Господь на молебне пред часами	пои́тъ на глагъ	говоро́мъ	говори́тъ конархнѣтъ говори́мъ, а концы̀ пои́тъ на глагъ [нои́мъ]						
	Исполнение канона	пои́тъ на глагъ на ходо́ѣ по крѣло́гомъ	нои́мъ, на ходо́ѣ	канон ѐ́дннѣ, нои́мъ	канон ѐ́дннѣ	канон ѐ́дннѣ, чтѣтъ конархнѣтъ на налон	конархнѣты каноны говори́тъ на нало́лхъ. а не конархнѣтъ Ирмосы и катавасия на на ходо́ѣ			
	По 3 песни на молебне	на глагъ		конархнѣты чтѣтъ е́дальны на нало́лхъ прѣто						
	По 6 песни на молебне	кондак поют по зна́мени								
	По 9 песни на молебне	застойник или «Владычице прими» по́тъ	вместо «Достойно есть» поётся «Владычице прими»						«Достойно есть» мѣньше	
ОБЕДНИЦА	«Единородный Сын»	пои́тъ ко́лшнѣ	пои́тъ	читают ¹						
	Блаженна на обеднице	пои́тъ на глагъ	нои́мъ по крѣло́гомъ						конархнѣтъ говори́тъ на налон ꙗ́ запы́бы говоро́мъ	
	«Достойно есть» или застойник	црѣ ꙗ́ти или до́сто́нно ѣ́тъ ко́лшнѣ ро́звѣдъ	на ходо́ѣ по́твѣнѣ	пои́тъ на ходо́ѣ ꙗ́ глагъ					говори́тъ на пѣ́вомъ крѣло́гѣ говори́мъ	

¹ Т.к. иначе не было бы необходимости отмечать в уставе более торжественный порядок для служб 2 группы.

Интересующие нас указания на роспевы можно представить в виде табл. VII. Кроме отдельно оговоренных случаев, все указания берутся нами из списка РГБ, ф. 98, № 1238.

Таблица VII

Указания на роспевы в триодной части выговского Устава

		Пасха	понедельник Светлой седмицы	со среды по субботу Светлой седмицы	Вознесение и Пятидесятница	вторник Светлой седмицы ¹	неделя 1 ² по Пасхе	неделя О мытаре и фарисее ³		
МАЛАЯ или средняя ВЕЧЕРНЯ	Возвахи	[малой вечерни нет]			читают					
	Стихиры на «Господи, воззвах»					ПОУ ^ⲛ ЗНАМЕН ^ⲛ	ПРИНИМАЮ ^ⲛ ЗНАМЕ ^ⲛ			
	«Свете тихий»						читают			
	Стихиры на стиховне						ПРИНИМАЮ ^ⲛ НА ГЛАГОЛЬ. НАЧИНАЮ ^ⲛ НА ЛѢ КРЫЛО ^ⲛ ЗНАМЕ ^ⲛ	ПРИНИМАЮ ^ⲛ ЗНАМЕ ^ⲛ		
	Славник на стиховне						ЗНАМЕН ^ⲛ			
ВЕЧЕРНЯ	Возвахи	поют						поют ⁴		
	Стихиры на «Господи,	ПОУ ^ⲛ ЗНАМЕННЫА ^ⲛ	стихиры воскресные	ПОД ^ⲛ ЗНАМА ^ⲛ	стихиры воскресные	ПРИНИМАЮ ^ⲛ НА	стихиры воскресные			

¹ Празднование Богородицы Одигитрии. *вечерня малая, венощное едѣніе менше.*

² Недели со 2 по 5 по Пасхе также должны быть отнесены к этой группе, хотя указаний на роспевы в уставе на эти дни практически нет.

³ Остальные недели перед Пасхой, по-видимому, также должны быть отнесены к этой группе, хотя указаний на роспевы в уставе на эти дни практически нет.

⁴ Указание в РГБ 17-23, Л. 60.

	воззвах»		ПОЮТ ЗНАМЕН ^ъ		ПОЮТ ЗНАМЕННЫЕ, Богородицы ПРИНИМАЮ НА ГЛАСЪ	ГЛАС ^ъ	ПОЮТ ПО ЗНАМЕНИ, триодные НА ГЛАСЪ ¹
	Славник на «Господи, воззвах»				по знамени ²		
	«Свете тихий»		ПОИТЬ БОЛШОЕ	ПОИ МЕНА ^ъ	ПОДЪ ЗНАМА	ПОИТЬ БОЛШЕЕ, БЕЛИЧЕСТВА РАДН ПРА ПАХИ	ПЕНИЕ ^ъ
	Прокимен		ПОИТЬ ПО КРЫЛОГО МЕНШЕН, ПОКРЫВАЮТЬ ПЪТЬБЫ				
	Стихиры на литии		[литии нет]		ПОДЪ ЗНАМА	1 стихира по знамени, КАНАРХИТЬ НЕ КАНАРХАЕТЪ.	А Ю СТРО ЗНАМЕ, ДРУ ПРИНИМАЮ НА ГЛАСЪ

¹ Указание в РГБ 17-23, Л. 61 о3б., неделя О блудном сыне: ВОЗВА ГЛАСЪ ГЛАСЪ БО О ВЕГДА ПОИ ПО ЗНА. А В ТРИОДН НА ГЛАС. А СЛАВНИКИ В ТРИОДН НА ВЕ ВЕ И НА Ю ВЕ ПОИ ПО ЗНА («Возвашные стихеры во Октае всегда поют по знамени, а в Триоди – на глас. А славники в Триоди на вечерне все и на утрени все поют по знамени»).

² Указание «славник по знамени» на воззвахх и других стихирах для недели «О мытаре и фарисее» – согласно указанию в РГБ 17-23. Имеется также указание о том, что по знамени поётся славник в Великую субботу.

					Остальные принимай на глаго, канархитъ канархлетъ.		
	Славник на лители					знаменъ	
	Стихиры на стиховне	знаменнѣи			знаменъ	принимай на глаго	
	Славник на стиховне					по знамени	
	Тропарь по «Ныне отпускаеши»		[нет]		канархъ канархѣ по крѣлоу, по подъ знамѣ	анкобе говорѣ по крѣ премѣнлицѣ, концы тропарей поитъ на глаго	глаго вѣмъ ли
УТРЕНЯ	На утрени на «Бог Господь» тропари		[тропарь пасхи]				ноги канархитъ по крѣлоуамъ. концы тро анкобе по
	Кафизмы						читают ¹
	Седалны по кафизме		[нет]		канархитъ	[нет]	
	Величание					знаменное на сходѣ. Покрѣбитъ	знаменное на сходѣ

¹ См. также указание в неделю 5 по Пасхе: ка б л, г л, а зѣ нроптѣ.

					пѣтѣбы ^м		
	«Всяко дыхание»				подъ знамя	понъ млоѳ	пѣніе ^м
	По 50 псалме «Молитв ради»					мѣнѣ ^м перѣ ^м	пѣніе ^м
	Стихира по 50 псалме				знаменѣ		
Исполнение канона	пои́тъ же бѣѣ канонѣ стѣлице на еходѣ ^м а не на крѣлоуѣхъ	поѣ по крѣлоу ^м а не на еходѣ ^м , и канархѣ ^н канархаѣ ^н по крѣлоу ^м , катавасия на еходѣ ^м		катавасия на еходѣ ^м		ноуѣ ^н по крѣ ^н ѣкоже и на прѣ ^н	катавасия на сходе ¹
По 3 песни	и́пакѣи знаменной, канархѣи ^н канархѣи ^н		и́пакѣи канархѣи ^н говорѣи, а конецъ понѣ ^н на гла ^н	ѣ ^н канархѣи ^н			
По 6 песни	Кондак и ѣкоѣ ^н знаменныи,	Кондак знаменѣ ^н , канархѣи ^н	кондак канархѣи ^н говорѣи, а	кондак поѣмѣ ^н подъ знамя ^н ,			

¹ Указание в РГБ 17-23, Л. 60 об.

	<p>КАНАРХИѢТЪ КАНАРХАЕТЪ. ТАКЕ ПОМ ВОСКРІЄ ХРѢТОВО ГЪ ЗНАМЕННОЕ. ПОЕ СТРА ВОСКРЕЪ ГЪ... Б ШБЫЧНОЙ РОПѢВЪ, Б ТРЕТІИ ЖЕ БОЛШІМЪ РОПѢВО</p>	<p>КАНАРХАЕТЪ. ИКОС КАНАРХИѢТЪ ПО ШБЫЧАН ГОВОРН... А КОНЕ ПОМ... НА ГЛАЪ. ПОЕ ВОСКРІЄ ХРѢТОВО ГЪ ЗНАМЕННОЕ. СТРА ВОСКРЕЪ ГЪ Г МЕНШОН ПЕРЕВОДЪ</p>	<p>КОНЕЦ ПОМ НА ГЛА. ВОСКРІЄ ХРѢТОВО ГЪ ПО КРЫЛО ГОВОРЛ ПРОТГО, А НЕ ПОМ. ВОСКРЕЪ ГЪ Г ПО КРЫЛ ПОМ МЕНЬ ПЕРЕ</p>	<p>ИКОС ГОВОРО ПОРЕДЪ</p>			
По 9 песни	<p>ПУТНОЕ ИЛИ ДЕМЕРТВОМЪ СТОЛПОВЫМЪ</p>	<p>ПУТНОЕ</p>				<p>ПДТЕВОИ</p>	
Светилен	<p>ПОМ ШБЫЧНЫ РОПѢВО, КАНАРХИѢТЪ КАНАРХАЕТЪ</p>	<p>ЗНАМЕННОЙ</p>	<p>ПОМ НА ХОДАЪ БО БИИ ЕВЪ ИЛИ</p>	<p>ПОДЪ ЗНАМА</p>		<p>КАНАРХИ ГОВОРН, НОИИ ПО КРЫ. КОНЦЫ ПРИНИМАИ ПРОТГО, ИАКОЖЕ БЪ КАНО</p>	
Псалмы хвалитные	<p>ПОИТЪ</p>		<p>читают</p>	<p>ПОЕМЪ</p>		<p>читают</p>	

¹ В неделю 3, 4 и 5 по Пасхе светильны пом под знамла, канархи корархе.

	Стихиры на хвалитех			воскресны на гла			принимлю на гла	воскресны и в Триоди на гла
	Славник на хвалитех						по знамени	
	По Трисвятом тропарь (после славословия)	по целовании хор глаголет тропарь свт. Иоанну Златоусту, конец тропаря пои́тъ на гла	[нет]					глаго́ль
МОЛЕБЕН	Исполнение канона	[молебен не служится]	каноны Пасхи и святому на сходе, тропари святому говори́тъ канархнѣтъ. Пѣвцы́ концы тропарей принимлю прото́ а не на гла					
	По 3 песни на молебне		канархнѣтъ говори на налон ипако́й					

			пѦЦЕ ЗНАМЕННОУ,					
	По 9 песни на молебне		пѦТВОУ				пѦТѸ	
ОБЕДНИЦА	«Единородный Сын»	ДЕМѦТЪВЕННОУ	МЕНШЕУ РОУ					
	Блаженна на обеднице	ПОУ НА ГЛА, КАНАРХИТЪ КАНАРХЕТЪ ¹						
	«Достойно есть» или задостойник	ЦРЬ РТИХЪ	ДЕМѦТЪВЕННОУ	ДЕМЕ ИЛИ пѦТѸ			ДЕМѦТЪВЕННОУ ²	

¹ На Светлой седмице на молебне «прочее всё якоже в неделю Пасхи».

² В неделю 3 по Пасхе указание ѿ ел или вѦЦЕ на МОЛЕБНЕ ПОУ.

Рассматривать указания о роспевах в триодной части выговского Устава как отдельную систему, на наш взгляд, нет достаточных оснований. Период Великого поста и Пятидесятницы является лишь частью церковного года, а включённые в него службы не содержат достаточного разнообразия степеней торжественности. Как видно из заголовков столбцов таблицы, круг служб, для которых указания о роспевах имеются, ограничен Пасхой, Светлой седмицей и воскресными днями. Если соотнести эти указания с системой роспевов Типика, то становится ясно, что Пасха и во многом близкий к ней понедельник Светлой седмицы стоят совершенно особняком и могут быть названы отдельной, наибольшей степенью торжественности. Отличием Пасхи от праздников 1 группы Типика может быть названо пение на сходе канона на утрне, пение икоса по знамени, «канарханье» светильна. Службы двенадцатых праздников Вознесения и Пятидесятницы и недели О мытаре и фарисее вполне могут быть соотнесены соответственно со 2 и 3 группами праздников в Типике.

Несколько не укладываются в общую картину лишь указания на вторник Светлой седмицы и Антипасху. Здесь появляется не встречавшийся ранее термин «принимать». Довольно неожиданным образом как бы нарушается порядок соблюдения степени распевности: там, где можно было бы ожидать пение стихир по знамени, стоит указание *принимѧ на гласъ* («принимают на глас», см. различные стихирны в неделю 1 по Пасхе). В то же время этот же термин встречается и в другом контексте: *на гдѣ бо стѣры и на стѣи принимѧ знамѣ*. Возможно, ключ к правильному пониманию указания *принимѧ на гласъ* можно найти, обратив внимание на описание порядка пения стихир на литии во вторник Светлой седмицы: *шшѣдшея ѿба лика въкоупѣ*, *Правын ли*, *Рече*, *Аминь*, *и поѣ стѣры ецы*, *Гласъ ѿ*, *не шстѣвы нагъ*, *Знаменнѣю*, *Канархѣ не канархѣ*. *Поѣ*, *стѣры ецы литійныя*. *Канархѣ канаръ*, *пѣвцы принимѧ на гласъ*. *Слава*. *и нѣ*, *ецы*. *Поѣ знаменнѣю*. В источнике порядок пения связывается с действиями канонарха: в рассмотренном фрагменте, когда он «не канархает», хор поёт стихирну «знаменную», а когда начинает «канархать», хор «принимает на глас». По всей видимости, «принимать» означает петь с участием канонарха. В этом случае общая торжественность исполнения увеличивается, и принцип соответствия степени распевности песнопений степени торжественности службы не нарушается.

Всё сказанное выше, на наш взгляд, даёт достаточное основание считать доказанным существование в богослужебном уставе Выго-Лексинского старообрядческого общежития особой системы употребления различных роспевов. Эта система роспевов устанавливает связь между наиболее существенными сторонами древнерусского богослужения: его точным соответствием нормам богослужебного устава и практическим способом совершения. Богатство древних одноголосных мелодий – не просто набор не зависящих друг от друга произведений распевщиков. Каждое песнопение является органичной и неотъемлемой частью богослужения и раскрывает его общий смысл и структуру. В рамках выговского Устава система роспевов имеет приложение к конкретным условиям того или иного храма (часовни) и может отличаться степенью сложности своего во-

площения на практике силами хоров. В то же время эти различные варианты системы роспевов объединяет общность следования принципу иерархичности (чем торжественнее праздник или отдельная часть богослужения, тем больше степень их распевности) и используемые средства (древнерусские певческие стили, способы исполнения). Эти достижения выговского Устава продолжают линию развития древнерусской богослужебной культуры, и потому обязательно должны найти достойное место в современной практике православного богослужения.

***

1. Дементьев А.В. Богослужебный устав Выго-Лексинского старообрядческого общежития: обзор источников и предварительная классификация // Старообрядчество в России (XVII-XX вв.): сб. науч. тр. Вып. 5. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 184-227.

2. Дементьев А.В. Система степеней торжественности праздников в богослужебном уставе Выго-Лексинского общежития // Вестник ПСТГУ. Серия V. 2013. Вып. 3 (12). С. 25-52.

3. Устав поморский: Устав обители святого Богоявления на Выгу реце. М.: Старообрядческое изд-во «Третий Рим», 2006.

4. Типик, сиречь устав церковный обители святого Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, яже близ понта окяна в северных странах общежительной лавры Данилова монастыря, иже на Выгу реце. О церковном пении и о трапезном благочинии и о прочем монастырском благоустроении. Саратов: Изд. В.З. Яксанова, 1913.

АДМИНИСТРАТИВНО-ССЫЛЬНЫЕ «ПОЛИТИКИ» В КОМИ КРАЕ В 1920-Е ГОДЫ*

Административная ссылка как особый компонент карательной системы применялась в Советской России в 1920-е – первой половине 1950-х гг. в отношении лиц, не совершивших преступление, но идентифицируемых властью как идеологические противники («враги») советской власти. Автором сформулированы особенности двух типов политической ссылки: (1) ссылка (спецпереселение, депортации) как форма принуждения государством групповых политических противников по классовому или этническому признаку и (2) ссылка как мера наказания за индивидуальную идентичность, применяемая в отношении «антисоветских», «контрреволюционных», «социально-опасных элементов».

Объект исследования – институт административной ссылки 1920-х гг. как формы репрессий за индивидуальный социальный статус.

Актуальность исследования определяется научно-познавательной целесообразностью. При активном изучении наиболее «жестких» форм репрессий (спецпоселения и депортации, тюрьмы, лагеря, расстрелы) история ссылки как репрессивной меры, направленной на индивидуального гражданина, остается на периферии научных интересов историков.

Характеристика историками основных категорий ссыльных на основе анализа законодательно-нормативных актов, регламентирующих круг репрессуемых, категорий и виды «преступлений», за которые применялась административная ссылка, приводит к серьезным искажениям в характеристике численности и состава ссыльного сегмента и актуализирует исследование истории ссылки в отдельные регионы страны.

Цель статьи – исследование одной из самых массовых категорий ссыльных – «политиков», к которым власть относил деятелей партий левого политического спектра: социал-демократов, социалистов-революционеров, анархистов, деятелей национальных социалистических партий и организаций (в том числе и сионисты), оппозиционеров ВКП (б).

На основе введения в научный оборот документов региональных органов ОГПУ, источников личного происхождения, выявленных в фонде правозащитной организации «Помощь политическим заключенным», позволивших автору составить поименные списки и биограммы ссыльных, исследована динамика изменения численности основных ка-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и правительства Республики Коми Проект № 12-11-11011 «Советская ссылка в 1920-е – первой половине 1930-х годов (на материалах Коми области)».

тегорий «политиков», их национальность и возраст, места расселения ссыльных. Показано, что в 1920-е гг. ссылка была либо прологом к концлагерям, либо эпилогом.

Ключевые слова: *внесудебные политические репрессии, советская ссылка, Коллегия ОГПУ, Помполит, политизолятор, Соловецкий концлагерь.*

В Советской России применялись два типа ссылки. Первый – ссылка (спецпереселение, депортации) как форма принуждения государством групповых политических противников по классовому или этническому признаку. Второй тип – ссылка как мера наказания за индивидуальную идентичность, которая применялась в отношении лиц, не совершивших преступление, но идентифицируемых как «антисоветские», «контрреволюционные», «социально-опасные элементы».

История ссылки как формы репрессий за индивидуальную идентичность оставалась до конца 1990-х гг. на периферии научных интересов историков. Это связано главным образом с тем, что внимание исследователей акцентировано на наиболее «жестких» формах репрессий (спецпоселения и депортации, тюрьмы, лагеря, расстрелы) вне контекста иных карательных мер [1].

Одна из наиболее сложных проблем истории ссылки в 1920-е годы – состав (категории) ссыльного сегмента карательной политики. В имеющихся в распоряжении исследователей статистических сведениях о численности ссыльных по стране фактически нет обобщающих сведений о категориях ссыльных, тем более в динамике за все годы. Характеристика проблемы основывается в первую очередь на анализе исследователями законодательно-нормативных актов, регламентирующих круг репрессируемых, категории и виды «преступлений», за которые применялась ссылка, что нередко приводит к серьезным искажениям в характеристике основного контингента ссыльных [2].

Первостепенное значение для изучения состава административной ссылки является изучение темы на материалах отдельных регионов страны, позволяющих исследователям на основе главным образом документов, выявленных в местных архивах, составить поименные списки репрессированных и, таким образом, достоверно установить численность ссыльных по отдельным категориям.

В постсоветской региональной историографии была опубликована серия исследований, посвященных истории административной ссылки в Коми область [3]. М.Б. Рогачев и М.В. Таскаев во введении к публикации документов и материалов ввели в научный оборот документы обкома ВКП(б), регламентирующие порядок организации ссылки в области, привели сведения о численности и категориях ссыльных по данным, содержащимся в отчетно-информационных документах органов ОГПУ [4].

Наиболее исследованная группа административно-ссыльных в Коми области – репрессированные православные священники [5]. Историки приводят отдельные сведения о высланных в область троцкистах-оппозиционерах, эсерах [6].

История административной ссылки «политиков», к которым власть относилась деятели партий левого политического спектра, пока не стала объектом специального исследования в региональной историографии.

Основным источником исследования стали документы местных органов ОГПУ, в ведении которых находилась административная ссылка. Большинство документов, как нормативного характера, так и информационного или оперативного плана, находятся на особом режиме хранения и в значительной своей массе недоступны историкам.

В фондах Коми областных и уездных органов власти и управления были выявлены документы органов ОГПУ отчетно-информационного характера, содержащие сведения о численности и категориях административно-ссылных. Важнейшим источником информации являются списки административно-ссылных, составленные ОГПУ. Специальная подборка документов Коми обкома партии и областного отдела ОГПУ о ссылке 1920-х гг. опубликована в мартирологе «Покаяние» [7].

При всей важности сведений органов ОГПУ отрывочная и, как правило, несопоставимая по основным параметрам информация не позволяет составить обобщенную картину о численности ссылных «политиков», проанализировать социальный облик репрессированных на протяжении всего изучаемого периода в территориальных границах всего Коми края.

Значительный объем информации был выявлен в документах правозащитной организации «Помощь политическим заключенным» (Помполит), которая в 1920-е гг. выступала в качестве посредника между политическими ссылными и аппаратом ОГПУ, оказывала информационную, организационную и материальную помощь «политикам». Самый значительный комплекс документов Помполита составляет переписка с частными лицами: письма, заявления, телеграммы ссылных и их родственников о пересмотре дел, изменении наказания, оказании материальной помощи, освобождении из ссылки и пр. Во многих случаях это целые «истории в письмах». В фонде сохранились копии приговоров ОСО Коллегии ОГПУ, списки заключенных пересылных тюрем, ссылных и пр.

На основе разрозненных данных официальных документов, отрывочной информации, содержащейся в списках ссылных (в отдельных случаях в списках указывались партийная принадлежность, место проживания или ареста, инкриминируемые статьи УК, возраст, место размещения и пр.), а также сведениях, сообщаемых в документах Помполита, автором были составлены списки и биограммы ссылных «политиков». При составлении биограмм использовались и отдельные сведения, содержащиеся в биографическом словаре социалистов и анархистов, составленном НИПЦ «Мемориал» [8].

Начало складывания института ссылки как особого компонента общерепрессивной системы относится к весне-лету 1922 г. По-видимому, впервые вопрос о предоставлении ГПУ права ареста в превентивном порядке и административной ссылки за «антисоветскую» деятельность рассматривался Политбюро ЦК РКП(б) 9 марта 1922 г. Этим же решением ГПУ получило право на ссылку в Ар-

хангельск и заключения в Архангельский концлагерь «подпольщиков», анархистов и левых эсеров [9].

Административная ссылка была введена постановлением ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. Специальная Комиссия при НКВД наделялась полномочиями на высылку за границу или ссылку в определенные местности РСФСР деятелей «антисоветских политических партий», арестованных в превентивном порядке, но не осужденных из-за отсутствия доказательств их «контрреволюционной» деятельности [10].

Коми автономная область и Архангельская губерния были включены в перечень районов административной высылки в 1923 г. (хотя первые сведения о пребывании ссыльных на территории Коми края относятся к осени-зиме 1922 г.) [11].

С 1922 по 1929 гг. по составленным автором спискам административно-ссыльных в Коми крае отбывало ссылку не менее 745 чел.

Установить причину высылки всех ссыльных, а следовательно, и определить точный состав категорий ссыльных пока не представляется возможным. Это связано главным образом с тем, что значительная часть ссыльных проходила по отчетности ОГПУ как «невыясненные», «неустановленные», «не выяснено и разные», «другие». Так, в сведениях ОГПУ на 1 апреля 1925 г. по этой категории проходило 46,3% всех ссыльных, на 1 июня 1927 г. – 34,2% [12]. Отсутствовали в некоторых списках указания о причинах ссылки административно-ссыльных. В таких случаях основным источником информации стали для нас документы Помполита [13].

Среди административно-ссыльных в 1920-е гг. были две основные категории: «политические» (574 чел.) и «социально-вредный элемент» (27 чел.).

К политическим ссыльным относились деятели партий левого политического спектра («политики») и так называемые контрреволюционеры.

«Политиками» власть признавала только социал-демократов, социалистов-революционеров, анархистов, деятелей национальных социалистических партий и организаций (в том числе и сионистов), оппозиционеров ВКП (б). По составленным автором статьи спискам и биограммам ссылку в Коми крае в 1920-е гг. отбывало не менее 256 «политиков».

К категории «контрреволюционеры» (318 чел.) относились представители духовенства, члены партий правого политического спектра (кадеты и монархисты), бывшие дворяне, полицейские, белые офицеры и все ссыльные, приговоренные по политическим («контрреволюционным») статьям.

Вторая категория административно-ссыльных – «социально-вредные элементы»: приговоренные за экономические «преступления» и уголовники.

В *Коми области* в 1920-е годы ссылку отбывало около 210 «политиков».

Первыми ссыльными по приговорам Комиссии при НКВД, которые стали поступать в Коми (Зырянскую) область, были «политики» (33 из 86 ссыльных на 1 сентября 1923 г.). Вместе с представителями духовенства они составляли практически весь контингент коми ссылки [14].

Политических ссыльных, большинство из которых принадлежало «к сильным активистам своих партий», областной отдел ОГПУ размещал в 1923–1924 гг. в Усть-Сысольске, опасаясь, что «эта публика вновь что-либо учинит и придется снова поднимать дело о них» [15].

В 1924 – начале 1925 гг. политическая ссылка пополняется анархистами. На 1 апреля 1925 г. в Коми области проживало 60 «политиков» (51,3% всех ссыльных), в том числе 43 эсера и 17 анархистов [16].

С 1925 г. с целью «разгрузить» Усть-Сысольск от ссыльных, «политиков» стали отправлять в отдаленные от областного центра районы. По спискам административно-ссыльных по уездам области (данные о месте нахождения 50 чел.) в мае 1925 г. Усть-Сысольске и пригородах проживало 22 «политика», в Усть-Куломском уезде – 14, Ижмо-Печорском – 10, Усть-Вымском – 8 и Сысольском уезде – 6 [17].

Летом 1925 г. в Коми область прибывает первая группа сионистов (21 чел.). По сведениям ОГПУ, на 15 ноября 1925 г. в области было 80 «политиков» (37,5% ссыльных) [18].

Из прибывших с летними этапами 1925 г. около 70% ссыльных были отправлены в самый северный район области – в Ижмо-Печорский уезд. В результате к осени 1925 г. в Ижме образовалась самая большая по численности (после Усть-Сысольска) колония ссыльных «политиков» (41 чел.) [19].

По информации уездного уполномоченного ОГПУ, «простых ссыльных здесь не держат, и держать бесцельно, ибо Ижмо-Печорский уезд в центре считается основным местом ссылки и посылают сюда исключительно активных, политически видных». Уездные власти опасались «расквартирования ссыльных по деревням», так как «отсутствует достаточная вооруженная охрана», и размещали всех ссыльных в Ижме [20].

На учете Коми областного отдела ОГПУ на 1 июня 1927 г. состоял 101 «политик» (39,3% всех ссыльных), 1 февраля 1928 г. – 81 (36,3%), 1 июля 1928 г. – 65 (38,9%). Несмотря на стремление «разгрузить» Усть-Сысольск от ссыльных, в областном центре летом 1928 г. проживала 33 «политика» (50,8%). В Усть-Куломском уезде, который считался среди «политиков» «ссылкой в ссылку», проживало 13 чел., Усть-Вымском и Сысольском – по 7 чел. В Ижмо-Печорском уезде, куда с 1926 г. прекращается высылка «политиков», к лету 1928 г. осталось 6 чел. [21].

В *Печорский уезд Архангельской губернии* первые «политики» этапами, направляемыми через Коми область, прибывают летом 1923 г. [22]. В с. Усть-Цильма летом 1924 г. (по неполным данным) отбывали ссылку не менее 10 «политиков» (социал-демократы и социалисты-революционеры) [23].

В середине 1920-х гг. этапы ссыльных в Печорский край отправлялись через Архангельск. В 1926–1927 гг. в Усть-Цильме проживали не менее 30 «политиков, из них 21 меньшевик. Всего, по нашим спискам, в Печорском уезде отбывали ссылку не менее 40 «политиков» [24].

Самая многочисленная группа ссыльных «политиков» была представлена деятелями наиболее влиятельной в левом политическом секторе партии *социалистов-революционеров*. С 1922 по 1929 гг. ссылку в Коми крае отбывали 92 эсера (36 % всех «политиков»).

По имеющимся у нас сведениям о возрасте 51 эсера, 20-25 лет было 8 чел., 26-35 лет – 26, 36-45 лет – 13 и 46-55 лет – 4 чел. [25]. По данным о национальности 33 чел., 21 из них – русские, 11 – евреи и один эсер – «австрийского происхождения».

Первые восемь приговоров эсерам – ссылка в Коми (Зырянский) край – были вынесены Комиссией ГПУ НКВД весной-летом 1922 г., причем большинство приговоров – до законодательного оформления административной ссылки (10 августа 1922 г.).

Осенью-зимой 1922 г. в Усть-Сысольске проживали два ссыльных эсера; этап из пяти эсеров, застрявший из-за распутицы в Вятке, был отправлен в Усть-Сысольск лишь в июне 1923 г. [26].

В первой пол. 1923 г. к ссылке были приговорены еще 24 социалиста-революционера, и на 1 сентября в Коми области проживали 30 эсеров [27].

До середины 1923 г. рядовые члены партии эсеров нередко получали два года ссылки (9 из 24 человек); с осени 1923 г. во всех приговорах указывался максимальный срок ссылки – три года.

Многие ссыльные до вынесения приговора находились год-полтора в тюрьмах и политизоляторах. Так, Л.Г. Еляшевич, арестованной в 28 февраля 1922 г. в Иркутске, приговор был вынесен лишь 26 марта 1923 г., Ф.С. Лозовому, задержанному 28 апреля 1922 г. в Омске, – 16 мая 1923 г. [28].

В 1923 г. в Коми область прибывают эсеры, переведенные из других мест ссылки. М.А. Ефимова, арестованная 5 сентября 1921 г. в Симферополе, после полутора лет, проведенных в московских тюрьмах, была сначала выслана в Великий Устюг, а постановлением от 23 марта 1923 г. получила дополнительно год ссылки в Коми область [29].

После отбытия года ссылки в Череповце в Усть-Сысольск был выслан С.М. Логошников (член Учредительного собрания по списку партии правых социалистов-революционеров) [30].

Среди высланных в 1923 г. эсеров была группа студентов, арестованных в ходе проведения операции по высылке в северные неуниверситетские города «контрреволюционного» студенчества (Е.В. Аксенова, Л.Г. Еляшевич, Е.Р. Ерухимович, Г.Е. Крейн и др.). В этой группе был студент Петроградского института живых восточных языков (в будущем известный этнограф, лингвист, археолог) О.Э. Визель, приговоренный 16 мая 1923 г. к двум годам ссылки по делу «старост университета». Проживая в первый год ссылки в Усть-Сысольске, он участвовал в создании «Общества изучения Коми края». О.Э. Визель разработал устав Общества и написал «Программу по изучению Коми края (издана в Усть-Сысольске в 1924 г.). За «связь с местной интеллигенцией» он был переведен в 1924 г. в Ижму [31].

С 1923 г. в ссылке в Коми области жил правый социалист-революционер А.А. Виноградов, занимавший в 1920 г. пост зам. министра юстиции Дальневосточной Республики [32].

До 1924 г. эсеры оставляли отбывать ссылку в Усть-Сысольск. После ареста в декабре 1923 г. 14 эсеров за «сборища, сопровождающиеся обсуждением вопросов политического характера» (освобождены через две недели) арестованных стали отправлять в уезды, размещая по одному-двум в отдаленных селах [33].

К середине 1920-х гг., когда большинство членов эсеровского движения находились в концлагерях, политизоляторах и ссылке, массовые «чекистские» операции против социалистов-революционеров прекращаются. Количество приговоров к ссылке в Коми область резко сокращается (семь приговоров в 1924 г., шесть – в 1925 г.).

Социалисты-революционеры в 1925 г. оставались самой многочисленной группой ссыльных «политиков» (на 1 апреля 1925 г. 43 из 60 «политиков»). По спискам административно ссыльных (сведения о 42 чел.) в мае 1925 г. в Усть-Сысольске и пригородах находилось 11 эсеров, в Усть-Куломском – 9, Усть-Вымском – 7, Ижмо-Печорском – 6, Сысольском уезде – 5 [34].

Впервые в 1925 г. приговоры к ссылке в Коми область получают эсеры после отбытия трехлетнего срока заключения в Соловецком концлагере (член ЦК эсеров-интернационалистов Рудаков-Порох и известный правый эсер П.А. Тугарин) [35].

В Усть-Куломе отбывали ссылку эсеры Б.В. Бабин (Бабин-Корень) и его супруга Б.А. Бабина. До ссылки Б.В. Бабин-Корень несколько раз арестовывался, в том числе за отправку за границу информации о расстреле заключенных на Соловках в декабре 1923 г. К ссылке в Коми область супруги были приговорены за покушение их 13-летнего сына на прокурора по надзору за ОГПУ Р.П. Катаняна [36].

С 1926 г. эсеровская ссылка пополняется главным образом за счет отбывших срок заключения в Соловецком концлагере (СЛОН) и политизоляторах.

Из 28 социалистов-революционеров, приговоренных в 1926 г. к ссылке в Коми область и Печорский уезд Архангельской губернии, не менее 21 – после освобождения из заключения, в т.ч. 19 – освобожденных Комиссией по условному досрочному освобождению заключенных СЛОН.

С 1926 г. в Коми край стали прибывать многие видные представители эсеровского движения.

В селе Усть-Цильма Печорского уезда отбывали ссылку члены ЦК партии правых социалистов-революционеров Б.С. Цейтлин (с женой Е.К. Полетика) и Б.С. Иванов, осужденные в 1922 г. по так называемому делу партии эсеров и отбывшие срок на Соловках [37].

В Усть-Сысольск после Соловков и Тобольского политизолятора в 1926 г. был выслан эсер В.П. Шестаков (с женой Т.М. Шестаковой), выступивший в 1922 г. свидетелем защиты на процессе социалистов-революционеров. Он подпи-

сал знаменитое «заявление 22-х» с выражением солидарности с проходящими по делу правыми эсерами с требованием к власти посадить и их на скамью подсудимых [38]. В Ижме отбывал ссылку после Соловков С.И. Гнедов, также осужденный по «делу партии эсеров» [39].

Среди высланных в 1926 г. был член ЦК партии левых эсеров Я.В. Браун, заключенный в январе 1924 г. сначала в Суздальский политизолятор, откуда он за 15-дневную голодовку был переведен сначала в Ярославский, а затем Костромской политизолятор [40].

В 1927 г. к ссылке в Коми область были приговорены еще трое отбывших трехлетнее заключение, в том числе член ЦК левых социалистов-революционеров Ф.И. Ильин-Суворин (после Суздальского политизолятора) [41].

С 1928 г. численность эсеровской ссылки сокращается за счет прекращения потока ссыльных, получивших новый приговор после отбытия срока заключения в лагерях (в 1927 – 7, 1928 – 1 и в 1929 – 1 человек). Если на 1 ноября 1927 г. на учете ОГПУ состояло 42 эсера, то на 1 февраля 1928 г. – 34, 1 июля 1928 г. – 26 эсеров. В Усть-Сысольске проживало 18 чел. [42], в Ижмо-Печорском уезде – четверо, Усть-Куломском – двое и Сысольском и Усть-Вымском уездах – по одному эсеру [43].

В первой половине 1920-х гг. параллельно с «чекистскими» операциями против социалистов-революционеров набирала силу кампания против *социал-демократов*. С 1922 по 1929 гг. ссылку в Коми крае отбывало не менее 50 меньшевиков (около 20 % всех политиков»), из них 29 – в Коми области и 21 – в Печорском уезде Архангельской губернии.

По имеющимся у нас данным о возрасте 37 ссыльных меньшевиков 20-25 лет было 10 чел., 26-35 – 13, 36-45 – 11, 46-52 – 3 чел. Среди ссыльных меньшевиков (не считая сионистов) была самая большая среди «политиков» группа евреев – не менее 20 чел.

В первой половине 1923 г. к ссылке в Коми области было приговорено пятеро социал-демократов (трое – к двум годам, двое – к трем годам ссылки), в июле 1924 г. – еще двое (к трем годам ссылки) [44].

В мае 1925 г. в списках ссыльных Коми области значилось семь меньшевиков. Сразу после прибытия этапов в Усть-Сысольск, областной отдел ОГПУ, опасаясь влияния меньшевиков на местную интеллигенцию, отправлял их в уезды, где они расселялись по одному-двум в отдаленных селениях. В Сысольском и Ижмо-Печорском уездах по два чел., в Усть-Вымском и Усть-Куломском уездах – по одному чел. [45].

В Усть-Куломском уезде отбывал двухлетнюю ссылку известный меньшевик Н.Н. Розанов (заведовал уездной больницей), который до революции трижды подвергался арестам и провел в ссылках около пяти лет. Решение о высылке Н.Н. Розанова за «выступление против Соввласти» на съезде врачей было принято на заседании Комиссии Политбюро ЦК РКП (б), обсуждавшем 2 августа 1922 г. вопрос о высылке деятелей интеллигенции. Имя Н.Н. Розанова было в утвержден-

ных 10 августа на Политбюро ЦК РКП(б) списках 11 врачей, которые высылались в административном порядке «в северные или восточные губернии Республики для использования по специальности сроком на 2 года». Однако постановление о высылке Н.Н. Розанова было принято Комиссией ОГПУ лишь 3 августа 1923 г. [46].

На 15 ноября 1925 из восьми ссыльных, находящихся в Коми области с 1923, осталось пятеро [47].

Самая большая по численности колония ссыльных меньшевиков в 1923–1926 гг. была в селе Усть-Цильма Печорского уезда (не менее 13 человек). Первые группы меньшевиков прибывают в Усть-Цильму во второй пол. 1923 г. – первой пол. 1924 г. (семь человек).

Приговором Коллегии ГПУ от 8 июня 1923 г. на Печору был выслан на три года известный меньшевик Л.И. Ратнер. В 1917 г. он был помощником начальника дворцового Управления Зимнего дворца (комендант). В ноябре 1917 г. «за самоотверженную защиту и охранение народных сокровищ Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.» ему была вынесена благодарность Народного комиссара просвещения А. Луначарского [48]. Однако это не спасло его от репрессий новой власти.

В октябре 1923 г. в Усть-Цильму был выслан член молодежного кружка при Московской группе РСДРП, студент Пречистенского института Д.М. Бацер (лит. псевдоним – Т.И. Тиль). Ему было всего 18 лет. Летом 1924 г. Д.М. Бацер и его товарищ по ссылке А.К. Колмаков были арестованы в Усть-Цильме за «антисоветскую деятельность» и приговорены к двум годам заключения в Соловецком лагере [49]. В июне 1924 г. за побег с места ссылки из Усть-Цильмы на Соловки был отправлен М.А. Кислов [50].

В декабре 1924 – январе 1925 гг. в Печорский край через Архангельск направляется новая группа меньшевиков, отбывших срок заключения в концлагерях (не менее шести чел.).

Постановлением Коллегии ОГПУ от 21 ноября 1924 г. после окончания двухлетнего заключения в концлагерях (Пертоминский лагерь под Архангельском, Соловки) на Печору был выслан член партии РСДРП с 1901 г., член ЦК меньшевистской партии Б.О. Богданов. Трехлетнюю ссылку в Усть-Цильме он отбывал с женой и дочерью. Одновременно с Богдановыми в Усть-Цильме после Соловков жили известный меньшевик В.А. Оссовский с женой М.А. Тюниной (тоже член партии меньшевиков) и дочерью [51].

Самая большая группа меньшевиков была приговорена к ссылке в Коми край Особым Совещанием ОГПУ и Полномочным представительством ОГПУ по Средней Азии 24 сентября 1926 г. (в Печорский уезд – 10 чел., в Коми область – 3 чел.). 11 приговоренных – ссыльные, арестованные в июле 1926 г. в Ташкенте за «контрреволюционную деятельность»; 10 чел. из них до высылки в Среднюю Азию провели два-три года в концлагерях и политизоляторах, отбывали ссылку в других регионах страны [52].

В группе высланных из Ташкента в Коми область были активный участник социал-демократического движения (в партии с 1905 г.), член ЦК партии меньшевиков Б.Н. Бер-Гуревич и его жена Ф.Е. Абрамович [53].

В 1927 г. к ссылке в Коми область были приговорены восемь меньшевиков, из них не менее шести – после Соловецкого концлагеря, Верхнеуральского, Тобольского, Суздальского и Ярославского политизоляторов, отбытия срока ссылки в других регионах страны [54].

На учете Коми облотдела ОГПУ на 1 июня 1927 г. состояло 6 меньшевиков, 1 февраля 1928 г. – 10, на 1 июля 1928 г. – 11 (по три человека в Усть-Куломском и Сысольском уездах, по два – в Усть-Сысольске и Усть-Вымском уезде и один – в Ижмо-Печорском уезде) [55].

По неполным данным, во второй пол. 1928 г. – 1929 г. после Соловков, политизоляторов, ссылки в другие регионы стран в Коми область прибывает 5 меньшевиков, в Усть-Цильму – 1 [56].

Из 35 социал-демократов, приговоренных к ссылке в Коми край с 1925 г., не менее 28 отбыли сроки наказания в концлагерях и ссылке в другие регионы страны.

Одну групп репрессированных членов «антисоветских» партий составляли *анархисты*. С 1923 г. по 1929 г. ссылку в Коми крае отбывали не менее 46 анархистов (около 18% всех «политиков»).

Анархистская ссылка в Коми область была по возрасту ссыльных преимущественно молодежной. По данным о возрасте 21 анархиста, одному из них было 18 лет, 20-22 года – 9 чел., 23-25 – 4, 26-28 – 6 и одному – 36 лет. По сведениям о национальном составе 15 анархистов, русских среди них было 11 чел., евреев – четверо.

В 1922 г. в Коми области отбывала ссылку одна анархистка, в январе-июле 1923 г. к ссылке были приговорены еще семеро (из них шесть – к двум годам и один – к трем годам), в конце 1924–1925 гг. – не менее 20 чел. (все на три года).

Среди приговоренных к ссылке Комиссией по высылкам ОГПУ от 16 января 1925 г. была группа бывших комсомольцев Балтийского флота, в том числе помощник капитана ледокола «Октябрь» Т.И. Тузов. В Коми область был выслан и студент Российского института истории искусств Ю.Я. Криницкий, арестованный в ноябре 1924 г. в Ленинграде как участник подпольного студенческого анархического кружка [57].

По сведениям областного отдела ГПУ на 1 апреля 1925 г., ссылку в области отбывали 17, а 15 ноября 1925 г. – 19 анархистов. Самая большая колония ссыльных анархистов проживала весной 1925 г. в Усть-Сысольске и пригородах (11 чел.) [59]. В Усть-Куломском уезде отбывали ссылку четверо анархистов, в Ижмо-Печорском – двое. К августу 1925 г. численность ссыльных анархистов в Ижме увеличилась до восьми человек [60].

Из всех групп «политиков» анархисты, по утверждению местных чекистов, были «наиболее склонны к побегам». В сводке Коми ОГПУ за 1–15 июля 1925 г. сообщалось о побеге из ссылки анархиста В.И. Малова и о намерении совершить

побег Н.П. Гребенчиковым (прибыл этапом в Коми область только 14 мая 1925 г.) [61].

Летом-осенью 1925 г. группа анархистов (6 человек), готовившая, по мнению ОГПУ, побег из места ссылки, была отправлена из Усть-Сысольска в отдаленный Ижмо-Печорский уезд. В ноябре 1925 г. в Ижме по обвинению в подготовке к побегу были арестованы М.В. Личковский и Н.М. Туманов (освобождены); в декабре 1927 г. они были вновь арестованы за попытку побега и приговорены к заключению в концлагерь [62].

В 1926–1927 гг. к ссылке в Коми область были приговорены не менее восьми анархистов. На 1 июня 1927 г. на учете облотдела ОГПУ состояли 25 анархистов, на 1 февраля 1928 г. – 16 (в Ижмо-Печорском уезде – 8 чел., Сысольском и Усть-Куломском уездах – по два, в Усть-Сысольске – 4 чел.) [63].

В сводке облотдела ОГПУ от 27 января 1928 г. сообщалось, что «в связи с освобождением большого количества анархистов из ссылки /10 человек/ и отправкой в изолятор Личковского, ссыльных анархистов остается 10 человек, и они разбросаны по разным пунктам Области» [64].

На 1 июля 1928 г. в Коми области осталось 8 анархистов из этапов 1926–1927 гг., в том числе в Усть-Сысольске – пять чел., Усть-Куломском уезде – двое, в Сысольском уезде – один [65].

В 1928 г. в Коми область пребывают два анархиста после трех лет заключения в политизоляторе и один – после отбывания ссылки в другом регионе страны.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 21 августа 1929 г. «за участие в анархо-Махновской организации» к ссылке в Коми область на три года были приговорены шесть человек.

По-видимому, ссылка анархистов в Печорский уезд в 1920-е гг. не приобрела массового характера. По нашим данным, в ноябре 1924 г. одна анархистка отбывала ссылку в Усть-Цильме, в 1928 г. – начале 1929 г. – один анархист в Усть-Ухте.

С 1925 г. Коми область становится регионом массовой ссылки членов, не имевших легального статуса, но формально не запрещенных сионистских социалистических партий и организаций.

Сионисты были второй по численности после эсеров категорией высланных в Коми область «политиков» (на 1 июня 1927 г. – 28%, на 1 февраля 1928 г. – 22% и на 1 июня 1928 г. – 18%).

По подтвержденным источниками данным, ссылку в Коми области отбывали с 1925 по 1929 гг. не менее 53 сионистов, в том числе по приговорам 1925 г. – 21 чел., 1926 – 27 чел., 1929 – 5 чел. [66].

В Печорский уезд в 1920-е гг. были высланы, по-видимому, только три сиониста.

Первые приговоры сионистам к ссылке на три года в Коми область как членам «контрреволюционных организаций» Коллегия ОГПУ выносит весной 1925 г. Это были главным образом члены самых массовых и влиятельных в сио-

нистском политическом спектре молодежных организаций «Гитахдут» («Цеирей Цион-Гитахдут») и «Гехалуц» («Хе-Халуц»). Подавляющее большинство ссыльных сионистов (более 80%) составляли молодые люди от 19 до 24 лет.

Из высланных в 1925 г. сионистов пятеро были направлены поодиночке в Усть-Куломский уезд (села Аныб, Подбельск и Сторожевск).

Большая группа сионистов (13 человек) отбывала ссылку в Ижмо-Печорском уезде. Первоначально они жили в уездном центре, а в июне 1926 г. с целью «разгрузить» Ижму от ссыльных всех сионистов отправили в села Усть-Уса и Усть-Ухта [67].

Новые этапы ссыльных сионистов (25 человек) прибывают в область летом-осенью 1926 г. Кроме уже названных сионистских организаций среди высланных в 1926 г. были члены Еврейского социалистического союза рабочей молодежи (ЕССРМ / Югенд Поалей-Цион) и Единой всероссийской организации сионистской молодежи (ЕВОСОМ). По приговорам, вынесенным органами ОГПУ в мае-июне 1926 г., к ссылке в Коми область были приговорены пять членов ЕВОСОМ, в том числе член ЦК С.Г. Каргман и член Иностр. ЦК Я.Л. Зинюк [68].

Самая крупная колония сионистов в 1926 г. была в Усть-Куломском уезде. В селах Усть-Кулом, Аныб, Пожег, Сторожевск жили 12 сионистов, из них четверо – из этапа 1925 г. К февралю 1928 г. в уезде осталось шестеро, а к июлю 1928 – четверо сионистов [69].

В Усть-Сысольске во второй пол. 1926 г. – первой пол. 1928 г. отбывали ссылку четверо сионистов из этапа 1926 г. В Сысольском уезде в 1926 г. жили двое сионистов, в 1927 г. – первой пол. 1928 г. – трое; в Усть-Вымском уезде в 1927 г. – первой пол. 1928 г. – два сиониста [70].

С 1926 г. сионистов уже не отправляли в Ижмо-Печорский уезд, и к февралю 1928 г. здесь остался лишь один ссыльный из этапа 1925 г.

Из 48 сионистов, высланных в Коми область в 1925–1926 гг., на 1 июня 1927 г. осталось 28 человек (т.е. 20 чел. покинули ссылку до отбывания трехлетнего срока), на 1 февраля 1928 – 18, 1 июля 1928 – 12 человек [71].

Главная причина сокращения численности ссыльных сионистов – замена административной ссылки бессрочной высылкой в Палестину.

В 1927 – первой пол. 1929 г. приговоры – ссылка в Коми область – не выносились. Новые партии ссыльных сионистов стали прибывать в область с осени 1929 г. [72].

С 1928 г. политическая ссылка Коми области стала пополняться *коммунистами-оппозиционерами* (троцкистами): четверо ссыльных на 1 февраля 1928 г. и восемь – на 1 июля 1928 г.

31 декабря 1927 г. ОГПУ-Москва приговорила по 58 ст. к ссылке на три года в Коми область известных деятелей большевистской партии А.Г. Белобородова (нарком внутренних дел РСФСР) и Г.Б. Валентинова (главный редактор советской газеты «Труд»), а в марте 1928 г. – Н.М. Сермуks (личный секретарь Л. Троцкого) [73].

Прибывших в Коми область в первой пол. 1928 г. троцкистов расселили по два-три человека. В самое отдаленное от областного центра село Усть-Кулом отправили А.Г. Белобородова (перевели через несколько месяцев пребывания в Усть-Выми) и Г.Б. Валентинова. В Усть-Вымь был отправлен Н.М. Сермукс (этапирован впоследствии в Великий Устюг) и В.Б. Ельцин, в Усть-Сысольске жили Л.Л. Тамаркин, А.Б. Гендельман, Г.И. Яковлев [74].

Административная ссылка в 1920-е годы была для «политиков» либо прологом к лагерям, либо эпилогом. Однажды осужденные Коллегией ОГПУ, они навсегда оставались в поле зрения карательных органов.

Наиболее жестким репрессиям подвергались социал-демократы и социалисты-революционеры. По нашим данным, из приговоренных к ссылке в Коми край в 1925–1927 гг. 75% членов этих партий прошли перед ссылкой через Соловецкий концлагерь и политизоляторы (28 из 33 меньшевиков, 29 из 43 эсеров).

После окончания ссылки им выносились новые и новые приговоры. Из круговорота концлагерь/политизолятор – ссылка – минус – ссылка – концлагерь – ссылка/вечное поселение удавалось выпасть только единицам.

По неполным данным о судьбе высланных в Коми край эсеров, новые приговоры получили не менее 16 чел., из них 11 – расстреляны или погибли в лагерях в 1937–1938 г.

Репрессиям после окончания ссылки были подвергнуты не менее 23 меньшевиков. 12 чел. – прошли во второй пол. 1930-х гг. через концлагеря (Б.О. Богданов и Д.П. Герн – лагеря Коми АССР), двое – погибли в лагерях; четверо – расстреляны [75].

***

1. Красильников С.А., Пыстина Л.И., Саламатова М.С., Шейхетов С.В. Введение // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). 2-е изд. Новосибирск, 2007. С. 12.

2. Приведем в качестве примера монографию О.Б. Мозохина «Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ СССР (1918–1953)», изданную в 2011 г. в серии «Спецслужбы вчера и сегодня». В этой публикации наиболее четко проявилась новая тенденция в историографии истории ОГПУ-НКВД последних лет – акцент на преимущественно уголовный состав репрессируемых органами госбезопасности в 1920-е гг.

3. В региональной литературе нет каких-либо сведений о ссылке в Печорский уезд (с 1922 по 1929 гг. входил в состав Архангельской губернии).

4. Рогачев М.Б., Таскаев М.В. «Тюрьма без решеток» страны Советов. Документы и материалы о политссылке 20–30-х гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 3. / сост. М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2000. С. 241–244.

5. Рогачев М.Б., Таскаев М.В. Крестный путь. Трагедия русской православной церкви. 20–30-е годы // Покаяние: Мартиролог. Т. 1. Сыктывкар, 1998; Рогачев М.Б. «Кровью истину соблюдшая» // Покаяние: Мартиролог. Т.7. Сыктывкар, 2005; он же. Репрессированное православное духовенство и монашество Коми края. Биографический справочник. Приложение к мартирологу «Покаяние». Вып. 4. Сыктывкар, 2005.

6. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Усть-куломский адресат Троцкого // Республика. 2010. 24 апреля; Они же. А.Г. Белобородов в коми ссылке // Политические репрессии и сопротивление несвободе : материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2009. С. 83–85; Жеребцов И.Л., Максимова Л.А., Таскаев М.В., Игнатова Н.М. Очерки по истории политических репрессий в Коми: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006. 76 с.

7. «Тюрьма без решеток» страны Советов. Документы и материалы о политссылке 20–30-х гг. ... С. 246–324.

8. Материалы к биографическому словарю социалистов и анархистов, НИПЦ «Мемориал». URL: <http://pkk.memo.ru/index.html>

9. Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 45.

10. СУ РСФСР. 1922. № 51. Ст. 646.

11. «Тюрьма без решеток» ... С. 241.

12. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 97, 98; Хроника политических репрессий Коми края. 1918–1960 гг. / сост. Н.А. Морозов, О.И. Азаров, Л.А. Кызыоров, В.М. Полещиков, М.Б. Рогачев, М.В. Таскаев // Покаяние: Мартиролог. Т. 3. Сыктывкар, 2000. С. 43.

13. В четырех из 12 выявленных списков проживающих в Коми крае указывалась только фамилия ссыльного (297 чел.). Установить причины ссылки 145 ссыльных (из них по Коми автономной области – 89, Печорскому уезду Архангельской губернии – 56) пока не удалось.

14. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 205. Л. 58.

15. «Тюрьма без решеток» ... С. 247.

16. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 97, 98.

17. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 296. Л. 23, 24, 24об., 25, 26, 26об., 27, 27 об.

18. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 91, 92.

19. ГУРК «НАРК». Ф. 8. Оп. 1. Д. 508. Л. 19; Ф. 618. Оп. 1 Д. 50. Л. 104.

20. ГУРК «НАРК». Ф. 618. Оп. 1. Д. 50. Л. 48, 49, 104, 104 об.; Д. 137. Л. 125, 126.

21. Хроника политических репрессий Коми крае ... С. 43; «Тюрьма без решеток» ... С. 250, 255.

22. «Тюрьма без решеток» ... С. 246.

23. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. Л. 178, 178 об.; ГУРК «НАРК». Ф. 5. Оп. 1. Д. 355. Л. 12, 29 об.

24. Самые не полные данные о численности и категориях ссыльных – по Печорскому уезду. Областной архив Архангельской области закрыл для исследователей фонды Архангельской губ- и уездных органов прокуратуры (доступные советским историкам); из протоколов Архангельского губкома ВКП(б) были изъяты годовые отчеты губернского отдела ОГПУ. В фондах Печорских уездных органов власти (ГУРК НАРК) нам удалось обнаружить лишь один список ссыльных (февраль 1929 г.), в котором названы только фамилии без указания причины высылки или категорий ссыльных.

25. Возраст рассчитан на год вынесения приговора к ссылке, а для отбывших срок в концлагерях – приговора о заключении.

26. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 5. Л. 269, 270, 271; Д. 28. Л. 199, 199 об., 201, 234.

27. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 205. Л. 58; Д. 296. Л. 23, 24, 24об., 25, 26, 26об., 27, 27 об, 28, 28 об.

28. Книга памяти жертв политических репрессий Иркутской области. URL: <http://memorial.ru/memorial>; Книга Памяти «Репрессированная Россия». URL: <http://rosagr.natm.ru/memorybook.php>

29. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 28. Л. 162.

30. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / вступ. ст., сост. В. Макарова, В. Христофорова. М.: Русский путь, 2005. С. 461, 462.
31. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 296. Л. 28, 28 об.; Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период. СПб., 2003. URL: <http://memory.pvost.org/pages/vizel.html>
32. После отбытия срока ссылки А.А. Виноградов до конца 1920-х гг. проживал в «минусе» в Коми области. ГУРК «НАРК». Ф. 398. Оп. 1. Д. 448. Л. 4, 7, 8.
33. ГУРК «НАРК». Ф. 465. Оп. 1. Д. 851. Л. 1, 37, 37 об., 39.
34. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 97, 98; Оп. 2. Д. 296. Л. 23, 24, 24об., 25, 26, 26об., 27, 27 об.
35. В июне 1928 г. М. Горький ходатайствовал перед ОГПУ о переводе П.А. Тугарина (он же К.Б. Мамулов) из Зырянского края в южный регион страны. ГАРФ. Ф. 8409. Д. 227. Л. 10.
36. Там же. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 171. Л. 18; Д. 205. С. 111; Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 126
37. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 43. Л. 163; Д. 90 Л. 88; Янсен М. Суд без суда. 1922 г. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 197, 215. Богданова Н. Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994. С. 114–121.
38. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 168. Л. 77; «Тюрьма без решеток» ... С. 259; Морозов К.Н. Указ. соч. С. 183, 697, 698.
39. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 254. Л. 149; 4. Изгнанники в своей стране: письма из советской ссылки 1920–1930-х годов. По документам фонда «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» / [сост., подгот. текста, вступит. статья О.Л. Милова; отв. ред. С.В. Чешко]. М.: Наука, 2008. С. 112; Морозов К.Н. Указ. соч. С. 183, 696.
40. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 44. Л. 18; Д. 90 Л. 63; Д. 91. Л. 48; Д. 107. Л. 288, 429.
41. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 90 Л. 63; «Тюрьма без решеток» ... С. 250.
42. К лету 1929 г., за счет освобождения высланных в 1926 г., эсеровская колония в Усть-Сысольске сокращается до 11 чел. ГУРК «НАРК». Ф. 12. Оп. 2. Д. 191. Л. 20, 21.
43. Хроника политических репрессий Коми крае... С. 43; «Тюрьма без решеток» ... С. 255.
44. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 5. Л. 269, 270, 271, 271 об.
45. В списке административно-ссылных по Усть-Сысольску и пригородам значился только один меньшевик – Н.И. Иванов (в исправдоме), который весной 1924 г. был арестован и осужден к трем годам тюремного заключения. Там же. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 77. Л. 71, 71об.; ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 296. Л. 23, 24, 24об., 25, 26, 26об., 27, 27 об.
46. Препроводительная записка И.С. Уншлихта И.В. Сталину с приложением протокола заседания Комиссии Политбюро ЦК РКП (б) и списков деятелей интеллигенции, подлежащих высылке от 2 августа 1922 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19220802unsh.html; Крылов-Толстиков А. Русские врачи XVIII – начала XX столетий. Краткий медицинский биографический словарь. URL: <http://www.proza.ru/2012/12/27/678>
47. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 175. Д. 56. Л. 91, 92.
48. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 42. С. 174, 176, 177.

49. Д.М. Бацер прожил долгую жизнь (ум. в 1987 г.) и оставил интересные воспоминания о своей «одиссее». См. воспоминания: Бацер Д.М. Соловецкий исход / публ. А.Ю. Даниэля // Звенья: Исторический альманах. Вып. й. М., 1991. С. 288–298; Тиль Т.И. (Бацер Д.М.) Социал-демократическое движение молодежи 1920-х годов // Память. Исторический сборник. Вып. 3. Париж: ИМКА-пресс, 1980; Интервью с Я. Мееровым (Д.М. Бацером). Беседу вел Т. Сонин (А.Ю. Даниэль) // Минувшее. Исторический альманах. Вып.7. Париж, 1989. С. 232–241. Репринт: М., 1992.

50. Материалы к биографическому словарю социалистов и анархистов, НИПЦ «Мемориал».

51. Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994. С. 114–121; Богданова Н.Б., Ильяшук Г.И., Миллер В.И. Богданов Борис Осипович // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 152; Флигель И.А. Судьба меньшевика. Воспоминания соловецких узников. URL: <http://solovki-monastyr.ru>

52. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 103. Л. 59; Д. 109. Л. 56; Д. 1698. Л. 961.

53. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 109. Л. 56; Д. 179. Л. 202; Изгнанники в своей стране: письма из советской ссылки ... С. 272.

54. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 90 Л.63; Д. 169. Л. 89.

55. Хроника политических репрессий Коми крае... С. 43; «Тюрьма без решеток» ... С. 250, 255.

56. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 105. С. 425, 494; Материалы к биографическому словарю социалистов и анархистов, НИПЦ «Мемориал».

57. Материалы к биографическому словарю социалистов и анархистов, НИПЦ «Мемориал».

58. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 97, 98; Д. 56. Л. 91, 92.

59. В списках значились находящиеся в Усть-Сысольском Доме заключения анархисты М.В. Личковский и Н.М. Туманов. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 296. Л. 24, 24 об.

60. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 296. Л. 23, 24, 24об., 25, 26, 26об., 27, 27 об.; Ф. 8. Оп. 1. Д. 508. Л. 19.

61. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 296. Л. 22.

62. ГУРК «НАРК». Ф. 465. Оп. 1. Д. 614. Л. 1, 2, 2об, 3; Д. 548. Л. 1, 3; «Тюрьма без решеток» ... С. 251.

63. Хроника политических репрессий Коми крае ... С. 43; «Тюрьма без решеток» ... С. 250.

64. «Тюрьма без решеток» страны Советов... С. 251.

65. ГУРК «НАРК». С. 250, 255, 260, 261.

66. В статистике ссыльных не учитываются шесть сионистов, которые были приговорены к ссылке в Коми область (1 приговор в 1923 г., 5 – в 1926 г.), однако сведений, подтверждающих их пребывание в Коми крае, не обнаружено.

67. ГУРК «НАРК». Ф. 618. Оп. 1 Д. 50. Л. 48, 49, 104, 104 об.; Д. 137. Л. 125, 126; Ф. 1. Оп. 2. Д. 296. Л. 28, 28 об.

68. «Тюрьма без решеток» ... С. 258.

69. ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 106. Л. 461; Д. 107. Л. 43, 721; Д. 111. Л. 54, 232, 232 об.; Д. 168. Л. 673; «Тюрьма без решеток» ... С. 250, 258.

70. ГАРФ. Ф. 8409. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 168. Л. 64; ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 603. Л. 9; Ф. 3. Оп. 1. Д. 2296. Л. 87–100; «Тюрьма без решеток» ... С. 250, 258.

71. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 580. Л. 69; Хроника политических репрессий ... С. 43; «Тюрьма без решеток» ... С. 250, 255.

72. Подробнее о пребывании в Коми области ссыльных сионистов см.: Доброноженко Г.Ф. Административно-ссыльные сионисты в Коми области (1925–1928 гг.) // Двадцатая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета (Февральские чтения): сборник материалов. Сыктывкар, 2013. С. 243–250. Электронное издание.

73. «Тюрьма без решеток» ... С. 267, 268.

74. ГУРК «НАРК». Ф. 1. Оп. 2. Д. 686. Л. 210, 211. Жеребцова И.Л. Таскаев М.В. А.Г. Белобородов в коми ссылке ... С. 84, 85, 86; «Тюрьма без решеток» ... С. 275, 276.

75. Приведем два примера «счастливых» судеб меньшевиков, выживших после репрессий 1930-х гг.: В.Я. Аркавина (1923–1954 гг.): Соловки – Лефортовская тюрьма – Суздальский политизолятор – ссылка в Ташкент, Фрунзе – Бутырская тюрьма – ссылка в Печорский край, Фрунзе, Петропавловск – Карлаг – ссылка. Д.М. Бацер (1923–1954 гг.): ссылка в Печорский край – Соловки – Верхнеуральский политизолятор – ссылка в Ашхабад, Ташкент, Джизак – «минус» в Калининне – Суздальская тюрьма – Ивдельлаг (Урал) – вечное поселение в Красноярске.

СЛУЖЕБНАЯ, НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯН КАВЕЛИНЫХ*

В статье с привлечением широкого круга разных по происхождению, содержанию, полноте и назначению документальных (архивных и опубликованных) источников подводятся некоторые итоги проведенной авторами работы по выявлению генеалогической и биографической информации о представителях калужской ветви дворян Кавелиных, многие представители которой в XVII–XIX вв. находились на военной и гражданской службе, оставили заметный след в истории России и Калужского края. Авторы приводят сведения о Д.А. Кавелине, его старшем сыне А.Д. Кавелине и внуке Е.А. Кавелине.

Ключевые слова: *дворянский род Кавелиных, родословная роспись, гражданская служба, научная, общественная деятельность, генеалогическая и биографическая информация.*

In article with attraction of a wide range different by origin, to the maintenance, completeness and appointment documentary (archival and published) sources are brought some results of the work spent by authors on revealing of the genealogical and biographic information on representatives of the Kaluga branch of noblemen of Kavelinyh which many representatives in XVII–XIX centuries were on military and civil service, have left an appreciable trace in the history of Russia and the Kaluga region. Authors result data on D.A.Kaveline, his elder son A.D.Kaveline and grandson E.A.Kaveline.

Keywords: *sort of Kavelinyh of noble family, a genealogical list, civil service, scientific, public work the genealogical and biographic information.*

Старинный дворянский род Кавелиных (Ковелиных) упоминается в документах начиная с XVII в. Не вызывает сомнения, что род имеет более древнее (по семейным преданиям татарское) происхождение. Этот род длительностью своего существования, социальной активностью, наличием развитых семейных традиций и родственных связей, участием в важнейших исторических событиях отдельных его представителей хорошо известен в России. Многие Кавелины, как записано в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи», служили российскому престолу «дворянские службы в разных чинах», что дока-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, (проект № 12-11-40012а(р)).

зывается «выписями с писцовых книг», родословной этого рода и грамотой Калужского дворянского собрания [17, с.56].

Среди Кавелиных были дьяки, подьячие, стольники, генералы, офицеры, высокопоставленные царские сановники, ученые-историки, литераторы, участники Отечественной войны 1812 г., Крымской кампании 1853–1856 гг. Наиболее известными представителями рода являются: просвещенный администратор и общественный деятель, член литературного общества «Арзамас» Дмитрий Александрович Кавелин (1778–1851), его сын – видный философ, публицист, юрист, один из идеологов российского либерализма, профессор Петербургского университета Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885), двоюродный брат последнего – богослов, археограф, библиограф переводчик и историк Лев Александрович Кавелин (архимандрит Леонид) (1822–1891).

Цель данной статьи – подвести некоторые итоги проведенной авторами в рамках исследовательского проекта работы по выявлению и изучению источниковой базы о дворянах Кавелиных и осветить деятельность отдельных представителей ее калужской ветви на служебном, научном и общественном поприще.

Ценную биографическую и генеалогическую информацию [18] о роде дворян Кавелиных заключают различные по происхождению, содержанию и назначению материалы, отложившиеся в фондах Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) (РО ИРЛИ) в Петербурге, в Государственном архиве Калужской области (ГАКО), в родословном сборнике дворянских фамилий В.В. Руммеля [21, с. 337–343], в книге Н. Булычова [3, с. 212–213]. Среди выявленных материалов особый интерес представляют разные по полноте информации родословные или поколенные росписи. Первая включает родословную Кавелиных (доведена до 1870 г.), хранящуюся в РО ИРЛИ [20, л. 380–394], вторая – поколенную роспись В.В. Руммеля, третья – материалы о внесении членов рода в дворянскую родословную книгу Калужской губернии Н. Булычова. Поколенная роспись В.В. Руммеля во многих случаях дополняет и уточняет сведения, аккумулируемые первой родословной росписью. Это касается дат, имен, фамилий, должностей, мест и обстоятельств смерти, в ряде случаев в ней приводятся биографические сведения о лицах (К.Д. Кавелин, Л.А. Кавелин). Сведения, содержащиеся в издании Н. Булычова (имена, отчества и фамилии членов рода преимущественно по мужской линии), позволяют воссоздать часть поколенной росписи дворян Кавелиных, внесенных в родословную книгу Калужской губернии с 13 декабря 1791 г. по 27 августа 1892 г. За этот период в книгу внесено 39 имен (мужских – 34, женских – 5), которые образуют 7 поколений родословной росписи. На основе вышеперечисленных источников генеалогической информации удалось составить общую родословную роспись дворян Кавелиных, по мужской линии насчитывающую 73 человека, хронологически доведенную до 20-х гг. XX в. В процессе розыскной архивной работы установлены ранее неизвестные даты рождения 8 представителей рода: Африкана Дмитриевича, Мелитона Дмитриевича, Поликсении Дмитриевны, Екатерины, Александра, Льва, Николая и Сергея Михайловичей.

Разнообразные сведения по истории калужской ветви дворян Кавелиных содержатся в фондах ГАКО. Условно их можно разделить на несколько неравноценных групп. Первую образуют материалы официального делопроизводства, связанные со служебной деятельностью носителей этой фамилии. Среди них первостепенное значение имеют формулярные, или послужные, списки лиц, состоявших в разное время на различных должностях в системе местных губернских и уездных гражданских учреждений разных ведомств. Формулярные списки как разновидность служебной документации содержат сведения о служебной деятельности лица (поступление на службу, ее прохождение, получение чинов, наград, размерах получаемого по должности содержания), происхождении, образовании, возрасте (количество полных лет), вероисповедании, имущественном цензе, семейном положении, пребывании под судом, следствием и т.д. В нашем материале учтено 6 формуляров представителей этого рода: отставного подпоручика лесничего Дмитрия Михайловича Кавелина за 1846 г. [7, оп. 2. д. 161], коллежского секретаря Калужского совестного суда (с 1847 г.) и титулярного советника козельского земского исправника (с 1863 г.) Дмитрия Александровича Кавелина соответственно за 1851 [6, оп. 1, д. 3780, л. 680 об. – 684] и 1863 гг. [6, оп. 3, д. 134, л. 515-527], состоявшего при Калужской губернской строительной комиссии (с 10 мая 1835 г.) инженер-майора Александра Дмитриевича Кавелина, родного брата историка русской православной церкви Льва Александровича Кавелина за 1847 г. [6, оп. 1, д. 3454, л. 1197 об. – 1200], канцелярского служителя рязанского уездного дворянского депутатского собрания Мелитона Дмитриевича Кавелина за 1866 г. [7, оп. 2. д. 860, л. 6-7], канцелярского служителя канцелярии козельского уездного предводителя дворянства, известного орнитолога Евгения Александровича Кавелина за 1884 г. [6, оп. 8, д. 1935, л. 83-84]. К группе официальной служебной документации относятся ведомости о кавалерах, уволенных с военной службы, проживавших в Козельском уезде Калужской губернии, аккумулирующие отрывочные сведения о наградах, последнем месте службы, иногда годе смерти за 1865, 1870-1872, 1874 гг. [6, оп. 3, д. 143, 1496, 1680, 1800, 2481]. В ведомостях значится отставной ротмистр Александр Александрович Кавелин (отец Льва и Дмитрия), награжденный в 1814 г. орденами Св. Владимира 4 ст. и Св. Анны 3 ст., указан год его кончины – 1874. В эту группу документов включена копия с указа Е. И. В. о присвоении чина коллежского регистратора Мелитону Дмитриевичу Кавелину в 1867 г. [6, оп. 3, д. 1174, л. 5].

Вторую группу архивных документов составляют актовые записи. Часть из них находится в метрических книгах города Калуги, включенных в состав фонда Калужской духовной консистории (5). Другая часть представляет собой копии с актовых записей о рождении (с указанием имени, фамилии, номера записи, даты рождения и крещения, имени и отчества отца ребенка, его местожительства, словесной принадлежности, рода деятельности, законности брака, вероисповедания, имени священника, совершившего таинство и т.д.), собранные для внесения в дворянскую родословную книгу и отложившиеся в фонде Калужского губернского дворянского депутатского собрания (7). Так, в фонде Калужской духовной

консистории имеется запись о браке поручика корпуса инженеров путей сообщения А.Д. Кавелина и Ольги Федоровны Кавелиной (урожд. Белкиной), заключенном в Мироносицкой церкви города Калуги 8 ноября 1837 г. [5, д. 75, л. 163 об.–164], и о рождении у них 6 сентября 1843 сына Валериана [5, д. 104, л. 201 об.–202]. В фонде дворянского депутатского собрания выявлены копии с актовых записей о рождении детей: у Дмитрия Михайловича и Анны Матвеевны Кавелиных: Африкана (род. 16 декабря 1842 г.), Поликсении (род. 12 января 1845 г.), Мелитона (род. 12 мая 1846 г.); у К.Д. Кавелина и Антонины Федоровны Кавелиной (урожд. Корш): Дмитрия (род. 24 июня 1846 г.) и Софьи (род. 16 декабря 1851 г.); у М.А. Кавелина и Надежды Александровны Кавелиной (урожд. Жуковой), в с. Бурнашево Козельского уезда Калужской губернии: Екатерины (род. 21 августа 1877 г.), Александра (род. 21 марта 1879 г.), Льва (род. 13 февраля 1881 г.), Николая (род. 11 февраля 1884 г.) и Сергея (род. 20 октября 1886 г.) [7, оп. 2, д. 161, 649, 2247].

В третью группу документов включены сведения, отражающие состояние землевладения имения в сельце Юдинки Козельского уезда Калужской губернии, принадлежавшее Д.А. Кавелину (в 1842 г. в нем значилось 25 душ крестьян), его старшему сыну Александру Дмитриевичу, а затем внукам Дмитрию, Валериану и Евгению. Среди них выкупной акт 1884 г. – распорядительный документ о выкупе временнообязанными крестьянами земли, рапорты калужской казенной палаты о числившемся на имении в 1883 г. поземельном налоге в размере 11 руб. 46 коп., доверенность Дмитрия и Валериана брату Евгению от 9 октября 1882 г. на управление имением, сообщение полицейского управления о числившихся за имением в 1883 г. недоимках (365 руб. 21 коп.), сведения Калужской губернской чертежной комиссии, датированные 1883 г. о размежевании земель и др. [4, д. 1267, л. 23, 25–25 об.; 6, оп. 3, д. 1670, л. 252].

Существенную группу источников официально-документального происхождения составляют материалы о службе инженера А.Д. Кавелина в Комитете по устройству губернского города Калуги (с 4 мая 1837 г. по 27 августа 1842 г.). К ним относятся: указ Николая I от 12 декабря 1836 г. «Об утверждении Положения об устройстве губернского города Калуги», рапорты Калужской городской думы об устройстве улиц, размытых от дождей и половодья (1842 г.), сметы на благоустройство бульваров, улиц, оврагов, составленные А.Д. Кавелиным, ведомости о застройках губернского центра (1837 г.), журнал заседаний Комитета, содержащего сведения о возведенных строениях и зданиях, проект благоустройства города с пояснительной запиской (апрель 1838 г.) и набережной р. Оки (1839–1840 гг.), рапорты А.Д. Кавелина, калужского полицмейстера Измайлова о выделении денежных средств и ходе выполнения разных ремонтных работ в городе (с 1838 по 1842 гг.), докладные записки и рапорты о состоянии источников питьевой воды, используемых городским населением, материалы ревизий общественных зданий, проводимых Комитетом дважды в год, сведения об имуществе, принадлежавшем купеческому и мещанскому сословиям города [8, д. 1, 3, 76, 84; 10].

К перечисленным группам материалов следует причислить также отложившиеся в фондах ГАКО, составленные в разное время прошения о внесении отдельных представителей рода в дворянскую родословную книгу губернии [3, с. 212–213], документы, свидетельствующие об их участии в общественной (по крестьянскому делу – А.Д. Кавелин, на судебном поприще – М.А. и А.Д. Кавелины, в качестве земских гласных – А.Д. и Е.А. Кавелины) и научной (Е.А. Кавелин) деятельности [6, оп. 3, д. 1495, л. 5 об.; Д. 1675. л. 3 об; Д. 2179. Л. 3 об.; д. 2122, л. 3 об.; 9, оп. 1, д. 119, л. 5, 6].

Как видим, в фондах ГАКО отложились разные по происхождению и содержанию документы о дворянах Кавелиных. Это послужные списки шести представителей рода, с разной степенью полноты раскрывающие факты их служебных биографий, копии актовых записей о рождении у четырех пар Кавелиных 11 детей, сведения о владельцах имения в сельце Юдинки, отражающие его кризисное состояние в пред- и пореформенный период, материалы, подробно освещающие многостороннюю энергичную деятельность инженера А.Д. Кавелина в должности члена Комитета по благоустройству города Калуги, позволяющие воссоздать внешний облик губернского центра и направления его развития в середине XIX в.

Согласно поколенной росписи, составленной В.В. Руммелем [21, с. 337–343], род Кавелиных происходит от Ивана Кавелина, сын которого Иван Иванович, служивший подьячим, а затем дьяком при патриархах Филарете Никитиче Романове, Иосифе и Никоне, приобрел в 1623 г. село Бурнашево в Козельском уезде Калужской губернии, которым до этого владела вдова Наталия Петровна Салагаева. У Ивана Ивановича известны два сына, Мирон и Петр. Петр служил разрядным дьяком в 1670–1680-х гг. вместе с известным сторонником Софьи Алексеевны Федором Шакловитым. По линии Петра его потомки находились в военной службе в разных полках. Известен его сын Юрий Петрович Кавелин. У Юрия Петровича было два сына, Лука и Иулиан. Сын Луки Юрьевича, Михаил (1710–1764), был женат трижды. От каждого брака у него имелись дети. От 1-го брака с Татьяной Афанасьевной Матюшкиной было 4 детей (Иван, Ирина, Пелагея, Андриан). Последний упоминается как владелец имений в Козельском уезде вместе с братом от 2-го брака Александром. Второй раз Михаил Лукич был женат на Анне Дмитриевне Дурново (умерла в 1850 г.). В этом браке у него родились Елизавета и Александр (1750–1812). В 1751 г. Михаил Лукич женился в третий раз на Анастасии Григорьевне Ушаковой. Этот брак продлился 10 лет. В нем родилось еще 7 детей (Евдокия, Анна, Ирина, Алексей, Марфа, Мария и Николай).

Александр Михайлович Кавелин состоял в браке с Анной Ивановной Коселевой. У них было 17 детей (11 сыновей и 6 дочерей).

Среди включенных в родословие Кавелиных имен наибольший интерес для калужан представляют три имени: Дмитрий Александрович, Александр Дмитриевич и Евгений Александрович.

Один из сыновей Александра Михайловича Кавелина, Дмитрий Александрович, родился 28 апреля 1778 г. в родовом имении Кавелиных в селе Бурнашове Козельского уезда Калужской губернии. В 1785 г. Дмитрий был записан в лейб-гвардии Измайловский полк, в 1792–1797 гг. учился в Московском университетском благородном пансионе, по окончании которого с золотой медалью вступил в военную службу. Одновременно с Кавелиным в пансионе обучались В.А. Жуковский, граф Д.Н. Блудов, С.В. Дашков, С.С. Уваров. В 1798 г. А.Д. Кавелин был произведен в премьер-майоры. Перейдя в 1803 г. на гражданское поприще, он состоял секретарем при правителе только что присоединенной к России Грузии. С 1805 г. – на службе в МВД, где в 1812–1816 гг. в чине статского советника занимал пост директора Медицинского департамента. В 1816 г. действительный статский советник Д.А. Кавелин назначается директором Главного педагогического института в Петербурге (в феврале 1819 г. переименован в университет). До 1823 г. с небольшим перерывом (в 1820–1821 гг. служил губернатором во Владимирской губернии) исполнял обязанности ректора С.-Петербургского университета, а после смещения с этой должности поступил служить чиновником особых поручений при рязанском, тульском, орловском, воронежском и тамбовском генерал-губернаторе А.Д. Балашове. По упразднению в 1828 г. генерал-губернаторства в течение пяти лет состоял обер-прокурором 8-го департамента Правительствующего Сената в Москве.

В молодости Д.А. Кавелин писал стихи, печатался в «Приятном и полезном препровождении времени» (1796–1797) и «Аонидах» (1796). В ноябре 1816 г. вступил в литературное общество «Арзамас», участвовал в нем вместе с А.С. Пушкиным [2, с. 803; 7, оп. 3, д. 161; 13, с. 357–358].

Д.А. Кавелин был довольно кроткого нрава, добр и доверчив. Эти его качества окружавшие его люди нередко использовали в своих целях, из-за чего он, оказываясь безвольным орудием в чужих руках, попадал в невыгодные для себя ситуации и глубоко переживал. В конце жизни он погрузился в религию (являлся членом Библейского общества), найдя в ней успокоение, состоял членом одной из петербургских масонских лож. Своей образованностью он заметно выделялся из основной массы чиновников. Среди его знакомых были известные просвещенные люди своего времени: кн. П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, М.М. Сперанский, А.И. Тургенев, С.С. Уваров, митрополит Филарет и др.

Д.А. Кавелин был женат на Шарлотте Ивановне Белли (23.02.1787–1853), дочери обедневшего придворного архитектора шотландского происхождения Джона Белли, служившего при Павле I. Она воспитывалась в семье В.И. Левашова (отец будущего председателя Государственного совета и Комитета министров В.В. Левашова). Кроме Шарлотты в семье был брат Джеймс и 5 сестер, младшая из которых Джейн (Анастасия) переехала к замужней сестре и стала со временем главной управительницей дома. У Шарлотты Ивановны и Дмитрия Ивановича было семь детей (в родословной росписи В.В. Руммеля значится только четверо (трое умерли в младенчестве) – Софья, Александр, Константин и Павел [21, с. 340–341]. Домашняя жизнь семьи Д.А. Кавелина полно-

стью находилась под контролем Шарлотты Ивановны, обладавшей властным деспотичным характером, практичным умом и твердой волей. Старшая дочь Софья Дмитриевна (1808–1887) в 1842 г. вышла замуж за тверского помещика генерал-майора А.Л. Корсакова. Их сын Дмитрий (1843–1920) стал историком, профессором Казанского университета, автором публикаций о своем знаменитом дяде Константине Дмитриевиче Кавелине. Младший сын Дмитрия Александровича и Шарлотты Ивановны, Павел Дмитриевич (1822–1869), являлся рязанским и тульским помещиком, занимал ряд должностей по реализации крестьянской реформы 1861 г. в Тульской губернии. Умер бездетным [11, с. 222].

В 1829–1832 гг. семья Д.А. Кавелина проживала в Москве на Предтеченской улице в доме Давыдовой, лето проводила в Тульском имении.

Умер Д.А. Кавелин 14 марта 1851 г. в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Старший сын Дмитрия Александровича, Александр Дмитриевич, родился 16 ноября 1811 г. [16, с. 15]. Получив хорошее домашнее образование, в 1831 г. он стал воспитанником Института корпуса путей сообщения, который в то время готовил не только военных специалистов, но и гражданских инженеров. В 1832 г. А.Д. Кавелин получил чин портупей-прапорщика, в 1833 г. был произведен в прапорщики, в 1834 г. – в подпоручики [6, оп.1, д. 3454, л. 1197 об.–1200].

Александр Дмитриевич был хорошим математиком. Он руководил занятиями математикой и поддерживал страсть к естествознанию у своего младшего брата Константина, с которым был очень дружен в детстве. (В зрелом возрасте, как считает один из биографов К.Д. Кавелина, он разошелся со своими братьями, особенно со старшим, которые «по умственным интересам и по характеру были слишком далеки от него») [16, с. 15, 28].

10 мая 1835 г. А.Д. Кавелин назначается членом Калужской губернской строительной комиссии. С этого времени начинается калужский период его жизни и служебной деятельности. 4 мая 1837 г. в Калуге начал работу комитет по благоустройству губернского города, учрежденный указом Николая I от 12 декабря 1836 г. [19, т. XI, отд. 2. № 9775]. В состав Комитета, подчинявшегося ведомству военных поселений вошли: председатель – гражданский губернатор Н.В. Жуковский, члены – губернский предводитель дворянства Н.К. Омеляненко, начальник работ, отставной майор И.И. Ульянов, полицмейстер Измайлов, губернский архитектор Н.Ф. Соколов, городской голова – сначала Н.Г. Даньшин, а затем О.И. Билибин и инженер-поручик А.Д. Кавелин [10]. В обязанность Комитета входило наблюдение, за всеми возводимыми в городе домами, чтобы они были правильно и прочно построены и служили бы украшением города, чтобы все мостовые на улицах и площадях были исправны. Комитет также заведовал всеми общественными зданиями. Ни одно частное или казенное строение в городе не могло быть построено или перестроено без разрешения Комитета.

Документы свидетельствуют, что самым активным и профессионально подготовленным членом Комитета был инженер-поручик Александр Дмитриевич Кавелин. Работая в Комитете, он получил возможность реализовывать свои зна-

ния инженера гражданского строительства. Благодаря начинаниям и профессионализму Кавелина многие проекты по благоустройству города воплощались в жизнь.

В Комитете Кавелину поручались разные виды работ. Так, например, было установлено, что в построенном после 1809 г. фонтане на Староторжской площади, откуда калужане брали воду для питья, стала убывать вода. Выяснить причину утечки воды из фонтана было поручено Кавелину. Поручик разработал проект, «как воспользоваться всей силой источника и усилить его другими источниками. И устроить всю систему водопровода прочно, правильно и хорошо» [8, д. 76, л. 571]. При этом Кавелин заметил, что извозчики поят своих лошадей прямо из бассейна, не используя для этого, как следовало, ведра и черпаки. Кроме того, инженер обратил внимание на то, что деревянный сруб и мостовая вокруг бассейна покрываются в зимнее время слоем льда, что затрудняет возможность жителям подходить к бассейну и брать из него воду. Вопрос о бассейне Кавелиным был поставлен на заседании Комитета, на котором было решено оповестить через городского старосту всех извозчиков о запрете поить лошадей прямо из бассейна и один раз в неделю выделять от 5 до 10 человек арестантов для чистки льда. Фонтан на этом месте просуществовал до 1886 г., т. е. до момента устройства городского водопровода и перенесения его в Городской сад.

Значительное внимание Кавелин уделял устройству мостовых. Он неоднократно выступал на заседаниях Комитета с докладами, в которых предлагал конкретные сметы расходов на эти нужды. Так, на благоустройство родника, называемого «крупцом», им предлагалось выделить 856 руб., бульвара у Старой площади, напротив Городского сада и семинарии, – 999 руб., на планировку полотна Золотой улицы – 278 руб. и т. д. [8, д. 76, л. 535].

В апреле 1838 г. инженер-поручик Кавелин предложил проект благоустройства города Калуги, пояснительная записка к которому представляет собой ценный документ, позволяющий представить внешний облик губернского города первой половины XIX в. В этом проекте предлагались конкретные меры переустройства и перепланировки отдельных городских сооружений (площади у Троицкого собора, Городского бульвара или сада и т. д.).

В ноябре 1838 г. в Комитет поступило распоряжение департамента военных поселений о возведении пришедшего в негодность моста через р. Яченку. Из казны на его строительство было выделено 6603 руб. Недостающие средства предполагалось собрать с городского населения – купцов и мещан. На предложение властей откликнулся только один тульский мещанин В.А. Быков, на добровольные пожертвования которого под руководством Кавелина в 1839 г. и был возведен мост. Летом 1839 г. Кавелин внес в Комитет предложение, по которому часть Казанской улицы должна быть вымощена камнем, а по обеим сторонам устроены тротуары [8, д. 76, л. 124].

Комитет, в котором работал А.Д. Кавелин, был упразднен указом Николая I от 27 августа 1842 г. [19, т. XVII, отд. 1. № 15998]. Одной из причин упразднения Комитета стало отсутствие должного финансирования, из-за которого мно-

гие проекты не могли быть реализованы. Все функции Комитета после его ликвидации были возложены на Калужскую губернскую строительную комиссию, в которой продолжил свою службу Кавелин. В последующие годы деятельное участие Кавелина отмечено в строительстве здания городского театра (построено в 1843 г. на территории Городского сада). За участие в этом проекте ему была объявлена благодарность от местных властей, обнародованная в газете «Калужские губернские ведомости» [14]. В 1848–1850 гг. при участии Кавелина и под наблюдением архитектора И.И. Таманского в Калуге было возведено здание Дворянского депутатского собрания.

С 1852 г. Кавелин жил в Рыбинске, где в 1850-е гг. состоял «начальником водяной дистанции» [11, с. 221].

В конце 60-х гг. уже в чине инженер-полковника Александр Дмитриевич вышел в отставку и поселился в родовом имении в сельце Юдинки. Будучи в отставке, он принимал участие в общественной деятельности: на первом губернском земском собрании в декабре 1865 г. был избран членом губернской земской управы на трехлетие, с 1870 по 1874 гг. служил мировым посредником 1-го участка в Козельском уезде, а с 1871 г. в том же уезде состоял членом училищного совета.

А.Д. Кавелин был женат (с 1837 г.) на дочери отставного майора Ольге Федоровне Белкиной. У них было три сына: Дмитрий (род. 3 сентября 1838 г.), Валериан (род. 6 сентября 1843 г.) и Евгений (род. 18 октября 1844 г.). Венчание и крестины детей проходили в Мироносицкой церкви города Калуги, видимо, А.Д. Кавелин с семьей проживал в приходе этой церкви. Восприемником сыновей Александра Дмитриевича был его отец действительный статский советник Д.А. Кавелин.

Александр Дмитриевич Кавелин скончался 13 июня 1880 г. Похоронен в селе Бурнашеве Козельского уезда.

После смерти инженера Кавелина принадлежавшее ему в сельце Юдинки имение перешло по наследству к его сыновьям. В связи с тем что старшие братья Дмитрий и Валериан служили и проживали вне имения, 9 октября 1882 г. ими была составлена доверенность на имя младшего брата Евгения, который до 1917 г. оставался его управляющим и совладельцем.

Евгений Александрович Кавелин в отличие от своих старших братьев всю свою жизнь прожил в имении Юдинки. С 7-летнего возраста он увлекся птицами: ловил и содержал их в неволе, разводил домашних голубей, а главное – вел за ними постоянные наблюдения; был заядлым охотником. Евгений Александрович являлся зачинателем регулярных орнитологических наблюдений на территории Калужской губернии. На протяжении почти 60-ти лет он проводил фенологические исследования в окрестностях города Козельска, результаты которых заносил в дневник. Его непосредственные наблюдения о жизни птиц начиная с 1865 по 1917 гг. публиковались в журналах «Природа и охота», «Мироведение», в «Орнитологическом ежегоднике». Евгением Александровичем были собраны сведения о сроках прилета и отлета птиц. Совместно с доктором И. Генглером им

была издана в 1909 г. на немецком языке первая фаунистическая сводка птиц окрестностей Козельска, обобщающая материалы проведенных в 1865–1908 гг. наблюдений, включающая сведения о 193 видах. Названия публикаций Е.А. Кавелина в «Журнале охоты» свидетельствуют о разнообразной тематике его наблюдений: «Падучая болезнь птиц и ее лечение», «Соловей, его лов и содержание», «Тетеревятник», «Беркут», «Первые волки» и др. Собранные Кавелиным сведения использовались в трудах ученых его современников. На его работы ссылались академик М.А. Мензбир, В.А. Филатов, Е.С. Птушенко, А.А. Иноземцев и др. ученые [1].

Говоря о значении трудов Е.А. Кавелина, необходимо отметить, что он положил начало регулярным орнитологическим и фенологическим наблюдениям. Особенностью этих исследований является не только их высокий уровень и продолжительность проведения, но и возможность сопоставления с результатами современных орнитологических исследований.

18 сентября 1884 г. почти в 40-летнем возрасте Евгений Александрович, не имея семьи, поступил на гражданскую службу. Он был зачислен писцом в канцелярию козельского уездного предводителя дворянства без содержания. Какие обстоятельства заставили его в столь позднем возрасте, владея родовым имением в 304 десятины земли [6, оп. 8, д. 1935, л. 83 об–84], начать служебную деятельность, да еще с низшей должности, объяснить непросто. Можно предположить, что это было связано с ухудшением материального положения после смерти отца. Известно, например, что в 1883 г. за Юдинками числились государственный поземельный налог в размере 11 руб. 46 коп. и недоимки на сумму 217 руб. 45 коп. [4, оп. 8, д. 1267, л. 23, 25–25 об.]. С 14 декабря 1886 по 14 декабря 1889 г. Кавелин служил по выборам козельским уездным депутатом дворянства [3, 2-я паг., с. IV]. В 1906–1909 и в 1911–1917 гг. был гласным Козельского уездного земства.

Известно, что до 1917 г. Е.А. Кавелин проживал в Юдинках. После октября 1917 г. его место пребывания неизвестно. В списке бывших помещиков Козельского уезда на начало 20-х годов он не значится.

Что касается старших братьев Евгения Александровича, то о них известно немного: Дмитрий (коллежский ассессор) с середины 1860-х гг. служил надзирателем акцизного управления в Тамбовской губернии, а Валериан (коллежский ассессор) в конце 1890-х гг. являлся гласным Козельского уездного земского собрания.

Обобщая все вышеизложенное, можно заключить, что по доступным источникам удалось довольно полно воссоздать факты биографии и калужский период службы А.Д. Кавелина. Проследить биографии и судьбы его сыновей (особенно старших) в полной мере пока невозможно. Представляется, что данное исследование должно быть продолжено с привлечением нового документального материала центральных и местных архивов.

***

1. Более подробно об орнитологических изысканиях Е.А. Кавелина см.: Марголин В.А. Творческое наследие Е.А. Кавелина // 1–2 Козельские чтения. Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. Козельск-Калуга, 1998. С. 69–71; Он же. К изучению орнитофауны Козельского района // 3–4 Козельские чтения. Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. Калуга, 2001. С. 197–198.
2. Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. Т. 13. СПб., 1898. С. 803.
3. Булычов Н. Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е октября 1908 года, и Перечень лиц, занимавших должности по выборам дворянства с 1785 года. Калуга, 1908. С. 212–213; 2-я паг. С. IV.
4. ГАКО Ф. 30 (Калужское губернское по крестьянским делам присутствие). Оп. 8. Д. 1267. Л. 23, 25–25 об.
5. ГАКО. Ф. 33 (Калужская духовная консистория). Оп. 4. Д. 75. Л. 163 об.–164; Д. 104. Л. 201 об.–202.
6. ГАКО.Ф. 62 (Калужское губернское правление). Оп. 1. Д. 3454. Л. 1197 об.–1200; Д. 3780. Л. 680 об.–684; Оп. 3. Д. 134. Л. 515–527; Д. 143, 1174. Л. 5; Д. 1495. Л. 5 об.; Д. 1496, 1670. Л. 252; Д. 1675. Л. 3 об.; Д. 1680, 1800, 2122. Л. 3 об.; Д. 2479. Л. 3 об.; Д. 2481; Оп. 8. Д. 1935. Л. 83–84.
7. ГАКО. Ф. 66 (Калужское губернское дворянское депутатское собрание). Оп. 2. Д. 161, 649, 860. Л. 6–7; Д. 2247; Оп. 3. Д. 161.
8. ГАКО. Ф. 214 (Комитет об устройстве губернского города Калуги). Оп. 1. Д. 1, 3, 76, 84; Д. 76. Л. 124, 571, 535.
9. ГАКО. Ф. 902. (Козельская уездная земская управа). Оп. 1. Д. 119. Л. 5, 6.
10. ГАКО. НСБ. Инв. № 16113.
11. Гладких Е.П. Род Кавелиных // Из глубины времен. СПб., 1998. № 10. С. 222.
12. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. С. 71, 241.
13. Кавелин Д.А. // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Ибак-Ключарев. С 357–358.
14. Калужские губернские ведомости. 1843. № 17. 13 февр.
15. Кошелев В.А. Кавелин Д.А. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 430–431.
16. Корсаков Д.А. Константин Дмитриевич Кавелин. Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 15, 28.
17. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797. Ч. 6. б. м., б. г. С. 56.
18. Под этим видом информации в генеалогии понимают, «как правило, юридически оформленную и закрепленную в соответствующих типовых документах информацию, устанавливающую родство, родственные связи и историю рода»: Генеалогическая информация в государственных архивах России: справочное пособие / отв. сост. С.Н. Романова. М., 2004. С. 7.
19. ПСЗ-II. Т. XI. Отд. 2. № 9775; Т. XVII. Отд. 1. № 15998.
20. РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 265. Оп. 1. Д. 21. Л. 380–394.
21. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. СПб., 1886. С. 337–343.

ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА В УСТЬ-СЫСОЛЬСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ XIX ВЕКА

В статье проведен анализ состава фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки в аспекте официальных, научных, научно-популярных и отраслевых журнальных изданий, бытовавших в городе Усть-Сысольске Вологодской губернии в XIX в.

Ключевые слова: периодические издания, журналы, публичная библиотека, библиотечный фонд, культура Коми края XIX в.

Annotation: Ust-Sysolsk public library's fund structure analysis is presented on the basis of official, scientific, popular science and industry-specific magazine editions in Ust-Sysolsk city of the Vologda region in the XIX-th century.

Keywords: periodicals, magazine, public library, library's fund, culture of the Komi region in the XIX-th century.

Уже в XIX в. на страницах столичных и региональных изданий появлялись материалы, посвященные вопросам статистики распространения периодики в российских губерниях. Перечень получаемых газет и журналов являлся для их авторов отражением степени «любви к просвещению» либо «одним из главнейших оснований для суждения о степени умственного развития» различных регионов страны [6, с. 286; 10, с. 195]. Следует констатировать, что на сегодняшний день отсутствует целостная картина распространения периодических изданий в Коми крае в XIX в. Отдельные аспекты темы затрагивались в работах, рассматривавших вопросы истории культурного развития Республики Коми [1; 4; 29]. Эта тема явилась предметом специального исследования в публикациях Е.А. Нестерова [14; 15].

В данной работе мы продолжаем знакомить читателя с периодическими изданиями, бытовавшими на территории Усть-Сысольска в 1830-е – 1870-е гг. и являвшимися составной частью фонда Усть-Сысольской общественной библиотеки (1837 г.) – одной из первых уездных публичных библиотек Российской империи¹. Источником сведений об отраслевых журналах стали прилагавшиеся к ежегодным отчетам библиотеки «Каталоги книгам и брошюрам, поступившим в

---

¹ Об имевшихся в Усть-Сысольске газетных изданиях, входивших в состав библиотечного фонда, см.: [8].

Устьсысольскую общественную библиотеку покупкою и пожертвованием их разными правительственными учреждениями и частными лицами» за 1851-1876 гг. (далее – каталог поступлений), выявленные нами в Национальном архиве Республики Коми (Сыктывкар) и Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), выписка из Каталога Усть-Сысольской библиотеки по отделам (далее – каталог отделов библиотеки), хранящейся сегодня в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), а также сохранившиеся в фондохранилищах г. Сыктывкара экземпляры изданий.

Журнальная периодика в Усть-Сысольской общественной библиотеке была представлена, по нашим наблюдениям, группой изданий разного профиля. Прежде всего, следует выделить официальные издания, поскольку политическая коммуникация является одной из основополагающих потребностей любой политической системы [7, с. 101]. Официальная периодическая печать, являясь одним из государственных институтов России, играет важную роль «в практике выстраивания эффективной вертикали власти и повышения управляемости отдаленными от центра регионами» [31, с. 144]. Однако следует признать, что выбор у усть-сысольских читателей был невелик: в фонде публички имелось лишь несколько отдельных номеров официальных журналов, поступивших в библиотеку в разные годы.

В первую очередь следует назвать *«Журнал Министерства внутренних дел»* (СПб., 1829-1861). В каталоге поступлений за 1853 г. отмечено, что в библиотечный фонд поступили апрельский выпуск за 1839 г., а также январский и июльский журналы за 1840 г. [22, л. 30]. Являясь официальным органом Министерства внутренних дел, журнал публиковал высочайшие указы, циркуляры министерства, сведения о награждениях и перемещениях чиновников и др. Несомненно, что наибольший интерес у любознательного читателя вызывали публикации с подробным описанием отдаленных областей России, их природы, народонаселения и хозяйства, а также этнографические очерки и путевые заметки о России [30, с. 206-207]. Более свежую официальную информацию правительства, опубликованную в *«Журнале Министерства внутренних дел»*, подписчики библиотеки могли получить в 1860 г., когда в ее фонде появились три номера за 1859 г. и годовой комплект журналов за текущий год [24, л. 5-6].

Значительное место официальные материалы занимали и в журнале *«Чтение для солдат»* (СПб., 1847-1915), являвшемся неофициальным органом военного министерства. Главной задачей журнала было религиозно-нравственное воспитание солдат «в духе преданности самодержавию и православию», что нашло отражение в публикуемых на его страницах художественных произведениях. Кроме того, *«Чтение для солдат»* издавало разнообразные материалы по военному делу и популярные статьи для просвещения солдат [30, с. 318]. Согласно каталогу поступлений, в 1869 г. библиотечный фонд пополнила книжка вторая за 1868 г. [13, л. 16 об.].

Интересен по своему составу перечень изданий научно-популярной тематики.

В первые десятилетия деятельности библиотеки в фонд поступил один из номеров за 1809 г. издававшегося Н.И. Гречем исторического и политического журнала *«Гений времен»* (СПб., 1807-1809) [16, л. 14]. Этот политический журнал-газета либерального направления предлагал читателю обзор политической жизни Европы начала века, материалы о торговле, статистике и военных силах европейских государств, знакомил с краткими биографиями политических деятелей, а также сведениями из истории стран, игравших существенную роль в политической жизни той эпохи [30, с. 123]. С октября 1809 г., когда издание было переименовано в *«Журнал новейших путешествий»* (СПб., 1809-1810), изменился и характер публикаций: вместо политических новостей издатели журнала обратились к описанию географических открытий и новейших путешествий [30, с. 130; 32, с. 486]. Отметим, что один из номеров журнала за 1809 г. попал в фонд библиотеки в 1851 г. [20, л. 51].

В первые десятилетия деятельности библиотеки поступил один из номеров за 1849 г. *«Журнала общепользных сведений»* (СПб., 1833-1839, 1847-1859)¹ [16, л. 14]. Это издание могло быть одинаково полезным различным группам подписчиков усть-сысольской публички: и крестьянам, и ремесленникам, и купцам. Первым могли быть интересны статьи и заметки по сельскому хозяйству, разного рода практические советы и рецепты (как окрасить ткань, изготовить клей, свечи и т.д.). Вторых могли заинтересовать статьи по истории некоторых наук, ремесел, сведения о различных изобретениях и открытиях. Третьим, несомненно, были знакомы публикуемые здесь таблицы вексельных и денежных курсов, литографированные чертежи различных машин, приспособлений и построек [30, с. 225-226].

Исследовательские интересы членов-учредителей Усть-Сысольской общественной библиотеки обусловили появление в ее фонде изданий научной тематики.

В 1852 г. библиотечный фонд пополнился одним из номеров за 1805 г. журнала *«Московские ученые ведомости»* (М., 1805-1807) [21, л. 30 об.]. Этот еженедельник, издававшийся профессорами Московского университета, был специально посвящен обзору научных работ. В нем публиковались рецензии на русские и иностранные книги по самым различным отраслям науки: истории, философии, филологии, медицине, физике, химии, ботанике и пр. [30, с. 117]. Несмотря на то что к моменту поступления в усть-сысольскую публичку данное издание практически полностью утратило свою актуальность с научной точки зрения, оно сохранило свою значимость как источник библиографической информации.

К 1869 г. в библиотеке имелись номера первого в России экономического и сельскохозяйственного журнала *«Труды Вольного экономического общества»*

---

¹ Полное название журнала: «Журнал общепользных сведений, или Библиотека по части промышленности, сельского хозяйства и наук к ним относящихся, издаваемая под покровительством имп. Экономического общества, корреспондентом оного Наркизом Атрешковым».

за 1776 (2-е изд. СПб., 1824), 1835, 1851-1853 гг.¹ [13, л. 15; 20, л. 51 об.; 22, л. 30 об.; 23, л. 33]. Мещанскому населению Усть-Сысольска, чьим основным занятием вплоть до начала XX в. было хлебопашество, как нельзя кстати было издание Вольного экономического общества, главной задачей которого было поднятие «земледелия и домостроительства» в государстве путем распространения в народе полезных и необходимых к тому знаний [19, с. 110]. На 200-300 страницах «Трудов» помещались протоколы заседания общества, статьи по сельскому хозяйству, механике, домоводству, экономической статистике, библиографические обзоры. Здесь также излагались вопросы севооборота или «плодосменной» системы полеводства, вопросы животноводства, агрономии и биологии. Иногда встречались статьи с описанием положения крепостного крестьянина, обсуждались социальные вопросы и т. д. [9, с. 80-81].

Более регулярно, нежели «Труды вольного экономического общества», библиотечный фонд пополнялся изданиями Археологического общества («*Записки*» за 1859-1865 гг., «*Известия*» за 1861, 1863, 1865-1867 гг.) и Русского географического общества («*Вестник*» за 1858 и 1860 гг., «*Записки*» за 1859 г., «*Известия*» за 1866-1868 гг.) [13, л. 8-8 об., 10, 14, 19 об. – 20; 16, л. 9-11].

Отраслевая журнальная периодика была представлена изданиями по технике, лесному хозяйству, экономике, искусству и педагогике.

Одним из первых в собрании периодических изданий усть-сысольской публички появился годовой комплект старейшего технического издания в России, «*Горного журнала*» (СПб., 1825)² за 1830 г. (числится под № 5 в каталоге отделов библиотеки) [16, л. 14]. Этот журнал содержал информацию о новых открытиях и был практическим руководством для служащих по горному ведомству [32, с. 1].

В 1851 г. Усть-Сысольская общественная библиотека получила годовые комплекты «*Лесного журнала*» (СПб., 1833-1851) за 1834, 1838-1848 гг. [20, л. 50 об.]. Публикации по вопросам лесохозяйственных наук, труды известнейших лесоводов, материалы о новейших изобретениях по лесной части, описания полезных лесных орудий, приборов и моделей должны были заинтересовать усть-сысольских чиновников от лесного ведомства. Усть-сысольское мещанство, скорее всего, должны были привлечь статьи об охоте, «лесные и охотничьи» анекдоты. Несомненно, этот журнал вызывал живой интерес и у первого библиотекаря Усть-Сысольской общественной библиотеки Андрея Ивановича Попова. Не вызывает сомнения, что человек, проводивший самостоятельные наблюдения и зафиксировавший интереснейшую информацию о вскрытии и замерзании реки

---

¹ «Труды вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» выходили в Петербурге с 1765 г. Первые книги «Трудов» пользовались успехом и разошлись так быстро, что некоторые тома переиздавались по 2-3 раза, см.: [30, с. 31-32].

² Полное название журнала: «Горный журнал, или Собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся». Журнал выходит до настоящего времени.

Сысолы, температуре воздуха и осадках в Усть-Сысольске в середине XIX в. [27], тщательнейшим образом изучил описания необычных и редких естественных явлений, публиковавшихся в разделе журнала «Достопримечательности природы, новейшие изыскания и наблюдения».

В том же 1851 г. в библиотеку поступил номер за 1827 г. одного из первых журналов по экономике и технике в России – «*Журнала мануфактур и торговли*» (СПб., 1825-1860) [20, л. 51]. Издававшийся профильным департаментом, журнал почти целиком состоял из переводных статей, посвященных вопросам мануфактурного производства и внутренней торговли [32, с. 472].

Несмотря на несомненный интерес в провинции к изданиям религиозной тематики, в 1868 г. лидером по количеству подписчиков в Вологодской губернии был журнал «Странник» (193 экз.); также поступали ежемесячники «Мирской вестник» (28 экз.) и «Христианское чтение» (17 экз.) [10, с. 214-215]. В то же время в 1851 г. библиотечный фонд пополнили три тома подвергавшегося преследованиям духовной цензуры за отступление от догматов православной церкви ежемесячника «*Сионский вестник*» за 1806 г. (СПб., 1806, 1817-1818) [20, л. 51]. Журнал, издаваемый одним из крупнейших деятелей русского масонства А.Ф. Лабзиным, был посвящен религиозно-нравственным вопросам, а основное место в нем занимали переводы религиозных философских трудов Юнга-Штиллинга, Бэкона Веруламского, Фомы Кемпийского, И.П.Ф. Рихтера [30, с. 121-122].

Из появившихся в середине XIX в. в России журналов, посвященных искусству, в 1865 г. в библиотеке оказались журнал «*Русская сцена*» (СПб., 1864-1865) за 1864 г. и его приложение «*Репертуар «Русской сцены»*» [13, л. 6, 16 об.]. Известно, что этот журнал выступал в защиту самобытного народного русского драматического и оперного репертуара [30, с. 454]. Появление в фонде библиотеки серьезного театрального издания, в котором помещались драматические произведения русских и иностранных писателей, статьи по истории театра и музыки, биографии видных театральных деятелей, критические обзоры деятельности петербургских и провинциальных театров и репертуар петербургской сцены, вполне объяснимо. Интерес к театру в Усть-Сысольске возник еще в начале XIX в., а в 1831 г. по инициативе местных театралов-любителей и по дозволению вологодского губернатора был организован домашний театр [2, л. 1-6]. Сообщения о театральных постановках в Усть-Сысольске публиковались в 60-е гг. XIX в. на страницах «Вологодских губернских ведомостей»: «На сцене... театра... ставились пьесы по преимуществу дельных, образцовых писателей; в особенности развитая публика восхищалась пьесами Островского...» [5, с. 318].

Десятилетием позже, в 1876 г., в библиотеку попал журнал «*Пчела*» (СПб., 1875-1878) за текущий год [26, л. 71]. Это был тонкий журнал с иллюстрациями, имевший подзаголовок «журнал искусства и литературы, политики и общественной жизни». Подобные издания были рассчитаны на массового читателя, на тех, кто стремился получить не систематические знания, а просто интересную или сенсационную информацию [3, с. 463-464]. Журнал позволял жителю далекой

северной провинции быть в курсе событий русской и зарубежной общественной жизни. Подписчики публичной библиотеки имели возможность познакомиться с описаниями музеев и картинных галерей мира, узнать биографии художников, прочитать статьи по истории искусств и др. Стремясь отмежеваться от политики, журнал активно предлагал читателю беллетристику, в особенности исторический роман: в «Пчеле» систематически публиковались популярные в среде устьсы- сольцев переводные рассказы, повести (Золя, Ауэрбах, Гейзе, Эркман-Шатриан), стихи (Мицкевич, Гейне, Беранже)¹.

Представляли интерес для подписчиков Усть-Сысольской библиотеки и публикации по вопросам воспитания и образования. В первой половине XIX в. эти темы активно обсуждались на страницах имевшихся в библиотечном фонде журналов «Вестник Европы», «Мнемозина», «Московский телеграф», «Молва», «Телескоп» и др.

В это время появлялись первые журналы педагогической направленности, в частности «журнал воспитания» *«Патриот»* (издавался в 1804 г. в Москве Владимиром Измайловым). В 1850-1860-е гг. в библиотечный фонд поступил один из 12 увидевших свет номеров этого издания (журнал зафиксирован в каталоге отделов библиотеки под № 107 по отделу периодических изданий) [16, л. 14 об.]. Журнал, вышедший под редакцией педагогов Е.О. Гугеля, П.С. Гурьева и А.Г. Ободовского, предназначался для воспитателей, детей и молодежи и их родителей. Преимущественное внимание отводилось в журнале нравственному воспитанию, основывавшемуся на принципе «не все старое дурно, не все новое хорошо»: издатель рекомендовал научиться у предков народному духу, патриотической гордости, домашним добродетелям. Журнал отличался значительной по тому времени широтой и смелостью взглядов: высказывалось положение о воспитании без принуждения и страха, без зубрежки и телесных наказаний [11, с. 292]. Имевшийся в библиотечном фонде номер «Патриота» вполне мог использоваться усть-сысольскими читателями и для семейного чтения, ибо каждый мог найти в нем что-то для себя: родители – статьи по вопросам общественного и семейного воспитания с педагогическими идеями Руссо и учением Песталоцци; дети – рассказы и пьесы нравоучительного, исторического, природоведческого характера; молодежь – материалы по вопросам морали, литературы и философии, вышедшие из-под пера Вольтера, Жанлис, Лагарпа, Монтескье и других французских авторов [30, с. 112].

С 1834 по 1857 гг. педагогическая пресса в России была представлена только *«Журналом Министерства народного просвещения»* (СПб., 1834-1917) [17, с. 365]. Однако до 1861 г. это представительство было формальным, поскольку журнал этого периода был официальным изданием, основная часть тиража которого обычно распространялась в обязательном порядке по ведомствам и учреждениям, подчиненным министерству просвещения. В 1860 г. для руково-

---

¹ Подробнее о книжном фонде Усть-Сысольской общественной библиотеки см.: [18, с. 33-37].

дства журналом был приглашен К.Д. Ушинский, превративший его в научно-педагогический орган. В том же 1860 г. в Усть-Сысольской общественной библиотеке появился годовой комплект «Журнала Министерства народного просвещения» за текущий год [24, л. 6]. Не вызывает сомнения, что этот журнал являлся просто кладезем полезной информации для педагогов учебных заведений Усть-Сысольска И. Куратова, П. Фрязиновского, И. Попова и др., являвшихся подписчиками библиотеки [12, л. 16, 45]. Их вниманию были предоставлены статьи К. Д. Ушинского «О нравственном элементе в русском воспитании» и «Ответ на рецензию г-на Толля», Ю. Рехневского «Очерк истории народных школ в Германии», А. Веского «О приёме учеников в приходские училища», М. Носкова «О проекте устава низших и средних училищ», материалы по методическим вопросам Д.Д. Семенова (география), В.И. Водовозова (языки, словесность) и др. [30, с. 232-233; 33, с. 245].

Вопросы образования и воспитания, оказавшиеся в центре внимания общества в связи с проводившейся в середине XIX в. реформой в области образования, вызвали к жизни большое число детских и педагогических журналов. Одним из самых значительных педагогических журналов 60-х гг., по мнению исследователей педагогической периодики Ю.С. Кимова и М.М. Маянца, был «*Учитель*» (СПб., 1861-1870) [17, с. 368]. Его начали издавать видные деятели просвещения и педагогики И.И. Паульсон и Н.Х. Вессель. Журнал имел два отдела: теоретический – «Материалы для самоусовершенствования» – и практический – «Материалы для преподавания в семействе и в низших и средних учебных заведениях». «Учитель» отстаивал необходимость одинакового обучения девочек и мальчиков, а также поднимал вопросы женской эмансипации. Главное место в журнале занимали статьи по методике и дидактике первоначального обучения: публиковались систематические руководства по начальному образованию для народных учителей, методика преподавания отдельных предметов, основы детской психологии и т. д. Этот имевший либеральное направление журнал поступал в Усть-Сысольскую общественную библиотеку в 1866-1868 гг. [13, л. 10, 14, 19 об.]. Несомненно, решающую роль в появлении этого журнала в библиотечном фонде сыграл тот факт, что библиотекарем усть-сысольской книгохранительницы в этот период состоял учитель А.И. Дементьев.

Опосредованно к изданиям по вопросам воспитания можно отнести и журналы для детей и юношества.

С января 1807 г. по апрель 1815 г. в Москве выходил журнал «*Друг юношества*» (с 1813 г. – «*Друг юношества и всяких лет*»). Целью журнала было воспитание молодежи в религиозно-нравственном духе, для чего в нем публиковались «сочинения, возбуждающие в читателе любовь к Богу, государю, отечеству и ближнему» [30, с. 123]. Отдельные номера журнала за 1812 и 1813 гг. поступили в Усть-Сысольскую общественную библиотеку в 1851 г.¹ [20, л. 51].

---

¹ В архивных документах указано лишь общее количество поступивших журналов без указания конкретных номеров: 1 экз. за 1812 г. и 2 номера за 1813 г.

Подписчики библиотеки могли прочитать в журнале небольшие прозаические произведения назидательного характера, в основном переведенные из иностранных изданий. Значительное место в журнале занимали стихотворения, главным образом религиозного и философского содержания (в частности, было издано много стихотворных переложений псалмов) [32, с. 143]. В журналах за 1812-1813 гг. помещено несколько публикаций исторических документов (например, записки И.В. Лопухина), печатались статьи о литературе («Некоторые замечания мои о писателях» Максима Невзорова), биографии известных людей, особенно знаменитых людей эпохи античности («Василий Великий и Григорий Назианзин: образцы для юношества»; «История Зороастра, древняго философа и законодателя персидского»).

В 1853 г. в библиотеку поступил девятый номер за 1846 г. журнала *«Звездочка»* (СПб., 1842-1863), издаваемого известной детской писательницей А.О. Ишимовой [22, л. 30]. Примечательно, что оно было пожертвовано в Усть-Сысольскую публичку издательницей, чья судьба была тесно связана с Усть-Сысольском¹. Поскольку журнал предназначался воспитанницам институтов благородных девиц, он был востребован в Усть-Сысольске, где в 1858 г. открыли второразрядное женское училище – первую в Коми крае школу для девочек [29, с. 93]. В журнале публиковались художественные произведения назидательного характера, научно-популярные статьи, биографии известных русских государственных деятелей, описания памятников старины и архитектуры, статьи о литературе и истории, библиографические заметки, переводы сочинений иностранных авторов [30, с. 302].

В 1875 г. библиотеке передали журнал для детей и юношества *«Семейные вечера»* (СПб., 1864-1891) за 1873 и 1874 гг. [25, л. 21 об. – 22]. Этот иллюстрированный детский журнал находился под Высочайшим покровительством императрицы Марии Александровны и заполнялся преимущественно переводной сентиментально-нравоучительной и приключенческой беллетристикой религиозно-нравоучительного характера [30, с. 455-456].

Таким образом, представленная часть собрания периодических изданий Усть-Сысольской общественной библиотеки достаточно разнопланова, хотя и носит несколько случайный характер. В целом необходимо констатировать отсутствие целенаправленной подписной политики, что по большей части связано с финансовыми трудностями публички. Кроме того, следует говорить о превалирующей роли научных обществ в формировании фонда периодики, что выражается в большом количестве научных изданий, посвященных вопросам лесного и сельского хозяйства, археологии и этнографии, географии и статистике. Данные издания позволяли интеллигенции Усть-Сысольска быть в курсе последних достижений российской науки.

---

¹ Ишимова Александра Осиповна (1804-1881) – известная детская писательница, автор многократно переиздававшейся «Истории России в рассказах для детей» и ряда других детских книг. В 1819-1821 гг. жила в Усть-Сысольске вместе со ссыльным отцом. Оставила обширные воспоминания, в том числе о жизни в Усть-Сысольске.

Значительное внимание при формировании фонда уделялось педагогическим изданиям. Их активное поступление в фонд в 1860-е гг. связано с тем, что проводившаяся реформа образования вызвала интерес со стороны общества к вопросам просвещения и воспитания, библиотекарем в этот период впервые в истории библиотеки был педагог А.И. Дементьев, а среди ее подписчиков числились учителя И. Куратов, П. Фрязиновский, И. Попов и др.

***

1. Безносиков Я. Н. Рассвет над Коми : очерк истории культурного строительства в Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
2. Государственный архив Вологодской области. Ф. 18. Оп. 1. Д. 537.
3. Дергачева Л.Д. Периодическая печать // Очерки русской культуры XIX в. М., 2001. Т. 3. С. 444-512.
4. История библиотек Коми края / сост. М.И. Ельсова. Сыктывкар, 1997.
5. Кичин В.Е. Нечто об Усть-Сысольске // Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1865. № 34 (21 авг.).
6. Красных Я. Перечень периодических изданий и газет, получаемых в Усть-Сысольске // ВГВ. 1853. № 33.
7. Кретов Б.И. Средства массовой коммуникации – элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 101-115.
8. Кырнышева О.В. К вопросу о газетных изданиях в Усть-Сысольске в XIX в. // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2012. Вып. 1. С. 100-107.
9. Лобашев М.Е. Очерки по истории русского животноводства. М.; Л., 1954.
10. Материалы для статистики газетного и журнального дела в России за 1868 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1870. № 1. С. 195-243.
11. Месеняшин И.А. Педагогическая журналистика // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в. – первая половина XIX в. М., 1973.
12. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 223. Оп. 1. Д. 1.
13. НАРК. Ф. 223. Оп. 1. Д. 2.
14. Нестеров Е.А. Когда же впервые? (о начале распространения периодической печати в Коми крае) // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 8. История. Филология. Философия. 1999. Вып. 3. С. 55-64.
15. Нестеров Е.А. Усть-Сысольск – лыддысьысь кар // Войвыв кодзув. 2000. № 8. Л. б. 72-75.
16. Отдел архивных документов РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1889 г. Д. 68.
17. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А.И. Пискунов. М.: Педагогика, 1976.
18. Памятники книжной культуры Республики Коми. Вып. 1. История Усть-Сысольской общественной библиотеки в документах / авт.-сост. О.В. Кырнышева; науч. ред. Е.А. Рыжова. Сыктывкар, 2008.
19. Потоцкий П.П. Краеведческая анкета Вольного экономического общества : (земледелие в России во второй половине XVIII века) // Отечество. М., 1998.
20. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 10. Д. 10.
21. РГИА. Ф. 733. Оп. 10. Д. 103.
22. Там же. Д. 250.

23. Там же. Д. 356.
24. Там же. Ф. 735. Оп. 6. Д. 120.
25. Там же. Ф. 776. Оп. 11. 1875 г. Д. 83.
26. Там же. 1876 г. Д. 2.
27. РНБ, Q. VII, № 3.
28. Рогачев М.Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков. Сыктывкар, 2006.
29. Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск : страницы истории. Сыктывкар, 1989.
30. Русская периодическая печать (1702-1894) / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черпахова. М., 1959.
31. Саляхиева Р.В. Официальная печать в губернском управлении : (на материалах газеты «Пермские губернские ведомости» первой половины XIX в.) // Власть. 2009. № 9. С. 144-146.
32. Сводный каталог сериальных изданий России (1801-1825). Т. 2. Журналы (Г-Ж) : с росписью содержания. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2000.
33. Чумаков В. Редакторы журнала середины XIX века: писатели Сербинович, Никитенко и великий русский педагог Ушинский // Народное образование. 2002. № 4. С. 239-246.

Н-ОВЫЙ ИНФИНИТИВ В РОЛИ ОРГАНИЗУЮЩЕГО ЦЕНТРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу инфинитивных предложений коми языка, в которых в роли организующего центра выступает независимый н-овый инфинитив. Большое место в ней занимает рассмотрение модальных значений. Проводится четкое разграничение между предложениями без частиц эськӧ, кӧ «бы» и с названными частицами. Анализ производится на большом фактическом материале.

Ключевые слова: коми язык, инфинитивные предложения, модальность.

В коми языке выделяется две формы инфинитива – I-й с показателем –ны/-ыны (так называемый н-овый инфинитив) и II-й с показателем -ӧм (так называемый м-овый инфинитив). II-й инфинитив представляет собой архаичную форму, которая имеет соответствия во многих других современных финно-угорских языках. В последние десятилетия под влиянием русского языка в коми языке всё более активное функционирование получает I-й, или н-овый инфинитив, хотя следует отметить, что второй инфинитив также достаточно часто используется и языке художественной литературы, фольклора, в устной спонтанной речи. Оба инфинитива могут быть субъектными и объектными, в предложении выполняют функцию сказуемого и дополнения. Однако первый, н-овый, инфинитив способен выполнять и другие синтаксические функции, в предложении он может быть реализован и в роли других членов предложения – подлежащего, обстоятельства, определения. Кроме того, н-овый инфинитив способен употребляться абсолютно независимо, быть главным членом синтаксической структуры и образовать совершенно особый структурно-семантический тип простых предложений – инфинитивные предложения.

Известно, что инфинитив – глагольная форма, которая лишена морфологических показателей лица, времени и наклонения, являющихся крайне важными для создания предикативной характеристики предложения. Однако, несмотря на это, инфинитив без спрягаемой формы глагола способен быть организующим центром предложения. Употребляясь в роли главного члена односоставных предложений, инфинитивная форма глагола не подчиняется никаким другим формам слов и не примыкает к ним, а, наоборот, в семантической и грамматической зависимости от нее находятся все второстепенные члены. Независимость инфинитива отличает инфинитивные предложения от безличных. Несмотря на то что в инфинитиве отсутствует морфологическое выражение значения времени,

лица, наклонения, в предложениях с инфинитивом в качестве главного члена эти важнейшие грамматические значения выражаются синтаксически. Очень важным является то, что «В речевом употреблении инфинитива, в противовес словарному, над номинативной функцией господствует предикативная, она эксплицируется в синтаксических связях, в характеристиках ближайших компонентов и текстового окружения, в многообразных, но типизованных способах интонирования [1, с. 138]. В инфинитивных предложениях независимое действие представлено как желательное, возможное, необходимое, неизбежное, т.е. как потенциальное, а не реальное. Действие в них «не выражено как процесс, а лишь названо. Эта семантическая особенность инфинитивных предложений обусловлена природой главного члена – инфинитива. Инфинитивным предложениям свойственна вневременность, отсутствие форм времени; этим отличаются от безличных» [2, с. 93].

Специфической особенностью таких конструкций является то, что действие в них всегда отнесено к субъекту. Они могут включать обозначение лица, которому приписывается предикативный признак, но если в предложении субъект не назван, то в нем всегда открыта позиция субъектного распространителя. При наличии дательного падежа имени существительного при инфинитиве эта форма имеет субъектное значение, и предикативный признак приписывается именно этому субъекту.

Для таких предложений характерно то, что в них производитель действия всегда побуждается к активному действию.

Временная парадигма таких предложений является неполной – включает лишь формы настоящего времени, причем всегда отчетливо ощущается футуральная перспектива. Оттенок облигаторности, представленный в инфинитивных предложениях, можно назвать значением предначертанности, предопределённости. Действие, как правило, представлено как предполагаемое в будущем, но при этом связанное с настоящим, т.е. налицо своеобразная «актуальность предшествования» факта [3, с. 149].

Предложения, организующий центр которых составляет независимый инфинитив, являются ярко выраженными в экспрессивном плане, они представляют собой один из способов выражения субъективной модальности. Во всех таких предложениях большое значение имеет интонация.

По цели высказывания инфинитивные предложения, как и другие типы простых предложений, могут быть повествовательными, побудительными, вопросительными, по эмоциональной окраске – невосклицательными и восклицательными. В зависимости от наличия частиц выделяются инфинитивные предложения без частиц *эськӧ* «бы», *кӧть* «хоть бы» и предложения с названными частицами.

Инфинитивные предложения являются одним из средств выражения самых различных модальных значений. Однако выражение модальности в них существенным образом отличается от ее выражения в других односоставных глагольных предложениях отсутствием морфологической основы – наклонения. «Потен-

циальность действия препятствует выражению «чистой» реальности – ирреальности. Оба эти значения сопровождаются частными модальными наслоениями [2, с. 93].

Инфинитивные предложения без частицы передают эпистемическое значение. «Структурой и интонацией они передают оттенки субъективно-эпистемической модальности – уверенность говорящего в осуществимости /неосуществимости, необходимости, неизбежности, предопределённости сообщаемого» [1, с. 143].

Инфинитивные конструкции без частицы широко используются для выражения модального значения долженствования, необходимости. Независимый инфинитив и соответствующая интонация обозначают действие, которое должно быть совершено субъектом. Действующий субъект выражается формой дательного падежа. Субъект может быть назван в предложении или может легко восстанавливаться из контекста, речевой ситуации: *Налы водзё на овны* (Торопов 1980:455) «Им еще дальше жить»; *Вөлі прощальной медбөрря рыт казармаын. Аски юдбёмн тиётти вөрзбёдчыны походо* (Чисталев 1980:123) «Был последний прощальный вечер в казарме. Завтра с рассветом отправиться в поход»; *Пыйшыны, коть мед мый пыйшыны* (Попов 1987:71) «Бежать, несмотря ни на что бежать». Субъект может быть и не представлен в предложении, но контекстом, обстановкой речи он определяется как обобщенный: *Пур вылысь ва койны* (КПП 1983:78) «С плота воду отливать (Переливать из пустого в порожнее)»; *Ва вылын би пестыны* (там же:78) «Разводить огонь на воде (Толочь воду в ступе)»; *Морейсь паса йөрш корсьны* (там же:60) «Искать в море меченого ерша».

Инфинитивные предложения способны выражать значения пожелания: *Именинниклы овны да вывны! – сёлёмсянь сиис Елен тьёт* (Безносиков 1995:108) «Имениннику жить-поживать! – сердечно пожелала тетка Елена».

Предложения с инфинитивом в роли главного члена без частицы *эськё* «бы» могут быть и отрицательными. На отрицание действия, названного в форме инфинитива, указывает отрицательная препозитивная частица *не* «не». Такие синтаксические конструкции имеют иное модальное значение, они указывают на невозможность выполнения действия: *Та мында нянь мянлы не чукёртны! Абу!* (Фёдоров 1979:200) «Столько хлеба нам не собрать! Нету!»; *Шырлы канькөд не венласьны* (КПП 1983:204) «Мышке с кошкой не бороться»; *Сійё надейтчис, мый Миколлы сійёс не сүдны* (Доронин 1995: 21) «Он надеялся, что Николаю его не догнать»; *«Кывйёс» тась мянлы не аддзыны* (Пыстин 2009:139) «Языка» им здесь не найти». Это значение инфинитивных предложений передают и двусоставные синтаксические структуры с составным глагольным сказуемым, образованным из модального глагола *вермыны* «мочь» в отрицательной форме (отрицательное значение при этом выражается отрицательным вспомогательным глаголом) и примыкающего инфинитива: *Та мында нянь ог вермөй чукёртны* «Столько хлеба не сможем собрать». Инфинитивные предложения в отличие от них семантику невозможности выражают в более жёсткой форме, имеют ярко выраженную эмоциональную окраску.

Имеются инфинитивные конструкции, относящиеся к волюнтивному типу речи. Собственно волюнтивные инфинитивные предложения выражают значение побуждения. Побудительное значение выражается и в побудительных предложениях, в роли сказуемого которых выступает глагол в форме повелительного наклонения. Инфинитивные и побудительные конструкции являются синтаксическими синонимами. Однако в отличие от таких синтаксических конструкций инфинитивные предложения «выражают крайнюю жёсткость на шкале степеней волеизъявления. (...) Возможность волеизъявления в инфинитивной форме обусловлена определёнными отношениями между говорящим и адресатом: они предполагают социальное превосходство говорящего, право требовать, официальное или ситуативное, в военно-административном быту или домашнем» [1, с. 145]. Инфинитивные предложения передают приказ, побуждение к действию. Такие структуры всегда имеют особую интонацию, экспрессивный характер. По экспрессивной окраске они всегда восклицательные. В синтаксических конструкциях с такой семантикой субъект, который должен совершить действие, названное в инфинитиве, обычно не указывается. Субъект действия определяется из контекста или речевой ситуации, «чем экспрессивнее категоричность требования, тем определеннее речевая ситуация, в которой требование адресуется конкретному исполнителю» [1, с. 146]. Именно отсутствие субъекта в дательном падеже служит показателем категорического, решительного повеления, приказа; оно является одним из основных грамматических признаков таких предложений, которые обычно бывают не распространёнными или малораспространёнными; в них облигаторным является лишь прямое дополнение при инфинитиве переходного глагола: – **Водны!** – *кыліс сэн капитанлөн лёкысь горзёмыс* (Торопов 1980: 207) «–Лечь! – послышался тогда грозный крик капитана»; **Эновтны сёрняс!** (Юхнин 1957:12) «Прекратить разговоры!»; **Построитчыны колоннаё нэль мортён!** (Торопов 1980:12) «Построиться в колонны по четыре человека!». Место потенциального субъекта иногда может быть занято, в предложении может быть названо лицо, которое должно совершить действие, в форме дательного падежа. Это бывает «при необходимости выделить, акцентировать исполнителя приказания, например, в случае избирательной его адресации, противопоставления» [1, с. 146]. В таких случаях признание смягчается, приобретает оттенок просьбы, совета: **Колльёдысьяслы сувтны бокё!** (Юхнин 1951: 12) «Провожаящим встать в сторону!».

Инфинитив в отрицательной форме может обозначать и недопустимость совершения действия, категорический запрет действия: **Пароход вылё не лэччыны!** (Фёдоров 1962:102) «На пароход не спускаться!»; **Узьны бокё ог лэдзё. Кылан, студент? Не петны татысь!** (Фёдоров 1982: 40) «Ночевать на сторону не отпустим. Слышишь, студент? Не выходить отсюда!».

Широко распространёнными в современном коми языке являются вопросительные по цели высказывания предложения, в которых в роли организующего центра выступает независимый инфинитив без частицы *эськё* «бы». Такие конструкции способны выполнять первичную функцию вопросительных предложений

– выражать собственный вопрос, на который должен быть дан ответ. Говорящий субъект использует такие конструкции при поиске новых знаний, новой информации. Семантика вопроса в них часто передается интонацией, самой структурой, без использования специальных вопросительных слов: – *Суддө сетны? Збыль дай судитасны?* (Фёдоров 1979:154) «Отдать под суд? И действительно будут судить?». Для обозначения вопроса могут быть использованы и специальные вопросительные слова, вопросительные местоимения, наречия: *А кытчö сэсса воштысьны меным? – кияссö паськөдöс көзяин. – Кытчö? Колхозö пыр* (там же: 300) «А куда потом мне деваться? – развёл руками хозяин. – Куда? В колхоз вступай».

Вопросительные инфинитивные предложения часто используются не для выражения собственно вопроса, а для выражения колебания, сомнения субъекта о нужности, целесообразности действия: *Морт нэм дженъыд, и колö кужны сийöс овны. Но кызди? Аслыд босытны ыджыд бипурыслысь шоныдсö али сетны аслад сёлöмыдлысь шоныдö мукöдыслы?* (Фёдоров 1982:192) «Человеческая жизнь короткая, и надо суметь её прожить. Но как? Для себя взять тепло большого костра или отдать тепло своего сердца другим?»; *Сулавны өббöдня помöдз либö өббöдня шöрсъыс гортö лэччыны да регыдджык тöдмавны Егорлысь висьталöмсö?* (Доронин 1995:41-42) «Стоять до конца обедни или с середины обедни уйти домой и быстрее послушать рассказ Егора?».

Коммуникант нередко вопросы задает самому себе, во многих случаях он сам является своим собеседником, особенно часто это наблюдается во внутренней речи. В инфинитивных предложениях «говорящий субъект совпадает с потенциальным агенсом, поэтому содержание их тесно связано с внутренним миром говорящего. Произносимое вслух или мысленно, предложение как бы воспроизводит размышления субъекта» [1, с. 148]. Такие вопросы составляют особый тип вопросов, так называемых рефлексивных вопросов. Они используются при выражении внутренних размышлений, раздумий. Являются типичными для внутреннего диалога. **Рефлексивные вопросы** имеют модальные значения неуверенности, сомнения, колебания, нерешительности. В таких синтаксических конструкциях отсутствует собственно-вопросительное значение. Модальные значения передаются особой интонацией. В коми языке из вопросительных предложений наиболее широкое распространение получили именно конструкции с **рефлексивными вопросами**: *Колö мыйöнкö отсавны Ильялы. Но кызди да мыйöн? Корсьны мунны? Кытчö, кодарö?* (Юхнин 1981:155) «Надо чем-то помочь Илье. Ну как и чем? Пойти искать? Куда, в какую сторону?»; *Мый шуны сылы? Висьтавны веськыда? Ог көсьы лицемеритны, ылöдлыны ачымöс ни мукöдьясöс* (Фёдоров 1982:157) «Что сказать ему? Сказать прямо? Не хочу лицемерить, обманывать себя и других»; *Кытчö и мунны? Кодарланьö сетчыны? Кытысь эськö бурджык заводитны корсьны Петраöс?* (Фёдоров 1979:402) «Куда идти? В какую сторону податься? Где бы лучше начать искать Петра?». В таких предложениях нередко употребляются модальные слова *гашкö, дашкö* «может быть, наверно», которые усиливают значение сомнения, нерешительно-

сти: *Гаикö, таркöдчыитны? Чукöстны, мед петалас?* (Попов 1987:37) «Может, постучаться? Попросить, чтобы вышел (он)».

Вопросительные инфинитивные предложения часто выражают **эмоциональную реакцию говорящего субъекта на действие кого-то другого**. Они отличаются тем, что «не содержат ни сообщения, ни волеизъявления, но выражают экспрессивно-оценочную реакцию говорящего в рамках диалогической (это может быть и внутренний, автодиалог) или событийно-конфликтной ситуации. Инфинитив выступает как знак этой ситуации, либо обобщающее именуя ее, либо повторяя часть предшествующей реплики, как эхо, отраженный свет; эта инфинитивная конструкция сопровождается неодобрительной, иронической или протестующей интонацией, иногда подкрепляется контекстом» [1, с.147]. Структура и особая интонация таких предложений могут выражать значения осуждения, удивления, недоумения: *Сэни сёрнитасны тэкöд кыдзи колö, а оз кутны ворсны. Директорлысь не кывзыны!* (Лыжоров 1974:130) «Там с тобой поговорят как следует, а не будут играть. Директора не слушаться!»; *Изучитны статья, көни тиянöс татшöма критикуйтöны? – шензыйшитис Володя* (Юхнин 1957:427) «Изучить статью, в которой вас так критикуют? – удивился Володя»; *Этатшöм овмöсö да не мунны?* (Фёдоров 1979:416) «В такое хозяйство да не идти?».

Инфинитивные предложения с частицей эськö «бы» имеют оптативное значение, выражают желание говорящего относительно осуществления / неосуществления действия, обозначенного инфинитивом. В семантику таких предложений желательное значение вносит именно частица. Частица является зависимой от инфинитива, поэтому инфинитив является в той же степени независимым, как и в предложениях без частицы. По цели высказывания синтаксические конструкции с семантикой желательности преимущественно бывают повествовательными, по эмоциональной окраске могут быть невосклицательными и восклицательными. Независимый инфинитив в роли предиката может иметь положительную и отрицательную форму, так как для субъекта желательным бывает и наступление действия, и его отсутствие. Как показывает изученный материал, инфинитивные предложения данной семантической группы в коми языке являются широкоупотребительными. В таких конструкциях может быть представлен дательный субъекта: *Зөркыд тарантас бöрад меным эськö сёйыитны да водны öни* (Фёдоров 1982:48) «После тряского тарантаса мне бы сейчас поесть и лечь». В предложении субъект может и не называться, но он легко понимается коммуникантами из контекста и речевой ситуации: *Гу вылас эськö волены! – мöвпышитис Сандра* (Фёдоров 1979:364) «На могилке бы побывать! – подумала Сандра»; *Котравны, чеччавны эськö, мед он кынмы, да он вермы. Унмовсьны эськö, но оз лок унмыс* (Попов 1986:71) «Побегать, попрыгать бы, чтобы не замёрзнуть, но не можешь. Уснуть бы, но сон не идет»; *А вот эськö велöдчыны! Эмöсь жö сэтшöм шуда йöз, кодъяс сиктса школа помалöм бöрын водзö вермöны велöдчыны* (Фёдоров 1979:110) «Вот бы учиться! Есть же такие счастливые люди, которые после окончания сельской школы могут дальше учиться!»

Частица *эськӧ* «бы» в сочетании с отрицательным инфинитивом может иметь и оттенок боязни, опасения: *Медым эськӧ не янавны начальство водзын* (Льюров 1974:77) «Не осрамиться бы (букв. пусть не осрамиться бы) перед начальством».

Такие предложения, обращённые ко 2-му лицу, имеют оттенок просьбы, совета: *Тэныд ӧні комсомолӧ еще эськӧ пырны, и ставыс бур* (Фёдоров 1979:125) «Сейчас тебе еще в комсомол бы вступить, и всё будет хорошо». Частица *эськӧ* «бы» в сочетании с отрицательной формой инфинитива может иметь и оттенок боязни, опасения, предостережения: *Медым эськӧ не янавны начальство водзын* (Льюров 1974:77) «Только перед начальством не осрамиться бы»; *Сӧмын эськӧ не сёрмыны* (Юхнин 1981:184) «Только бы не опоздать».

Частица *эськӧ* «бы» нередко сочетается с частицами *сӧмын* «только, лишь», *вот* «вот», *кӧть* «хотя, хоть» и т.п. В таких предложениях значение желательности передается более в мягкой форме: *А вот эськӧ велӧдчыны! Эмӧсь жӧ сэтшӧм шуда йӧз, кодъяс сиктса школа помалӧм бӧрын водзӧ вермӧны велӧдчыны* (Фёдоров 1979:110) «А вот учиться бы! Есть же счастливые люди, которые после окончания сельской школы могут продолжить учиться»; *Вот эськӧ айыслысь... ньӧввужсӧ кӧ аддыны!* (Тимин 2000:17) «Вот бы стрелу отца найти!»; *Сӧмын эськӧ радуйтчыны татшӧм мича луннад* (Безносиков 1964:32) «Только бы радоваться в такой прекрасный день».

В современном коми языке имеется особый тип отрицательных предложений со значением невозможности действия. Структурно необходимым членом таких конструкций являются отрицательные местоимения в косвенных падежах и отрицательные наречия: *некодъсь* «некого», *нинӧмысь* «нечего», *некодлы* «некому», *некӧн* «негде», *некыдзи* «никак», *некытчӧ* «некуда», *некор* «никогда», *нинӧмла* «незачем», *нинӧмӧн* «нечем», *некторысь* «не из чего», *нинӧмысь* «не из чего» и т.д. или в сочетании этих слов с послелогами *йылысь* «о», *вълӧ* «на». Они выражают отрицательное значение всего предложения, указывают на ненужность, невозможность выполнения из-за отсутствия определённых объективных условий, времени, места, нужных действующих лиц и т.п. для его совершения: *А лолавны дзик нинӧмӧн* (Фёдоров 1979: 207) «А дышать совершенно нечем»; *Нинӧмысь мянӧс ошкынысӧ* (там же:236) «Не за что нас хвалить»; *Алексей Архиповичлы тэрмасьны некытчӧ* (Юхнин 1957:64) «Алексею Архиповичу спешить некуда»; *Нинӧм йылысь мян сёрнитны* (Фёдоров 1979:236) «Не о чём нам говорить».

В таких предложениях инфинитив и отрицательные слова имеют двойственную функцию. С одной стороны, инфинитив является независимым, выполняет роль главного члена, отрицательные слова подчиняются инфинитиву и выполняют функцию второстепенных членов – дополнений и обстоятельств. Но, с другой стороны, отрицательные слова одновременно являются частью составного сказуемого, они выражают модальное значение невозможности выполнения действия, а инфинитив служит показателем основного вещественного значения сказуемого. Инфинитив в этом случае – зависимый член предложения.

Следует отметить, что главный член инфинитивных конструкций может быть и осложнённым. Осложнение может происходить за счёт повторения инфинитива. Повторение бывает (а) без союзов и частиц, (б) с соединительными союзами, (в) с частицами: (а) *Водз на шабашитны! Уджавны, уджавны! – нарадитана гёлсөн увтышитис сийё* (Фёдоров 1979:37) «Рано ещё кончать работу! Работать, работать! – повелевающим голосом прокричал (букв.пролаял) он»; (б) ... а *Федялы мунны и мунны тайё эрдтыс* (Беляев 1977:122) «... а Феде идти и идти по этому простору»; *И мян литературной кывлы ещö озырмöдчыны и озырмöдчыны* (там же:47) «И нашему литературному языку еще обогащаться и обогащаться»; (в) *Правильнö. Гажöдчыны кө и гажöдчыны* (Шахов 1972:52) «Правильно. Веселиться так веселиться»; *И ме... пондылі нин небзьыны водзö лоана тайё шудсьыс: мися, гöтрасьны кө и гöтрасьны* (Торопов 1980:342) «И я ...уже начинал соглашаться с будущим таким счастьем: мол, жениться так жениться».

Инфинитив, выражающий основное значение сказуемого, может осложняться за счёт употребления другого инфинитива с изобразительным значением: *Öдйöджык эськö Россиядз гургыны-петны...* (там же 1980:219) «Поскорей бы в Россию прогрохотать-выйти...»; *Сэки и вöлі клубьясад камгыны-йöктыны* (Безносиков 1977:132) «Тогда и (можно) было в клубах стучать-плясать».

Инфинитивный главный член может осложняться и использованием другого инфинитива с близким лексическим значением: *Условность пондаыс жö овлö весиг веськодь, помавны-эштöдны панöм серпассö али абу* (Беляев 1977: 18) «Из-за условности бывает даже всё равно, закончить-завершить начатую картину или нет».

Осложнение главного члена инфинитивных предложений просходит и за счёт использования двух самостоятельных, парных глаголов в форме инфинитива, выражающих взаимообусловленные, тесно связанные друг с другом действия: *Мыйла не сьывны-йöктыны, кор сьёлöмыд нимкодьясьö* (ВК 1971 №11:40) «Почему не петь-плясать, когда сердце радуется»; (Безносиков 1964:31) «Нечего спрашивать-говорить, – вертел *Нинöм юасьны-висьтасьны, – идзас шляпасö водз чуньнас бергöдліс Васьö* соломенную шляпу науказательном пальце Василий».

Таким образом, независимый н-овый инфинитив в коми языке способен выполнять роль главного члена предложения, в котором могут быть выражены различные модальные значения.

***

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
2. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986.
3. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, ленинградское отделение, 1990.

Список сокращений и источников

- Безносиков В. Жар гожом. Сыктывкар, 1964.
Безносиков В. Вильыш вөрью. Сыктывкар, 1977.
Безносиков В. Чужан сиктын олам-вылам. Сыктывкар, 1995.
Беляев Г. Книгаын да олөмын. Сыктывкар, 1977.
ВК – Журнал «Войвыв кодзув»
Доронин П. Парма съолөмын. Сыктывкар, 1995.
КПП – Коми пословицы и поговорки / сост. Ф.В. Плесовский. Сыктывкар, 1983.
Льноров А. Эн вунөдөй найос. Сыктывкар, 1974.
Попов Н. (Жугыль). Настя. Сыктывкар, 1986.
Попов Н. Сім съод кымөр моз // Ытва дырйи. Сыктывкар, 1987. С. 66-73.
Пыстин И. Бөрйөм гижөдьяс. Сыктывкар, 2009.
Тимин В. Эжва перымса зонка. Сыктывкар, 2000.
Торопов И. Тянлы водзө овны. Сыктывкар, 1980.
Фёдоров Г. Кыа петигөн. 2-3 юкөн. Сыктывкар, 1962.
Фёдоров Г. Повестьяс. Сыктывкар, 1979.
Фёдоров Г. Востым. Сыктывкар, 1982.
Чисталев В. Менам гора тулыс. Сыктывкар, 1980.
Шахов П. Вежон кежлө том кадө. Сыктывкар, 1972.
Юхнин В. Тундраса бияс. I юкөн. Сыктывкар, 1951.
Юхнин В. Тундраса бияс. II- III юкөнъяс. Сыктывкар, 1957.
Юхнин В. Алёй лента. Сыктывкар, 1981.

**РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ШВЕЦИИ И О ШВЕЦИИ:
ВЗГЛЯД НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ***

Статья посвящена проблеме восприятия Швеции/Стокгольма русскоязычными писателями на рубеже XX-XXI вв. основополагающими для них становятся вопросы рецепции и рефлексии: адаптация к новой стране проживания, влияние шведской истории и культуры на творчество, освоение скандинавского хронотопа и его специфика. В осмыслении писателей-эмигрантов Д. Жукова и Р. Дериевой северная страна – это территория высокой культуры, религиозной, творческой свободы, место от земных невзгод. Между тем современная Швеция не смогла избежать последствий глобализации. Скандинавское королевство постепенно погружается в хаос, депрессию, эсхатологические настроения. Постоянными образами, с помощью которых воссоздаются шведские реалии, являются остров, море, скалы, небо, ветер, город, камни, черный цвет. Несмотря на их «хрестоматийность», для каждого из поэтов они являются символическими «кодами» и «фиксаторами» экзистенциальных переживаний и изменяющихся состояний пространства и времени.

Ключевые слова: современная русскоязычная литература, «шведский» текст русской литературы, Стокгольм, Международный Литературный Центр стран «Баренц-региона», Д. Жуков, Р. Дериева.

The article is devoted to the problem of Sweden /Stockholm perception by Russian writers at the turn of the XX-XXI centuries. The questions of reception and reflection are fundamental to them. They are interested in the adaptation to the new country of residence, the influence of Swedish history and culture on creative work, the exploration of Scandinavian chronotope and its specificity (specific features). To D. Zhukov and R. Derieva's opinions the northern country is an area of high culture, religion, creative freedom, a place free from earth-bound tribulations (hardship). Meanwhile contemporary Sweden could not escape the consequences of globalization. The Scandinavian kingdom is gradually sinking into chaos, depression and eschatological frame of mind. The constant images recreated Swedish realities are island, sea, rocks, sky, wind, city, stones, black color. Despite the «textbook» for every poet they represent symbolic «codes» and «fixers» of existential feelings and changing conditions of time and space.

Keywords: Contemporary Russian Literature, Swedish text of Russian Literature, Stockholm, Barents Literary Centre (BLS), D. Zhukov, R. Derieva.

---

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012-2016 годы по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

Характеристика современного литературного процесса Швеции не будет полной без обращения к важной ее составляющей – русскоязычной словесности. Творчество многих поэтов и прозаиков, эмигрировавших в Швецию в переходные XX-XXI вв., под влиянием истории и культуры новой страны проживания, ее своеобразного природного колорита концептуально и стилистически изменилось [8]. Метаморфозы претерпела самоидентификация писателей, обновился проблемно-тематический круг их творчества, появились новые образы, трансформировалась поэтика. Кроме того, говоря о литературе Швеции, следует учитывать и такой значимый историко-культурный факт. Рубеж XX-XXI вв. – начало формирования «шведского» текста русскоязычной литературы. Однако здесь мы имеем дело с одновременно парадоксальным и в то же время вполне объяснимым явлением. «Шведский» текст русскоязычной литературы формируется не только «внутри» самой Швеции, но и «вне» ее географических границ. Есть отдельные случаи, когда русскоязычные писатели долгое время проживали на территории скандинавского королевства, но не в качестве эмигранта, получившего второе гражданство, а путешественника. После возвращения домой – Россию, Великобританию, Америку – многие из них оставили художественные отклики о своем пребывании в Стокгольме и его пригородах, на островах Балтийского моря, фьордах и водопадах.

Постоянно проживающих в Швеции русскоязычных писателей не так много. Наиболее заметными в литературной жизни Скандинавии являются поэты и прозаики Д. Бушуев, Е. Горбачевская, Е. Даль, Р. Дериева, Д. Жуков, Д. Карельштейн, Р. Маркова, С. Матссон-Попова, Б. Панкин, М. Прозоров, Я. Ратушный, А. Рудницкий, Е. Самуэльсон, М. Сафонов и др. Согласно статистике, приведенной известным литературным критиком С. Чуприниным в словаре-справочнике «Русская литература сегодня: Зарубежье», большая часть писателей эмигрировали в Швецию на постоянное место жительства в 1980-1990-е годы и сегодня проживают главным образом в Стокгольме и Лунде [10]. Однако к настоящему времени они не создали в Швеции каких-либо объединяющих их творческих организаций и периодических изданий. Некоторые поэты и прозаики являются членами Союза шведских писателей (Д. Бушуев, Р. Дериева, Р. Маркова, Е. Самуэльсон), Шведского ПЕН-клуба (Р. Маркова) [10]. Информацию о русскоязычной литературной жизни можно выборочно получить только на сайтах «Портал русских в Швеции», «Наши в Швеции», «Шведская пальма», «Швеция по-русски», «Союз русских обществ в Швеции», «Стокгольм. Ру» [10]. Пожалуй, единственной формализованной формой культурной коммуникации между писателями (в т.ч. русскоязычными) Швеции стал созданный в конце 1990-х годов Международный Литературный Центр стран «Баренц-региона»/Barents Literature Centre (BLS). Одним из основателей Центра является шведский писатель, переводчик, философ, общественный деятель Бенгт Похьянен. Штаб-квартирой Центра был выбран небольшой город за полярным кругом Оверкаликс (Северная Швеция). Литературное содружество объединяло писателей Севера-Запада России, Скандинавии и Финляндии. Его целью являлось знакомство с литературой и

культурой народов Баренц-региона, развитие культурных связей между ними, составление и продвижение литературных проектов, направленных на сближение, знакомство литераторов. Баренц-центр одновременно служил Домом творчества, где, как вспоминает писатель В. Судаков, «приезжие поэты, прозаики и переводчики могли жить, изучая местный быт, восхищаясь тихой северной природой, и творить»[9]. По финансовым причинам международный проект был закрыт в середине 2000-х годов, оставив немалое наследие в виде совместно опубликованных антологий («Здесь начинаются дороги. Архангельск, 2001»), многочисленных художественных переводов (Б. Похьянен «Река всегда была. Петрозаводск, 2005») и проведенных семинаров («Интеграция женщины в мультикультурном сообществе», «Women writes in the Barents region. Seminars. Naparandapov. 1998. Petrozavodsk may 1999»).

Какие темы волнуют писателей-эмигрантов? О чем они размышляют? Каким образом эмиграция в Швецию изменила их художественный мир? Рассмотрим эти вопросы более подробно на примере творчества Д. Жукова и Р. Дериевой.

Жуков Дмитрий (род. 1954, творческий псевдоним Димарт) – поэт, бард, художник, дизайнер. Постоянно проживает в Стокгольме с 1992 г. Эмиграция в Швецию раскрыла в Д. Жукове еще один талант – поэтический. Именно в северной стране он впервые стал писать стихи. На поэтическое сознание Д. Жукова сильно повлияли его занятия живописью. Охарактеризуем кратко его амплуа как художника. В 1997 г. Д. Жуков впервые выставил свои работы на Международной выставке в Älvsjömassan в Стокгольме. В настоящее время является постоянным участником знаменитой Стокгольмской галереи Gummesson и сотрудничает с ALLA-galleri, которая имеет филиалы в Эстонии, Германии, США, Швеции, Испании [1].

В Швеции Д. Жуков экспериментировал с методами, жанрами и формами. В процессе работы нашел свой стиль и любимую манеру письма. Используя исследования британского психолога и писателя, эксперта в области творческого мышления Эдварда де Боно, Д. Жуков стал рисовать человеческие переживания и чувства (жизнь, любовь, ненависть и т.д.), подключая собственное воображение в виде ассоциативных форм. Результатом синтеза научного и творческого методов стал «гибрид» между абстракционизмом, сюрреализмом и символизмом. Сам художник назвал его «Assotsiavism» – живопись с многоплановым содержанием, где каждый человек может увидеть что-то свое, подключив свое собственное изображение. Зритель косвенно участвует в уже созданном автором произведении. В своих работах Д. Жуков также начал применять фотопрограммы для раскраски черно-белых эскизов. Итогом подобного эксперимента стала новая графика под названием «Kolorgrafism». Наконец, он научился вводить «части» чужих работ для составления собственных композиций и картин, выполненных по принципу креативной компиляции, и охарактеризовал такой метод как «Artsythes [1]. «Мой язык, как художника, – писал Д. Жуков, – это символика цвета, формы, мимики и жеста. Вдохновение приходит от полученного впечатле-

ния, которое я получил от соприкосновения с большим искусством или от увиденного и пережитого в жизни. Идея оформляется посредством моего воображения как некая фантазия, имеющая свой механизм: «идея – мысль – материализация». Из Библии мы знаем, что «СНАЧАЛА БЫЛО СЛОВО», но в какой форме – в форме звука или еще в какой-либо символике, а может, под этим кроется «ИДЕЯ»? Задумавшись над этим, я пришел к мысли, что в основе лежит именно «ИДЕЯ» – как функция гармонии жизни и всей материи. Это и есть основа для реализации, которая может стоять все или ничего. Если это так, то мы можем конструировать наше будущее на основе имеющихся знаний. Как говорил Эдвард де Бонно: «Прошлое можно анализировать, будущее нужно создавать». В живописи такой подход тоже может иметь место. Я исхожу из того, что мы имеем ассоциативное мышление, посредством которого можем увидеть в обычном что-то необыкновенное или погрузиться и создать свой мир иллюзий. Каждая новая форма, как крупница намытого золота, из нашего подсознания переходит в сознательную деятельность мозга. Например, существует такое понятие «ирония», и это слово может служить как импульс, как задание, пища для размышления. Попробуйте написать или нарисовать эту «иронию», отражающую аспекты бытия и передать ее сущность в разных стилях, например в реализме, авангардизме, экспрессионизме, абстракционизме, или используя все стили одновременно, как синтез. Существуют вечные темы человеческих переживаний – такие как любовь, добро, зло и т.д.; они являются неисчерпанным источником вдохновения, дающего мотивацию к самовыражению, а главное – являются идентификатором личности творческого человека. Если у вас есть идея, смоделируйте ее на бумаге, в компьютере, зафиксируйте каким-либо иным способом, используя материал из имеющихся газет и интернетной информации, а потом материализуйте на холсте, и она будет жить» [1].

Выработанный Д. Жуковым канон в живописи органичным и естественным образом нашел свое продолжение и воплощение в поэзии. Его стихотворения посвящены как вечным темам – любви («Зимний вальс», «Осень», «Вдохновение», «Монологи», «Послание незнакомке»), творчеству («Музыканту», «Художнику», «Напоминание», «Сотворение музыки»), взаимоотношениям Бога и человека («Божье око», «О себе»), природы («Метео сводка», «Спасибо друг»), – так и ультрасовременным. Поэта волнуют вопросы: какова судьба человека на перекрестке эпох и культур в глобализованном мире, как он ощущает себя в современном шведском/стокгольмском пространстве, каким образом шведский ландшафт влияет на его мировидение и образ жизни, каков современный Стокгольм и какова его роль в частном существовании городского жителя («Мой город», «Октябрь», «В 2000 год», «В апрель»). По своей природе поэзия Д. Жукова представляет собой все тот же самый эксперимент с мыслью, формой, языком. Синтез словесного, музыкального и живописного кодов, многоплановость сюжетов и образов, игра, интертекстуальность, символичность, ассоциативность, умение передать одну идею в разных литературных и языковых стилях – основополагающие черты его поэтики.

В поэзии Д. Жукова образ Швеции и шведской столицы многогранен. Разнообразные авторские трактовки северных реалий обусловлены прежде всего «ракурсом видения» и «ситуацией». В восприятии поэта Стокгольм – город амбивалентный. Он дарит горожанам вдохновение, гармонию и ощущение вечности. Между тем в последние годы Стокгольм погружается в депрессивное состояние, а его жители находятся в мрачном апокалипсическом настроении. Каким образом формируются амбивалентные поэтические парадигмы?

Стокгольм как город вдохновения, света и вечности чаще всего предстает в поэтических «ситуациях», когда лирический герой Д. Жукова размышляет о вечности и суетности бытия. Герой ведет постоянный диалог с городом. Между тем в центре его внимания находятся не столько повседневные шведские/стокгольмские реалии, сколько природные стихии. В роли собеседников героя выступают нависшие над Стокгольмом/Швецией облака, «небосвод», «серое» «безмолвное» море, его «вечная сонливость», «кочующий» в парке «листик», солнце, солнечные зайчики. Шведские природные стихии оказываются некими «знаками» и «формулами», на языке которых поэт передает свое видение «переходных» в жизни города и человека моментов. Судьбы человека и города взаимозависимы. Они развиваются параллельно друг другу:

Усталый город спит, припавший на колено.	В сером тумане и с кем-то вдвоем
Он пригубил зарю в неоновом соку	Мимо Стокгольмского шлюза.
И бормотал во сне, припоминая лето,	С вечной сонливостью смотрит перрон
И сочинял для осени, прощальную строку.	В след уходящего лета,
А за окном, в нулевой атмосфере,	И размышляя о чём-то своём,
В безмолвии кружились пауки и таяли	Дремлет один без ответа.
Предвестники метели, посланники	Кажется миг поделился с тобой,
Грядущей к нам зимы.	Всем что собрал на дорогу,
-----	И зацепившись гусиным пером,
Лето уходит под тёплым дождём	Прочь улетел к небосводу.
В темпе прощального блюза,	(«Октябрь»)[2]

Стокгольм как город депрессии, черного цвета и апокалипсиса видится лирическому герою в «ситуации» наблюдения над современной городской жизнью. Традиционно светлый, солнечный Стокгольм, его хрупкий мир поддался всемирной глобальной депрессии. Город постепенно превращается в призрак, «поток черного цвета», не излучающий свет, а напротив, как «Черный квадрат» К. Малевича, его поглощающий. Горожане вынуждены существовать в пространстве им «чуждых», привнесенных из «вне» идей. «Одеваясь во всё чёрное, – пишет в своем очерке «В потоке черного цвета» Д. Жуков, – мы скорбим непонятно о чём и притягиваем к себе неприятности, которых и так многовато. Монахи в буддийских храмах не носят чёрную одежду, и краски для материала в мире предостаточно. Вы только подумайте, к чему может привести нас повальное использование чёрной ткани ... Огромная масса людей, одетых в один цвет в Стокгольме, напоминает Китай времён Мао и сегодняшних северокорейцев, с

разницей лишь в фасоне. Я сел около мольберта, задумался: может и мне погрузиться в депрессию и рисовать в одном цвете...» [3]. Существенной чертой современного эсхатологического мифа Стокгольма является его интерпретация как вынужденного, насильного существования жителей города в пространстве «чужих», привнесенных идей. Над городом витает призрак депрессии. Днем город становится пространством миража, безликости, тоски и источником опасности. Мотивы безысходности и обречённости – основные модусы переживания стокгольмского бытия. Пространство обманной сущности. Люди равнодушны к прекрасному. Они постепенно утрачивают способность чувствовать дыхание воды, земли, скал, крыш домов.

Естественным Стокгольмом можно любоваться только поздним вечером или ночью. Ночь становится временем диалога человека с городом и его «обитателями» (вода, камни, памятники). Примечательны посещения героями в вечернее время мест, выполняющих охранительную функцию, а именно берега моря, черных камней-старожилов. Именно ночью открывается его «неповторимый скандинавский шарм»: разнообразие и пестрота, несуетность и величие. Поздний вечер и ночь становятся временем диалога человека с городом и его «обитателями». В этот момент все вокруг, кажущееся днем бездыханным и обычным, оживает. В переходное время реальное пространство становится пространством фантастическим («пробуждаются») крыши домов, камни, каменные львы). После прогулки по вечернему и ночному городу герой остается под «глубоким впечатлением». Однако особым зрением обладают лишь те, кто отмечен чувством любви к городу и глубокого переживания об утрате его индивидуальности. Ночной город преображает человека. Лик угрюмого и зловещего города сменяется на умиротворенный:

Я выхожу, чтоб побродить,
Когда мой город тихо спит.
И люди в окнах затянули шторы,
Неоны льют свет из витрин,
В асфальте жгут ультрамарин
И разливаются на разные узоры.
Я выхожу, чтоб пережить,
Когда в закате день лежит.
И корабли, зевая, дремлют на причалах,
Лишь разведённые мосты
Дежурят мирно у воды,

И с ними краны стонут в терминалах.
Мой город тут!
Мой город весь!
Он ждёт меня, чтоб пообщаться,
И с крыш чернеющая медь
В параде вышла прогуляться...
Пусть в гривах плачущих огней
Оставит он свой силуэт,
И в чёрной магии камней
Заснёт в безмолвье, ждя рассвет.
(«Мой город»)

В поэтическом Вселенной Д. Жукова Стокгольм – город блаженства, покоя, остров свободы. Город, хранящий тайны и любовь. Но его сказочный хрустальный мир постепенно разрушается под влиянием чуждой скандинавской столице общемировой болезни – депрессии. Это предупреждение!

Дериева Регина (1949 – 2013) – поэтесса, прозаик, переводчик. Эмигрировала в Швецию в 1998 г. Католичка по вероисповеданию. Автор более двадцати

сборников стихов, эссеистики и переводов. Наиболее известными сборниками поэзии являются «Отсутствие» (Нью-Йорк, 1993), «Беглое пространство» (Стокгольм, 2001), «Последний остров» (Стокгольм, 2002), «Himmelens Geometri» (Stockholm, 2003), «Собрание дорог» (Санкт-Петербург, 2004-2006), «Alien Matter» (New York, 2006), «Oavbrutet svarta bilder» (Goteborg, 2007), «The Sum Total of Violations» (UK, 2009), «Corinthian Copper» (Michigan, 2010) и др.

Религиозно-философская поэзия Р. Дериевой – о поиске человеком своего Бога, величии и непостижимости божьего творения, ценности пространства и пагубности «текущего момента», сопротивлении реальности и преодолении смерти. В центре внимания поэтессы – феномены предчувствия и убеждения, природа желания и отчужденности, утешения и ожидания, «словоулавливания» и «проникновенности» слов.

В эссе «О времени, вещах и явлениях» Р. Дериева заметила, что «каждый человек имеет свою карту», где «кружочками обозначены значительные встречи, точками – незначительные», где «пути-дороги скрещиваются с руслами рек, а оседлый образ жизни с лесами, полями, морями и океанами» [5]. «Прямыми линиями вычерчивается реальность, а пунктирными – сны». Карта наша – «темный лес для других, если только мы сами не расшифровываем всех ее обозначений» (с. 122-123). Какова поэтическая карта «улиц», «звезд», «вещей», «помыслов» Р. Дериевой?

На поэтической карте Р. Дериевой одновременно зафиксированы и трагические, и благодатные эпизоды. «Одна реальность, – напишет поэтесса в одном из своих любимых эссе-откровений, – бежит рядом с другой реальностью, как рельсы» (с. 123). Эта «карта бесконечна, как пространство, вместившее в себя многочисленные места и действия нашей жизни» (с. 123). В Советском Союзе Р. Дериева была признана «врагом». ЦК партии и КГБ видели в ней «вредного» для советской идеологии писателя (с. 120). Она же не принимала «большевизм», полагая, что «принять большевизм, даже сочувствовать большевизму значит лишить себя благодати, променять Вечность на время» (с. 131). В ее жизни было три эмиграции. Вначале Казахстан, затем Израиль, наконец Швеция. В первых двух она не жила, а выживала. Одесса и Казахстан, Израиль и Швеция – противоположные берега одной человеческой жизни. Одесса – потерянный Рай. Казахстан и Израиль – Ад. Швеция – обретенный Рай. Оказавшись с родителями в Казахстане, она поняла, что такое «горечь жизни», что такое «война» и «брань» духовная и политическая. «Я лишилась, – вспоминает Р. Дериева, – сразу всего: моря, фруктовых садов, каштанов и акаций, переулков и улиц Одессы» (с. 73). В казахстанских степях «всегда мародерствовал ветер, не давая на голом месте образоваться культурному слою. Там не было весны и осени: с окончанием адской зимы начиналось адское лето. Не зря Сталин выбрал именно эту часть страны для своих лагерей, где человек не успевал жить, думая лишь о том, как бы выжить ... Никогда нельзя было точно знать, доберешься ли ты по канату, протянутому вдоль улицы, до школы, или тебя унесет в степь. Нельзя было знать, не провалишься ли ты в яму, не околеченешь ли, вернешься домой, откуда тебя, ма-

ленького человека, не уверенного в том, что он станет большим, снова выпроводят в сорокаградусный мороз» (с. 73-74). В 1990-е годы Р. Дериева эмигрировала с семьей в Израиль, где восемь лет прожила на монастырском кладбище в Иерусалиме без национальности, гражданства, документов, вида на жительство (с. 129). Первоначально гонимая, а затем и выдворенная израильскими властями из страны во время своей поездки в Швецию на международную конференцию Р. Дериева была объявлена в 1997 году «врагом» без права возвращения. На этот раз камнем преткновения стал мотив конфессиональный. Еще в 1990 году в карагандинском церковном приходе Р. Дериева приняла католическое крещение (с. 120). Израильские власти не признавали ее вероисповедание. В 1998 году шведское правительство предоставило семье Р. Дериевой убежище. Швеция, как когда-то город детства Одесса, стала для нее в некотором смысле «филиалом Рая», островом, «бросившимся навстречу тонущему ... из последних сил плывущему» (с. 102). Здесь, на земле скандинавов, она вновь обрела некогда утраченную религиозную и творческую свободу и дом.

Какое место в эмигрантском творчестве Р. Дериевой занимает образ Швеции/Стокгольма? Эволюционировал ли он? Изменил ли творческую идентификацию поэтессы?

Облик скандинавской страны и ее столицы наполнен у Р. Дериевой амбивалентными по своей тональности нотами – от Швеции/ Стокгольма как райского острова, Божьего Дома, территории высокой культуры и благородства до места, где человек может потерять свою индивидуальность, разрушить личностную, психологическую, творческую самоидентификацию и обрести новую. Жизнь современной Швеции осмысливается Р. Дериевой в религиозно-философских и историко-культурных категориях – «память», «Бог», «рай», «идеал», «Дом», «музей», «Гамлет», «небо», «земля», «остров», «море», «обретение», «опыт» и т.д. В ее стихотворениях просматриваются разные формы и способы изображения скандинавского мира. Наиболее распространенными являются следующие: монолог, диалог героини с самой собой; антитеза, сравнение. Поэтические сюжеты Р. Дериевой всегда двуплановы. Время и пространство в них одновременно вечное и сиюминутное. Вечный фон создается за счет постоянных отсылок в виде аллюзий, реминисценций, цитат к образам и мотивам мировой философии, религии, культуры, сиюминутный – земных/городских реалий. Образ скандинавской ойкумены встраивается таким образом в метаисторический событийный ряд. Посвященные Швеции стихотворения проникнуты высокой степенью субъективности, автобиографизма и вместе с тем личностной отчужденностью и (или)/о(т)страненностью поэтессы от изображаемого ею мира. Мы имеем дело со своеобразной формой бегства героини от жизни. Прокомментируем подробнее некоторые стихотворения в рамках обозначенного проблемного дискурса.

После долгих скитаний скандинавская страна оказалась для Р. Дериевой местом обретения Дома и Бога, как рая [7]. В поэзии эмигрантского периода идея обретенного рая нагляднее всего выражена через противопоставление образов земли и неба. Земное начало связано с опустошенностью, жестокостью и гнетом

по отношению к творческой свободной личности. Однако испытания, выпавшие на долю лирической героини, стали для нее этапом на пути к Небу. Небо – символ Вечности. Она пронесла сквозь земную юдоль и через бесконечные пустыри и пустыни свою веру в Творца. И эта вера год от года только крепла:

Перехвачен бессмертием дух.
Зарастает травой овраг.
«Крестный путь»[4]

Пустыня была
внутри и снаружи,
пустота
внутри и снаружи.
«А потом пошел дождь» (с. 39)

В Швеции почва блестит под ногами, еще
В Швеции рай – всюду ангелы и ангелицы
<...>
Новая родина, старая ... Их совместив,
робкий язык переходит на шелест, на трепет
крыльев архангельских, и золотой Гавриил
дует на пальцы и мягким снежком его лепит
«В Швеции почва блестит под ногами ...» (с. 45)

В Швеции поэтесса преодолела познанную еще в доэмигрантский этап творчества «горечь жизни». Она сопротивлялась суровой реальности и, как следствие, обрела долгожданное счастье «прикосновения» к Богу как единственной для человека родины (с. 99) и острова, «расцветающего среди воды» (с. 102).

В поэтическом мире Р. Дериевой скандинавская ойкумена наделена высокой миссией хранительницы мировой культуры, утраченных человечеством смыслов. В этом сохранении ей видится основа будущей жизни. Швеция – это то место, где еще важна роль традиции, культурная и историческая память, опыт человечества и еще не нарушена связь поколений, что в свою очередь дает надежду на продолжение жизни:

Кто пропал без вести,
как Атлантида,
кто сгорел,
как Помпеи,
оставив после себя
лишь холодные следы
будущей реальности
в одном из стокгольмских
музеев.
«Способы самосохранения» [6]

В своих стихотворениях Р. Дериева воссоздает ментальные черты шведского сознания – стремление к высокой культуре, идеальному – и в то же время внутренний протест против происходящего на рубеже XX-XXI вв. обезличивания мира. Они осмысляются ею в пространстве мировой истории. В контексте данных размышлений особую роль в созданных в эмиграции стихотворениях играет образ Гамлета, а также предметный мир и черный цвет как символы противостояния Швеции современному Хаосу:

Гамлет, весь в черном,
представляет скандинавскую
моду. Высокую моду, если
помнить о безукоризненном
покрое его камзола и речи.
Жалко только, что он
не швед, а датчанин, но что
поделаешь, раз Уильям

ошибся. И вот швед Гамлет
выходит на подиум,
недовольный порядком
вещей. Его недовольство
подчеркивается черным
бархатом – вечным трауром
по идеальному.

«Мода на черное»

На земле каждый человек обречен на испытания и страдания. Между тем полученный им опыт переживания трансформируется в новое социальное /культурное /творческое «обретение». Швеция/Стокгольм оказываются для человека амбивалентным хронотопом внутренней борьбы и пространством осознания своего «я»:

Человек с золотой серьгой
в ухе наклонился над
фонтаном рядом со мной.
Что он там ищет? Чужую
мелочь. А я теряю
свое лицо, разбитое в воде
его хищными руками.

«Обретение и опыт»

«Шведский» текст Р. Дериевой наделен светлыми, жизнеутверждающими коннотациями. Швеция/Стокгольм – мир уюта, гармонии, вдохновения и культуры. Скандинавская ойкумена оказалась для поэтессы страной мечты, подарившей ей творческую и религиозную свободу, опыт поиска и преодоления.

Итак, на рубеже XX-XXI вв. формируется «шведский» текст русскоязычной литературы как «внутри» Швеции (писатели-эмигранты), так «вне» ее (писатели-путешественники) географических границ. основополагающими для русскоязычной словесности являются вопросы рецепции и рефлексии, а именно адаптация писателей к новой стране проживания, влияние шведской истории и культуры на их творчество, освоения ими скандинавского пространства и т.д. В восприятии писателей-эмигрантов северная страна – это территория высокой культуры, религиозной, творческой свободы, место от земных невзгод. Между

тем современная скандинавское королевство не смогло избежать, по их мнению, последствий глобализации и надвигающегося из «вне» хаоса и разрушения. Стокгольм постепенно погружается в депрессию и эсхатологические настроения. Наиболее постоянными образами, с помощью которых воссоздаются шведские реалии, стали остров, море, скалы, небо, ветер, город, камни, черный цвет. Несмотря на свою «хрестоматийность», для каждого из писателей они являются символическими «кодами» и «фиксаторами» экзистенциальных переживаний и изменяющихся состояний мироздания.

***

1. Жуков Д. Персональный сайт. URL: <http://www.dimitriart.se>, <http://www.stihi.ru/avtor/dimart>
2. Жуков Д. Октябрь. URL: <http://www.stihi.ru/avtor/dimart> Далее стихотворения цитируются по данному источнику.
3. Жуков Д. «В потоке черного цвета» / опубликован на сайте «Шведская Пальма». URL: <http://www.sweden4rus.nu/>
4. Дериева Р. Собрание дорог: в 2 т. Т. 1. СПб.: Алетейя. 2006. С. 41. Далее тексты цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
5. Дериева Р. Собрание дорог: в 2 т. Т. 2. СПб.: Алетейя. 2006. С. 122. Далее тексты цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
6. Дериева Р. Из собрания меццо-тинто «I varje fall» (В любом случае) // Стетоскоп. Париж. 2003. № 35. URL: <http://aesthetoscope.narod.ru/stetoskop/35/033.htm> Далее стихотворения цитируются по данному источнику.
7. Минеева И.Н. Природные стихии в творчестве русско-шведской поэтессы Регины Дериевой // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI вв.: направления и течения. Екатеринбург, 2013. № 2. С. 143-157.
8. Минеева И.Н. Русская литературная эмиграция на рубеже XX-XXI вв.: имена, сюжеты, культурные конвергенции: учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 53 с.
9. Судаков В. В центре Балтийского щита Оверкаликс и Баренц-литературный центр // Карелия. 2003. № 13 от 6 января. С. 3.
10. Чупринин С. Русская литература сегодня: Зарубежье. М.: Время, 2009. С. 703, 704-708.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕРМИНА «ДУХОВНЫЙ СТИХ» В ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ОБИХОДЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

В целях определения содержания термина «духовный стих» автор обратился к истории его возникновения и развития. Систематизированы понятийные категории, применяемые в исполнительской среде для стихов фольклорного и книжного происхождения. Выявлена система обозначений образцов духовного песнетворчества в научном обиходе начиная с XIX века. На основе анализа народной и исследовательской терминологии определен жанровый состав духовного стиха, включающий произведения фольклорного происхождения ранней эпической и поздней лирической традиций, покаянные стихи, псалмы. Установлено понимание термина «духовный стих» в качестве суммирующей дефиниции, объединяющей типологически близкие явления русской духовной культуры.

Ключевые слова: *духовный стих, стих, покаянный стих, псалма, исполнительская и исследовательская терминология, типология внебогослужебного духовного пения.*

To define the term «spiritual verse» the author studies its origin and development. Conceptual categories used in the performing environment for the folkloric and book verses are systematized. The system of the spiritual singing denomination in the scientific use from the beginning of the 19th century is determined. As a result of the outliturgic spiritual singing analysis, consisted in the vernacular and scientific terminology study, the genre structure of the spiritual verse was determined. It contains the folkloric verses of the early epic and the late lyric traditions, penitential verses and the «psalmy». The spiritual verse as a definition combined the typologically close phenomena of the Russian spiritual culture was determined.

Keywords: *spiritual verse, verse, penitential verse, psalma, performing and research terminology, outliturgic spiritual singing typology.*

Одна из проблем, с которой сталкивается исследователь внебогослужебного духовного пения, – отсутствие четких границ понятия «духовный стих», что вызывает некоторые затруднения в его применении в качестве термина. Попытаемся охарактеризовать подходы к трактовке интересующей нас дефиниции.

Можно выделить широкое (контекстное) толкование, обретающее реальность на уровне отдельных явлений, порожденных определенными историческими периодами, стилями и прочими факторами. Сторонники такого отношения к духовному стиху рассматривают его как открытую систему, пополняемую новыми произведениями, возникающими под влиянием меняющегося культурного

фона. В этом случае понятие «духовный стих» объединяет народные эпические и лирические стихи, покаянную лирику, религиозные канты и псалмы, старообрядческие памятники, сектантские роспевцы, классическую духовную поэзию книжного происхождения, современное авторское духовное песнетворчество, а также рождественские колядки, христославия, волочебные песни. Интеграция столь разных по происхождению, бытованию и стилистике жанровых единиц в одно целое, терминологическим обозначением которого служит понятие «духовный стих», обосновывается их религиозным содержанием, функционированием за пределами церковного обряда и, нередко, присутствием в репертуаре одних и тех же исполнителей.

Противоположная точка зрения базируется на отношении к духовному стиху как к замкнутой системе, закончившей период своего активного развития и переживающей этап естественного угасания. Согласно такому подходу духовными стихами следует считать лишь образцы фольклорного происхождения, сформировавшиеся под влиянием эпической стилистики, получившие благодаря П.А. Безсонову обозначение «старшие стихи».

Существуют компромиссные мнения. В этом случае духовный стих как категория объединяет фольклорные по происхождению произведения и старшей, эпической, и поздней, лирической, традиций. Большинство исследователей склонны относить к духовным стихам сложившиеся в период древнерусского Предвозрождения в монастырской среде покаянны, являющиеся памятниками книжной ветви духовного песнетворчества. Здесь определяющим фактором стало время формирования и расцвета внебогослужебного духовного пения – русское средневековье. Включение покаянных в круг духовных стихов дает возможность присоединить к последним канты и псалмы, представляющие следующий этап развития книжных внелитургических традиций духовного творчества.

Противоречивость взглядов во многом базируется на разном отношении к духовному стиху: либо как к не развивающейся ныне системе, сформировавшейся и функционирующей в пределах уже ушедшей культурной эпохи; либо, наоборот, обогащающейся новыми образцами за счет адаптации к реалиям времени, благо, что содержательное наполнение памятников духовного песнетворчества связано с надобденными идеалами, не поддающимися трансформирующимся ценностям профанного мира. Именно соотносительность с религией актуализирует духовный стих во все времена. В этом отношении его можно поставить в один ряд с молитвой, иконой и другими явлениями религиозной культуры.

Сложность в определении границ понятия «духовный стих» усугубляется терминологической вариативностью, существующей среди создателей и исполнителей духовного песнетворчества. Причем данная тенденция характерна и для фольклорной, и для книжной традиций внебогослужебного духовного пения.

В *народной среде* гораздо чаще, чем «духовные стихи», фигурирует лексема «стихи». Эту особенность подметил еще П.В. Киреевский: «...в народе песни духовного содержания называются «стихами» [12, с. VII]. А.В. Марков и

А.Л. Маслов во время экспедиции в Архангельской губернии в 1901 г. обратили внимание, что «на Терском берегу собственно былины, исторические песни и духовные стихи одинаково называются «стихами», изредка лишь различаются «божественные стихи» от старин» [16, с. 5]. Современный исследователь В.П. Кузнецова указывает, что народное название – стихи (ударение на первый слог) – употребляется в Карелии [15, с. 241]. Таким образом, самоназвание «стихи», характерное для прошлого и настоящего времени, является исконным обозначением внебогослужебного духовного пения в народном словоупотреблении.

Знатокам традиции важно подчеркнуть, что это не песня, рожденная мирской культурой, а иной вид художественного творчества. Стих выражает высшие духовные ценности, инициированные религиозными представлениями. Его функционирование зачастую обусловлено сакральными событиями (церковными праздниками, постами, погребально-поминальными обрядами и т. п.). Обозначение «стих» подчеркивает первенствующее значение поэтического, а не мелодического текста. Главное в стихе – содержание, смысл, тогда как в целом ряде песен мелодика выступает не менее, а то и более важным маркером в определении их жанровой специфики. Так что песни и стихи в народной среде выступают как культурные оппозиции, одна из которых репрезентирует мир профанный, а другая – сакральный.

В целом ряде фольклорных текстов упоминается исполнение стихов. Например, в известном по многим источникам памятнике «Егорий Храбрый» герой во время телесных испытаний поет стихи. Их исполнение придает ему духовные силы и помогает остаться невредимым:

Стал Егорья во котле варить, –
Егорий стоймя стоит, стихи поет,
Стойком он стоит да стихи поет,
Он стихи поет да херувимския... [26, с. 137].

В связи с приведенным фрагментом процитирую П.А. Безсонова: «...стихи, по народным воззрениям, бывают «ангельские», «херувимские», «серафимские», то есть их влагает народ в уста Силам Высшим» [1, с. 79].

В народный лексикон слово «стих» попало извне. Оно восходит к античной культуре, по мнению П. А. Безсонова, «истекает из Древней Греции и Византии, из первых воззрений Православия» [1 с. 79]. В русском языке данная лексема получила распространение в связи с развитием христианства и литургических текстов, в частности богослужебной книги Стихирарь, в состав которой входили стихиры – жанр богослужебного пения, сложившийся в византийской гимнографии и получивший распространение в древнерусском певческом искусстве. В этимологическом словаре М. Фасмера указывается, что церковно-славянское слово «стихира» происходит от старославянского «стихера», восходящего, в свою очередь, к греческому *στίχῆρον* (многостишие), а в народной среде слово это бытовало как стихер [32, с. 761]. В настоящее время в некоторых регионах

стихером называют образцы внебогослужебного духовного песнетворчества. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля стихе(и)рник – «слепой нищий, или вообще старик, знающий много народных стихеров или дум» [31, с. 535]. Именование нищих певцов «стихерниками» (или «стихирниками») характерно для Русского Севера.

Рукописные собрания духовных стихов фигурируют в народной среде под названием стихари (у староверов-филипповцев Удмуртии), стихарники (у алтайских кержаков) и стиховники (повсеместно распространенный вариант для обозначения таких сборников). Слова «стихарь», «стихарник» имеют явную близость со словом «стихарарь». Кстати, в состав богослужебного Стихаря иногда включались внебогослужебные тексты – покаянные (прибыльные) стихи. Слово «стиховник» напоминает об одном из видов стихир – стихире на стиховне (или стиховны), исполняющиеся на стихи псалмов, приуроченных к определенному дню или празднику. Судя по лексике, носители внебогослужебного духовного пения ощущают гораздо большую связь духовных стихов с богослужебными певческими традициями, нежели с мирской народно-песенной культурой.

Итак, будучи в своем генезисе связанным с литургической практикой, слово «стих» поначалу использовалось в качестве антитезы слову «песня». С XVII-XVIII вв. стих стал восприниматься как оппозиция прозе.

Наименование образцов внебогослужебного духовного пения «стихами» характерно именно для русского художественного творчества. В других славянских традициях такие произведения нередко обозначались «песнями». Например, аналог русского духовного стиха у сербов – «*тобожни песме*» (благочестивые песни). В Польше образцы духовного песнетворчества называются *piesni religijne* (религиозные песни). Собрания чешских духовных песен содержатся в *Зневниках* – сборниках песен. К. Михайлова указывает, что религиозные песни в исполнении нищей братии у болгар именовались *просечки*, *божий* или *молебни песни*; у сербов – *слепачке*, *преткућнице* или *кляњалице*; у словаков – *pitacku*; у поляков – *dziadowskie* (т. е. странствующие) песни; у украинцев нищие исполняли *жебракчу* или *запрос*, *заплачку*, *запросницьки жаль*, *причит* [19, с. 148]. В Белоруссии духовные стихи могут называться «*песнями старецкими*».

В русской народной терминологии встречается целый ряд лексем, дифференцирующих определение образцов духовного песнетворчества. Так, Ф.М. Истомин отмечает, что в Вятской губернии «этот род песнопений <...> называется пропевами» [9, с. XII]. С.Е. Никитина указывает, что «в старообрядческих селах Верхокамья противопоставляются «старые духовные стихи» из традиционных рукописных сборников и «новые московские» – из печатных сборников начала века <...> Один и тот же стих <...> в одном регионе называется псалмой, а в другом стихом. Группа стихов, включаемая в похоронный обряд, в Белоруссии называется псалмами, а на Смоленщине поминальными стихами» [20, с. 39]. Также С.Е. Никитина отмечает, что в Бессарабии старообрядцы делят стихи на постовые и монастырские; в Полесье псалмы полешуков противопоставляются стихам старообрядцев; обозначения могут быть связаны с наличием письменной

традиции (псалмы – в тетраджах, стихи – в памяти) [20]. По свидетельству Ю.А. Новикова, в Литве старообрядцы могут называть стихи «постовыми», «подгрешными», «жалостными» песнями [21]. Среди русских переселенцев Алтая встречаются следующие обозначения: старины, псалмы, стихиры [34, с. 81]. В Череповецком районе Вологодской области было зафиксировано народное название «божественные стихи» для образцов, имеющих обрядовую приуроченность [23]. Разница лексем обусловлена регионом, средой бытования, субконфессиональной принадлежностью исполнителей, происхождением и «возрастом» памятников, рукописной или устной формой передачи информации, особенностями функционирования, включающими ситуативную приуроченность конкретных произведений.

Еще одно наблюдение позволило заметить, что в фольклорной среде лексемы «стих» и «духовный стих» могут распространяться на иные жанры. Е.Е. Елеонская отмечает, что «в просторечии встречается термин “*стих*” применительно к заговору» [8, с. 622]. Аналогичные сведения приводит современный исследователь Ю.А. Новиков: «...заговоры на Псковщине, как и в Литве, повсеместно называют стишками» [21]. Данный факт подчеркивает связь понятия «стих» с сакральной ситуацией. Здесь вступают в силу механизмы ситуативного интегрирования художественных текстов.

Но особенно часто терминологическое пересечение встречается в отношении духовного стиха, баллады, былины и исторической песни, то есть жанров эпического и лиро-эпического склада. Основанием их интеграции выступает стилистическая близость мелодики и поэтики. В этой связи М.В. Медведева отмечает, что на Русском Севере стихами нередко называют баллады, имеющие напевы декламационного характера [18, с. 4]. С.В. Федорова подтверждает ту же мысль: «духовные стихи и баллады объединялись исполнителями под названием «*стихов*» и практически не различались ими» [35]. С.Е. Никитина уточняет, что стихами на Севере называют баллады (например, о братьях-разбойниках и сестре или о Василии и Софье), которые пелись во время постов [20]. В этом случае уже важен функциональный статус произведений.

Иногда образцы духовного песнетворчества, будучи соотнесенными с другими жанрами, получают их видовое обозначение. Довольно часто происходило смешение терминов «духовный стих» (в народной терминологии «стих»), «былина» и «историческая песня» (в народной терминологии «старины»). «Встречаются исторические песни, которые поются на мотивы былин, и былины, поющиеся на мотивы духовных стихов и обратно, в зависимости от того, к какому роду поющих причисляет данный текст – к “старине” или “стиху”», – пишут в «Материалах, собранных в Архангельской губернии», А.В. Марков, А.Л. Маслов и Б.А. Богословский [16, с. 7]. Б. Соколов по этому поводу указывает, что «в живом устном бытовании духовные стихи эпического склада (например, о Голубиной книге, об Егории Храбром, о Федоре Тироне, об Анике воине и др.) не отделяются от былин, и дут под общим названием “старин”» [28, с. 607].

Таким образом, объединение иных жанров фольклора с духовными стихами может быть обусловлено функционированием последних: стихи нередко исполняются в различных обрядовых ситуациях, в качестве заговоров, они заменяют лирические досуговые песни. Причиной объединения может выступать стилистика (эпическая и лиро-эпическая), характерная для духовных стихов и соединяемых с ними жанров. Наконец, слияние может быть обусловлено особенностями реального бытования духовных стихов в исполнительской среде. Вот почему в некоторых изданиях духовные стихи помещаются вместе с былинами, историческими песнями, балладами, легендами, которые присутствовали в записываемом исполнительском репертуаре.

В *книжной ветви духовного песнетворчества* также отсутствует понятийное единство. Исторически наиболее ранние формы, сложившиеся в период русского средневековья в монастырской среде, получили названия покаянные (покаянны), прибыльные, слезные, умильные (умилительные), реже – заповедные, переходные, обычные стихи. Неизменной в них остается лексема «стих», тогда как предваряющие ее обозначения отражают различные нюансы, связанные с содержательным наполнением и особенностями бытования и фиксации.

С.В. Фролов считает, что появление заголовка «Стихи покаянные, слезны и умиленны, чтоб душа пришла к покаянию избыти муки вечныя и внити в царство небесное» относится к 10–40-м гг. XVI в. [36, с. 167]. Другие исследователи указывают более поздние сроки: конец XVI – начало XVII вв. [24]. Т.В. Кожевникова, анализируя смысл данного заголовка, пришла к выводу: «самоназвания «слезны и умиленны» раскрывают их практическое предназначение – «чтоб душа пришла к покаянию»» [13]. Л.А. Петрова и Н.С. Серегина отмечают, что «содержание терминов «покаяние», «слезы» и «умиление» <...> восходит к двум семантическим сферам: личное раскаяние, исповедание, обдумывание и осуждение своих поступков, с одной стороны, и сопереживание, участие и умиление картиной окружающего мира, выраженной в слове и образе, – с другой. <...> Слова «умиление», «слезы», «покаяние» для древнерусского читателя несли в себе образ духовного очищения» [24, с. 11]. Обозначения «покаянный», «слезный», «умильный» или «умилительный» характеризуют содержание распеваемого текста. Основные сюжетные мотивы таких стихов – покаяние души, сокрушение о своих грехах в ожидании смерти, слезное моление перед Богом о прощении, умиление Божественной красотой окружающего мира – подчеркивают личностные эмоциональные переживания. Не случайно покаянные стихи считаются образцами ранней русской лирики.

Т.В. Кожевникова замечает, что «в XVII веке в списках и подборках можно обнаружить <...> обозначение отдельных стихов или целой группы – «прибавочные, коих нет в покаянных» или просто «стихи прибыльные»» [13]. Обозначение «прибыльные», «прибавочные» указывает на дополнительное положение таких текстов, размещаемых в конце богослужебных книг после песнопений, включенных в церковный обряд. А.В. Позднеев называет их «посторонними» – не имеющими отношения к богослужебному канону [22]; Н.С. Серегина и

С.Е. Никитина – «маргинальными», не относящимися к уставной последовательности текстов [27].

В источниках чаще всего в качестве самоназвания встречается обозначение «покаянные стихи». С богослужебными песнопениями их объединяет приуроченность к системе осмогласия, фиксация знаменной нотацией, стилистическая близость к литургической гимнографии. В народном словоупотреблении лексема «покаянный стих» встречается главным образом у старообрядцев применительно к зафиксированному в сборниках письменным текстам.

Дальнейшее развитие книжной ветви духовного песнетворчества связано с жанром псалмы. Слово «псалма» иногда встречается в фольклорном лексиконе для обозначения духовных стихов. Изначально же псалмами именовались многоголосные песни духовного содержания, попавшие в Россию из Европы в XVII в. в контексте распространения партесного стиля. Как замечает П.А. Безсонов, «произведения Малой и Белой Руси XVI и XVII веков, а потом и позднее, носят <...> имя <...>, взятое с латинского через посредство Польши: это 1) Псáльма, псáльмы; то есть латинское псáльмус (psalmus), <...>, польское псалъм, псáльмы, чешское жалъм, жáльма (отлично от великорусского псалом, псалмы); 2) Канта, канты; то есть латинское кантус (cantus), польское кантычки. <...> все это – произведения не народного творчества, а слагателей, возвышавшихся над массой образованием, писателей, их сочинявших на письме и печатавших, почти исключительно лиц духовных» [1, с. 96].

В отличие от псалмов, певшихся во время церковных служб, псалмы предназначались для бытового исполнения. Отход от литургической практики привел к искажению лексемы. С одной стороны, наименование «псалма» свидетельствует о происхождении данного жанра от богослужебного пения, ведь поначалу псалмами обозначали только переложения текстов из Псалтири; с другой стороны, фонетическое переименование, по всей видимости, должно было продемонстрировать иную предназначенность возникших в пределах церковной традиции художественных текстов.

Хотя в своем генезисе псалмы были отличны и от фольклорных стихов, и от покаянных, со временем они вошли в общерусский репертуар внебогослужебного духовного пения. Распространялись псалмы через рукописные сборники, а также благодаря бродячим певцам, каликам перехожим, которые стали исполнять их вместе с фольклорными стихами. П.А. Безсонов, считая псалмы достоянием «высших слоев, письменности и печатной литературы», все же замечает, что они «не могли <...> не проникать к народу: они случайно слышались, иногда даже намеренно читались или пелись перед народом и для народа, попадались ему в рукописях, в печатной книжке. По случайности и частности сих явлений во всеобщее употребление народа они не проникли; при резком различии своем не вытеснили у народа подлинных его стихов <...>, они остались для народа «особою статьею». Но «по самой религиозности своего содержания <...> они привлекли внимание народа, затронули его любопытство, <...> исподволь проникли и в употребление» [1, с. 96-97].

Типологическая связь псалм с покаянными стихами отмечается Н.С. Серegiной и С.Е. Никитиной, считающих псалмы одной «из стилистических разновидностей покаянных стихов», синтезирующих «национальные и западные традиции» [27]. Постепенно покаянные и псалмы – жанры книжного духовного песнетворчества – стали проникать в народную среду. Соединение книжной и фольклорной ветвей наиболее заметно проявилось в старообрядческом репертуаре. Староверы, глубоко чтившие книжную культуру, имели особую расположенность к высокому поэтическому стилю. В XIX в. тенденция интеграции фольклорных и книжных стихов получает распространение и среди исполнителей-нестарообрядцев. Многие покаянные и псалмы, утратив письменный способ фиксации, подверглись фольклоризации, сохранив при этом близость с книжным первоисточником. Обобщающим обозначением произведений внебогослужебного духовного пения в исполнительском обиходе стали понятия «стих» и иногда «духовный стих».

Термины «стих» и «духовный стих» имеют свою историю не только в исполнительском, но и в *научном обиходе*. Первоначальным обозначением произведений внебогослужебного духовного пения стала лексема «стихотворение». Известна рукопись 1790 г. «Собрание стихотворений, воспѣваемыхъ слѣпцами на торжищахъ», откопированная для П.В. Киреевского А.Х. Востоковым, составившим в 1842 г. Описание рукописей Румянцевского музея; позднее «Собрание» вошло в сборник «Калики переходящие» П.А. Безсонова [29, с. XLVII]. Кстати заметить, исторические песни и былины, не получившие еще своих укorenившихся в науке жанровых обозначений, также именовались «повестями», либо «стихотворениями» (сборник середины XVIII в. «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова). Применение в отношении фольклорных текстов обозначений книжных жанров было характерной приметой времени. В России не была сформирована фольклористическая наука и проблема типологии народного творчества не получила осмысления, как следствие – фольклорные жанры не обрели устойчивых определений.

В литературных и исследовательских кругах первой половины XIX в. для произведений народного духовного песнетворчества нередко применялись обозначения какого-либо нарративного прозаического жанра: народная легенда (А.С. Пушкин), народная сказка (П.В. Киреевский; Н.М. Языков), простонародный рассказ (именно так был обозначен стих «Аника-воин» при публикации его текста в журнале «Современник» в 1840 г.), сказание, легенда (И.П. Сахаров). В диссертации Н.И. Костомарова 1843 г. используются такие видовые определения памятников внебогослужебного духовного пения, как религиозная легенда, притча, духовная лирическая песня. И.П. Сахаров иногда употреблял обозначение «стихира». Как видим, лексемы «стих» и тем более «духовный стих» у авторов этого времени не встречаются.

Понятие «стих», издревле бытовавшее в исполнительской среде, в исследовательский обиход начинает проникать в 1830-е гг. благодаря П.В. Киреевскому и Н.М. Языкову, которые непосредственно контактировали с

народными исполнителями и слышали от них подобное обозначение образцов духовного песнетворчества. В посланиях П.В. Киреевского Н.М. Языкову за 1832 г. читаем: «собрал около 70 песен и <...> 14 Стихов, которыми смело могу похвастаться». «Эти Стихи, которые поют старики, старухи, а особенно нищие, и между ними особенно слепые, – вещь неоценимая!» [цит. по: 11, с. 303-306].

Термин «духовный стих» в печатных работах стал использоваться со второй половины 1850-х гг. Нами было замечено его применение в исследовании Ф.И. Буслаева «Повесть о Горе и Злосчасти, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин», явившемся откликом на обнаруженный А.Н. Пыпиным памятник второй половины XVII в. Статья была опубликована в IV томе журнала «Русский вестник» за 1856 г. Ф.И. Буслаев относит Повесть о Горе и Злосчасти «к разряду духовных стихов, воспеваемых слепыми нищими-старцами» [2, с. 212] и причисляет духовный стих, или старческую песню (также термин Ф.И. Буслаева), наряду со сказкой, к главнейшим формам, в которых «наша народная поэзия нашла себе дальнейшее развитие» [2, с. 212].

Следующей по времени публикацией, в которой замечено использование лексемы «духовный стих», стала статья Н.А. Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы», написанная в качестве рецензии на «Очерк истории русской поэзии» А. Милюкова и изданная в журнале «Современник» в 1858 г. В этом году вышло второе издание книги А. Милюкова (первый раз «Очерк» увидел свет еще в 1847 г.). У самого А. Милюкова для обозначения произведений духовного содержания, исполняемых нищими странниками, как синонимичные, применяются лексемы «духовные песни», «духовные легенды», «легенды», наконец «стихи» (последняя в тексте выделена курсивом). Слово сочетание «духовный стих» автором не используется. Н.А. Добролюбов же применяет его дважды, когда соглашается с А. Милюковым в том, что духовные стихи «носят на себе самые яркие следы книжного влияния» и что «размножение у нас духовных стихов не было случайным явлением, равно как не могло оно быть и явлением, естественно возникшим вследствие потребности самого народа» [5, с. 133].

В 1859-1860 гг. в 14 номерах «Олонецких губернских ведомостей» публикуются тексты, собранные П.Н. Рыбниковым, представленные под заголовком «Былины, песни и духовные стихи». Для жанрового обозначения соответствующих фольклорных записей П.Н. Рыбников последовательно использовал словосочетание «духовные стихи». В письме 11 апреля 1861 г. к П.А. Безсонову он пишет: «В первые два путешествия выдалось у меня пять свободных дней; в это время я записал бытовые песни, заплачки, свадебные песни и духовные стихи, собрал разные рукописные материалы» (январь и март 1860 г.) [цит. по: 37].

Однако публикации П.Н. Рыбникова были известны ограниченному кругу читателей местной газеты, письмо предназначалось частному лицу, а в упомянутых выше статьях Ф.И. Буслаева и Н.А. Добролюбова словесный оборот «духовный стих» использовался вскользь. Выход же в свет «Сборника духовных стихов» В.Г. Варенцова в 1860 г. в Санкт-Петербурге, в котором интересующая нас

лексема помещена в заглавие, в большой степени способствовал ее проникновению в научные круги [3]. До В.Г. Варенцова составители сборников внебогослужебного духовного пения обходились другими обозначениями. На Украине своды духовных песен, издававшиеся с XVIII в., именовались Богогласниками. Яков Добрынин назвал свой сборник 1799 г. «Духовные и торжественные псалмы» [6]. Издание П.В. Киреевского 1848 г. было озаглавлено «Русские народные стихи» [12].

Но и после сборника В.Г. Варенцова словосочетание «духовный стих» в исследовательском лексиконе утвердилось не сразу. Во многих работах предпочтение отдавалось самоназваниям, распространившимся в речевой практике носителей духовного песнетворчества, либо авторским терминам. Так, в «Русских песнях, собранных Петром Якушкиным», изданных в 1860 г., применяется словосочетание «стихи духовного содержания», а открывающий сборник раздел называется «Стихи» [38]. В «Толковом словаре живого великорусского языка», над которым В.И. Даль трудился более полувека с 1819 г. до смерти в 1872 г. и который впервые был издан в 1863 г., не используется лексема «духовный стих». В словарной статье «Калька» упоминается калика переходной, «распевающий стихи, псалмы, духовные песни» [10, с. 190]. В словарной статье «Стих» читаем: «Стих, стихёр, народная легенда, сказание, предание в стихах, иногда рифмованных, о предметах духовных, о вере, чтимых ею святых и пр. Стихер о Лазаре, о Иосифе прекрасном, об Алексее Божьем человеке и пр.» [31, с. 537].

Внедрению термина «духовный стих» в научный лексикон, помимо В.Г. Варенцова, немало способствовал Ф.И. Буслаев, уделивший внимание духовному песнетворчеству в очерках «О народной поэзии в древней русской литературе» (написан на основе Речи, произнесенной в Московском университете в 1859 г.), «О народности в древнерусской литературе и искусстве», «Памятники древнерусской духовной письменности» и «Изображение страшного суда по русским подлинникам», изданным в 1861 г. В этих трудах словосочетание «духовный стих» используется Ф.И. Буслаевым наряду с лексемами «народные стихи» и «народные стихи духовного содержания» [2]. Последовательно применять термин «духовный стих» Ф.И. Буслаев начинает в своих отзывах: в рецензиях на сборники «Русские народные песни» П.В. Киреевского и «Русские духовные стихи» В.Г. Варенцова, вышедших в «Отечественных записках (1860. Том 133)» [7, с. 39, 44-45] и в рецензии на сборники В.Г. Варенцова и П.А. Безсонова, опубликованной в журнале «Русская речь» в 1861 г. [2, с. 294-349]. После работ Ф.И. Буслаева исследователи стали гораздо чаще применять словосочетание «духовный стих» в качестве жанрового определения, однако в 1860-е гг. еще нередко прибегали и к другим обозначениям.

Показательным для того времени явилось отношение к термину «духовный стих» со стороны П.А. Безсонова. Его труд «Калики переходные» имеет уточняющее название «сборник стихов и исследование». Автор явно отдает предпочтение терминам «стихи», «народные стихи», «старшие и младшие стихи» и редко использует формулировку «духовные стихи». Мотивирует он это тем, что «древ-

няя Великая Русь не знала другого имени сим произведениям творчества, как стих, стихи, строжайше отличающиеся от “песен”» [1, с. 78].

Обратимся к другим авторам 1860-х гг. Так, П.Н. Рыбников в «Заметке собирателя» 1864 г. употребляет словосочетание «стихи духовные» [25]. Стабильно применяют лексему «духовные стихи» Н.С. Тихонравов в рецензии на сборник П.А. Безсонова «Калики переходные» [33] и И.И. Срезневский в работе, посвященной Алексею человеку Божию [30]. В трудах 1870-х гг. данный термин встречается уже чаще: у Н.И. Барсова, А.Н. Веселовского, А.Ф. Гильфердинга, М. Гурьева, А.И. Кирпичникова, И.Ю. Некрасова, И.Я. Порфирьева. В 1880-е гг. активно используют понятие «духовный стих» В.И. Благовещенский, Е.Ф. Будде, Я.К. Генерозов, В.А. Сахаров. Словосочетание «духовный стих» к этому времени уже прочно закрепилось в научном лексиконе для обозначения образцов внебогослужебного духовного пения.

В то же время по-прежнему применялись и другие дефиниции: духовные псалмы (Киевские Богогласники), стихи духовного содержания (В.Н. Серебренников, В.З. Яксанов), песни духовные (Е.Р. Романов), духовные песни (И.М. Добротворский, В.А. Мошков), религиозные роспевцы (И.М. Добротворский). Заметной стала тенденция к применению термина «духовный стих» с дополняющим уточнением: духовные народные стихи (И.Ю. Некрасов), народные каличи духовные стихи (А.И. Пономарев).

Подобная терминологическая ситуация свидетельствует о вариативности лексики «духовный стих» в период ее внедрения в научно-исследовательский обиход. Авторы того времени не ставили перед собой задачи дать определение интересующему нас понятию. Попытка его толкования замечена лишь у Ф.И. Буслаева: «духовные стихи, то есть песни, имеющие религиозное содержание, заимствованное из Библии, Житий святых и других церковных источников, с примесью разных посторонних элементов» [2, с. 306].

В содержательном наполнении термина «духовный стих» уже в XIX в. заметны две тенденции: применение данного понятия для обозначения образцов народного духовного песнетворчества, главными носителями которых были калики переходные и нищенствующие странники (А.Н. Афанасьев, П.Н. Рыбников), и распространение этой дефиниции не только на народные, но и на книжные внецерковные духовные произведения (П.А. Безсонов, Ф.И. Буслаев, В.Г. Варенцов). По мере накопления материалов последняя тенденция начинает приобретать больше сторонников. Ученые второй половины XIX в. в полной мере осознавали двойственность духовного стиха, понимая, что народные произведения этого рода возникали под влиянием книжной культуры. К XVII в. – времени расцвета внебогослужебного духовного пения – в устных стихах заметно усиливаются книжные элементы. Поэтому провести разделительную грань между фольклорным и книжным духовным песнетворчеством не всегда представляется возможным. Это осознавали исследователи рубежа XIX-XX вв. А.И. Кирпичников, А.Л. Маслов, С.К. Шамбинаго. Например, А.Л. Маслов различал духовные стихи «чисто народного характера, сложившиеся только под

влиянием книжной словесности» и существующие «в литературе под названием псалмов и кант исключительно книжного происхождения» [17, с. 283]. В то же время были авторы, которые придерживались понимания духовных стихов исключительно как народных музыкально-поэтических произведений, не смешивая их с книжными памятниками. К их числу относились С.В. Смоленский, Ю.М. Соколов.

Среди современных ученых трактовка духовных стихов как явления устного народного творчества характерна для А.В. Коробовой, В.П. Кузнецовой, Г.В. Лобковой, М.В. Медведевой, В.А. Михнюкевича, А.С. Мутиной; как явления, включающего фольклорные и книжные образцы – для Е.Е. Васильевой, С.Е. Никитиной, Ф.М. Селиванова, Н.С. Серegiной, Н.А. Федоровской.

На основании анализа исследовательских мнений можно сделать следующие выводы. Поначалу под духовными стихами понимались исключительно народные произведения, основными создателями и распространителями которых были калики и слепые нищие. Однако довольно быстро произошло расширение границ данного понятия, включение в него произведений книжного происхождения. Во второй половине XIX в. обозначение «духовный стих» не только применялось к произведениям фольклорным, но и использовалось в отношении кантов, псалм, старообрядческих и сектантских образцов, созданных в традициях профессионального музыкально-поэтического творчества. Поводом к их объединению послужила религиозная тематика и лирическая форма творческого самовыражения. Е.Е. Васильева по этому поводу пишет: «Духовная лирика в пространстве традиционной культуры являет единство. Оно реализуется в многообразии форм, складывавшихся не одновременно <...>. При этом возникновение новых форм не отменяло предшествующих. Это было обусловлено разветвленной системой традиционной культуры, сопряженные сферы которой – церковное предание, церковно-певческое искусство (литургические формы) и устные песенные традиции – существовали параллельно. Не нуждаясь в заимствовании или переводе, они переживали сходные процессы» [4, с. 113].

Таким образом, духовный стих представляет совокупность разножанровых и разностилевых музыкально-поэтических произведений религиозного содержания, исполняемых за пределами богослужения. Поскольку термин «духовный стих» возник не в народной среде, а в исследовательской, вполне допустимо его расширительное использование. Попытка конкретизировать исследуемое понятие привела к появлению многочисленных определений. Приведем некоторые из них:

«Духовные стихи – это часть «храмовой культуры» <...> Под «храмовой культурой» мы понимаем совокупность явлений <...>, связанных с ортодоксальным культом, но не входящих в него» [14].

«Духовные стихи относятся к области эпической поэзии русского фольклора <...> отражают представления, в которых сложным образом переплелись знания, почерпнутые из Священного Писания, житий святых и апокрифов, и на-

родное религиозное мировоззрение, не всегда совпадающее с православным церковным вероучением» [15].

«Духовные стихи являются фольклорными лиропоэтическими произведениями религиозного характера и выступают специфической формой творчества, отражающей духовную сущность народного самосознания» [18, с. 4].

«Духовные стихи – эпические, лирико-эпические или чисто лирические песни религиозного содержания. <...> представляют в полном смысле религиозный эпос и лирику русского средневековья» [28, с.607, 609].

«Духовные стихи – народные религиозные песни, исполнявшиеся в домашней, бытовой обстановке. Этот термин не укладывается в рамки одного фольклорного жанра, ибо объединяет и эпические, повествовательные по характеру сюжеты, и лироэпические, и лирические песнопения религиозно-дидактического содержания» [21].

«Духовные стихи <...> – совокупность музыкально-поэтических текстов, объединенных христианской тематикой. <...> служат своеобразным учебником народной этики и источником христианского знания, «народной Библией». <...> К духовным стихам примыкают псалмы и канты, пришедшие в Россию с Запада в XVII-XVIII вв.» [27].

Как видим, определения различных авторов, с одной стороны, имеют общие точки пересечения, которые выявляют типологические основы духовного стиха; с другой стороны, существенны и отличия. Последние, главным образом, связаны с неоднозначным отношением исследователей к составу духовных стихов. На наш взгляд, духовный стих – это музыкально-поэтическая жанровая система, сформировавшаяся под влиянием книжных и устных традиций. Именно это обстоятельство и должно быть положено в основу понимания духовного стиха как явления русской художественной культуры. На протяжении своего развития духовный стих обогащался новыми разновидностями, репрезентирующими как авторское, так и фольклорное творчество, которые оказывали друг на друга постоянное влияние. В результате категория «духовный стих» объединяет:

1) эпические стихи, возникшие в народной среде в процессе освоения Русью Православия, отражающие как мифологические дохристианские представления о мироустройстве, так и представления, связанные с апокрифической, в меньшей степени канонической, христианской традицией, стилистически близкие былине (такие памятники П.А. Безсоновым были названы старшими стихами);

2) фольклорные стихи позднего происхождения, стилистически смыкающиеся с традициями лирической песни, восходящие к библейским, житийным, апокрифическим сюжетам, обработанным «народным православием» (такие памятники П.А. Безсонов назвал младшими стихами);

3) покаянные (умиленные, слезные, прибыльные) стихи, сложившиеся к XV в. в монастырской среде на основе традиций церковной гимнографии, фиксируемые крюковой нотацией;

4) духовные канты и псалмы, получившие развитие в книжной культуре XVII в. и оказавшие затем влияние на фольклорное духовное песнетворчество, о чем, в частности, свидетельствует широкое бытование в народной среде термина «псалма» для обозначения произведений внебогослужебного духовного пения.

Духовный стих, по меткому выражению Ф.И. Буслаева, есть «примирение просвещенной христианством мысли с народным поэтическим творчеством» [2, с. 216]. Средством осуществления этого примирения было синтезирование фольклорных и книжных традиций. В отношении духовного стиха правильнее говорить о синкретизме устно-письменных традиций. Ведь духовный стих никогда не был абсолютно фольклорным явлением. Он возник на основе книжных знаний и уже потом, когда книжная информация укоренилась в народном сознании, он стал распространяться фольклорным способом, нередко адаптируя книжное содержание под привычные для народной среды формы. В культуре гораздо чаще встречается обратный процесс проникновения фольклорной информации в книжную среду, когда тексты устной традиции начинают воздействовать на литературу и композиторскую музыку. Духовный стих демонстрирует как раз обратное: влияние книжных традиций на фольклор, их приспособление к бытованию в народной среде. Духовный стих обязан своим происхождением книжной христианской культуре. Его сюжеты и образы не существовали ранее в устной практике, подобно сказкам, обрядовым текстам, былинам и прочим фольклорным жанрам. В этом, прежде всего, и состоит своеобразие духовного стиха.

Лексему «духовный стих» следует рассматривать как попытку обобщенного обозначения образцов внебогослужебного духовного пения. Уже в генезисе это понятие было некой суммирующей дефиницией, объединяющей типологически близкие явления русской духовной культуры, которые возникали самостоятельно, параллельно развиваясь, со временем пересекаясь и вступая во взаимодействие друг с другом. Стих как элемент литургической практики – стих как образец внецерковного духовного творчества, противоположный мирской песне – стих как жанровое обозначение сакральных художественных текстов – духовный стих как религиозное по тематике произведение, противоположное прозе: таков был путь формирования содержательного наполнения лексики «духовный стих» как компонента внебогослужебного духовного пения.

***

1. Безсонов П.А. Русский народ и его творческое слово. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

2. Буслаев Ф.И. О литературе : исследования; статьи. М.: Художественная литература, 1990.

3. Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов. СПб.: Общественная польза, 1860.

4. Васильева Е.Е. Никоновская (Новоиерусалимская) школа в контексте русской культуры XVII века // Человек верующий в культуре Древней Руси. СПб.: Лемма, 2005. С. 107-127.

5. Добролюбов Н.А. О степени участия народности в развитии русской литературы // Современник. 1858. Кн. II, отдел II. С. 113-167.
6. Добрынин Я. Духовные и торжественные псалмы, собранные в пользу любителей оных московским купцом Яковом Добрыниным. М.: Изданием московского купца Тимофея Полежаева, 1799.
7. Древняя русская поэзия: 1) Песни, собранные П.В. Киреевским. Вып. 1. 2) Сборник русских духовных стихов, сост. В. Варенцовым. Изд. Д. Кожанчикова // Отечественные записки. 1860. Т. СXXXIII. С. 37-50.
8. Елеонская Е.Е. Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях // Русский архив. 1912. Т. 50. № 4. С. 611-624.
9. Истомина Ф.М., Ляпунов С. М. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. СПб.: ИРГО, 1899.
10. Калика // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольфа, 1905. Т. II. С. 190.
11. Калугин В.И. Струны рокотаху... : Очерки о русском фольклоре. М.: Современник, 1989.
12. Киреевский П.В. Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1: Русские народные стихи // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1848. Вып. 9. С. I-VII, 145-228.
13. Кожевникова Т.В. Особенности поэтики русских покаянных духовных стихов XVI-XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: [б. и.], 2005.
14. Коробова А.В. Храмовая культура и фольклор // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ, 1999. Вып. 3. С. 142-148.
15. Кузнецова В.П. Старообрядческие духовные стихи Карелии // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 241-248.
16. Марков А.В., Маслов А.Л., Богословский Б.А. Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г. // Труды музыкально-этнографической комиссии. М., 1911. Т. 2. С. 1-116.
17. Маслов А.Л. Калики переходящие на Руси и их напевы: историческая справка и мелодико-технический анализ // Русская мысль о музыкальном фольклоре: материалы и документы. М.: Музыка, 1979. С. 279-290.
18. Медведева М.В. Духовные стихи русского народа. М.: Русская песня, 1998.
19. Михайлова К. О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004. С. 138-156.
20. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое самосознание. М.: Наука, 1993.
21. Новиков Ю.А., Живое Слово: фольклор русских старообрядцев Литвы. Вильнюс, 1999.
22. Позднеев А.В. Стихи прибыльные в списке XVI в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 309-310.
23. Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2000.
24. Ранняя русская лирика. Репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV-XVII вв. / сост. Л.А. Петрова и Н.С. Серегина. Л., 1988.

25. Рыбников П.Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1909. Т. 1. С. LX–CII.
26. Селиванов Ф.М. Народные духовные стихи. М. : Русская книга, 2004.
27. Серегина Н.С., Никитина С.Е. Духовные стихи // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр РПЦ, 2008. Т. 16. С. 424-428.
28. Соколов Б.М. Духовные стихи // Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 3. С. 607-613.
29. Сперанский М.Н. П.В. Киреевский и его собрание песен // Песни, собранные П.В. Киреевским. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. С. XLIII-LXXXIII.
30. Срезневский И.И. Древнее житие Алексея человека Божия сравнительно с духовным стихом об Алексее Божьем человеке // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1867. Т. 1. Кн. 1. С. 1-19.
31. Стих // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб. – М.: Товарищество М.О. Вольфа, 1909. Т. 4. С. 535.
32. Стихира // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1986. Т. III. С. 761.
33. Тихонравов Н.С. Разбор книги «Калики переходные», сборник стихов и исследование П. Бессонова. СПб., 1864.
34. Традиционная культура русских на Алтае (материалы фольклорных экспедиций 1982-2007 гг.) : Усть-Коксинский район / сост. О.А. Абрамова, И.А. Сазонтов. Барнаул: Фольклорный центр «Песнохорки», 2011.
35. Федорова С.В. Женские образы в духовном стихе о Егории Храбром (на материале северно-русских записей XIX – XX вв.). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Fedorova.htm/>
36. Фролов С.В. Из истории древнерусской музыки (Ранний список стихов покаянных) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 162-171.
37. Яковлев Н. Рыбников Павел Николаевич // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography...Рыбников
38. Якушкин П.И. Русские песни, собранные Павлом Якушкиным. СПб.: В тип. И.И. Глазунова и комп., 1860.

**ПРОМЫСЛОВЫЕ ВЛАДЕНИЯ ТРОИЦКОГО ПЕЧЕНГСКОГО
МОНАСТЫРЯ НА ТЕРСКОМ БЕРЕГУ ПОМОРЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.^{1*}**

В статье рассматривается вопрос о формировании промысловых владений Троицкого Печенгского монастыря на Терском берегу Поморья (юго-восточная часть современной Мурманской области). Хозяйственная деятельность монастыря проходила в поморских волостях Варзуга, Умба и Порья Губа. Основным средством образования промысловых владений монастыря была скупка крестьянских угодий. Благоприятным фактором для роста монастырских владений стал хозяйственный упадок поморских волостей, вызванный карательными действиями опричного отряда в 1569 г. Конкуренция со стороны сильных монастырей (Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева) не позволила Печенгскому монастырю закрепиться в Варзуге и Умбе. Самостоятельное промысловое хозяйство монастырь смог создать только в Порьей Губе. Процесс создания промысловых владений на Терском берегу нашел лишь частичное отражение в царских жалованных грамотах Печенгскому монастырю, выданных в конце XVI – начале XVII вв. Для полного воссоздания истории монастырского хозяйства необходимо привлекать более широкий круг актовых источников.

Ключевые слова: монастырь, промысел, сёмга, солеварение, актывые источники.

The article considers the question of establishing of the commercial possessions of the Trinity-Pechengsky monastery on the Tersky coast of Pomorie (South-Eastern part of the modern Murmansk region). The economic activity of the monastery took place in the Pomeranian volosts Varzuga, Umba and PoryaGuba. The primary means of education of the commercial possessions of the monastery was buying up peasant lands. Favorable factor for the growth of monastic holdings became the economic decline of the Pomeranian townships, called the punitive actions of the oprichnina detachment in 1569. The competition from strong monasteries (the Kirillo-Belozersky and the Trinity-Sergius) was not allowed Pechengsky monastery to gain a foothold in Varzuga and Umba. Independent trade economy, the monastery was able to create only at the PoryaGuba. The process of creating of the commercial estates on the Tersky coast found only a partial reflection in the Royal charters to Pechengsky monastery, issued at the end of XVI – the beginning of XVII century. For the

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области (проект №14-11-51002 а(р)).

¹ Обе грамоты сохранились в списках XVIIв. Основное содержание грамоты 1606 г. передано в тарханной жалованной грамоте Печенгскому монастырю царя Алексея Михайловича 1675 г.

completely reconstruction of the history of the monastery economy, it is essential to attract a wide range of documentary sources.

Keywords: *monastery, fishing, salmon, salt production, Assembly source.*

Развитие монастырского хозяйства на Крайнем Севере Европейской России было связано как с пришлыми, так и с возникшими здесь местными монастырями. Одним из первых местных монастырей Кольского Севера стал Троицкий Печенгский, основанный во второй четверти XVI в. на р. Печенге преп. Трифоном. Уже ко второй половине столетия монастырь смог превратиться в крупнейшего вотчинника края, сформировавшего свои владения преимущественно на землях лопарских погостов западной части Кольского п-ова. Вместе с тем в XVI в. хозяйство монастыря получает развитие и в поморских волостях региона. На Терском берегу Поморья (юго-восточная часть современной Мурманской области) в результате колонизационных процессов в XV в. возникают первые поселения, давшие начало развитию сельских поселений в этой части побережья Белого моря. Древнейшими поселениями берега были волости Варзуга и Умба.

Основу хозяйственной жизни поморских волостей Терского берега составляли промыслы (добыча рыбы и морского зверя), важнейшим среди которых был сёмужий. Вылов сёмги производился как на прибрежных морских рыболовных участках (тонях), так и на реках. Именно сёмга, наряду с солеварением, и стала привлекательным фактором для прихода монастырей на побережье Белого моря. Промысловый характер хозяйства выработал и особый порядок распоряжения угодьями, при котором коллективная собственность общины на угодья сочеталась с их индивидуальным пользованием. Доля крестьянина на часть промысловых угодий называлась луком, который в XVI–XVII вв. выступал и тяглой единицей.

Промысловое хозяйство Троицкого Печенгского монастыря на Терском берегу Кольского п-ова еще не получило освещения в историографии. В недавно вышедшей обобщающей монографии В.И. Иванова даже не упоминается о хозяйстве монастыря в этой части региона [18]. Представляется важным отметить, что часть Терского берега Кольского п-ова вместе с волостями Варзугой и Умбой с 1570-х гг. входила в состав Двинского уезда.

Имеющиеся источники, и прежде всего акты, дают возможность проследить формирование промыслового хозяйства монастыря в поморских волостях Терского берега, а также выделить основные его отрасли.

Волость Варзуга еще со второй половины XV в. осваивается Соловецким монастырем. Вслед за ним в богатую рыбными промыслами поморскую волость во второй половине XVI в. приходит целый ряд крупных и средних монастырей Центра и Поморья Русского государства (Троице-Сергиев, Николо-Корельский, Антониев-Сийский). Хозяйствование Печенгского монастыря в Варзуге оказалось эпизодическим. Об этом мы узнаем из царской грамоты «с прочетом» двинским наместникам Василию Скорнякову и Василию Кулеву, выданной в январе 1582 г. [4, стб. 246-247]. Грамота рассматривает конфликт, возникший между

Троице-Сергиевым монастырем и крестьянами Варзуги, в поддержку которых выступили Соловецкий, Антониев-Сийский и Троицкий Печенгский монастыри. Крестьяне отняли «насилством» у Троице-Сергиева монастыря 29 тоней и 4 речки, ранее пожалованных ему царем. Царская грамота защищала сторону монастыря, требуя вернуть отнятое и предписывая наместникам «беречь» монастырских старцев и слуг. Из грамоты неясно, какой долей варзужских угодий владел Печенгский монастырь. Сохранившиеся писцовые описания волости 1563 и 1575 гг. не знают Печенгский монастырь в числе владельцев угодий. Нет никаких свидетельств о его хозяйствовании в Варзуге и в писцовом описании Двинского уезда 1622-1624 гг. Следовательно, проникновение монастыря в Варзугу может быть отнесено ко времени после 1575 г. По каким-то причинам утвердиться здесь он не смог. Конкуренция со стороны других монастырей и могла стать причиной вытеснения Печенгского монастыря из Варзуги. Некоторое подтверждение этому предположению находит история хозяйственной деятельности монастыря в Умбе.

Умба – второе старейшее поморское селение региона, возникшее примерно в одно время с Варзугой. Подобно своей «соседке», Умба привлекала монастыри богатством рыбных промыслов. Начало хозяйственному освоению Умбы было положено в XV в. Соловецким монастырем. Вслед за ним с середины XVI в. в Умбе обосновывается и Троицкий Печенгский монастырь. История хозяйственной деятельности монастыря прослеживается, в первую очередь, по актовым источникам. Подлинных актов Печенгского монастыря на умбские угодья у нас нет. Списки с грамот дошли в составе копийной книги Кирилло-Белозерского монастыря начала XVII в., а также в более поздних копиях начала XVIII в., сохранившихся в архиве этого северного монастыря [22, с. 56-57]. После продажи в 1581/82 г. угодий в Умбе Печенгским монастырем Кириллову акты первого, по существовавшей тогда традиции, перешли к новому собственнику.

В копийной книге представлено 14 актов Печенгского монастыря: 12 грамот на угодья (луки) и 2 грамоты на недвижимость (двор и амбар) [10, л.595 об. – 606 об.]. Самое первое приобретение монастырем угодий в Умбе датировано октябрём 1551 г. [10, л. 606-606 об.]. После этого последовал продолжительный перерыв, и затем, в период с 1571 по 1577 гг., монастырь делает свои основные приобретения в Умбе. Активная скупка угодий монастырем, начавшаяся в 1570-х гг., отражает общую закономерность в развитии монастырского хозяйства для Терского и Кандалакшского берегов Поморья. Пострадавшие в 1569 г. от погрома опричного отряда Басарги Леонтьева поморские волости пришли в экономический упадок, чем воспользовались северные монастыри, выступив скупщиками промысловых угодий у крестьян [19, с. 53-55].

Целый ряд актов Троицкого Печенгского монастыря, включая и первую грамоту 1551 г., был составлен от имени его основателя преп. Трифона Печенгского. Соотношение по типам документов (данные и купчие) для анализируемых актов следующее: 13 – купчих, 1 – данная. Таким образом, основным путем формирования владений монастыря в Умбе стала скупка угодий. В этом также

можно видеть проявление общей тенденции для формирования владений монастырей на Терском берегу в XVI в. Так, преимущественно путем скупки формировались в Умбе владения Соловецкого монастыря [23]. В Варзуге так же обстояло дело с владениями Антониево-Сийского монастыря [21, с. 130].

Складывающееся в Умбе хозяйство Печенгского монастыря носило рыбодобывающий характер. Получившее в волости развитие солеварение не стало объектом его притязаний, возможно, по причине конкуренции со стороны Соловецкого монастыря. Не исключено, что отсутствие соляной отрасли хозяйства компенсировалось для Печенгского монастыря ее развитием в соседней с Умбой Порьей Губе.

Актовые источники раскрывают структуру не только монастырского, но и крестьянского рыболовецкого хозяйства. Во-первых, в целом ряде случаев эксплуатация рыболовных угодий осуществлялась через кооперацию крестьянского труда. Во-вторых, крестьянское хозяйство носило «дробный» характер, не зная компактных рыболовецких угодий в одном месте: крестьянин промышлял в разных местах – на морском побережье и на р. Умбе. О дробности крестьянских владений говорят клаузулы некоторых актов. В купчей грамоте 1576 г. крестьянина С.И. Ивашава встречаем: «А четвертью заборною промышляти по празговой Фёдору Малафеиву и его племенником шесть лет» [13, л. 596]. Только после окончания установленного срока четверть речного забора переходила печенгским старцам. Аналогичную клаузулу встречаем и в купчей грамоте крестьянина Мирона Андреева сына, также датированной 1576 г. [12, л. 597]. Отличием клаузулы в купчей Мирона Андреева сына выступает отсутствие оговоренных сроков, по истечении которых доля в речном заборе перейдет монастырю. Но и в том, и в другом случае «заборная четверть» была отдана в аренду (празгу) другим крестьянам на несколько лет. Забором называлась специальная инженерная конструкция, перегораживавшая реку и служившая средством для добычи рыбы. Такой забор ежегодно ставился через р. Умбу. Участие в строительстве забора и добыче рыбы «забором» было общеволастным делом.

Возвращаясь к рассматриваемым актам, обратим внимание на то, что определенную долю крестьянских владений составлял лов рыбы в речном заборе, что раскрывает дробность промысловых угодий. При этом продажа угодий носила поэтапный характер: «заборная часть» переходила монастырю спустя несколько лет после заключения сделки. В этом, вероятно, кроется гибкость крестьянских представлений о собственности и умение извлечь выгоду.

Масштабы промысловых владений монастыря в Умбе в луковом исчислении были следующими: на момент составления писцовой книги 1574 г. – 0,25 лука [3, л. 555 об.]; ко времени продажи угодий Кирилло-Белозерскому монастырю в 1581/82 г. – 3 лука. Угодья монастыря следует признать незначительными. Для сравнения, Соловецкий монастырь в 1574 г. владел в волости 5 луками угодий. К началу 1580-х гг. владения монастыря достигли 10,5 луков [23].

Формирование монастырем владений сопровождалось созданием административной системы управления. Так, по писцовой книге 1574 г. известно, что в

Умбе было подворье монастыря, на котором жил дворник Якуня Иванов [3, л.550]. Из актовых документов известны имена старцев Печенгского монастыря, действовавших в Умбе, по всей видимости, как приказчики: Петра – в 1574/75 г. [10, л.602–602 об.], Филофея – 1576 г. [10, л.595 об., 597, 602]. Совместно с последним старцем в документах упоминается и монастырский слуга Гаврила Семенов сын Обленков [10, л.595 об., 597]. Своим происхождением Гаврила связан с Умбой. Здесь у крестьянина был двор, которым он владел совместно с сыном, пол-лука угодий и мельница [3, л.552, 554, 560].

С 1575 г. в Умбе начинается хозяйственную деятельность Кирилло-Белозерский монастырь, заметно потеснивший обосновавшиеся там ранее Соловецкий и Печенгский монастыри. Значительным подспорьем для этого северного монастыря стала поддержка со стороны Ивана Грозного. Только жалоба соловецких старцев царю Фёдору Ивановичу позволила монастырю восстановить свои владения в Умбе. Иначе сложилась судьба угодий Печенгского монастыря: в 1581/82 г. решением монастырского собора все имевшиеся угодья в Умбе были уступлены Кириллову монастырю за 125 руб. [14, л.590 об.]. Продажа была оформлена специальным документом – памятью, составленной от имени руководителей и соборных старцев Печенгского монастыря. Из этого документа следует, что де-факто три лука перешли Кириллову монастырю еще в 1578 г., когда Умба по царскому указу была отписана во владения этой северной обители [14, л. 590 об. – 591]. Таким образом, как в случае с владениями Соловецкого монастыря в Умбе, так и с луками Печенгского, имел факт насильственного их захвата Кирилло-Белозерским монастырем. Можно лишь высказать догадку, что Печенгским монастырем действия Кириллова были обжалованы властям. Итогом этих действий и должна была стать продажа угодий новому собственнику, которые могли бы ему достаться и бесплатно.

При этом полностью сумму покупки Кириллов монастырь в 1581/82 г. так и не выплатил. Ее остаток, составивший 20 руб., был доплачен Печенгскому монастырю в 1585/86 г. [10, л. 592-592 об.].

Одновременно с хозяйственной деятельностью монастыря в Умбе шло и освоение соседней с ней волости Порьей Губы. История обоснования монастыря в этой волости становится известной из ряда документов: актов, отложившихся в архиве Соловецкого монастыря, и писцовой книги Кольского уезда 1608-1611 гг. При этом, как будет показано, история хозяйственного обоснования монастыря в Порьей Губе представлена в этих документах по-разному.

Обратимся к актам из архива Соловецкого монастыря. В 1578 г. печенгским игуменом Гурием и строителем Сергием была подана челобитная властям Соловецкого монастыря [17, с. 111-112]. Причиной стал спор двух монастырей, возникший вокруг лука и соляной варницы в губе Шушпанихе. Печенгскому монастырю эти владения достались от крестьянина Петра Голенищева. В челобитной эта передача не датирована, но можно предположить, что она произошла незадолго до обращения на Соловки. Значительно ранее – в 1551 г. – эти же лук и варничное место в Шушпанихе передал «по душе» Соловецкому монастырю

порьегубский крестьянин Захар Иванов сын [5, с. 105-106]. Одним из условий вклада был постриг в монастыре. Из позднего источника известно монашеское имя крестьянина – Зот [1, с. 217]. Спустя несколько десятилетий сделанный Захаром Ивановым сыном вклад повторно попытался передать Пётр Голенищев, назвавшись зятем вкладчика. В монастыре было проведено следствие, в результате которого соловецкие старцы пришли к выводу, что Пётр не зять, а бывший слуга Захара Иванова сына [1, с. 217]. Был ли действительно Пётр Голенищев зятем порьегубскому крестьянину или только слугой, мы не знаем. Не вызывает сомнений одно: после неудачной попытки передать соляную варницу и промысловые угодья Соловецкому монастырю Пётр сделал то же самое, но уже Печенгскому монастырю. Подлог, как явствует из челобитной, вскрылся. Игумен Гурий и строитель Сергей предложили властям Соловецкого монастыря для урегулирования конфликтной ситуации совершить сделку: оставить за ними ранее переданное Петром Голенищевым в обмен на участок леса на р. Порьей, где монастырь собирался обзавестись еще одной варницей [17, с. 112]. Такое предложение удовлетворило власти Соловецкого монастыря, поскольку в 1578/79 г. печенгские старцы Иов и Анисим продали соловецким лесной участок [11, с. 127].

Иначе история формирования монастырских владений в Порьей Губе представлена в писцовой книге Кольского уезда 1608-1611 гг. Варница была приобретена у Захара Иванова сына по купчей в 1558/59 г., лук угодий – у Петра Голенищева по купчим в 1578/79 и в 1579/80 гг. [2, с. 441]. Бросается в глаза очевидное хронологическое и смысловое несоответствие. Во-первых, из документов архива Соловецкого монастыря следует, что лук и соляную варницу печенгские старцы приобрели у одного человека и в одно и то же время. По писцовой книге, между приобретением варницы и лука лежала большая временная дистанция. Во-вторых, из челобитной игумена Гурия и строителя Сергия явствует, что передача была безвозмездной, между тем как в писцовой книге речь идет о покупке.

Ясность в этот вопрос могла бы внести писцовая книга 1575 г. К сожалению, в виде целостного документа она не известна, а сохранившиеся «сотные грамоты» на отдельные волости содержат только начальный фрагмент писцового описания Порьей Губы. Симптоматично, что хронологические неувязки, связанные с формированием промысловых владений Печенгского монастыря, обнаруживаются не только в случае с Порьей Губой, но и с угодьями в северной части Кольского уезда – на землях лопарских погостов и на р. Туломе [18, с. 152-156].

Что собой представляло хозяйство монастыря в Порьей Губе? Для ответа на этот вопрос обратимся к писцовой книге 1608-1611 гг. В волости сложился совместный порядок владения промысловыми угодьями крестьянской общиной, Соловецким и Печенгским монастырями. Основной для волости промысел семги осуществлялся на 14 прибрежных морских тонях (из них 1 была выделена на содержание церковного причта) и на р. Порьей, где ежегодно строился забор. Добыча «белой» рыбы производилась также совместно на 17 лесных озерах. В коллективном пользовании общины и монастырей были и лесные угодья, где осуществлялась добыча зверя [2, с. 442]. Сложившийся в Порьей Губе порядок отли-

чался от возникшего в Умбе, где в конце XVI в. произошло разделение рыболовных и лесных угодий между двумя монастырями – Соловецким и Кирилловым.

Помимо соляной варницы, в индивидуальном пользовании Печенгского монастыря находились сенные покосы: две росчисти, одна из которых локализовалась в Тресковой губе, и три тереба – губы Порья и Шушпаниха, Евсевевские пожни в верховьях р. Порьей [2, с. 442]. Из источника следует, что пять из шести сенокосных угодий были приобретены монастырем у местных крестьян: Е.Е. Хворостова (тереб; по купчей до 1575 г.), М. Паюса (росчисть; по данной до 1575 г.), И. Рошутина (тереб; по купчей 1585/86 г.), В. Софронова (тереб; по купчей 1587/88 г.) [2, с. 442]. Непонятным остается происхождение росчистей, бывших за монастырем еще до 1575 г., а также Евсевевских пожней, расчищенных после писцового описания 1575 г.

Главной составляющей монастырского промысла в Порьей Губе была добыча соли. Для изучаемого периода мы не имеем источников, раскрывающих организацию этого промысла. Для более позднего времени такие источники есть, но они немногочисленны. Это две приходо-расходные книги (1657–1658 и 1658–1659 гг.), опубликованные В.И. Ивановым [15, 16], а также ряд актовых источников, отложившихся в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Процесс формирования владений монастыря на Терском берегу отразился и в жалованных грамотах московских царей конца XVI – начала XVII в. Актовый архив монастыря по сию пору остается неизученным. Серьезные наблюдения, касающиеся ранних жалованных грамот монастырю, были высказаны выдающимся археографом и историком Русского Севера А.И. Андреевым [20]. Так, исследователь доказал подложность самой ранней жалованной грамоты монастырю, датированной 1556 г., тем самым поставив под сомнение ее значение для изучения истории монастырской вотчины. Документ, по предположению ученого, был создан в 1630-е гг. в связи с решением в Москве вопроса о выдаче новой тарханной грамоты монастырю [20, с. 157]. При этом исследователь не отрицал выдачу монастырю Иваном Грозным жалованных грамот, но относил ее ко времени после 1556 г. Одна из таких грамот была выдана до 1575 г. Не исключалась им возможность выдачи еще одной грамоты царем между 1575 и 1584 гг. [20, с. 146, 156].

Более надежным средством исследования процессов складывания вотчины Печенгского монастыря, по справедливому мнению А.И. Андреева, будет обращение к достоверным жалованным грамотам: 1591 г. – царя Федора Ивановича, 1606 г. – Василия Шуйского¹. И всё же полностью списывать со счетов подложную грамоту 1556 г. не стоит.

Обращаясь к сохранившимся царским жалованным грамотам 1591 и 1606 гг., выясняем, что из всех владений Печенгского монастыря на Терском берегу здесь встречается только владение в Порьей Губе. Вполне логично, что утрачен-

---

¹ Обе грамоты сохранились в списках XVII в. Основное содержание грамоты 1606 г. передано в тарханной жалованной грамоте Печенгскому монастырю царя Алексея Михайловича 1675 г.

ные монастырем промысловые владения в Варзуге (после 1582 г.) и Умбе (в 1581/82 г.) уже не могли найти упоминания в документах. О порьегубских же угодьях монастыря в документах находим следующее: «В волосте в Порье Губе росчисть, пожни Евсевьевские, межа от соловецкие варницы вверх по реке по Порье до падуна по обе стороны, оброчные. Да промеж волостных людей рыбные ловли и сенных покосов и леших ухोजье в девята доля». И далее: «В волосте в Порье Губе двор монастырской да соляная варница ...» [7, л. 19]. Аналогичное описание порьегубских владений Печенгского монастыря встречаем и в грамоте 1606 г. [8, л. 28; 9, стб. 500]. Сопоставим это описание с тем, которое дается в подложной жалованной грамоте 1556 г.: «Да в волосте в Порье-губе двор монастырской да соляная варница, да промеж волостных людей рыбные ловли и сенных покосов и всяких угодей, пол-лука; да за ними ж пожни Евсевьевские, межа от соловецкие варницы вверх по реке по Порье до падуна по обе стороны» [6, стб. 439]. Разница подложной и подлинной жалованных грамот обнаруживается в определении размеров промысловых угодий: пол-лука угодий (подложная грамота) и девятая доля угодий (подлинная). Не исключено, что в подложной грамоте отразилась та информация, которая могла быть в настоящих жалованных грамотах Ивана Грозного, по гипотезе А.И. Андреева.

Вместе с тем отсутствие в грамоте 1556 г. всяких упоминаний о промысловых владениях монастыря в Варзуге и Умбе служит дополнительным аргументом ее подложности и позднего происхождения. Потерянные монастырем в 1581/82 и после 1582 г. в этих поморских волостях угодья не имели актуального значения для тарханной жалованной грамоты, которой добивался в конце 1630-х гг. печенгский игумен Дмитрий.

Обращает на себя внимание и то, что в подложной и подлинных царских грамотах не раскрывается история формирования владений монастыря в Порьей Губе. Выявленное ранее несоответствие версий этой истории в актах Соловецкого монастыря и писцовой книге 1608-1611 гг. говорит о том, что раскрытие ее обстоятельств было для монастыря делом нежелательным. Безусловно, это снижает ценность жалованных грамот как источника по истории формирования промысловых владений монастыря на Терском берегу.

Складывание промыслового хозяйства Печенгского монастыря на Терском берегу можно рассматривать как один из эпизодов в общей истории становления монастырской вотчины. В этом эпизоде раскрываются как общие тенденции развития монастырского хозяйства на Терском берегу Поморья, так и частные особенности, касающиеся по преимуществу Печенгского монастыря. Во-первых, активный период складывания монастырских владений в поморских волостях пришелся на период экономического упадка крестьянского хозяйства после опричного погрома 1569 г. Во-вторых, основным путем в продвижении монастыря в крестьянские волости стала скупка луков. Таким же образом шло развитие владений и других монастырей, действовавших в селениях Терского берега. Общей тенденцией следует признать и наличие конкуренции со стороны крупных монастырей (Кириллов-Белозерский, Троице-Сергиев).

Переходя от общих к частным особенностям развития промысловых владений Печенгского монастыря, можно назвать документальную «запутанность» этого процесса. Без детального изучения актового архива монастыря вряд ли возможно получить точное представление о путях складывания его владений. Это относится как к истории монастырской вотчины в лопарских погостах, так и к формированию монастырского хозяйства на Терском берегу.

***

• *Источники*

1. Вкладная Петра Голенищева из Порьей-губы в Соловецкий монастырь на угодья в Порьей-губе; Отписка соборных старцев Соловецкого монастыря Петру Голенищеву в Порью-губу (не ранее 1569 – ранее 1578 г. июля 23) // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. (АСЭИСП (I)). Л.: «Наука», 1988. №342. С.217.

2. Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. // Харузин Н.Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. Приложение 2-е

3. Выпись из писцовых поморских книг письма и дозору В.Т. Агалина и подьячего С. Соболева (1574/75 г.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Q.IV. №113-б.

4. Грамота «с прочетом» царя Ивана Васильевича «на Двину» Василию Скорнякову и Василию Кулеву об «отводе и отказе» Троице-Сергиеву монастырю тоней в реках: Варзуге, Каменке, Стрельне и других, по морскому берегу (1582 г. января) // Сборник грамот Коллегии экономии (Сб.ГКЭ). Т.I. Пг., 1921. №255. Стб.246–247.

5. Данная Захария Иванова сына из Порьей-губы Соловецкому монастырю на угодья в Порье-губе и варницу в Шушпаных (1551 г. июля 20) // АСЭИСП (I). №169. С.105–106.

6. Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Троицкому Печенгскому монастырю на его владения в Кольском уезде, с финансовыми льготами для них (1556 г. января 21) // Сб. ГКЭ. Т.II. Л., 1929. Стб.437–441.

7. Жалованная тарханная грамота царя Федора Ивановича Троицкому Печенгскому монастырю на его владения (1591 г.) // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.125. Оп.1. 1674 г. Д.15.

8. Жалованная тарханная грамота царя Василия Шуйского Троицкому Печенгскому монастырю на его владения (1606 г. ноября 30) // РГАДА. Ф.125. Оп.1. 1674 г. Д.15.

9. Жалованная тарханная грамота царя Алексея Михайловича Троицкому Печенгскому монастырю на его владения и промыслы (1675 г. июня 15) // Сб. ГКЭ. Т.II. №154. Стб.491–515.

10. Копийная книга Кирилло-Белозерского монастыря (XVII в.) // ОР РНБ. Q.IV. №113-б.

11. Купчая Печенгского монастыря на лес по реке Порье, проданный Соловецкому монастырю (1578/79 г.) // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. (АСЭИСП (II)). Л.: «Наука», 1990. №691. С.127.

12. Купчая Мирона Андреева сына на четверть лука угодий в Умбской волости, проданную Троицкому Печенгскому монастырю (1576 г. ноября 4) // ОР РНБ. Q.IV. №113-б. Л.596 об. – 597.

13. Купчая Степана Иванова сына Ившаива на четверть лука угодий в Умбской волости, проданную Троицкому Печенгскому монастырю (1576 г. октября 27) // ОР РНБ. Q.IV. №113-б. Л.595 об. – 596.

14. Память Троицкого Печенгского монастыря, данная Кирилло-Белозерскому монастырю, о продаже трех луков угодий (1581/82 г.) // ОР РНБ. Q.IV. №113-б. Л.590–591 об.

15. Приходо-расходная книга приказчика Шушпанского усолья Кольского Троице-Печенгского монастыря старца Антония и слуги Иосифа Мартемьянова (1 сентября 1658 г. – 1 сентября 1659 г.) // Иванов В.И. Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. Приложение 3. С.195–216.

16. Приходо-расходная книга денег, хлеба и других запасов приказчиков Шушпанского усолья Кольского Троице-Печенгского монастыря старцев Устина и Антония (1657 г. сентября 1 – 1658 г. сентября 1) / публ. подгот. В.И. Ивановым // VI Ушаковские чтения: сборник научных статей / отв. ред. А.В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2010. С.305–322.

17. Челобитная игумена и старцев Печенгского монастыря игумену Соловецкого монастыря Варлааму с просьбой сохранить за ними варницу на реке Порье, полученную от Петра Голенищева, выдавшего себя за ее владельца (1578 г., не ранее июня 23) // АСЭИСП (II). №659. С.111–112.

- **Монографии**

18. Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2007.

19. Ушаков И.Ф. Кольская земля // Он же. Избранные произведения. Т.1. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1997.

- **Статьи в журналах, сборниках, материалах конференций**

20. Андреев А.И. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. // Русский исторический журнал. 1920. Кн.6.

21. Никонов С.А. Комплекс варзужских актов XVI века Антониево-Сийского монастыря // Живущие на Севере: альманах. Вып.1. Мурманск, 2010.

22. Никонов С.А. Волость Умба в XVI – первой четверти XVII века // IX Ушаковские чтения: сборник научных статей / науч. ред. П.В. Фёдоров. Мурманск, 2013.

23. Никонов С.А. Вотчинное хозяйство Соловецкого монастыря в волости Умба во второй половине XVI – первой четверти XVII в. // Поморский летописец. Архангельск, 2013. (в печати)

**АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ КАК ТИП МОНАСТЫРСКОГО
СБОРНИКА (на примере рукописных памятников
Кожеозерского монастыря нач. XVIII в.)**

В статье анализируется состав рукописного сборника нач. XVIII в. (БАН. Арханг. Д. 405), близкого по типу к монографическим сборникам, включающим Житие, Службу и Похвальное слово, посвященные одному святому. В отличие от монографического сборника, Агиографический цикл, представленный рукописью БАН, содержит тексты, упоминающие несколько святых Кожеозерской обители. Основные памятники Агиографического цикла адресованы преп. Никодиму, Хозьюгскому пустынножителю, погребенному в монастыре на Коже и прославленному обитель многими посмертными чудесами. Поскольку св. Никодим не был основателем монастыря и провел в обители на Коже лишь не более двух лет, то для Агиографического цикла потребовалось включение в состав сборника дополнительных исторических сведений «о зачале монастыря» и ее основателях.

Ключевые слова: *рукописная традиция, севернорусская агиография, монастырская библиотека, круг чтения, агиографический сборник.*

The article analyses the composition of the manuscript of the early XVIII th century (BAN. Arhang. D. 405), which is close to the type of monographic collections including Life, Service and Eulogy dedicated to one saint. In contradistinction to the monographic collection, the Hagiographic cycle presented by the handwritten BAN manuscript contains the texts devoted to several saints of Kozheozersky monastery. The majority of the literary monuments of the Hagiographic cycle are addressed to St. Nicodemus, the Hozyuge hermit, buried in the monastery of the Kozheozero and who glorified the abode by many posthumous miracles. So as St. Nicodemus spent of the Kozheozero monastery not more than two years and was not the founder of the it's, then hagiographic cycle required the inclusion of the additional collection of historical information about the foundation and the founders of the monastery.

Keywords: *manuscript tradition, northern Russian hagiography, monastic library, reading circle, hagiographic compilation.*

Современные изыскания в области камеральной археографии, связанные в том числе и с созданием БД житийных памятников [9, с. 5-58; 7, с. 99-106], выявили особый тип рукописного сборника – «монографический агиосборник», представляющий собой «рукописный комплекс текстов (Житие, Служба, Похвальное слово и др.), посвященных одному святому» [5, с. 240]. Интересно, что такой тип сборника в XVII-XVIII вв. начинает появляться не только в крупных и прославленных великими чудотворцами обителях. Так, в удаленном от столицы

и сравнительно небольшом Богоявленском монастыре, расположенном на Кожезерском полуострове, в нач. XVIII в. создается своеобразный агиографический цикл (далее – АЦ), объединивший в себе разновременной житийный и гимнографический материал, посвященный святым Богоявленского монастыря, особо почитаемым в обители на Кожезере. В АЦ Кожезерского монастыря обнаруживаем сочетание различных жанров. Здесь и сказание о начале строительства пустыни и ее основателях, различные выписки из монастырской летописи, служба, виршевое восхваление и молитвы святому. Житие преп. Никодима Хозьюгского – центральное произведение АЦ Кожезерского монастыря, являющееся основным звеном всего комплекса текстов, связанных с историей обители на Кожезере.

Одна из самых полных рукописей АЦ дошла до нас в сборнике Антониево-Сийского монастыря (БАН. Арханг. Д. 405), составленном в конце второго десятилетия XVIII в. [8, с. 211]. Включает в себя Сказание «о зачатъ святаго мѣста Кожеезерския пустыни», рассказывающее о ее основателях, старцах Нифонте и Серапионе, Службу преп. Никодиму, Хозьюгскому пустынножителю и его Житие. Другой сборник с АЦ (РНБ. ОСРК. Q. I. 1390) был обнаружен и введен в научный оборот Е. А. Рыжовой, которая назвала собранные в АЦ тексты «своеобразным Кожезерским патериком» [8, с. 211].

Можем ли мы отнести Антониево-Сийский сборник к «монографическому» типу? На первый взгляд, конечно же, нет, поскольку тексты рукописи посвящены не одному, а нескольким святым Богоявленской пустыни – двум ее основателям, старцам Нифонту и Серапиону, и Хозьюгскому пустынножителю Никодиму, а в чудесах Жития преп. Никодима обнаруживаются еще и отголоски почитания первого игумена Кожезерского монастыря – Авраамия. Следует, однако, отметить, что большая часть текстов сборника – Служба, Житие, виршевое житие, молитвы, стихира «на целование образа» [1, л. 6-145] посвящена одному святому – преп. Никодиму, Хозьюгскому пустынножителю, тогда как основателям Кожезерского монастыря уделено лишь небольшое Сказание [1, л. 1-5 об.]. Необходимость включения в состав сборника Сказания о зачатии монастыря обусловлено, на наш взгляд, тем, что преп. Никодим не являлся основателем обители (как правило, именно им посвящались сборники «монографического» типа). Более того, само время пребывания св. Никодима в Кожезерской обители ничтожно мало: полтора года до своего ухода на реку Хозьюгу, где старец пустынножительствовал 36 лет и 47 дней по возвращении из пустыни в обитель. Поэтому Сказание в сборнике несет очень важную композиционную и содержательную функцию – дополняет агиографический материал недостающими сведениями об основании обители старцами Нифонтом и Серапионом. Таким образом, Сказание, предваряющее службу св. Никодиму и его житие, явилось своеобразной заставкой-предисловием, рассказывающим о появлении обители на острове Кожезера.

АЦ охватывает большой временной промежуток – от начала основания Кожезерской пустыни при правлении царя Иоанна Васильевича Грозного (сере-

дина XVI столетия) до эпохи петровских преобразований (чудо св. Никодима 1714 г., в котором описывается начало строительства С-Петербурга). Памятник продолжает традиционную для древнерусской и переводной агиографии тему «пустынного жития», в нем обнаруживаются характерные для житийного жанра структура и устойчивый круг тем, в то же время ощутимы веяния Нового времени, новый подход к изображению житийного героя.

Открывающее Сийскую рукопись Сказание «О зачатѣ святого мѣста Кожезерския пустыни» [1, л. 1-5 об.] является самым ранним произведением АЦ, написанным во время игуменства Авраама (1608-1634 гг.). Известно, что Сказание (далее – *Сказ.*) было составлено неким иноком, пришедшим в Кожезерскую обитель спустя два года после смерти строителя обители, преп. Серапиона (ум. 1611 г.). Составителю *Сказ.* удалось застать в живых сподвижника старца и записать от него воспоминания о совместном пребывании с преп. Серапионом в пустыни и строительстве монастыря. Имена рассказчика и составителя *Сказ.* остались для нас неизвестными, хотя Вкладная книга Кожезерского монастыря сообщает, что в год, указанный автором *Сказ.* как год своего прихода на Кожозеро (7121 (1613) г.) в Богоявленскую обитель, пришли два инока: старец Тимофей [2, л. 137] и старец Феодот Каргополец [2, л. 137 об.], не исключено, что кто-то из них стал в дальнейшем составителем *Сказ.* Памятник содержит важные сведения о старце Серапионе и почти ничего не сообщает о «пропавшем без вести» основателе монастыря преп. Нифонте. По происхождению Серапион был «измаильтянином», плененным при взятии Казани в 1552 г. татарским царевичем – Туртасом ханом Гавировичем. Юноша был привезен в Москву, где принял святое крещение с именем Сергей. Живя в доме благочестивого боярина Захария Плещеева, женатого на сестре Туртаса – астраханской царице Ельякше, Сергей проникается Православной верой. Вскоре он оставляет «мир сей, богатство и славу, и прочая...» и уходит из стольного града в Поморье на Кожозеро. На пустынном острове он встречает священноинока Нифонта, от которого принимает иноческий постриг с именем Серапион. В *Сказ.* описываются сложности преобразования удаленной от населенных пунктов пустыни со скитским уставом жизни в общежительный монастырь. По-видимому, памятник изначально задумывался как «Житие старца Серапиона», поэтому агиографический материал в нем доминирует над летописным, а зачин повествования напоминает исходную формулу проложной памяти – «Сей убо Серапионъ родом бѣ...». В рукописи слева от заглавия произведения на полях добавлено: «преже его бѣ Нифонтъ» [1, л. 1].

Все последующие тексты АЦ посвящены основному чудотворцу обители – преп. Никодиму, Хозьюгскому пустынножителю. Сразу после *Сказ.* идет лаконичная выписка, вероятно взятая из монастырской летописи, о его возвращении в обитель: «Лѣта 7147-го (1639 г.) месяца маиа в 19-й день изнемог, оставль пустыню от многаго воздержания и старости» [1, л. 7 об.]. Далее в рукописи следует текст, сжато повествующий о жизни святого старца-пустынника Никодима:

«Сей преподобный отец наш Никодим,
постриженник Чюдова монастыря,

родом ростовец, по явленному гласу прииде в Хозьюскую пустыню,
 иже есть от Кожезерския обители на западѣ за десять поприщъ,
 ей же ниоткуда пути прилѣжащу:
 силою Бога соизволи себе в лѣто 7111-го (1602/1603 г.) и пребысть в ней 36 лѣтъ,
 и явлением святителя Алексия прият упокоения отвѣтъ,
 по прошению же настоятеля з братиею
 во обител[ь] Кожезерскую от пустыни прииде,
 и по 47-х днех свято почив ко Господу възыде,
 7147-го (1639 г.) лѣта месяца иулиа 3-го числа в среду в 7-м часу дня»

[1, л. 8-8 об.].

В этой записи присутствует не встречающееся ни в одной из редакций Жития преп. Никодима указание на суточное время кончины старца – седьмой час дня (по современному счету часов в сутках – первый час пополудни. – *Е.П.*) и год его прихода в пустынь (1602/1603 г.). Отсутствует в житийных редакциях и сообщение о некоем «явленном гласе» иноку Никодиму, после которого он оставляет Крутицы и уходит на указанное ему место – «в Хозьюскую пустыню». Примечательно, что здесь говорится о предсмертном явлении Никодиму только одного митрополита Алексия без архимандрита Дионисия (как в Виршевом варианте). Возможно, имя Дионисия было убрано в целях ритмической организации стиха («36 лѣтъ» – «успокоения отвѣтъ», «от пустыни прииде» – «ко Господу възыде», «числа» – «дня» и т.д.).

Концовка же этой записи почти совпадает с конечными строками Виршевого варианта ЖНК:

Записи в начале рукописи (БАН. Арханг. Д. 405, л. 8-8 об.):	Виршевый вариант Жития Никодима (БАН. Арханг. Д. 405, л. 54):
Силою Бога соизволи себе в лѣто 7111[-го] лѣта (1602/1603 г.) и пребысть в ней 36 лѣтъ	Поживе святыи в пустыни 36 лѣтъ
и явлениемъ святителя Алексия прият упокоения отвѣтъ	И явлением святителя Алексѣя прият упокоения отвѣтъ
по прошению же настоятеля з братиею во обител Кожезерскую от пустыни прииде	По прошению же во обител изыде
и по 47-х дних, свято почив, ко Господу възыде	И по малѣх днех, свято почив, ко Господу възыде
7147-го лѣта месяца иулиа 3-го числа в среду въ 7-м часу дня	Месяца иулиа въ 3 день 7147-го лѣта От создания чювственного свѣта

Вместо «40-дневного пребывания» преподобного в Кожеозерской обители до кончины (как в краткой ред. первоначального варианта, известного по списку РГБ. Синод. собр. 850) и 44-дневного (как в печатном Прологе 1662 г.) здесь называется 47 дней (как в Пространной редакции). Все эти краткие записи на начальных листах рукописи выписаны из каких-то иных (не из Жития) достоверных источников, возможно из недошедшей до нас (сгоревшей в одном из пожаров) монастырской летописи. Они завершаются молением:

«Преподобне Никодиме отче!
Усердно приемый иго Творче
В сей многоскорбной пустыни,
Ища Божия благодости,
Еже обрѣль еси, егда отздѣ отшелъ еси.
Моли о нас, всечестнѣ,
Память твою чтущихъ благочестнѣ,
Да сподобимся оставления
Вседневнаго согрѣшения
От Бога все получитьи
И въ мирѣ с праведными почити!» [1, л. 9].

После Службы святому Никодиму идут три молитвы, первая из которых озаглавлена: «mlenie spisatelevo», в ней по выделенным в тексте киноварью литерам акростиha читаем: «Писал недостойни еродиакон Афанатос Сийски[й] в бытности»:

«Приими, Истинноподражательный Сожитель Ангелов,
Любезнотворѣное Начертание, Еже Дерзоподах, Окаянный,
Священно треблаженѣ ти Отче верховный Никодиме!
Ибо Естество Ретно земных Достойнословити
Изящно подвижных Апостолоподражателей
Кратко гласится, Онемотованно Невѣжествиемъ,
Абие бо Фимиамом Ароматное На каждение Аер растекается,
То и неподобно Острорече витие, Самосокрушается,
Сего ради И умный Смиренномысленнѣ Колѣнопреклонь
И тѣлесный Возприусугубляю Благопреплѣти же Тобою Некораблесокрушно
Слаанообуревание Треволнений Искренно уповаю...»

[1, л. 54 об.].

Это «моление списателя» идет в рукописи БАН. Арханг. Д. 405 вслед за Виршевым вариантом Жития преп. Никодима и имеет с ним стилистическое сходство. Отсюда можно с некоторой степенью вероятности предположить, что стихотворное переложение Жития Никодима вышло из-под пера того же Афанатоса (Афанасия) Сийского, на что указывали иером. Никодим (Кононов) [3, с. 77] и Рыжова Е.А. [8, с. 216]. В книге вкладов Богоявленского Кожеозерского монастыря зафиксированы денежные вклады «на постройку церкви Благовещения Пресвятой Богородицы с трапезою и придела в честь преп. Антония Сийского и на иконное письмо в нем», сделанные «икономом» Сийского монастыря иеродиаконем Афанасием с 1706 по 1716 гг. [2, л. 54 об. – 57]. Не исключено, что в эти годы иеродьякон Афанасий по каким-то нуждам находился в Кожеозерском монастыре. Кроме денежных вкладов на восстановление храмовых сооружений им были вложены в Богоявленский Кожеозерский монастырь пять книг [6, с. 145].

Из летописной выписки Сийского списка известно, что Кожеозерский монастырь сгорел дотла и «по великом пожарѣ в пятое лето» [1, л. 8 об.] – 3 августа

1695 г. игуменом Ананием были обретены мощи преп. Никодима через 56 лет после его преставления. Не исключено, что в связи с обретением мощей преп. Никодима и после пожара, где могли сгореть житийные тексты, встал вопрос о составлении утраченных в пожаре Жития и Службы святому Никодиму. И при игумене Кожеозерского монастыря Матфее (1707-1715 гг.) Сийскому иеродиакону было предложено составить дополнение к имеющейся Службе преподобному, что, на наш взгляд, объясняет существование двух редакций Служб и виршевого Жития в честь Никодима. Свое имя Афанатос ставит после составленного им виршевого переложения, помещенного в рукописи вслед за Службой святому перед завершающими ее молитвами, что, на наш взгляд, не случайно. Примечательно, что во втором, Устюжском, списке АЦ акростих с именем «списателя» Афанатоса Сийского следует после похвального слова и молитвы перед мощами святому. Вполне вероятно, что перу Афанатоса принадлежат, кроме Виршевой редакции жития, также молитвы на поклонение мощам и похвальное слово святому. Было бы заманчиво приписать иеродьякону Афанатосу составление всей рукописи БАН. Арханг. Д. 405, однако сопоставление почерков Вкладной книги и Антониево-Сийской рукописи выявило ее действительного писца. Им был игумен Матфей (Спицын). Записи игумена Матфея во Вкладной книге Кожеозерского монастыря, сделанные скорописью конца XVII – начала XVIII в., идентичны почерку писца, составившего Антониево-Сийскую рукопись БАН. Арханг. Д. 405. Игумен Матфей мог дополнить Пространное Житие преп. Никодима новыми (датированными) чудесами (2-й блок чудес), взятыми из монастырской летописи, и последним чудом 1713 г., записанным в его настоятельство: «Мы же <...> повелѣниємъ настоятеля, игумена Матьфея Спицына, писанию предахомъ...» [1, л. 144 об.].

Если датировка рукописи БАН. Арханг. Д. 405 (1716-1722 гг.) верна, то она писалась Матфеем Спицыным не во время его игуменства (1704-1715 гг.), а уже после его настоятельства, когда бывший игумен Матфей находился на покое в той же обители или в Антониево-Сийском монастыре, где им и была составлена Сийская рукопись. Настоятельство игумена Матфея (Спицына) завершается 1715 г., однако Вкладная книга Кожеозерского монастыря не фиксирует опись его имущества, как обычно это делалось по смерти предыдущих настоятелей. Возможно, что игумен Матфей в 1715 г. ушел с настоятельства на покой по старости или болезни, либо перешел по приглашению архимандрита Сийского Никодима в Свято-Троицкий Антониев монастырь как опытный писец и книжник.

***

1. Агиографический цикл Кожеозерского монастыря: БАН. Архангельское собр. Д. 405, 1716-1722 гг., 145 л.
2. Вкладная книга Кожеозерского монастыря / подг. А. С. Косцовой: в 2 кн. СПб., 2008. Кн. 1.

3. *Никодим, иеромонах (Кононов)*. Преподобный Никодим, пустынножитель Хозьюгский, чудотворец Кожеозерский. СПб., 1900.
4. *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII вв. Л., 1977. С. 166.
5. *Карбасова Т. Б.* Монографический агиосборник как тип (на примере сборника, посвященного Кириллу Новоезерскому) // Русская агиография: Исследования, Публикации. Полемика / отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 240-248.
6. *Полетаева Е. А.* Библиотека Кожеозерского монастыря (вопросы реконструкции) // Современные проблемы археографии: сб. ст. / отв. ред. И. М. Беляева; сост. М. В. Корогодина. СПб.: БАН, 2011. С. 138-152.
7. *Поньрко Н. В.* Агиографический проект Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия (к 100-летию академика Д. С. Лихачева): материалы научной сессии (Москва, 20 дек. 2006 г.). М., 2006. С. 99-106.
8. *Рыжова Е. А.* Виршевые редакции севернорусских житий // Русская агиография: Исследования, Публикации. Полемика / отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 211-212.
9. *Творогов О. В.* О «Своде древнерусских житий» // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 5-58.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК ПРИЕМ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ

В статье рассматриваются наиболее распространенные типы языковой игры, свойственные современной региональной публицистике. Основными способами создания языковой игры в исследуемых СМИ является нарушение норм сочетаемости, модификация прецедентных высказываний и игра с семантикой слова. Особое внимание уделено функции приема языковой игры: реализация творческой способности автора, выражение эмоциональной оценки происходящего, установление диалога с адресатом и т.д.

Ключевые слова: *Языковая игра, масс-медиа, прецедентный текст, стилистический эффект, речевое воздействие.*

The article discusses the most common types of language game, characteristic of the modern regional journalism. The main methods of creating a language game in the mass media is a violation of the standards of compatibility, modification of the case-expression and a game of semantics of a word. Special attention is paid to the functions of receiving the language game: realization of creative abilities of the author, the expression of the emotional evaluation of what is happening, the establishment of dialogue with the addressee, etc.

Keywords: *Language game, mass-media, precedent text, stylistic effect, the impact of the speech.*

Прием языковой игры широко используется во всех текстах масс-медиа и является привлекательным феноменом для исследования. Как отмечает Д.С. Лихачев, языковая игра выявляет национальное своеобразие и уровень «смеховой культуры» речи, отражает противостояние «мира культуры» и «мира антикультуры» [1, с. 19].

По мнению С.И. Сметаниной, в СМИ игра используется как вариант творческого поведения журналиста в процессе обработки факта и как средство реализации программы высказывания при создании медиатекста. Журналисты вовлекают в сферу игры факты языка «в поисках свежих, необычных номинаций для лиц и фактов, ломая традиционные модели словообразования, грамматики, снимая табу на сочетаемость слов» [2, с. 198]. Характерно, что газеты чаще всего прибегают к языковой игре в заголовках: нетрадиционная организация языковых элементов в сильной позиции текста снимает автоматизм при восприятии фактов языка и за счет дополнительных ассоциаций усиливает содержательную глубину изложения.

В отечественном языкознании термин «языковая игра» стал активно использоваться после выхода монографии «Русская разговорная речь». Языковая игра – это «те явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.п.)» [3, с. 172]. Многие исследователи отмечают, что ирония – это уже не только и даже не столько стилистический прием, сколько «способ мировосприятия», «состояние духа», «способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени» [4, с. 19]. При этом общий иронический, часто даже издевательский, тон текстов, причем независимо от обсуждаемой темы, является негативной особенностью языка современных российских СМИ [5].

Необходимо учесть, что уровень языковой игры и ее место в смысловой и стилистической структуре текста в разных газетах различны. Некоторое представление об этом может дать анализ заголовков региональных изданий. Материалом для нашего исследования послужили извлеченные методом сплошной выборки из информационных и аналитических публикаций заголовки (около 200 единиц) двух изданий – газеты «Трибуна» и «Красное знамя» за 2012-2013 гг. На примере зафиксированных заголовков попытаемся изучить механизм реализации языковой игры как риторического приема и его значимость в массмедийных текстах региональных изданий. Систематизацию типов языковой игры проведем с учетом стилистического эффекта игрового механизма в тексте и влияния текстовых связей на семантику единиц, подвергшихся трансформации.

Народная газета Республики Коми «Трибуна» – региональное общественно-политическое самофинансируемое издание, распространяемое во всех городах и районах Республики Коми. Содержит информацию об актуальных событиях в РК, а также аналитические материалы о политике, экономике, науке, образовании, культуре и спорте. «Красное знамя» – старейшая газета Республики Коми. До 1991 года являлась официальным органом Коми обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров Коми АССР. В настоящее время – частная газета, содержащая публикации политического, экономического, социального характера.

Характеризуя прием языковой игры в данной работе, мы будем опираться на классификацию, предложенную С.И. Сметаниной: графическая, фонетическая, словообразовательная, морфологическая игра, игра с сочетаемостью слов и игра с многозначностью [2, с. 198-252].

1. Первое место по степени активности в региональных изданиях занимают заголовки, основанные на игре с сочетаемостью слов. Суть этой игры состоит «в нарушении норм сочетаемости с целью создания дополнительных эффектов» [2, с. 234]: «**Плановое скотство?**» (Красное знамя, № 88, 22.11.2012), «**Эстафета падежа**» (Красное знамя, № 9, 14.02.2013) – серия материалов о проблемах в сельском хозяйстве Республики Коми, приведших к массовому падежу скота на фермах. Столкновение слов разной стилистической окраски (нейтр. *плановое* и

разг. *скотство*) и парадоксальность номинации (*эстафета надежда*) придает неожиданное звучание за счет нарушения клишированных форм подачи, «оживляет» информацию и вносит в проблемную статью оценочную тональность.

Необычная сочетаемость связана прежде всего с внедрением лексических единиц, которые «тематически прикрепляют заголовок к материалу» [2, с. 241], оценивают или иронически переосмысливают тему текста: **«Обирающая» компания** (Трибуна, № 40, 28.09.2012) – материал об уголовном деле в отношении бывшего руководителя жилищно-управляющей компании; **«Душителю народа»** (Трибуна, № 2, 11.01.2013) – заметка о серии тяжких преступлений; **«Водная иллюзия»** (Красное знамя, № 92, 06.12.2012) – информация о «нерадушных» перспективах развития водного туризма в РК; **«Убойная тучность «нулевых»** (Красное знамя, № 9, 14.02.2013) – о криминальной обстановке Сыктывкара в начале 2000-х годов; **«Виртуальные чиновники»** (Красное знамя, № 9, 14.02.2013) – об отсутствии популярности у Портала государственных услуг среди жителей РК. Неожиданная сочетаемость единиц, составляющих заголовки, вскрывает важные содержательные характеристики современной политической и социально-экономической ситуации в обществе.

Примечательно, что в медиатекстах как центральных, так и региональных изданий основой для производства неузуальных словосочетаний, как правило, становятся ключевые слова эпохи, которые обозначают «явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [6, с. 92]: **«Грузию впиаривают США»** (Коммерсантъ, № 40, 10.03.2010) – статья о том, что власти Грузии наняли американскую лоббистскую фирму Podesta Group, которая займется организацией встреч грузинского руководства с представителями конгресса и администрации США. Окажионализм «впиаривают», который созвучен активно функционирующему неологизму «пиарить» и жаргонному слову «впаривать» (означает «навязывать кому-либо покупку, приобретение чего-либо»), в заголовке вступает в необычную связь и образует неузуальное словосочетание «впиаривать США». **«Крыша» в погонах** (Трибуна, № 46, 09.11.2012) – материал о сотруднике органов внутренних дел, который помогал сбывать наркотики. В данном заголовке, построенном на метонимическом переносе, «крыша» актуализируется как жаргонно-криминальная единица, выступающая в значении «структура, обеспечивающая кому-либо защиту и покровительство».

В исследуемых СМИ преобладают заголовки, в которых языковая игра проявляется в изменении фразеологизмов, крылатых фраз, идиом и т.д. Для максимального раскрытия выразительных потенций фразеологии используются следующие приемы:

а) замена компонента фразеологизма. Наиболее распространенный прием, состоящий в замене «канонического» слова другим, совпадающим с первым по своим морфологическим характеристикам, ритмической структуре или синтаксической позиции: **«Ограбление по-печорски»** (Трибуна, № 3, 18.01.2013), **«Наш пострел в Пхеньян поспел»** (Красное знамя, № 88, 22.11.2012), **«Почем родилась, елочка?»** (Красное знамя, № 95, 20.12.2012),

«**Банкрот, открой личико!**» (Красное знамя, № 88, 22.11.2012). Исходное выражение и производное могут находиться в синонимических отношениях: «**Митингуй не митингуй, все равно получишь... место на отшибе**» (Трибуна, № 3, 18.01.2013); антонимических отношениях: «**Время, назад!**» (Трибуна, № 49, 30.11.2012); «**Сливай наше!**» (Красное знамя, 14.02.13, № 9) – вместо «Выбирай наше» – о деятельности торговой сети «Магнит», вытесняющей местных предпринимателей; и паронимических отношениях: «**О, сколько нам открыток чудных**» (Трибуна, № 1, 04.01.2013).

б) введение дополнительного компонента во фразеологизм. К исходному фразеологизму добавляется новый компонент, на который и падает смысловая нагрузка: «**Крайние на Севере**» (Красное знамя, № 94, 13.12.2012) – о перспективах развития приполярного г. Инты; «**Минуты горькой славы**» (Трибуна, № 50, 07.12.2012) – о встрече победителя конкурса народных талантов «Минута славы» с бросившей его в детстве матерью. В устойчивое выражение «Минута славы» автор добавил слово «горькой». Подобная трансформация позволила журналисту при помощи добавления значимой для смысла лексемы преобразовать устойчивое выражение в новое, отражающее идею статьи.

Зачастую к устойчивому выражению добавляется отрицательная частица «не», что создает смысл, противоположный изначальной идее фразеологизма: «**Стыдно, когда не видно**» (Трибуна, № 40, 28.09.2012), «**Честь не имеет**» (Трибуна, № 1, 04.01.2013), «**Точка не поставлена**» (Трибуна, № 46, 09.11.2012), «**Герой не нашего времени**» (Трибуна, № 44, 26.10.12), «**Первый блин не комом**» (Красное знамя, 31.01.13, № 5).

в) усечение компонента фразеологизма (эллипсис). В газете «Красное знамя» используемые в качестве заголовков фразеологизмы могут приводиться в неполном виде: «**Куда подальше**» (Красное знамя, № 5, 31.01.2013) – материал о результатах опроса, согласно которому около половины жителей РК хотели бы покинуть регион. Сокращение известной цитаты до слов, выступающих в качестве смыслового центра, позволяет в более лаконичной и динамичной форме выразить отношение к проблеме или оценить явление: «**Глас вопиющего**» (Красное знамя, № 95, 20.12.2012) – о тщетных попытках граждан обратиться в администрацию за помощью; «**Что нам стоит?**» (Красное знамя, № 94, 13.12.2012) – о махинациях, связанных со строительством жилого дома; «**Что в имени тебе...**» (Красное знамя, № 4, 24.01.2013) – о новом названии будущего объединенного вуза РК; «**Со слезами на глазах**» (Красное знамя, № 92, 06.12.2012) – о 20-летию Первого конгресса финно-угорских народов; «**Помним, любим...**» (Красное знамя, № 95, 20.12.2012) – о юбилее народного поэта Серафима Попова.

В газете «Трибуна» «усеченным», как правило, является какой-либо из компонентов фразеологизма: «**Твоя моя понимай**» (Трибуна, № 48, 23.11.12) – информация о мигрантах из Узбекистана, которые прошли обучение русскому языку; «**Огонь, вода и труба**» (Трибуна, № 49, 30.11.2012) – заметка о пожаре в деревне Ижемского района и о необходимости установки пожарной трубы через мост. «**Прошел огонь, воду и медные трубы**» – так говорят о человеке, которому

выпало на долю много тяжелых испытаний. В результате актуализации в сознании читателя устойчивого выражения и его сокращения заголовки выражают негативно-ироническое отношение автора к сложившейся в районе ситуации.

2. Использование в заголовках **языковой игры на базе омонимии и многозначности** – еще один часто употребляемый журналистами риторический прием. Для медиа-текста такие «игры с семантикой, когда текстовое окружение не снимает, а, напротив, подчеркивает вероятность прочтения слова по-разному» [2, с. 242] – средство воплощения многомерности и противоречивости мира: **«Видимость для слабовидящих»** (Красное знамя, 29.12.12, № 97) – материал о проблемах инвалидов по зрению в регионе: правительство РК подарило кабинет для реабилитации, при этом деньги выделились только на косметический ремонт. В данном контексте многозначное слово «видимость» (1. «возможность видеть» и 2. «обманчивая внешность») актуализирует оба свои значения. **«Яблоко» не созрело для выборов»** (Коммерсантъ, № 22, 09.02.2010) – статья о том, что политическая партия «Яблоко» не сможет побороться за места в региональных парламентах: избирательная комиссия Свердловской области (последнем регионе, где партия могла побороться за места в парламенте) забраковала 56% подписей, собранных «Яблоком» для участия в выборах.

В играх с многозначностью и омонимией принимают участие как отдельные слова, так и устойчивые словосочетания и прецедентные феномены: **«На то и «овощи», чтобы сажать»** (Трибуна, 26.10.12, № 44) – статья об избирательности правосудия в республике: рядовые граждане и чиновники получают аналогичное наказание за разные по степени тяжести преступления. Прямое значение слова овощи – «выращиваемые на грядках растения» – в заголовке вступает в отношения с переносным уничижительным значением – «человек, не проявляющий признаков высшей нервной деятельности». Материал весь пронизан колоритом игры, параллелями, которые могут возникнуть у явно иронизирующей личности. Такой творчески обработанный вариант заголовка смещает акцент с собственно информации на ее комментарий, оценку. **«Ухтинцы пойдут по головам»** (Трибуна, № 46, 09.11.12) – о строительстве надземного пешеходного перехода в Ухте. Формально фразеологизм «идти по головам» (т.е. действовать в своих интересах, ущемляя чужие) не меняется, но происходит распад целостного значения фразеологизма на отдельные значения составляющих его слов.

Во многих заголовках носителем смысла становится экспрессивная лексика и фразеология, приводящая к необоснованной драматизации событий. При этом явление драматизации охватывает и те тексты, в которых сенсационность не запланирована, что особенно характерно для газеты «Трибуна»: **«Ставят на счетчик»** (Трибуна, № 51, 14.12.2012) – об установке общедомовых счетчиков; **«Мы ее «закатаем»?»** (Трибуна, № 46, 09.11.2012) – об укреплении берега реки Сысолы в районе городского парка; **«Детям навалиют»** (Трибуна, № 41, 05.10.2012) – о выпуске детских валенок; **«Поэты спелись»** (Трибуна, 28.12.12, № 53) – о благотворительном новогоднем бале «Поют поэты»; **«Каждой школе – вышка»** (Трибуна, № 31, 27.07.2012) – о размещении антенн мобильной связи на

крышах детских учреждений; **«Полная Бадья»** (Трибуна, № 46, 09.11.2012) – о местечке Бадья, где нашли источник чистой питьевой воды; **«Ижемку сняли»** (Трибуна, № 42, 12.10.2012) – о ремонте барельефа с изображением коми ижемки; **«Зверь» оказался лириком»** (Трибуна, № 45, 02.11.2012) – о гастролях Дмитрия Певцова в Сыктывкаре; **«Бурду заказывали?»** (Трибуна, № 42, 12.10.2012) – о фестивале интеллектуальных игр, в котором примет участие магистр игр «Что? Где? Когда?» Борис Бурда; **«Замостили кривую дорожку»** (Трибуна, № 48, 23.11.2012) – о строительстве мостовых переходов; **«Вперед ногами»** (Красное знамя, № 5, 31.01.2013) – в сломавшийся лифт лифтер проник через люк в потолке; **«Зуб за зуб»** (Красное знамя, № 9, 14.02.2013) – о причинах выпадения зубов. Создается впечатление «риторики острого конфликта» [7, с. 233], чему способствуют контрастные противопоставления сниженной и нейтральной лексики. Реальное в заголовке, включаясь в условный контекст, оказывается в итоге намного интереснее собственно информации.

В стилистической системе «заголовок – текст» нередко возникает эффект обманутого ожидания, то есть мнение о содержании текста, составленное при прочтении заголовка, опровергается при знакомстве с самим текстом: **«Удар по яйцам»** (Трибуна, 21.12.12, № 52) – о начале процедуры банкротства сыктывкарской птицефабрики; **«Голубая Печора»** (Трибуна, 30.11.12, № 49) – в городе речников орудуют извращенцы; **«Куры «взлетели»** (Трибуна, № 42, 12.10.2012) – о росте потребительских цен в РК; **«ТСЖ в угаре»** (Трибуна, 28.09.12, № 40) – о серии поджогов в Сыктывкаре во дворе одного и того же дома; **«Труба дело»** (Трибуна, 21.09.12, № 39) – о гибели двух человек в результате наезда автомобиля на бетонную водопроводную трубу; **«Мэрский срок»** (Красное знамя, № 97, 29.12.2012) – бывшего руководителя администрации приговорили к 7 годам колонии.

Как отмечают исследователи данного феномена, «игровые формы генетически свойственны художественно-публицистическим жанрам, функционально направленным на интерпретацию действительности, на «встраивание» событийно-фактологической информации в определенные ценностно-идеологические рамки» [8]. Однако в настоящее время игры с языком проникают как в аналитические, так и в информационные материалы СМИ и особенно популярны в публикациях, касающихся сферы искусства, культуры, духовной жизни, где допустима передача субъективного видения реального при ослаблении документальной основы материала [2, с. 249]. Между тем результаты анализа регионального материала позволяют заключить, что игровые заголовки встречаются в информационных материалах и при обсуждении таких тем, как политика, экономика, социальная сфера, судопроизводство, а экспрессией маркируется зачастую лишь сильная текстовая позиция начала изложения. Игра, перемещаясь в новостной дискурс, заставляет читателя формировать фамильярно-игровое отношение ко всему, что попадает в поле зрения. Это вполне согласуется с тенденциями в современном обществе: «карнавал, перейдя в саму жизнь и став постоянным явлением, отодвигает на периферию некарнавальные формы жизни» [9, с. 308], а мас-

совая культура проникает во все сферы СМИ. Вероятно, тенденция к украшению подчеркнута документального жанра информационной заметки – это также и «способ отделить собственные творческие интенции от объективной информации, представленной в последующем изложении» [2, с. 240].

3. Заголовки с фонетической игрой также представлены как в федеральных, так и в региональных изданиях. Правила этой игры связаны с изменением фонетической формы слова: «**Бред по расчету**» (Коммерсантъ, № 13 (4068), 27.01.2009) – статья о психоделическом фильме эксцентричного отечественного комедиографа Юрия Мамина «Не думай про белых обезьян» про официанта, связавшегося с городскими сумасшедшими и открывшего в себе третий глаз. Изменение происходит во фразеологической единице «брак по расчету». Ироническая и оценочная коннотация, возникающая в результате игровой замены лексической единицы «брак» на «бред», позволяет журналисту кратко и емко выразить свое отношение к фильму. «**Гамское отношение**» (Трибуна, № 45, 02.11.2012) – о непростых выборах в органы местного управления в селе Гам; «**Амбулаторное мучение**» (Трибуна, № 40, 28.09.2012) – об отсутствии фельдшерско-акушерского пункта в селе; «**Дурь-дом**» (Трибуна, 31.08.12, № 36) – о ДТП с наездом на дом, совершенном водителем в состоянии наркотического опьянения; «**Лямпийские объекты**» (Трибуна, 17.08.12, № 34) – о гонках на лампах (охотничьи лижи); «**Полевая зрелость**» (Трибуна, 27.07.12, № 31) – о созревании урожая на полях РК. Таким образом, в заголовке журналистского текста фонетическая игра связана с решением важных содержательных задач: неустойчивый фонетический «состав» слова, его очевидная принадлежность одновременно к очень знакомому и иному «дают возможность соотнести означающее и с исконным для него означаемым, и с другим, содержательно неожиданным и даже логически несовместимым» [2, с. 206].

В газете «Трибуна» в фонетической игре активно используются прецедентные феномены: «**Красиво шить не запретишь**» (Трибуна, № 3, 18.01.2013) – о субсидиях предприятиям текстильной и швейной промышленности в РК; «**Взялся за ГУРС...**» (Трибуна, № 3, 18.01.2013) – о новом названии СыктГУ». В устойчивом выражении «взялся за гуж, не говори, что не дюж» (т.е. если уж принял за какое-то дело, не отказывайся, ссылаясь на трудности) последняя лексема первой части заменена на сходную по звучанию. Фонетическая деформация произошла в заголовке за счет добавления и замены звуков и позволила подчеркнуть основную мысль материала о предполагаемом названии будущего объединенного вуза. При этом необходимо отметить, что в данном виде трансформации пользуются спросом элементы черного юмора и имитация под «жесткие новости»: «**Дерьмо канет в Летку**» (Трибуна, № 3, 18.01.2013) – о борьбе за чистоту реки Летки; «**Страна бухих**» (Трибуна, № 40, 28.09.2012) – о проблеме алкоголизма; «**Ноев ковчег**» (Трибуна, № 47, 16.11.2012) – о содержании животных в зоопарке «Ноев ковчег»; «**С новым гадом**» (Трибуна, № 53, 28.12.2012) – об астрологических прогнозах на 2013 год; «**Получай, больной, гранат**» (Трибуна, №

40, 28.09.2012) – материал о гранате как лекарственном растении и его полезных свойствах.

4. Менее употребительны **заголовки со словообразовательной игрой**. В конструировании окказиональных слов, то есть слов «по случаю» и «на случай», творчески реализуется процесс осмысления автором новых явлений и воплощения этого нового в медиа-тексте, сопровождающийся желанием проявить свое понимание проблемы [2, с. 210]. Можно выделить следующие продуктивные в практике современных СМИ способы создания новых слов:

- префиксальный: **«Затопительный» сезон** (Трибуна, № 38, 14.09.2012) – заметка о том, как накануне отопительного сезона из-за длительных дождей были затоплены мастерские художников. Окказионализм «затопительный» заменил созвучное слово-пароним «отопительный». Новая номинация, отсылающая к глаголу «затопить», оправдывается дальнейшим изложением и «подстраивается» под него. Другие примеры: **«Неразвесистая» клюква** (Трибуна, № 38, 14.09.2012) – о плохом урожае «даров леса» в Коми, **«Небоевые потери»** (Трибуна, № 3, 18.01.2013) – о солдатах из Коми, которые чуть не погибли от пневмонии. Словообразовательная игра совмещается с игрой с устойчивыми сочетаниями, а новое слово называет признак, обратный семантике мотивирующего слова;

- префиксально-суффиксальный: **«Заполярные отморозки»** (Трибуна, № 53, 28.12.2013) – о приговоре двум убийцам шахтеров. За счет присоединения префикса *за-* и суффикса *-к-* к слову морозы выражение «заполярные отморозки» становится в тексте носителем оценки;

- суффиксальный: **«Никакой «скощухи»** (Красное знамя, № 3, 17.01.2013) – статья о судебной коллегии, которая оставила без изменения приговор по уголовному делу чиновников, виновных в пожаре Дома ветеранов в Подъельске. Резко отрицательная оценочность создается с помощью экспрессивного аффикса *-ух-* и просторечной основы *скостить*. **«Чуйка» Бихерта** (Красное знамя, № 5, 31.01.2013) – статья о бывшем начальнике уголовного розыска. Окказиональное слово возникает в результате словопроизводства от разговорной основы *чують* с помощью разговорного аффикса *-к-*.

Журналисты, перерабатывая продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели, «добывают» из единиц языка новые смыслы и устанавливают новые связи между фактами языка и фактами реальной действительности [2, с. 203]. При таком замещении основная смысловая нагрузка падает именно на окказиональное слово, которое в медиа-тексте становится ключевым для организации смысла изложения и увеличивает объем текста в содержательном, оценочном и эмоциональном отношениях.

5. Ещё одна разновидность языковой игры – **графическая** – в исследуемом материале представлена незначительно (хотя, как отмечает И.Н. Пономаренко, для первого десятилетия нового века были характерны именно графические игры [10, с. 397]). Графическая игра – это шрифтовая, цветовая, пространственная, пунктуационная актуализация элемента, организующего новое слово. Как счи-

тает С.И. Сметанина, «суть графической игры в выделении той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, формирующий оригинальный смысл» [2, с. 204]. Подключение техники печати к формированию смысла есть, вероятно, реакция на особенность современного мировосприятия: массовое сознание отдает предпочтение визуальным знакам.

Для современной региональной прессы характерны заголовки, в которых внутри слов используются прописные буквы, то есть шрифтовая актуализация нового смысла на основе омофонии: «**КОМИ**кадзе на льду» (Трибуна», № 46, 09.11.12) – заметка о рыбаках из Коми, которые занимаются подледным ловом на еще не окрепшем льду. Первая лексема в данном заголовке состоит из двух основ – «Коми» и «камикадзе». Их соединение и графическое выделение первой основы позволяет журналисту выразить отрицательное отношение к описываемому явлению. Колорит игры усиливается ассоциативным сближением номинации «Коми», отсылающей к региональной тематике, и названия, обозначающего японских пилотов-смертников Второй мировой войны. Причем ради игры автор допускает орфографическую ошибку в написании слова. Другие примеры: «**Действует грамотно и хороШОУ!**» (Трибуна, № 19, 04.05.2012) – о конкурсе профессионального мастерства связистов, который прошел как реалити-шоу; «**Слово о «ГАЗелях»**» (Красное знамя, № 5, 31.01.2013) – о запрете на автобусы малой вместимости в Сыктывкаре.

Подводя итог, можно сказать, что языковая игра в дискурсивном пространстве массовой коммуникации – результат поисков оптимальных способов привлечения внимания к тексту, снижение официальности сообщения, установления диалога с адресатом и, как следствие, реализация определенных манипулятивных стратегий, поскольку, чем интенсивнее документальное подвергается игровой обработке, тем больше «в фактологическом отношении игровые компоненты приводят к редукции информационной стороны высказывания» [2, с. 252].

Как показали наши исследования, одним из главных экспрессивных ресурсов в заголовках выступает прецедентный текст, подвергающийся различной степени трансформации. Наиболее частотными приемами являются преобразование компонентного состава фразеологической единицы, а также ее буквализация. Активно функционируют заголовки, включающие в свой состав разговорные и просторечные элементы. При этом в региональных СМИ актуализируемым экспрессивным элементом становится и лексика ограниченной сферы употребления (жаргонно-арготическая и профессиональная). В новостном дискурсе одним из проявлений отмеченной тенденции является снятие нравственных ограничений на использование приемов языковой игры в традиционно «деликатных», подвергающихся эвфемизации в тематических областях, – болезни, несчастные случаи и т.п. «Прагматика современного речевого общения «высвечивает» ценностные ориентации русской языковой личности, все чаще концентрирующейся на отрицательном полюсе оценок» [11, с. 222].

В перспективе анализ языковой игры, основанной на использовании цитат, фразеологических единиц, в функционально-стилистическом аспекте даст воз-

возможность составить представление об этнокультурных ценностях и культурной компетентности современных авторов и потенциального читателя.

***

1. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 296 с.
2. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.
3. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 238 с.
4. Санников В.З. Об истории и современном состоянии языковой игры // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 3-21.
5. Караулов Ю.Н. Культура речи и языковая критика. URL: <http://www.gramota.ru/rlefir.html?p6.htm>
6. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90-141.
7. Majkowska G. O języku mediów // Dziennikarstwo i świat mediów. Wyd.3, zmien.i rozszerz. Krakow, 2004. S. 232-243. Цит. по: Кульпина В.Г. Особенности категоризации языка СМИ медиаспециалистами и лингвистами // Язык средств массовой информации: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания; отв. ред. Трошина Н.Н. М., 2007. С. 44-45.
8. Негрышев А.А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) // Международный научно-практический (электронный) журнал «INTER-CULTUR@L-NET» 2006. Вып. 5 // <http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/html/journal.htm>
9. Миронов В.В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 295-315.
10. Пономаренко И.Н. Языковая игра в современном лингвокультурном пространстве // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Том 25 (64). № 1. Часть 1. – С. 395-399.
11. Коваленко Е.Г. Приемы актуализации фразеологизмов в языке публицистики // Русский язык: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции памяти профессора Г.А. Турбина (23-24 октября 2002 г.). Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. С. 221-227.

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КОМИ КРАЯ»
(публикации С.А. Попова)**

Статья посвящена изучению авторского коллектива одного из значимых изданий «Общества изучения Коми края» – регионального краеведческого журнала 20-30-х гг. XX в. «Записки Общества изучения Коми края» в лице видного деятеля коми культуры, этнографа, исследователя коми языка, директора Коми областного музея С.А. Попова.

Ключевые слова: региональная периодика 20-30-х гг. XX в., издательская деятельность Общества изучения Коми края.

This article is devoted to the problems of the studding of the authors of the articles of the periodical magazines of the Komi region in 20-30 years of XX th century. In this article speaks about one of the famous Komi sciences S.A. Popov.

Keywords: the Komi periodical magazines the authors of the articles of Komi periodical magazines, the Komi region in 20-30 years of XX th century.

Важную роль в становлении региональной печати первой половины XIX в. сыграли издания Общества изучения Коми края (далее – ОИКК): журнал литературной секции ОИКК «Парма ёль» («Лесной ручеек») (1922-1923), «Коми му» («Зырянский край») (1924-1929), «Записки Общества Изучения Коми Края» (1928-1930), «Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка» (1930-1931). ОИКК, возникшее 16 мая 1922 г., явилось первой попыткой объединения всех краеведов в единую организацию, наделенную целью изучения Коми края и популяризации краеведческих знаний. Перед ОИКК ставились задачи собирания краеведческих материалов, организация музея, выставок, создание библиотеки, а в первую очередь – изучение Коми края в экономическом, культурном и бытовом отношениях [1, с. 3; 4, с. 11-13].

Значимым краеведческим журналом являются «Записки Общества изучения Коми края» (далее – «Записки ОИКК»), несмотря на то, что было всего пять выпусков: один в 1928 г. и по два в 1929 г. и 1930 г.; первые два выпуска журнала вышли тиражом 700 экземпляров, остальные – 760. Журнал «Записки ОИКК» выходил два раза в год ввиду «ничтожности бюджета (около 3.000 р. в год), а также слишком ограниченного состава сотрудников» [2, с. 122]. Ответственным редактором издания был А.Ф. Богданов, в редакционную коллегию вхо-

дили партийный работник Д.А. Батиев, Н.А. Соснин, А.М. Мартюшев [3, с. 3]. Материалы в журнале публиковались на русском языке; коми язык использовался в статьях о самом коми (зырянском) языке, диалектах и топонимике. В пяти выпусках отражено 37 материалов, затрагивающих темы, касающиеся как деятельности самого ОИКК, так и всего Коми края: истории Коми края и коми народа, фольклора, коми литературы, этнографии, лингвистики, археологии, социологии и др.

С журналом сотрудничали различные деятели коми культуры: В.И. Лыткин, А.М. Мартюшев, В.А. Савин, А.К. Сидоров, А.А. Цембер, Н. Цыпанов, Г. Шипунова, А.Н. Грен, П.А. Воронов, Н.А. Богословский, Д. Иевлев, В.А. Ильинский, И.С. Коканин, В.М. Подоров, Ю.П. Славянский, С.М. Смирнов, Ф.А. Терентьев, Ф.П. Чукичев, С.А. Попов. Некоторые публикации в издании подписаны псевдонимом, а некоторые не имеют авторства, поскольку в жанровом отношении являются хрониками ОИКК, научными отчетами об археологических экспедициях и т.п.

Выяснилось, что сведения об авторах «Записок ОИКК», как правило, разрозненны и фрагментарны: такие авторы, как А.К. Сидоров, В.И. Лыткин и А.Н. Грен, более известны и их деятельность достаточно изучена, публикации других оказались обойдены вниманием. Одним из таких авторов «Записок ОИКК» является Сергей Александрович Попов (1905-1986 гг.), этнограф, археолог, исследователь коми языка, один из директоров Коми областного музея. Как оказалось, фамилия С.А. Попова не отражена в современных справочниках и энциклопедиях по Коми краю. Основные биографические данные и научные этапы деятельности С.А. Попова освещены в монографии В.А. Сова «История в событиях и лицах: Страницы истории Национального Музея Республики Коми / Научн. ред. Л.П. Рощевская» в главе «Подвижник краеведения» (Сыктывкар, 2011. С. 44-48) и в двух небольших публикациях в газете «Коми му» (Беляев Г. Чожмөр пий-аланой [Шустрый сын-талантливый] // Коми му. 1996. 19 сент.; Г.Б. [Беляев Г.] Важ снимокъясь висьталоны [Старые снимки говорят] // Коми му. 1997. 4 нояб.).

С.А. Попов был уроженцем села Визинга Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, учился в церковно-приходской школе, затем в Усть-Сысольской гимназии в педагогическом техникуме повышенного типа на социально-историческом курсе. Известно, что в 1924 г. С.А. Попов вступил в ОИКК, а в 1927-1930 гг. он состоял членом правления и председателем московского филиала ОИКК, поскольку после работы в качестве преподавателя в школе при педагогическом техникуме он поступил в 1-й Московский государственный университет на этнографическое отделение историко-философского факультета [11, с. 44-48]. В 1931-33 гг. С.А. Попов являлся руководителем Коми областного краеведческого

С.А. Попов

музея, при котором работала экономо-географическая секция краеведов. Однако в 1933 г. он был арестован, в 1934 г. сослан в Казахстан, затем оказался в Оренбурге, где продолжал свои активные научные изыскания: разрабатывал темы заселения Оренбургского края, приезда в 1833 г. в Оренбург А.С. Пушкина, этнографии и археологии Сибири и др. [11, с. 44-47].

Следует сказать о том, что публиковаться С.А. Попов начал еще до своего участия в журнале «Записки ОИКК», на страницах другого популярного журнала ОИКК – «Коми му». С 1926 по 1929 гг. он издал в этом журнале семь работ, четыре из которых подписаны псевдонимом «Чожмөр» («Горноста́й»). Тематика этих материалов свидетельствует о том, что уже тогда С.А. Попов занимался собирательской деятельностью как фольклорист-полевик, записав предание о богатыре Шипице в селе Слобода (Попов С. Предание о Шипице // Коми му. 1926. № 12 (34), декабрь. С. 40; см. также: Попов С. Песня, записанная в деревне Илья на Печоре // Коми му. 1927. 3 (37), март. С. 38-39); и как архивист-источниковед (Чожмөр [Попов С. А.]. Новые исторические документы об Ижме // Коми му. 1928. 5 (51), май. С. 43-45); его интересовали вопросы происхождения языка и народа коми (Попов С. 1) К происхождению языка и народа коми // Коми му. 1929. 6 (64), март. С. 54-61; 2) О происхождении языка и народа коми // Коми му. 1929. 7 (65), 1-15 апреля. С. 59-63; см. также 3. Чожмөр [Попов С. А.]. Избранна-дес о зырянах (сгренах) // Коми му. 1928. 1 (47), январь. С. 36-39). Он одним из первых опубликовал заметку о неосуществленных планах промышленника В.Н. Латкина (Чожмөр [Попов С. А.]. Несколько слов о В.Н. Латкине // Коми му. 1928. 9-10 (55-56), сентябрь-октябрь. С. 82-83).

В другом журнале – «Записки ОИКК» – С.А. Попов издал две свои работы, которые оказали существенное влияние на формирование научно-историковедческих подходов к осмыслению истории Коми края.

Его публикация «В поисках исторической правды: (Материалы к истории народа Коми)» (1929. Вып. 3. С. 3-43) представляет собой подробную рецензию на ряд статей достаточно известного и плодовитого автора А.М. Мартюшева. Как отмечают исследователи, А.М. Мартюшев был ведущим специалистом ОИКК в области истории коми народа: он работал в исторической секции ОИКК, активно выступал с докладами на ее заседаниях; во второй половине 1928-1929 гг. его избрали в правление ОИКК, он стал ответственным секретарем, а вскоре и фактическим руководителем Общества [6, с. 183, 199]. Кроме того, с 1928 г. он был членом редколлегии «Записок ОИКК». Не случайно поэтому, как нам кажется, С.А. Попов подписал довольно нелицеприятную рецензию своим псевдонимом «Чожмөр».

Ревизии подверглись несколько работ А.М. Мартюшева, вышедших в журналах «Коми му» и «Известия ОИКК»: «Коми народ в первый период исторической его известности (материалы к истории коми народа)» (Коми му. 1928. 2 (48), февраль. С. 34-41; 3 (49), март. С. 33-41), «Коми народ, как объект Московской завоевательной политики в XIV-XV веках: (Доклад, прочитанный в исторической секции Общества Изучения Коми Края в гор. Устьсысольске 20 мая 1928

года). (Материалы к истории Коми народа) («Записки Общества Изучения Коми Края. 1928. Вып. 1. С. 54-79) и «“Епифаниева” повесть, как исторический документ о Коми народе: (Материалы к истории Коми народа)» (Записки Общества Изучения Коми Края. 1929. Вып. 2. С. 12-34).

Примечательно, что сама редакция журнала «Записки ОИКК» приглашала принять участие в дискуссии по этому вопросу, сопроводив последнюю статью А.М. Мартюшева следующим примечанием: «В помещаемой статье “Епифаниева повесть” автор пытается осветить эпоху обращения Коми народа в христианство, как он выражается, под иным углом зрения. Спорные места в статье редакция не оговаривает, предоставляя опровергать или углублять выводы автора другим исследователям истории Коми. Хотя свои выводы автор подкрепляет нередко тоже догадками и предположениями, но все же редакция находит их интересными и в целях освещения исторического прошлого Коми дает место в “записках” общества изучения Коми края» [5, с. 12].

В своей рецензии С.А. Попов разбирает положения А.М. Мартюшева о происхождении коми народа от летописного племени «печера», о заселении территории современных коми югрой, о том, что в XI в. никакого племени «пермь» не было, и оспаривает их. В одном из своих доказательств С.А. Попов делает попытку лингвистических изысканий: стараясь прояснить происхождение названия «Обь», он возводит этот топоним к словам коми происхождения («Очень вероятно те предположения, что “Обь” – слово по происхождению Коми. Сравните “Обва” – в Коми-Пермяцком округе, “Об” – коми-зыр. – “старшая сестра отца”), делая при этом ссылку на свои полевые записки: «Из моих записей в с. Керчемье, Усть-Куломского уезда» [12, с. 17].

В других своих комментариях на некоторые утверждения А.М. Мартюшева С.А. Попов поддерживает точку зрения этнографа-зыряноведа, члена Русского Географического Общества М.И. Михайлова, с которым тот резко полемизировал. А.М. Мартюшев считал, что самые известные статьи М.И. Михайлова «Устьвымь», опубликованные в нескольких номерах издания «Вологодские губернские ведомости» за 1850 г., а затем изданные отдельной работой (Описание Устьвыма. Вологда, 1851), представляют собой «сплошную отсебятину», что «в распоряжении Михайлова никаких драгоценных рукописей не было, а писал он свой труд “Устьвым” только на основании рассказов в церковной сторожке» [12, с. 23]. Тем не менее С.А. Попов отмечает важность местных преданий о происхождении Пермской епархии и первых епископах Пермских, которыми широко пользовался М.И. Михайлов. Внимательно ознакомившись с работами М.И. Михайлова, С.А. Попов отмечает, что тот действительно опирался на приобретенные им рукописи, а также цитировал рукописные источники из коллекции дворянского титулярного советника А.И. Попова. Так, в частности, повествуя об основании Архангельского монастыря в Усть-Выми, М.И. Михайлов прямо указывает: «выписываем из местных рукописей подробности основания монастыря с удержанием последовательности главных мыслей подлинника», а в примечании говорит о том, что эти рукописи «собраны известным любителем зырянских

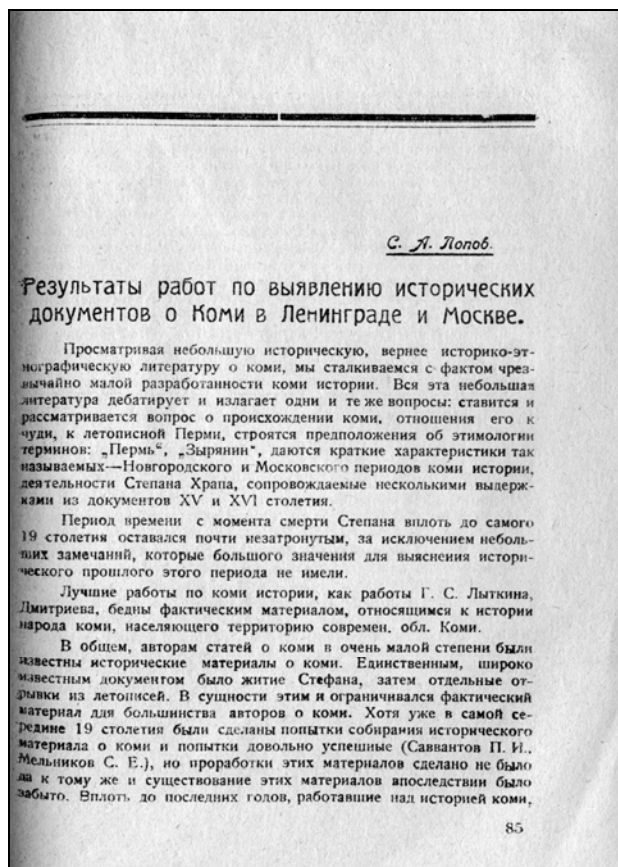

древностей, титулярным советником А.И. Поповым и пожертвованы им в Усть-Сысольскую общественную библиотеку» [12, с. 26]. Проведенное нами изучение состава книг и рукописей Усть-Сысольской общественной библиотеки позволяет говорить о том, что заседатель Усть-сысольского уездного суда А.И. Попов, первый хранитель книг Усть-Сысольской библиотеки, покупал и сам переписывал рукописные книги, впоследствии безвозмездно передавая некоторые из них в фонд библиотеки [8, 10].

Такое внимание со стороны С.А. Попова к рукописным и архивным источникам не случайно, поскольку, обучаясь в Москве, он много работал в архивах и библиотеках, собирая различные сведения о региональных документах. Его разыскательская деятельность находилась в русле основных направлений работы ОИКК. Известно, что ОИКК занималось организацией областного центра научно-краеведческой литературы, который должен был, по мнению правления ОИКК, находиться при национальном музее Коми, поэтому члены ОИКК активно занимались комплектованием библиотеки [11, с. 28]. В первую очередь пополнение библиотеки шло путем изъятия дубликатов из книгохранилищ Ленинграда и Москвы. В частности, в 1929 г. из библиотеки им. В.И. Ленина в Москве Московский филиал ОИКК, председателем которого был С.А. Попов, передал 2696 томов [11, с. 28]. В 1928 г. от имени ОИКК было подготовлено обращение в Археографическую комиссию АН СССР с просьбой снять копии с некоторых актов, хранящихся в Комиссии и имеющих важное значение в изучении Зырянского края. ОИКК просило выслать также ряд материалов справочного характера о местных писцовых и переписных книгах XVI-XVII вв. Эту работу возглавил ученый секретарь Археографической комиссии, видный советский историк и археограф А.И. Андреев, который привлек в свою группу научных сотрудников Археографической комиссии Н.С. Чаева и П.А. Садикова, а также коми студентов, обучавшихся в Ленинграде. Члены Комиссии решили составить справочник об имеющихся материалах по Коми краю, в связи с чем обследовали громадный собственный архив, библиотеку Академии наук, рукописный Отдел государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Ими были просмотрены коллекции крупных историков, этнографов и археологов, собиравших документы по Северу: В.В. Вельяминова-Зернова, С.Е. Мельникова, П.И. Савvaitова, В.А. Борисова, Н.И. Суворова, И.К. Зинченко, А.И. Шляпкина и др.; акты Коряжемского монастыря, акты Соликамские, акты Яренские и Вологодские. Из этих коллекций было отобрано свыше 500 документов по истории Усть-Сысольского, Яренского и смежных уездов: Сольвычегодского (Вологодской губ.), Мезенского (Архангельской губ.), Соликамского (Пермской губ.). Документы подвергались систематическому описанию и разборке, названия книг и документов заносились на карточки, в результате была составлена картотека на 630 актов и документов по зырянскому краю за 1490-1737 гг. Машинописный экземпляр картотеки актов и документов по Зырянскому краю «Описание Актов, относящихся к истории Коми края, хранящихся в рукописных отделах АН СССР и ленинградской публичной библиотеке им Салтыкова-Щедрина», в настоящее время находится в

Национальном музее Республики Коми (Научный архив. Оп. 1. Д. 2239) [11, с. 28].

Итоги коллективной работы С.А. Попов подвел в обширной публикации «Результаты работ по выявлению исторических документов о Коми в Ленинграде и Москве» (Записки Общества изучения Коми края. 1930. Вып. 5. С. 85-113), представленной в жанре научного доклада.

Опираясь на «объяснительную записку» и картотеку, представленную Археологической комиссией, он отмечал, что Рукописный отдел Публичной библиотеки (в настоящее время – РНБ) обладает несколькими собраниями актов, имеющих отношение к территории Зырянского края, среди которых особенно выделяются две коллекции, разделенные совершенно случайно, только в силу своего одновременного поступления в библиотеку: это акты Яренские и Усть-сысольские.

Отдельно отмечаются рукописи из коллекции известного вологодского и Санкт-Петербургского исследователя П.И. Савваитова, среди которых особо выделяется сборник XVII-XIX вв. F.I.778 (РНБ): в нем находится список XIX в. Чудес устьвымских чудотворцев Герасима, Питирима и Ионы.

Среди Основного собрания рукописей Публичной библиотеки выделяется ряд сборников с этнографическими материалами: зырянские народные песни (РНБ. Q.XVII.62); описание зырянской свадьбы В. Ванеева (РНБ. Q.XVII.231); зырянские пословицы, загадки (РНБ. Q.XVII.65) и др.

Названы в отчете несколько зырянских словарей: «Русско-зырянский словарь и краткая грамматика древнего славянского языка», написанные в 1835 г. скорописью крестьянина Деревянского селения Усть-Немского сельского общества Ив. Гуляева и принадлежавшие другому крестьянину – Алексею Опарину (РНБ. Q.XVI.24), «Краткий зырянский словарь», составленный Ижемским священником Вас. Михайловым и поправленный и дополненный усть-сысольским мещанином Ив. Р. Мальцевым (РНБ. Q.XVI.10), и др.

Кроме того, как нам удалось заметить, ряд указанных в данном отчете в качестве особо ценных рукописей принадлежат первой публичной книгохранильнице Коми края – Усть-Сысольской общественной библиотеке. В первую очередь это касается одной из самых известных в научно-краеведческой литературе рукописей – РНБ. F.IV.712, в которой содержатся различные списки зырянской азбуки и копии зырянских надписей на местных иконах [9].

С.А. Попов указывает также на наличие ценного историко-этнографического материала и в Русском Географическом Обществе в Ленинграде (правда, со ссылкой на печатное описание: Зеленин Д.К. Описание рукописей уч. архива имп. Русского Географического Общества. Петроград, 1914. Вып. 1). В частности, в числе документов по Архангельской губернии он отмечает шесть рукописных тетрадок XIX в. члена-корреспондента Русского Географического общества Стефана Мельникова с описаниями Яренска и местных церквей (№ 4, 5, 10, 11, 60, 61), а также «Заметки об Усть-Сысольске 1849 г.», составленные штатным смотрителем усть-сысольских училищ Евгением Кичиным (№ 61), и др.

В московских архивах и древлехранилищах в течение зимы 1929-30 гг. работу проводил непосредственно сам С.А. Попов совместно со студентом Московского университета А.А. Терентьевым, как отмечал, «по собственной инициативе», при этом С.А. Поповым просматривались материалы, имеющие отношение к населению коми в пределах бывшего Усть-сысольского уезда, а А.А. Терентьевым – в пределах бывшего Ижмо-Печерского с включением самоедов [7, с. 96-97]. Однако отчет А.А. Терентьева должен был быть опубликован позднее, но этого не случилось, таким образом, наблюдения по московским хранилищам являются результатом деятельности С.А. Попова.

С.А. Поповым были просмотрены связки дел Яренской приказной избы, грамоты Коллегии экономии, обширные статистические материалы – переписные книги дворов и дворовых мест и др.; описи дел уездных судов – Устьсысольского, Яренского, Сольвычегодского и Хлыновского и др.; списки с расходных книг, дающих важный материал для выяснения земской организации, и др. Им были скопированы Платежница по Пустозерской волости 1574 г., описание Лузской Пермцы 1645 г. и многие другие документы.

В отчете указываются некоторые рукописи с текстами произведений о Стефане Пермском и трех пермских епископах Герасиме, Питириме и Ионе из собрания Ундольского и, кроме того, несколько рукописей с написанной по-зырянски божественной литургией из коллекции ОИДР, однако недостаток времени не дал С.А. Попову подобно ознакомиться с коллекцией рукописей библиотеки им. Ленина (в настоящее время – РГБ).

Резюмируя проделанные архивные исследования, С.А. Попов справедливо считал необходимым расширить круг городов, в которых должны вестись подобные изыскания, включив в них Вологду и Киев, поскольку Вологодский митрополит Евгений Болховитинов в свое время увез с собой в Киев «старинных рукописей около 2 пудов» [7, с. 112].

У членов ОИКК была задача не только выявлять и исследовать материалы о Коми крае, но и активно публиковать в журнале, как пишет С.А. Попов, «сырой материал», то есть непосредственно тексты исторических документов [7, с. 113]. Эта грандиозная работа не была выполнена, поскольку у ОИКК не имелось для этого достаточно средств. К тому же в 1930 г. вышел в свет последний пятый номер журнала «Записки ОИКК», а само ОИКК сочло невозможным продолжать работу и 21 мая 1931 г. объявило о своей самоликвидации.

Тем не менее заложенная членами ОИКК научная традиция изучения истории и культуры коми народа и их большая источниковедческая и исследовательская работа, отраженная на страницах «Известий ОИКК», в частности в жанрах научного отчета и рецензии, оказалась весьма важной для нас, современников.

***

1. Жеребцов И.Л., Мацук М.А., Роцевская Л.П. 75 лет Обществу изучения Коми края (Доклад на пленарном заседании научно-практической конференции, посвященной 75-летию Общества изучения Коми края, 85-летию Национального музея Республики Коми и 625-летию коми письменности. Сыктывкар, 14 мая 1997 г.). Сыктывкар, 1997.

2. Краеведческая хроника: (К столетию г. Сыктывкара) // Записки Общества изучения Коми Края. 1930. Вып. 5. С. 121-123.

3. Культурные связи русских и коми на Европейском Севере в XVII – начале XX вв.: методические указания по спецкурсу и роспись содержания журналов «Коми му» и «Записки изучения Коми края» / сост. О.В. Орлова. Сыктывкар, 1995.

4. Кызьюров Л.А. Предыстория Общества изучения Коми края // От краеведения к науке: материалы республиканской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.С. Сидорова и 80-летию Общества изучения Коми края (Сыктывкар, 10-11 октября 2001 г.). Сыктывкар, 2003. С. 11-13.

5. Мартюшев А.М. «Епифаниева» повесть, как исторический документ о Коми народе: (Материалы к истории Коми народа) // Записки Общества изучения Коми Края. 1929. Вып. 2. С. 12-34.

6. Они любили край родной / отв. ред. и сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1993.

7. Попов С.А. Результаты работ по выявлению исторических документов о Коми в Ленинграде и Москве // Записки Общества изучения Коми края. 1930. Вып. 5. С. 85-113.

8. Рыжова Е.А. Деятельность А.И. Попова, первого библиотекаря Усть-Сысольской Общественной библиотеки // *Мудрость книжной культуры в век цифровых технологий: сб. материалов международной научно-практической конф.* Сыктывкар, 2008. С. 95-99.

9. Рыжова Е.А. Источники по истории и культуре Коми края в рукописном собрании Усть-Сысольской общественной библиотеки // *Духовная культура финно-угорских народов России: материалы всероссийской научной конференции к 80-летию А.К. Микушева.* Сыктывкар, 2007. С. 248-254.

10. Рыжова Е.А. Рукописное собрание Усть-Сысольской общественной библиотеки: общая характеристика // *Духовное наследие народов республики коми: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев (к 20-летию отдела редкой книги Научной библиотеки СыктГУ).* Сыктывкар 15-16 мая 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 28-35.

11. Сова В.А. Страницы истории Национального Музея Республики Коми / научн. ред. Л.П. Роцевская. Сыктывкар, 2011.С. 44-48.

12. Чожмёр [Попов С.А.]. В поисках исторической правды: (Материалы к истории народа Коми) // *Записки Общества Изучения Коми Края.* 1929. Вып. 3. С. 3-43.

ИКОНОСТАС СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ 1794 ГОДА

В статье на основе архивных документов и сохранившихся изобразительных материалов реконструируется визуальный образ иконостаса Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря 1794 года. Исследуется иконография сохранившихся икон и их взаимосвязи в композиции иконостаса. Анализ состава иконостаса и особенности иконографических решений позволяют сформулировать замысел, в основе которого ведущее место занимала тема прославления Богородицы. Поскольку приведенные иконографические аналогии и стилистические совпадения связаны с Тверью, выдвигается гипотеза об авторстве тверских мастеров-иконописцев.

Ключевые слова: Валаамский монастырь, иконостас, иконография, иконопись, тверские иконописцы, Богородичная тема.

The given article includes new researchers and archive materials concerning the iconostases of the old Transfiguration cathedral, which was created in the Valamo monastery in 1794. Iconography research of the icons shows the connection with pictorial trends of Armoury Palace of the 17th century, which was popular mainly in Tver's art of the end of the 18th century. Some features of iconostases contents reflected the development the cult of the Virgin in monastery at this period.

Keywords: Valamo monastery, icons, iconostases, iconography, the cult of the Virgin.

В изучении художественных работ, происходивших на протяжении XVIII в. в Валаамском монастыре, существенное место занимает проблема убранства Спасо-Преображенского собора.

Долгое время эта тема оставалась без внимания и не затрагивалась ни российскими, ни зарубежными учеными. Впервые к ней обратился финский исследователь епископ Арсений (Й. Хейккинен) в своей лицензиатской работе «Отражение взаимосвязи духовной и светской власти в соборных иконостасах Ладожского Валаамского монастыря XVIII – XIX веков» [15]. На основе имеющихся в архиве ныне действующего Валаамского монастыря в Финляндии исторических источников и сохранившихся изобразительных материалов XIX в. ученый реконструировал облик иконостаса 1794 г. и входившие в него иконы. Иконография некоторых икон проанализирована им с точки зрения воплощения идей цезарипапизма. Осуществленная епископом Арсением реконструкция соборного иконостаса позволила выявить в монастырской коллекции большую группу икон конца XVIII в. Его исследование не только подтвердило необходимость даль-

нейшего изучения поздней иконы в Финляндии, но и показало осуществимость этого направления научной работы. Правда, концепция цезарипапизма, сквозь призму которой рассматривается соборный комплекс в целом и отдельные его иконы, фокусирует взгляд ученого на поиске заданных аргументов и сужает общее поле исследования. Стоит также сожалеть, что до завершения лицензиатской работы автор не выступал с публикациями, делающими явными его достижения. Поэтому независимо от него нам пришлось отчасти повторить проделанный им путь: опираясь на архивные и изобразительные источники, заняться реконструкцией иконостаса Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря 1794 г. В своей работе, сосредоточенной на поиске и анализе собранного художественного материала, мы не ставили ограничений. Дедуктивный метод стал для нас руководящим, и из подведения итогов сложилось понимание замысла соборного иконостаса, несколько отличающегося от концепции финского специалиста. Настоящая статья знакомит с нашим исследованием и его итогами.

Спасо-Преображенский собор, будучи главным храмом Валаамского монастыря, играл доминирующую роль как в архитектурном облике каменного ансамбля, так и в смысловом отношении. Он служил своеобразным духовным манифестом, обращенным к внешнему миру, поэтому облику главного храма обители и его внутреннему убранству придавалось большое значение. Не случайно на Валааме сооружение соборного здания, превосходившего размерами и высотой остальные постройки, продолжалось 7 лет, с 1785 по 1792 гг. Его внутреннее убранство складывалось в течение 20 лет, с 1787 до 1807 гг., поэтапно: оформление придела преподобных Сергия и Германа Валаамских, создание иконостаса, украшение столпов, стен и выполнение монументальной росписи в главном помещении. Последовательность художественных работ позволяет видеть в ней единство и целенаправленность замысла.

Здание Спасо-Преображенского собора XVIII в. не сохранилось до наших дней. Оно просуществовало менее ста лет, затем его разобрали и полностью перестроили в 1887-1896 гг., поэтому о его наружном виде можно судить по сохранившимся фотографиям [20, с. 36] и графическим листам, а об интерьере – на основе монастырских описей и уникальной картины, написанной в XIX в. [17, с. 59].

Согласно монастырским описям, интерьер собора представлял собой четырехстолпный, перекрытый сводами основной объем с примыкающим к нему с западной стороны притвором. 27 июня 1792 г. состоялось освящение южного придела Апостолов Петра и Павла, видимо, обозначившее завершение строительства Спасо-Преображенского собора. 29 июня 1794 г., по указу Санкт-Петербургской консистории от 30 марта того же года, был освящен главный престол в честь праздника Преображения, что отметило окончание основных работ по созданию соборного убранства [22, л. 1 – 1 об.].

Сохранившиеся монастырские описи, несмотря на скудность содержащихся сведений, дают некоторое представление о порядке работ, связанных с созданием иконостаса и деталях его облика. В описи 1802 г. кратко охарактери-

зован внешний вид пятиярусного иконостаса [22, л. 1]. Следующая опись 1808 г. содержит упоминание о его резном декоре [23, л. 1]. Представление об устройстве верхней части алтарной преграды, заполненной круглыми иконами в резных обрамлениях, можно почерпнуть из описи 1825 г. [24, л. 1]. О размере иконостаса сообщается в описи 1848 г. [25, л. 9]. Уникальное по своей полноте описание состава иконостаса и входивших в него икон с указанием размеров содержится в последней до перестройки собора описи 1864 г. [26, л. 10 об. – 22 об.]. В ней также уточнены некоторые детали, касающиеся золочения и декоративных деталей иконостаса [26, л. 10 об., 11].

Суммируя данные источников, скажем, что высокий пятиярусный иконостас являлся средоточием убранства Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря. В его основе лежала трехчастная композиция, выраженная архитектурными деталями, как по вертикали, так и по горизонтали. Два больших карниза объединяли внизу и в средней части по два ряда из удлиненных по вертикали и вытянутых по горизонтали прямоугольных икон – местный ряд и праздники, деисус и пророки. Нарядный облик верхней части иконостаса придавали лучковые завершения центральной и боковых частей, с помещенными на них круглыми иконами. Пластически выделенные Царские врата с ангельскими головками и изображением Святого Духа в виде голубя в сиянии, а также круглая икона «Тайная вечеря» в резной раме с венчающей ее композицией Святого Духа в виде голубя, концентрировали внимание на тесно связанной с богослужением главной части алтарной преграды. Роль выразительных акцентов в среднем ярусе отводилась одинаковым по высоте иконам пятифигурного Деисуса – в центре, и иконам «Сошествие Святого Духа» и «Коронование Богоматери», объединявшим два средних ряда (апостолов и пророков). Не исключено, что крайние иконы, в том числе две большие иконы, были вынесены на завороты, что усложняло пространственное построение иконостаса. Определенно этот вопрос решить невозможно, поскольку в описях эта деталь не упомянута. Однако наличие двухфигурных апостольских и пророческих икон, обозначающих плавный переход от однофигурных образов к композициям, пропорции крайних трехфигурных икон в праотеческом чине и удлиненных праздников укрепляют нас в этом предположении.

Все иконы имели резные обрамления, а поскольку в нижних трех ярусах над ними располагались резные ангельские головки, вероятно, рамы не ограничивались простым профилированным багетом. Резные детали имелись и между иконами. Таким образом, деление карнизами, пластическое выделение центральной части, наблюдающийся волнообразный ритм в размерах и расположении икон в общей композиции алтарной преграды, накладная резьба, ангельские головки, резные обрамления икон праотцев в виде рокайльных завитков – все это позволяет заключить, что соборный иконостас принадлежал к произведениям в стиле барокко-рококо. Его общая планировка соответствовала барочным иконостасам Петербурга, например, иконостасу дворцовой церкви в Царском Селе (1757). Исполнители соборного иконостаса 1793 г. неизвестны.

Согласно описям, первоначально иконостас, за исключением Царских врат, оставался без покраски и золочения. Позолотные работы были выполнены только в 1807 г. Упоминается имя Ивана Сиверса [1, с. 80; 27, л. 58]. Сплошная позолота алтарной преграды и ее резных деталей придавала величавую торжественность и пышность убранству собора, созвучную иконостасам Москвы XVII в. Не случайно Е. Леннрот, финский путешественник, собиратель «Калевалы», посетивший монастырь в 1828 г. и побывавший в соборе, восхищенно отмечал необычайную роскошь интерьера, где со всех сторон блистало золото и серебро [19, с. 90].

Среди золотой резьбы живописным образам отводилась роль своеобразных драгоценностей, привлекавших внимание не только цветом, но и смыслом.

Иконы, входившие в иконостас, сохранились частично, из 79 – удалось выявить 28 произведений. Дошедшие до наших дней иконы местного ряда полностью переписаны вновь по старым доскам, их авторская живопись сохранилась фрагментарно. Праздничные иконы, из которых уцелела почти половина, а также единичные произведения деисусного и проточеского рядов покрыты сплошной или частичной записью. Анализ иконографии, состава и композиции соборного иконостаса, пожалуй, единственные возможные способы исследования, пока произведения не раскрыты.

Вспомогательную роль в рассмотрении иконографии играют сохранившиеся серебряные оклады, изготавливавшиеся в разные годы петербургскими серебряниками на иконы местного ряда и повторяющие основные черты живописи икон. Заметим, что хронология изготовления серебряных риз в значительной мере связана с монастырскими вкладами и демонстрирует их возрастание в период, близкий посещению Валаама императором Александром I в 1819 г. Тем не менее драгоценный убор, ранее всего украсивший богородичные иконы «Богоматерь Знамение» и «Богоматерь Тихвинская», свидетельствует об их развитом почитании в Валаамском монастыре и высоком положении в иерархии святынь Спасо-Преображенского собора, до XIX в. не обладавшего собственными чудотворными иконами.

Еще одним подспорьем в иконографическом исследовании соборных икон служит комплекс икон из Никольской церкви города Сортавала конца XVIII – начала XIX вв., первоначально бытовавших в иконостасе церкви Николая Чудотворца Рантуеен. Эти иконы, вероятно, написаны некоторое время спустя после создания Валаамского соборного иконостаса и по его образцу. Не случайно сортавальские иконы повторяют иконографии Валаамского собора и сопоставимы с серебряными ризами.

Как отмечалось, соборный иконостас включал пять рядов. В местном ряду находилось 14 икон. Их тематика представляет особый интерес, поскольку очерчивает круг святынь и святых, значимых для Валаамского монастыря и прилежащих к нему территорий. Произведения, стоявшие слева и справа от Царских врат, зрительно и по смыслу составляли пары, поэтому не будет искажением рассмотрение их попарно.

Главное место по сторонам Царских врат занимали иконы «Спас на престоле» и «Богоматерь на престоле», иконографически повторявшие распространенные в церковном искусстве XVIII – начала XIX вв. образцы имперского Петербурга – иконы Петропавловского собора (1727) и Большой церкви Зимнего дворца (1764). Икона «Спас на престоле», за исключением надписи, не отличается от столичных прототипов. Близкую аналогию представляет одноименная, правда несколько меньшая по размерам, икона из Сортавалы.

Иконография образа «Богоматерь на престоле» реконструируется на основе серебряного оклада и аналогичной иконы «Богоматерь на престоле» из Никольской церкви Сортавалы. В соборе, так же как и в иконостасе валаамской церкви Успения (1786), при общем сходстве богородичный образ отклоняется от иконографических прототипов из Петропавловской или дворцовой церквей. Особенностью извода является высоко поднятое колено Богоматери, на которое опирается Эммануил, и его царские и архиерейские одежды. Символика этих изображений, видимо, связана со стремлением продемонстрировать происхождение Христа по плоти из колена Иудина и рода царя Давида. Эммануил предстает как Мессия, владыка и спаситель мира, освящающий истинный храм своей плоти – Богородицу, лучшую и пречистую избранницу человеческого рода. Целый ряд деталей ассоциируется с непорочностью Марии, например, пояс на ее платье. Царские атрибуты также понимаются скорее как знаки Приснодевства: корона – «венеч воздержания», жезл в правой руке напоминает о ее символических прообразах – «лозе истинной», «цвете нетления». Цветочный орнамент мафория Богоматери, повторенный на окладе, вторит гимнографическим текстам, именующим Богоматерь «Цветом Неувядающим».

Иконография богородичного образа вызывает ассоциации с изводами «Богоматерь Гора Нерукосечная» (вторая половина XVII в. из церкви Вознесения в Кадашах) и «Богоматерь Неувядаемый Цвет» (ГТГ, Тихон Филатьев, 1691). Известно, что извод «Богоматерь Неувядаемый Цвет», появившийся в России на рубеже XVII – XVIII вв., связан с афонским прототипом [12, с. 400 – 413; 2, с. 25, кат. 41; с. 23, кат. 35]. В положении фигур Богоматери и Младенца, в приподнятом на подножии колене Девы Марии, наблюдается связь с греческими образцами, такими как «Богоматерь на престоле» Павла Иконописца 1650 г. [6, с. 39], «Богоматерь на престоле с пророками» и «Богоматерь Экономисса (Домостроительница) с житием Афанасия Афонского и видом Великой Лавры на Афоне» [4, кат. 143]. Два последних изображения известны также по гравюрам [16, с. 430–433, No. 80].

Следом за иконами, фланкировавшими Царские врата, стояли храмовый образ «Преображение» – справа и «Успение» – слева, соответствовавшее престольному празднику соседней, второй по значению, монастырской церкви. Икона «Преображение» принадлежала к распространенному изводу, включавшему эпизоды с восхождением и нисхождением апостолов на гору Фавор.

«Успение», как и храмовый образ Успенской церкви, характеризуется иконографическими особенностями, получившими распространение в иконописи

конца XVIII – начала XIX вв. В отличие от традиционного изображения, где видна только часть фигуры Христа, стоящего за ложем Богородицы, в данной иконе Христос представлен в полный рост парящим в облаке над ложем. Обращают на себя внимание такие детали, как подчеркнута преклонный возраст усопшей Богородицы, покровенные руки апостола Павла, Сионская горница в виде низкого строения с окнами. Близкое прочтение сюжета «Успение» наблюдается в иконе В. Аленева «Успение Богородицы» (1782). Однако по своему смыслу валаамское «Успение» ближе всего тверским иконам конца XVIII – начала XIX вв. Именно в Твери чаще всего встречается интерпретация сюжета «Успение» в виде двухрегистровой композиции, с ложем Богородицы, окруженным апостолами и ангелами – внизу и Христом, либо возводящим Деву Марию на небеса, либо встречающим ее в небесных чертогах (иконы XVIII в. из Троицкой церкви («Белой Троицы») и из Успенской церкви Отроча монастыря в Твери).

Из высоких узких алтарных дверей с изображением архангелов сохранился только образ «Архангел Гавриил», оформлявший вход в жертвенник. Следует отметить, что в монастырской описи изображение «Архангел Гавриил» упоминается сразу после храмовой иконы [26, л. 12]. Непоследовательность в порядке перечисления искупается иерархической значимостью образа архангела, небесного покровителя митрополита Гавриила, много помогавшего возводившемуся в камне монастырю. Несмотря на большие утраты, можно заключить, что изображение Архангела Гавриила близко прототипам из петербургских церквей и ангельским образам, встречающимся в тверских иконах конца XVIII – начала XIX вв.

Следующую пару местного ряда составляли иконы «Николай Чудотворец» и икона основателей монастыря «Преподобные Сергей и Герман Валаамские». Документы не сохранили сведений об иконе, первоначально стоявшей на месте образа святителя Николая, но не исключено, что это было произведение аналогичного сюжета, иконографически близкое иконе из Сортавалы. Поставленная взамен первоначального образа икона «Николай Чудотворец», пожертвованная в 1827 г. петербургским купцом П.Е. Пшеницыным, и окружавшая ее живописная рама 1839 г. с изображением патрональных святых жертвователя, соответствовали размеру икон местного ряда (134x80). Образ святителя Николая Чудотворца относился к наиболее почитаемым в Валаамском монастыре. Мирликийский чудотворец рассматривался как «скорый помощник» при любых невзгодах и в особенности на водах. На островном Валааме не могли не ценить его благорасположения, поскольку именно им определялась связь с внешним миром [19, с. 83-85; 14, с. 87-93], от него зависела хозяйственная деятельность и рыбная ловля на Ладожском озере. Не случайно в соборном иконостасе его образ повторен дважды, святителю Николаю был посвящен придельный престол теплой Успенской церкви (1760) в деревянном монастыре. В возобновляемой в камне обители в его честь освятили церковь (1793), находившуюся к югу от собора.

Икона «Преподобные Сергей и Герман Валаамские», согласно сложившейся монастырской традиции, находилась в левой части иконостаса. Иконографическая формула преподобных-основателей монастыря находилась в стадии формирования и не имела еще той устойчивости, которую она приобретет несколькими десятилетиями позднее. Заметим, что в соборной иконе использована та же иконографическая схема, как в аналогичной иконе местного ряда Успенской церкви [26, л. 15], преподобные облачены в черные схимнические одежды: параманды с голгофскими крестами, головы покрыты куколями. Эта последняя деталь, покровенные головы святых, станет узнаваемой приметой изображения преподобных Валаамских чудотворцев в XIX в.

Согласно описи 1848 г., стоявшие далее образы «Богоматерь Знамение» – справа – и «Богоматерь Тихвинская» – слева, относятся к вкладным иконам, дата появления которых в монастыре оказалась не зафиксирована или утрачена. Созданные до 1793 г., они, вероятно, с самого начала заняли свои места наряду с иконами, написанными специально для нового иконостаса. Размещение этих образов в иконостасе закономерно, поскольку они представляли собой прославленные по всей России богородичные изображения, восходящие к древним византийским святыням и с особой проникновенностью почитаемые в Новгородских землях и Ладужской Карелии, то есть на территории, с которой связано их явление и многочисленные чудеса.

Завершали местный ряд справа и слева парные изображения, следовавшие излюбленной иконографической схеме XVII в., где святые молитвенно предстояли Божеству или его иконе. Справа ряд замыкали образы «Апостолы Иоанн Богослов и Андрей Первозванный», «Апостолы Петр и Павел», слева – «Иоанн Предтеча и Николай Чудотворец» и «Святой князь Александр Невский и преподобный Александр Свирский». Из четырех названных икон сохранилась лишь одна – «Иоанн Предтеча и Николай Чудотворец».

На иконе «Иоанн Предтеча и Николай Чудотворец» пророк-аскет и пастырь изображены в рост, с поднятыми вверх ликами, над ними представлен склоненный к ним из облаков, благословляющий двумя руками Спаситель. Характер трактовки образов иконы близок произведениям тверских иконописцев. Заметим, что в иконостасе валаамской церкви Николая Чудотворца, освященной в 1793 г., образ Иоанна Предтечи стоял рядом с храмовой иконой святителя Николая Чудотворца, образуя похожую смысловую пару [25, л. 32 об.].

Хотя замыкавшие местный ряд слева и справа иконы «Апостолы Петр и Павел» и «Преподобный Александр Свирский и святой князь Александр Невский» не сохранились, их программная направленность не может быть недооценена. Образы апостолов Петра и Павла, имена которых символизировали Церковь Христову, в контексте местного ряда соборного иконостаса обращали к столичному Петербургу и главному храму империи – Петропавловскому собору. Они напоминали о великом основателе новой столицы Российской империи – Петре Великом и его деяниях во славу Церкви, в частности о перенесении в 1724 г. святых мощей его героического предка новгородского и владимирского князя

Александра Невского, знаменитого своими победами над шведами и немецкими рыцарями, из Владимира в Петербург, где для них в столице было устроено святилище – Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. С этого времени святой князь Александр Невский почитался покровителем и защитником царской семьи, в его честь нарекались царские наследники. С образами прославленных святых имперской столицы сопоставим был только преподобный Александр Свирский, постриженник Валаамского монастыря, целитель и провидец, удостоившийся явления Троицы, и основатель монастыря на реке Свирь, одного из богатейших и знаменитых в Карелии. Близкую аналогию иконе первопрестольных апостолов можно видеть в одноименной иконе из Сортавалы.

Иконные образы местного ряда собора напоминали, что в честь первоверховных апостолов и преподобного Александра Свирского в предшествующем деревянном монастырском соборе были освящены придельные престолы, соответственно в 1757 г. и в 1759 г. В каменном соборе также в память первоверховных апостолов был освящен соборный придел в июне 1792 г. Правда, он просуществовал там недолго и по указу Санкт-Петербургской Духовной консистории в 1805 г. был перенесен в надвратную церковь, которая была освящена в 1809 г.

Более всего выразивший кредо Валаамского монастыря местный ряд соборного иконостаса демонстрировал, что иконографически и по составу он соответствовал официально утвержденным и распространенным образцам, восходящим к петербургским церквам. Иконы, представлявшие ядро местного ряда – «Спас на престоле», «Богоматерь на престоле», «Преображение», «Успение», «Архангел Михаил» и «Архангел Гавриил», – хотя и обладали нюансами, вносившими в их понимание специфически монастырское прочтение, все-таки в основном соответствовали сложившимся столичным прототипам. Иконографии святых, замыкавших местный ряд слева и справа, относившиеся к изводам XVII в., благодаря емкой классической форме сохраняли свое значение и в XVIII в.

Легко читаемая своеобразная формула местной святости, предложенная в соборном иконостасе Валаамского монастыря, отчасти совпадала и отчасти повлияла на круг чтимых святых, распространенный в Карелии. Точность ее адресованности подтверждало то, что произведения местного ряда нашли отклик среди окружавшего монастырь карельского населения. Об этом свидетельствуют образы, представленные в иконостасах церквей и часовен, построенных в Карелии в XIX в. [18, с. 82].

Второй ряд иконостаса включал иконы, посвященные основным православным праздникам. Отступая от календарной последовательности, справа от Царских врат, были собраны двенадцатые господские праздники, раскрывающие историю спасительного служения Христа, а также историю учреждения Новозаветной Церкви – это «Рождество Христово», «Воздвижение Креста», «Сошествие Святого Духа», «Святая Троица», «Нерукотворный Образ», «Преображение» и «Вознесение». В левой части, за двумя исключениями, «Вход в Иерусалим», «Богоявление (Крещение)», были представлены богородичные праздники – «Введение во храм», «Рождество Богородицы», «Сретение», «Благовещение» и

«Успение». Укажем истоки и аналогии иконографии сохранившихся праздничных икон.

Икона «Рождество Христово» характеризуется лаконичностью извода, восходящего к западноевропейским образцам. Близкая трактовка сюжета известна в русской иконописи с конца XVII в., она использовалась мастерами Оружейной палаты [5, с. 542, кат.129], известна в иконах «Рождество Христово» из церкви Покрова в Филях (1690-е) и Великого Устюга 1689 г. [7, кат. 243]. Особую популярность этот извод получил в XVIII в. [5, с. 607, кат. 258] и часто встречается у тверских мастеров.

Следующая икона «Воздвижение Креста Господня» посвящена прославлению обретенного царицей Еленой Креста, на котором был распят Христос. Использованный в валаамской иконе иконографический вариант с изображением патриарха, поддерживающего крест, поставленный на амвон, возник во второй половине XVII в. [13, с. 283]. Композиция валаамского образа близка изводу, распространенному в творчестве мастеров Оружейной палаты и нашедшему отражение в лицевых Святцах Г.П. Тепчегорского [3, кат. 33.1, 34.1], сентябрьской Минее из Сампсониевского собора, иконе из валаамской Успенской церкви (1786). Отличие состоит в отсутствии изображения царя Константина, составляющего пару царице Елене в церемонии прославления Креста, что, однако, соответствовало исторической достоверности события.

Иконы «Сошествие Святого Духа» и «Святая Троица» не сохранились, но композиция образа «Святая Троица» реконструируется по изображению, хорошо различимому на картине «В сапожной мастерской Валаама» [21, с. 205]. Икона соответствовала изводу «Гостеприимство Авраамова». Извод иконы, восходящий к гравюре Библии Пискатора, аналогичен композиционной схеме, хорошо известной иконописцам Оружейной палаты (например, праздничная икона Преображенского собора в Таллине (1718 – 1720); икона южного придела Сампсониевского собора (1730-е) [8, с. 91].

Стоявшая далее икона «Нерукотворный Образ» представляется редкостью в составе праздничного ряда, аналогий которой мы не встречали. Иконография валаамского образа находит параллели среди произведений строгановских мастеров начала – первой четверти XVII в., причем и как самостоятельная композиция, и в сочетании с изображением «Не рыдай Мене, Мати» [10, с. 152-153, 256-257]. В валаамской иконе сохраняется особенность, свойственная строгановским прототипам, – масштабное соотношение удлиненных по пропорциям фигур архангелов, представленных в рост, и высота огромного, как стяг, Убруса, выражающего величие чудодейственного лика Христа.

Завершающие праздничный ряд справа иконы «Преображение» и «Вознесение» не сохранились.

Слева от Царских врат первое место в праздничном ряду занимала икона «Введение во храм», иконография которой следует западноевропейскому источнику. Валаамская икона близка одноименным иконам из праздничного ряда

главного (1737-1739) и северного придельного (1730-е – начало 1740-х) иконостасов Сампсониевского собора в Петербурге.

Богородичную тему левой части иконостаса продолжал образ «Рождество Богородицы». Близкая по составу персонажей, но отличающаяся их расположением, иконографическая схема использована в иконе «Рождество Богородицы» Кирилла Уланова (1690). Довольно близкие аналогии представлены в сентябрьской Минее И.К. Любецкого (1730) [3, кат. 35.1]; иконах главного иконостаса Сампсониевского собора (1737-1739); северного придела Сампсониевского собора (1730-е – начало 1740-х).

Икона «Благовещение» написана согласно изводу, получившему распространение со второй половины XVII в. Близкие варианты иконографии обнаруживаются в мартовской Минее И.К. Любецкого (1730) [3, кат.35. 6] и в одноименной иконе главного иконостаса Сампсониевского собора (1737-1739). Следующие за иконой «Благовещение» три иконы не сохранились.

Обобщая, заметим, что мастера, создававшие праздники, избрали краткие, легко воспринимаемые иконографические схемы. Как правило, они почерпнуты из западноевропейских источников, популярных в кругу мастеров Оружейной палаты и сохранивших свое значение среди их последователей и мастеров-традиционалистов в XVIII в. В иконах нет подробностей происходящего, лишь золотыми нимбами выделены главные персонажи. Обращает на себя внимание одна особенность – фигуративные изображения выглядят несколько измельченными по сравнению с окружающей их архитектурой и фоном, что объяснялось, вероятно, с одной стороны, художественными соображениями, а с другой стороны, выступающим резным декором.

Иконографической двойственностью характеризовался функционально значимый в богослужении комплекс Царских врат. Царские врата и располагавшаяся над ними икона «Тайная вечеря» отличались пышной, блистающей золочением резьбой и овальной и круглой формой икон. В овальных медальонах Царских врат помещались изображения: «Благовещение» – в навершии – и образы Евангелистов – на створах. Композиции в медальонах с Евангелистами соединили в себе две иконографические традиции: с одной стороны, извод, известный с XV в., приобретший вид отточенной художественной формулы в иконах, написанных царскими мастерами для Царских врат Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря (1645), с другой стороны, западноевропейские источники, гравюры Библии Мериана и Пискатора. Иконографическим источником образа «Тайная вечеря» в иконостасах с конца XVII в. неизменно служил западноевропейский образец. Этому правилу последовали и в соборном иконостасе Валаамского монастыря. Оформление Царских врат трудно объяснить иначе, как стремлением исполнителей сохранить приверженность старине и связать живописные медальоны с модной рокайльной резьбой створок, украшенных расписными херувимскими головками.

Верхняя часть иконостаса, включавшая деисус, пророков и венчавшаяся праотеческим рядом, сохранившаяся хуже всего, реконструируется по монастыр-

ским описям. Состав деисуса кроме икон первоверховных апостолов и четырех евангелистов включал ближайших учеников Христа из числа двенадцати. Справа от центральной иконы деисусного ряда помещались образы апостолов: Павла, Матфея, Марка, Филиппа, Симона Зилота, Иакова Алфеева, Иуды Иаковлева (иначе Фаддея), слева – Петра, Иоанна, Луки, Фомы, Иакова Заведеева, Андрея и Варфоломея. В пророческом ряду находились иконы с изображениями: Соломона, Мельхиседека, Илии, Захарии, Исаяи, Иеремии и Захария Серповидца – справа и Давида, Аарона, Иезекииля, Даниила, Моисея, Ионы и Софонии – слева.

Последний, пятый, ряд иконостаса Валаамского собора, за исключением двух Богородичных икон, традиционен по составу. В центре праотеческого ряда находилось изображение «Отечество», по сторонам от которого справа стояли иконы – «Праотец Адам», «Праотец Вениамин», «Праотец Самуил», «Праотец Лот», «Богоматерь Знамение», «Праотец Ной», «Праотец Енох»; «Праотцы Лот, Иессей, Ной»; слева – «Праотец Авраам», «Праотец Иосиф», «Праотец Авель», «Праотец Иессей», «Богоматерь Казанская», «Праотец Иаков», «Праотец Исаак»; «Праотцы Авраам, Исаак, Иаков».

В настоящее время местонахождение единственной дошедшей до наших дней иконы пророческого ряда «Пророки Иона и Софония» неизвестно. Апостольский ряд представлен двумя иконами, фланкировавшими центральное изображение, – «Апостол Павел» и «Апостол Петр». Из праотеческого ряда сохранились четыре иконы: «Праотец Исаак»; «Праотец Енох»; «Праотец Вениамин»; «Богоматерь Казанская».

Иконография чиновных икон характеризуется общими чертами, изводы сохранившихся икон ориентированы на образцы середины XVII в. Изображения апостолов восходят к прототипам из деисуса Успенского собора Московского Кремля (1653), многократно повторявшимся в деисусных чинах XVII в. Валаамская икона «Апостол Павел» не только в целом, но даже некоторыми деталями близка одноименной иконе из церкви Симеона Столпника в Ярославле (1670-е). Валаамская икона «Апостол Петр» соотносится с деисусными изображениями апостола из иконостасов собора Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря (середина XVII в.) и церкви Воскресения на Дебре в Костроме (1652).

Прототипы ветхозаветных патриархов восходят к иконам праотеческого ряда Успенского собора Московского Кремля (1653). Аналогии обнаруживаются среди произведений середины – второй половины XVII в., распространенных преимущественно в Поволжье, например из церкви Иоанна Златоуста в Коровниках в Ярославле (1654), из Троице-Сыпанова монастыря близ Костромы (1679-1680). Заметим, что цвет одежд и жесты праотцев не всегда сходны с приводимыми ростовыми аналогами. Круглый формат валаамских медальонов и поясные изображения потребовали внести коррективы в композицию.

Включенная в состав праотеческого ряда икона «Богоматерь Казанская» – замечательная реплика чтимого образа, восходящая к прототипам конца XVII – начала XVIII вв. Извод, повторяющий явленный образ, встречает аналогии среди икон середины и конца XVII в., например «Богоматерь Казанская с избранными

святыми» середины XVII в. (ЯХМ) или икона мастера Оружейной палаты из Саратовского музея.

Обзор иконографических источников соборного иконостаса приводит к заключению, что над его созданием трудились опытные мастера. Творческий кругозор этих иконописцев был широк и многообразен. Им были знакомы классические образцы XVII в., популярные изводы мастеров Оружейной палаты, сохранявшие значение и в XVIII в., а также произведения петербургского искусства. Вполне вероятно, что исполнители иконостаса владели образцами, знакомящими с греческими, афонскими иконографиями. Поскольку в иконостасе собора Валаамского монастыря встречаются изводы, аналогии которым мы находим в Твери, то не исключено, что изографы представляли именно этот художественный центр Верхнего Поволжья. Дополнительное подтверждение наша гипотеза получает в том, что в Твери бок о бок трудились мастера-иконописцы широкого диапазона. С одной стороны, представители старинных иконописных династий, выполняя заказы старообрядцев, ориентировались на иконописную классику предшествующих столетий, с другой стороны, Тверь поставляла художников-иконописцев и живописцев в активно строившийся и украшавшийся дворцами и церквями Петербург.

Представление о соборном иконостасе Валаама 1794 г. не исчерпывается анализом его состава и иконографий. Кроме формальной композиции барочно-рокайльного иконостаса, которая становится явной из документальных источников, привлекают внимание смысловые связи между иконами и в субординации рядов алтарной преграды. Полностью рассмотреть этот вопрос из-за частичной сохранности икон и их состояния невозможно, но предложим хотя бы предварительные соображения.

Композиция соборного иконостаса, как в целом, так и в отдельных своих частях, отличалась продуманностью и характеризовалась трехчастной структурой, объединявшей местный и праздничный ряды, деисус и пророков, акцентировавшей венчающие иконы праотеческого ряда.

Строение местного ряда соответствовало никоновскому постановлению, согласно которому Царские врата фланкировались иконами Спасителя и Богоматери, справа размещалась храмовая икона и далее иконы, значимые для церковной общины. С крупными, вытянутыми по вертикали местными образами корреспондировали небольшие, удлинённые по горизонтали праздники. В основе взаимодействия двух нижних рядов наблюдалась подчиненность литургии.

Например, праздничная икона «Рождество Христово», сосредоточенная на таинстве явления во плоти Сына Божия, акцентирует контраст величия происходящего с бедностью окружающей обстановки. Изображение вторит богослужебным текстам: «В скотских яслях плотски возлегал Безначальное Божие Слово, держащее правление всем миром...» [11, с. 117]. В канун Рождества Христова, утром, совершаются Великие часы, служба которых посвящена Царю Царей – Христу Спасителю. Читаемый на литургии входный стих – «Из чрева прежде

денницы родих Тя, клялся Господь и не раскается: Ты – Иерей во век по чину Мелхиседекову» – сближает праздничную и стоящую в местном ряду икону.

В песнопениях предпразднства Рождества отражена основная богословская мысль: воплощение Слова Божия, будучи его «истощанием» (кенозисом), явилось для него своего рода Крестом, первым Крестом, может быть, не менее легким, чем Распятие, то есть Крест последний [11, с. 128-129]. Тем самым икона «Рождество Христово» по смыслу не противоречит стоящей за ней праздничной иконе «Воздвижение Креста Господня».

Символика изображения «Нерукотворный Образ» многозначна, но один из ее аспектов – охранение от враждебных сил, как когда-то Эдессы от турецких завоевателей, – корреспондировал с защитной символикой иконы «Богоматерь Знамение», над которой эта икона располагалась. Кроме того, появление иконы данного сюжета в праздничном ряду, видимо, было обусловлено посвящением находящейся с южной стороны от собора, во внешнем каре, надвратной церкви в честь Нерукотворного Образа. Посвящение одного из монастырских престолов Святому Убрусу едва ли носило случайный характер. Исследователями отмечается связь почитания Нерукотворного Образа с Преображением [10, с. 120]. За обеими иконографическими композициями видели близкий смысл воплощения и жертвы [10, с. 121]. В соответствии с этой логикой икона «Спас Нерукотворный» располагалась между иконами-праздниками «Святая Троица» и «Преображение».

Песнопения и похвалы Богоматери, звучащие в богослужении праздника Введения во храм, например: «Пречистый храм Спасов, многоцветный чертог и Дева, священное сокровище славы Божия, днесь вводится в дом Господень... Сия есть селение небесное» или «В храме Божии ясно Дева является и Христа всем предвозвещает» [11, с. 71], позволяют связать праздничную икону с иконой местного ряда «Богоматерь на престоле». Катавасия праздника, которая поется с Введения по 31 декабря на утрени, связывает праздники Введение во храм и Рождество Христово, предопределяя их соседство в иконостасе.

Рассматривавшийся как начало праздников, как преддверие явления в мир Спасителя, праздник Рождества Богородицы прославлял Пречистую как избранницу из всех родов в жилище Христу Богу. В Деве Марии видели начаток человеческого спасения и Ходатаицу за мир, в чем смысл события согласовался с нижестоящей иконой «Успение».

«Главизной» человеческого спасения названо в церковном тропаре событие Благовещения. Дева Мария стала «одушевленной Церковью» и «украшенной скинией». Может быть, поэтому данная икона корреспондирует образу «Преподобные Сергий и Герман Валаамские», изображающей святых, проповедовавших христианство и основавших монастырь на Валааме.

Праздники Вход в Иерусалим и Крещение, которым были посвящены иконы, стоявшие за образом «Благовещение», тематически выпадали из общего построения левой богородичной части ряда, но их взаимосвязь объяснима. Вход в Иерусалим знаменовал грядущую победу над смертью и Воскресение Христово. Один из тропарей, исполняемых на службе праздника, связывает эти два

события: «Спогребшися Тебе крещением, Христе Боже наш, бессмертная жизни сподобихомся Воскресением Твоим и воспевающе зовем: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне» (глас 4) [11, с. 247]. Иконы праздников «Крещение» и «Успение», замыкавшие ряд с северной стороны, указывали также на посвящения рядом стоящей Успенской церкви. Песнопения праздников, прославлявшие Богоматерь, играли роль нити, связующей обе иконы с богородичной темой левого крыла [11, с. 161, 107].

В отношении построения праздничного ряда и взаимодействия икон местного и праздничного рядов, иконостас Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря не был уникален и, возможно, соответствовал некоему незафиксированному постановлению. Отчасти подобные взаимодействия наблюдаются в Петропавловском соборе (1727), в Николо-Морском соборе в Санкт-Петербурге (1762), встречаются они и в иконостасах последних десятилетий XVIII – начала XIX вв., например в Спасо-Преображенском соборе Белозерска (1801), присущи они иконостасам Успенской церкви Валаамского монастыря (1786).

Ключевое место в смысловой композиции соборного иконостаса отводилось средней части. Деисус состоял из трех большеформатных икон: пятифигурного образа, с изображением Спасителя на престоле и предстоящими в молитви Богоматерью, Иоанном Предтечей и двумя Архангелами – в центре, «Сошествие Святого Духа» – слева – и «Коронование Богоматери» – справа. Между тремя главными иконами располагались ростовые образы апостолов, а над ними – поясные пророки. Композиционное решение, случайно или обдуманно найденное для главной алтарной преграды Успенской церкви, было повторено в соборном иконостасе: два ряда образовали единый комплекс. Пророческий ряд оставался без традиционной центральной иконы, ее отсутствие компенсировалось увеличением высоты пятифигурной иконы-деисуса, объединившего два ряда.

Начинающая и замыкающая композиции «Сошествие Святого Духа» и «Коронование Богоматери», выделенные размерами наравне с центральной иконой деисуса, приобретали символический смысл. Согласно известным иконографическим вариантам XVIII в., их центральным образом являлась Пречистая Дева, ставшая залогом небесного приобщения для праведников, благодаря которой осуществилось воплощение Сына Божия для спасения человечества. Триада монументальных композиций средней части алтарной преграды и расположенных между ними пророческих и апостольских икон позволяла сформулировать ее основную тему как триумф Христовой Церкви. Предсказанная в ветхозаветных пророчествах и осуществившаяся в новозаветной истории через Воплощение, Искупление и Воскресение, Церковь выступала в заступничестве на Страшном суде за мир, в действии в мире Святого Духа. Богородица, прообразовавшая Церковь, прославлялась как лучшая избранница рода людского и заступница за мир. О Деве Марии можно сказать словами: «Она единственная, став посредницей между Богом и всем людским родом, Сына Божия сделала Сыном Человеческим, людей же сотворила сынами Божиими, землю онебесив и людской род обожив»

[9, с. 118]. Образу Девы Марии в соборном иконостасе придавалось небывалое значение.

Тема прославления Церкви Христовой и Богородицы нашла продолжение и в праотеческом ряду. Согласно композиции высокого иконостаса, венчавший его ряд ветхозаветных патриархов раскрывал священную историю до Боговоплощения, но в валаамском иконостасе этот ряд дополнили две богородичные иконы, придавая ему необычный вид. Иконы «Богоматерь Казанская» и «Богоматерь Знамение» объединяли в соборном иконостасе Валаамского монастыря идею Боговоплощения и могущественного покровительства двух святых, символов воинских побед и защиты, связанных с новой столицей Петербургом и древним Великим Новгородом.

История ветхозаветных патриархов общеизвестна, поэтому обратим внимание только на особенности порядка икон. Начиная ряд слева икона «Праотцы Авраам, Исаак и Иаков» представляла трех патриархов, от которых начинается родословие Иисуса Христа (Мф. 1:2). Стоявшая в этом ряду икона «Богоматерь Казанская» иконографически следовала одному из наиболее почитаемых в России образов Богородицы, почиталась покровительницей династии Романовых, при которых она приобрела славу общерусской святыни. В XVIII в. культ иконы «Богоматерь Казанская» распространился в Петербурге, где один из ее чудотворных списков с 1737 г. помещался в придворном соборе на Невском проспекте. Образ Богоматери, явленный в виде палладиума Петербурга и дома Романовых, соединял в себе эти понятия в нераздельной целостности. Икона находилась в левой части, между изображениями праотцев Иессея и Иакова, прообразовавшими царский род и Божию Церковь.

Закрывающая ряд икона «Праотцы Лот, Иессей и Ной» прославляла отца царя Давида, прямого предка Христа, в окружении известных своим послушанием воле Божией праведников Лота и Ноя. Икона «Богоматерь Знамение», помещенная между изображениями праотцев Лота и Ноя, ассоциировалась с темой богоизбранности. Известно, что этот богородичный извод композиционно являлся одной из наиболее емких формул Боговоплощения Христа, открывшего путь к спасению. Согласно догмату Воплощения, Богоматерь Оранта с поясным изображением благословляющего Спаса Эммануила уподоблялась «Храму телесному», вместилищу Божественной Премудрости Бога Слова. Будучи духовной эмблемой Великого Новгорода, она воспринималась как знак высшего небесного покровительства новгородцам и их землям, к которым принадлежал и Валаам.

Подведем итоги. Иконостас Спасо-Преображенского собора Валаамского монастыря 1794 г. отличался эклектичностью образа. Он представлял собой позолоченную алтарную преграду, украшенную резьбой в стиле барокко-рококо. Использование образца, аналогичного петербургским и дворцовым церквям, указывало на близость имперской столицы и, возможно, привлечение петербургского мастера-резчика.

Богатством позолоты иконостас напоминал пышные резные алтарные преграды московских соборов и их повторение в Поволжье. Сплошное золочение вместе с иконописным наполнением алтарной преграды свидетельствовало о том, что монастырские вкусы оставались неизменными, ориентированными, так же как и в главном иконостасе Успенской церкви 1786 г., на образцы, связанные с московским искусством допетровского времени.

Иконографическая продуманность и актуальность программы высокого пятиярусного иконостаса Спасо-Преображенского собора выразилась в его составе. В поставленных для поклонения иконах местного ряда переплеталось несколько тем. В образах Спасителя и Богородицы раскрывалась догматическая тема прославления Бога Слова и создаваемой им Церкви. Важная роль отводилась исторической теме, связанной со святостью, сконцентрированной в Валаамском монастыре и его соборном храме. Кроме праздников Преображения и Успения превозносились образы святителя Николая Чудотворца, преподобных основателей монастыря Сергия и Германа Валаамских, апостолов Иоанна Богослова, Андрея Первозванного, Петра и Павла, преподобного Александра Свирского. Нельзя не подчеркнуть, что среди прославляемых святых и святынь, как и в Успенской церкви, особенно выделялся образ святителя Николая Чудотворца.

Святость монастырская мыслилась неразрывно связанной со святостью местного Ладожского края и культом святых, ставших своеобразными символами империи. В этом контексте большое значение имел культ таких святых, как преподобный Александр Свирский, апостолы Петр и Павел, святой князь Александр Невский. Дань почтения была отдана покровителю валаамского монастыря митрополиту Гавриилу в изображении его патронального святого – архангела Гавриила.

Несмотря на посвящение собора празднику Преображения, главную роль в нем играла богородичная тема. Образы Богоматери включались во все части композиции иконостаса. В местном ряду прославление Богоматери было представлено разнопланово и разнообразно. Особенности иконографии богородичных икон «Богоматерь на престоле», «Успение», культ древних богородичных образов «Богоматерь Знамение», «Богоматерь Тихвинская» – все это свидетельствовало об особом внимании к мариологии в иконах местного ряда. Прославление Богородицы вплеталось и в традиционное наполнение верхней части иконостаса. Образ Церкви Христовой в ее молении за мир в день Страшного суда не мыслился отдельно от образа Пречистой Девы, избранной для Воплощения и открывшей путь к спасению. Ее изображения занимали центральное место в композициях «Сошествие Святого Духа» и «Коронование Богоматери». Явленным чудотворным образам «Богоматерь Знамение» и «Богоматерь Казанская» было найдено место в венчающей части иконостаса.

Высокое прославление Богоматери в Спасо-Преображенском соборе Валаамского монастыря вызывало ассоциации с Успенскими соборами Московского Кремля, Киево-Печерской лавры, Саровского монастыря и, наконец, с островным уделом Богоматери – Афоном. Этот широкий круг прообразов тем не менее был

хорошо известен игумену-строителю Валаамского монастыря Назарию и руководившему его деятельностью Петербургскому митрополиту Гавриилу, он отражал их предпочтения среди произведений допетровского времени. По их представлениям, именно искусство этого периода, наполнявшая его духовность в сочетании с извечными ценностями Афона обладали той энергией, которая могла обеспечить жизнеспособность возобновляемого Валаамского монастыря.

***

1. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1903.
2. Гравюра Греческого мира в московских собраниях. Каталог выставки. М., 1997.
3. Ермакова М.Е., Хромов О.Р. Русская гравюра на меди второй половины XVII – первой трети XVIII века (Москва, Санкт-Петербург): описание коллекции отдела изоизданий Российской государственной библиотеки. М.: Индрик, 2004.
4. Иконы из частных собраний. Русская иконопись XIV – начала XX века: каталог выставки. М., 2004.
5. Комашко Н.И., Каткова С.С. Костромская икона XIII–XIX веков. М., 2004.
6. Пердикис К. Стилианос. Музей Свято-Киккского монастыря. Путеводитель. Никосия, 1998.
7. Рыбаков А.А. Вологодская икона. М., 1995.
8. Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге. ГМП «Исакиевский собор». СПб., 2009.
9. Святителя Григория Паламы Беседы (омилии) / пер. с греч. яз. архимандрит Амвросий (Погодин); изд. Братства преп. Иова Почаевского. Монреаль, 1974.
10. Спас Нерукотворный в русской иконе / авт.-сост. Л.М. Евсеева, А.М. Лидов, Н.Н. Чугреева. М., 2005.
11. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Лекции по литургике. М., 2002.
12. Тарасенко Л.П. Иконы Богоматери «Неувядаемый Цвет» в России // Филевские чтения. Вып. X. М., 2003. С. 400–413.
13. Христианские реликвии в Московском Кремле / ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000.
14. Шмелев И. Старый Валаам. Париж, 1958.
15. Arseni, piispa, (Heikkinen, Jorma). Hengellisen ja maallisen vallan suhde Laatokan Valamon kahden pääkirkon ikonostaasissa. Itä-Suomen yliopisto, Filosofian tiedekunta, Teologian osasto. Lisensiaattitutkielma. 2012.
16. Papastratos, Dory. Paper icons. Greek Orthodox Religious Engravings 1665–1899. V. 1-2. Athens, 1990.
17. Reflections of the Imperial Court. Monumentoes and gifts of the czars from the monasteries of Lake Ladoga Exhibition of the Ortodox Church Museum 26.11. 1988–31.08. 1989. Helsinki, 1989.
18. Sturm, Päivi. Luovutetun alueen Ortodoksinen kirkkotaide // Karjalan ja Petsamon Ortodoksiset kirkot ja kirkkotaide. Antreasta äyräpäähän – hiljaiset kirkot. Toim. K. Thomenius ja M. Laukkanen. S. 167–220.
19. Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. 98 osa. Elias Lönnrotin matkat. 1 osa. Vuosina 1828–1839. Helsinki. 1902.
20. Valamo ja sen sanoma. Päätoimittajat Eino Lainio & Niilo Kohonen. Helsinki: Valamo-seura ry. 1982.
21. Valamon luostarin aarteet. Toim. Arkkimandriitta Sergei. Helsinki, 2011.

22. VLA. Bd:8-2. Описание монастыря 1802 г.
23. VLA. Bd:8-1. Описание монастыря 1808 г.
24. VLA. Bd:10. Описание монастыря 1825 г.
25. VLA. Go:2. Описание монастыря 1848 г.
26. VLA. Go:4/1. Описание монастыря 1864 г.
27. VLA. Aa:1a. Журнал входящим указам из Духовной консистории и прочим документам из разных мест. 1782–1812.

Список сокращений

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ТКГ – Тверской картинная галерея

ЯХМ – Ярославский художественный музей

VLA – Архив Валаамского монастыря (Финляндия)

ДИАЛЕКТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Описаны архивные материалы, содержащие диалектные единицы одного из волжских говоров. Определены основные черты фонетической, морфологической и лексической систем диалекта. Приведены примеры диалектизмов разных типов.

Ключевые слова: *русская диалектология, диалектизм, гиперизм, говоры, аканье, иканье, архивные документы.*

The article described archival materials, contains the units of the same dialect of Volga region, identifies the main features of phonetic, morphologic and lexical systems of the dialect. Examples of dialectisms different types.

Keywords: *Russian dialectology, dialectism, hyper-form, dialects, akanje, ikanje, archival materials.*

Диалектологи опираются прежде всего на материал, собранный в полевых условиях, что и понятно: авторитетным носителем диалекта является уроженец сельского населённого пункта, в котором проживали несколько поколений его предков (коренной житель), а сам он не уезжал на длительное время из села (станции, хутора); как правило, у него не слишком высокий уровень образования (хотя в последнее время значительное число информантов закончили среднюю школу); он не занимал в течение своей жизни высоких постов и не работал на должностях, связанных с постоянным общением на литературном языке, нечасто прибегал к письменной фиксации речи. Рекомендуется выбирать для сбора материала населённые пункты, наиболее отдалённые от районных центров [4, с. 39]. Наиболее устойчивый диалектный материал дают пожилые люди, чаще женщины, «старичков почти не встречается» [там же]. Носители диалекта не осознают или почти не воспринимают особенностей своей речи, особенно на лексическом уровне, считают употребляемые ими слова правильными и точными наименованиями описываемых реалий.

Поскольку архивы хранят в основном письменные документы (в последнее время иногда сдаётся на хранение также аудио- и видеоматериал), то в них, на первый взгляд, трудно обнаружить реальную фиксацию народной речи. Действительно, документы XIX – начала XX вв. отражают литературный язык, несколько архаизированный, в котором редкими исключениями выглядят фиксации регионально ограниченных лексем и фразем. Это было связано с тем, что официаль-

ные документы, попадавшие затем в архивы, оформляли специально обученные люди, владеющие нормами канцелярской речи, которые записывали тексты по существующим правилам.

Так, в Государственном архиве Волгоградской области (далее ГАВО) хранятся многие документы XIX века, в которых сельские писари грамотным русским языком записывали события, относившиеся к жизни населённых пунктов. 5 апреля 1848 года писарь Городищенского волостного правления сообщал Царицынско-Камышинскому окружному начальнику: «Крестьянами слободы Пичуги за купленную в городе Царицыне упраздненную церковь уплачено попечителю Покровской церкви Льву Белоярцеву из добровольных пожертвований 135 рублей ассигнациями: в 1846 году 100 рублей, в 1847 году 35 рублей, остальные будут в скоре пополнены» [20]. 25 мая 1859 года начальство извещалось, что «со стороны общества к перечислению крестьян слободы Пичуги Степана Ляпкова с семейством в деревню Усть-Погожию препятствий никаких не имеет» [21]. Кроме отдельного написания наречия *вскоре* в первом примере, что было допустимо в те времена, и небольшой грамматической шероховатости во втором, остальной текст соответствует всем нормам литературного языка. Разумеется, в записях нередко встречаются неточности, особенно в топонимах и антропонимах: *при речке Нижней Мечетки* [22], *при Пищаной балке* (л. 9), *деревня Акатовка* (л. 4) и *Окатовка* (л. 14), даже собственную фамилию сельский писарь мог записывать по-разному: *Кузнецов* и *Кузницов* (л. 5). Региональные слова попадают в этих документах крайне редко, чаще всего они представляются собой интердиалектизмы: *балка*, *буерак*, *колодезь*, *вершины речки* и др.

Но ситуация резко изменилась после 1917 года, когда к власти пришли люди, не владеющие литературным языком, не обладающие навыками канцелярской работы. Если в первые послереволюционные годы к оформлению документов ещё привлекались прежние профессиональные кадры, то по мере усиления идеологической составляющей всех сфер жизни канцелярскими делами стали заниматься только доказавшие верность новому режиму люди. При составлении документов они легко и естественно включали в них диалектные единицы. Особенно часто диалектизмы стали попадать в документы в период коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» (конец 20 – начало 30-х гг. XX века), когда составлялись в большом количестве протоколы собраний о создании колхозов, отличающиеся записью свободной народной речи, в органы власти подавались заявления и докладные жителей сёл, фиксировались акты записи изъятого имущества у выселяемых кулаков и пр. Эти документы оформлялись местными жителями, закончившими в лучшем случае начальную школу, нечасто ранее прибегающими к письму как способу фиксации речи, поэтому в них широко отражаются особенности диалектной речи жителей сёл, станиц, хуторов.

В ГАВО имеется фонд 467, в котором находятся документы, связанные с раскулачиванием, осуществляемым в начале 30-х гг. XX века в различных населённых пунктах тогдашнего Ольховского района Камышинского округа Нижне-Волжского края. Дело №26 описи 1 «Материалы по раскулачиванию кулацких

хозяйств Романовского сельсовета» содержит документы, которые позволяют нам увидеть фонетико-морфологические особенности местного говора и установить некоторые его лексические и фразеологические единицы (далее даются сноски только с указанием номера листа этого дела). Разумеется, в силу специфики текстов мы не сможем обнаружить в них всей системы реализации говора: в записях редко встречаются глаголы, отсутствуют личные местоимения, наречия, слабо представлены прилагательные, союзы, предлоги, существительные обычно стоят в форме именительного и родительного падежей. Огромное влияние на записывающего оказывает гиперкоррекция: в стремлении записать текст «по-культурному» носитель говора с невысоким уровнем образования постоянно отмечает [о] и [е] в безударной позиции как в орфографически правильных местах, так и на месте [а] и [и] литературного языка. Следовательно, можно говорить о письменных гиперизмах, когда ошибочное написание косвенно отражает наличие аканья и иканья в говоре. Всё это затрудняет анализ диалектного материала, не позволяет представить его фонетическую и грамматическую системы во всей полноте. Однако в общих чертах особенности говора можно восстановить по косвенным данным, выявляя фонетико-морфологическую систему по отмеченным фактам, экстраполируя данные гиперкоррекции на определение той или иной диалектной черты. Эту методику мы использовали для описания соседнего горнобалыклейского говора [18].

Село Романовка было основано в первой половине XIX века. Оно отсутствует на карте Царицынского уезда 1821 года, однако примерно в этом же месте обозначена почтовая станция, рядом с которой, видимо, и началось формирование поселения. Оно входило в Балыклейскую волость. Романовцы были искусными плотниками, свою продукцию они вывозили на ярмарки и базары.

Перепись населения 17 декабря 1926 года установила, что здесь проживает 1949 человек, русских [17, с. 4]. Постановлением президиума Нижневолжского краевого организационного комитета от 6 июля 1928 года (протокол №7 §6/50) «О делении Камышинского округа на районы, составе и центрах районов» в Камышинском округе был образован Ольховский район с центром в селе Ольховка, в него вошла часть Балыклейской волости Сталинградского уезда, в т. ч. Романовский и Студёнский сельсоветы. Постановлением президиума крайисполкома от 31 октября 1928 года (протокол №7) и последующим постановлением Нижневолжской краевой административной комиссии от 7 декабря 1928 года (протокол №4) Студёновский сельсовет был присоединен к Романовскому. В 1929 году в Романовке был создан колхоз «Красный инициатор». Во время раскулачивания ему было передано 11 домов, 12 лошадей, 10 коров, 4 свиньи, 13 гуляка, 12 волов, 43 овец, 11 фруктовых садов, принадлежавших кулакам (л. 292).

В соответствии с постановлением ВЦИК от 25 января 1935 года и последующим постановлением президиума Сталинградского краевого исполнительного комитета от 29 января 1935 года №157 «О новой сети районов Сталинградского края и улусов Калмыцкой автономной области» был образован Балыклейский район, в который вошёл и Романовский сельсовет. Согласно списку насе-

лѐнных пунктов Балыклейского района Сталинградского края в 1935 году в состав Романовского сельсовета входили селения: село Романовка и хутора Камышин, Кулига, Студѐновский. Все они 5 декабря 1936 года вместе с Балыклейским районом вошли в состав Сталинградской области, которая была поименована в числе областей РСФСР в статье 22 Конституции СССР, утверждѐнной постановлением VIII чрезвычайного съезда советов СССР. В соответствии с решением Волгоградского облисполкома от 8 февраля 1963 года №4/60 «Об укрупнении сельских районов и изменении подчиненности районов и городов Волгоградской области» Романовский сельсовет был включѐн в состав Камышинского района. 31 декабря 1966 года был образован Ольховский район за сѐт разукрупнения Камышинского района. Романовский сельсовет был передан в его административное подчинение. 13 августа 1975 года был исключѐн из учѐтных данных хутор Камышин как фактически не существующий, поскольку все его жители переселились в село Романовка. Время исчезновения хутора Кулига не установлено.

Законом Волгоградской области от 24 декабря 2004 года №978-ОД Ольховский район был наделѐн статусом муниципального района с административным центром в селе Ольховка. В него включено Романовское сельское поселение, в состав которого вошли село Романовка и хутор Студѐновка. В настоящее время Романовка является селом Ольховского района, расположенным в 54 км к юго-востоку от Ольховки. Здесь живѐт 620 человек. Имеются основная школа, медпункт, магазины, пекарня. ОАО «Романовское» имеет 11,4 тысяч гектаров земли, у фермеров – 0,6 тысячи гектаров. 24 декабря 2002 года в Романовке зарегистрирована церковь христиан-баптистов. Студѐновка расположена в 5 км на юго-восток от Романовки. Она практически исчезает, сейчас в ней живѐт менее 20 человек.

18 февраля 2010 года утверждѐн флаг Романовского поселения, на котором изображѐн герб поселения. Утверждено также геральдическое описание герба: «В серебряном поле с широкой чѐрной каймой, обременѐнной чередующимися золотым и серебряным листом ольхи в столб с двумя расходящимися от основания серебряными серѐжками, червлѐный восставший грифон с золотым клювом, передними лапами и когтями на задних лапах, держащий чѐрный арбуз с зелѐными полосами и зелѐной листвой».

Система говора Романовки подробного описания не получила. Село не включено Л.М. Орловым в какую-либо из групп волжских говоров Волгоградской области [10, с. 91-93]. См. об основателе Волгоградской диалектологической школы [8].

По архивному делу в системе вокализма отмечается аканье. «Аканьем в узком смысле этого слова называют неразличение гласных фонем [o] и [a] в безударных слогах» [12, с. 100; ср.: 13, с. 61]. В документах встречаются записи *камот* (л. 64), *салома* (л. 181), *утирак* – родительный падеж множественного числа (л. 228). Косвенно отражают аканье письменные гиперизмы *можара* (л. 62), *коток* (л. 146), *полкофтан* (с. 165), *кoduшки* (л. 193).

Судя по архивному делу, в романовском говоре нет яканья, тогда как в соседних говорах оно хорошо представлено [18, с. 109]. Форма *семячки* (л. 187), вероятно, возникла в записи под влиянием однокоренного слова *семя*. Форма *перьявых* (л. 171) тоже, видимо, образована под влиянием множественного числа *перья*.

Диалект имеет иканье. «Иканье – тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы, кроме <у> совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]» [12, с. 48]. В документах отмечены записи *кизик* (л. 138), *кизиков* (л. 151), *тилега* (л. 181), *дируга*, *одялка* (л. 165), *дирвяных*, *коротинкая* (л. 171), *сеинка* (л. 188), гиперизмы *пенжак* (л. 137), *пенжачок* (л. 62).

В заударной позиции звук [ы] произносится с отодвижением в сторону заднего ряда и нижнего подъёма, что придаёт ему близость с [а], отражаемую на письме: *занятие села белами* (л. 55), *галоши новаи* (л. 298), *самовар белай* (л. 64); о сближении произношения звуков [а] и [ы] в безударной позиции свидетельствуют также варианты записи фамилии *Трыханкин* и *Траханкин* (л. 347).

В говоре достаточно регулярно представлены явления, определяемые диалектологами как «редукция безударного гласного до нуля и вставочные гласные» [15, с. 112]. Частым явлением в диалекте является эпентеза, вставные гласные (ср.: [6, с. 107]): *пашанишная* (л. 181), *сухой вишони* (л. 167), *воелок* (л. 176). Говор характеризуется и противоположным явлением – синкопой, полным выпадением редуцированного гласного в соседстве с сонорными согласными [13, с. 69]: *брахло* (л. 9), *дервяная* (л. 167), *сквороды* (л. 138, 294). Видимо, стремление к сингармонизму отражает запись *табаретка* (л. 185).

Вставной гласный в словах *короватей* (л. 64, 167, 189), *поласть* (с. 181) является результатом второго полногласия [7, с. 217]. В слове *корвать* (л. 185, 195) отмечается метатеза, но это может быть и результатом синкопы предшествующей формы со вторым полногласием. В интердиалектизме *аржаной* (л. 167) представлена протеза, регулярно встречающаяся в этом слове в южнорусском наречии (ср. [16, с. 24]).

В области консонантизмы отмечены оглушение конечного согласного: *кать* (л. 21). В слове *дируга* (л. 165, 176) произошло отвердение [р], характерное для русских говоров, но ограниченное лексически [14, с. 91]. Звук [ф] переходит в [х]: *кохта*, *кохточка* (л. 228). Переход [т'] в [к'] в слове *пошкетница* (л. 25) является лексикализованной формой, отражающей гиперизм, возникший в результате регулярного фонетического явления, представленного в соседнем балыклейском говоре [18: 110]. Звукосочетание [чн] регулярно переходит в [шн], отражая общерусскую диалектную систему [11, с. 91]: *пашинишная* (л. 181), *верешинный* (л. 185), *подсолнушные* (л. 187). Не очень ясно, какой звук, записанный буквой *г*, произносится: судя по оглушению в слове *плух* (л. 294), он может быть фрикативным [γ], в то время как в соседнем горнобалыклейском говоре, скорее всего, употребляется взрывной [г] [18, с. 109].

В диалектах часто лексикализируются формы слов, не являющиеся результатом регулярных фонетических чередований. Под лексикализацией понимается

«превращение одной из форм слова (реже служебной морфемы или словосочетания) в самостоятельную лексему (нередко с новым лексическим значением и новыми грамматическими свойствами)» [5/1, с. 1118; ср.: 1, с. 215; 9, с. 176]. Лексикализованным является слово *клев* с переходом [х] > [к]. Данное фонетическое явление представлено широко на территории обоих наречий русского языка, но ни в одном из говоров нет полного вытеснения [х] > [к] [12, с. 56-57]. Лексема *клев* встречается в донских говорах [16, с. 246], а также во многих других русских говорах [13, с. 56]. В слове *дыхло* (л. 137) отсутствует палатализация. Эта же лексема была обнаружена нами во время диалектологической экспедиции в заволжских говорах [19].

Морфологически говор не выделяется среди других южнорусских. В нём отмечен переход среднего рода в женский: *одеялка детская* (л. 18), *одеяло ватная* (л. 144), *орала железная* (243), характерное для существительных с безударным окончанием [13, с. 76]. Слова среднего рода имеют во множественном числе окончание *-ы*: *полотенцы* (л. 189, 298), *блюды* (л. 294), *вороты* (л. 140, 294). Поскольку документы отражают акты описи вещей при изъятии имущества у кулаков, в них многие существительные записаны в форме родительного падежа множественного числа. У существительных отмечено окончание *-ов*, которое встречается повсеместно в родительном падеже 1 и 2 склонений [13, с. 101] и зафиксировано во многих говорах южного наречия [11, с. 114]: *одеялов* (л. 64), *ведров* (л. 138, 188), *сапогов* (л. 18), *подушков* (л. 149), *полотенцев* (л. 193), *юбков*, *кохточков*, *брюков*, *наволочков* (л. 228). Отмечена форма *курей* (л. 137), которая также повсюду распространена в народной речи юга России, например в тамбовских говорах [13, с. 102], является устойчивой в русском просторечье. Неустойчивыми являются формы родительного падежа множественного числа слова *тыква*: *тыквей* (л. 135, 150), *тыквов* (л. 141об., 185), *тыквив* (л. 167), *тыквьев* (л. 171). В говоре также употребляется окончание родительного падежа слов мужского рода 2-го склонения – *у*: *давал деньги бедноте из проценту* (л. 9), *мёду* (л. 135).

Среди лексем, зафиксированных в заволжском говоре, отмечают прежде всего названия предметов крестьянского обихода. При этом они отражают «этнографические различия и разнообразие природных условий, в которых складывалась жизнь русского народа» [14, с. 222]. В крестьянском доме выделялись *подловка* ‘чердак’ (л. 64), однако отмечается в том же значении и лексема *потолок* (л. 188). За домом находится *скотский двор* (л. 248). Отдельно стояли *клев* ‘сарай’ (л. 64), *погребница* ‘помещение над погребом’ (л. 165). Во дворе стоял *амбар с закромами* (л. 62). Топили дома *кизиками*, запасали их помногу, в одном дворе изъяли 3 тысячи штук (л. 151). В доме имелись *хлебная полка*, *посудная лавка*, *ларёк для муки* (л. 193).

Крестьяне Романовки пользовались различными транспортными средствами, которые изымались при раскулачивании: *деревянный ход* (л. 62), *железный ход* (л. 149), *мажара* (л. 138, 167) ‘большая длинная телега с решетчатыми бортами (в Крыму, на Украине, на Северном Кавказе)’ [5/II: 7], *дрожки с передком*

(л. 243), *сани обшивные* (л. 149, 243), *выездная тележка* (л. 248), *возка* (л. 298). В поездках использовались *возовые веревки* (л. 137, 179). Волон запрягали в *виё бычиное* (л. 151, 195), для лошадей использовали *хомут постромочный* и *хомут с гужами* (л. 298). В крестьянском быту используются слово *седелка* (л. 135), ср. донское *седёлка* ‘седло’ [16, с. 538]. Для обработки почвы использовались *оралка* (л. 150, 169), *орало* (л. 243). Практически во всех южнорусских диалектах используется слово *гуляк* ‘молодняк рогатого скота по второму году’ (л. 62) [16, с. 127].

Среди изъятого имущества значится *мёд арбузный* (л. 135). Эта южнорусская реалия обозначает густую тягучую сладкую жидкость, приготовляемую из уваренного арбузного сока [16, с. 317]. Особенности местной природы отражают названия сорта груш *дули сушоной* (л. 144), *дуль два ведра* (л. 294), широко распространённого на юге [16, с. 154]. В селе выращивали клубнику на *клубничниках* (л. 85).

В народной речи «сохранилась та лексика, которая некогда отражала актуальные явления действительности» [14, с.203]. Большой горшок именуется *макидра* (л. 141, 294), ср. донское *макитра* [16, с. 309], небольшой – *махотка* (л. 151, 195) (ср. [16, с. 314]). Какое-то блюдо готовили в *пошкетнице* (л. 151, 195), в донских говорах *пашкет* обозначает: 1) пирог с мясом; 2) рыбное блюдо с рисом, а *пашкетницу* составители словаря связывают исключительно со вторым значением [16, с. 407].

Среди зафиксированных в источнике слов отмечается немало названий предметов одежды, которые чаще всего изымались. Не все из диалектных слов можно легко дефинировать. Широко распространено на юге название короткой женской зимней одежды *гейша* (л. 138, 193), во многих говорах Волгоградской области отмечена лексема *пинжак*, которой обозначается зимняя или демисезонная одежда, что подтверждается прилагательными: *ватный* (л. 149), *овчинный* (л. 176). Специфической лексемой говора является название женской одежды *коротенькая* (л. 149, 176), видимо, тоже зимнего или демисезонного характера, поскольку употребляется с уточнениями *ватная* (л. 149), *на меху* (л. 150). Для изготовления одежды использовались ткани *тик*, *ластик*, *гарус*, *шведское* (л. 248). Из обуви в актах записаны *чесанки* (л. 138, 150), *поршни* (л. 169).

Предметами домашнего обихода являются *хлебельная чашка* (л. 151, 195), *рушник* (л. 138, 193), *утирка* (л. 228), *дежка* (л. 141об., 185), *сито сеенка* (л. 138), *шкаф горка* (л. 146), *точило косилочное* (л. 144), *парус самотканый* (л. 150, 294), *парус самоделка* (л. 167). Лук хранили в *вязках* (л. 178). Южнорусскими интердиалектизмами являются слова *самопряха* (л. 138, 195, 294), *налыгач* (л. 141об.), ср. [16, с. 527, 340], а вот лексема *прядево* (л. 193) в окружающих говорах не представлена, более известно наименование пучка шерсти для прядения *кудель*, *куделя* [16, с. 154].

Из глаголов в архивных текстах отмечены диалектизмы *стревать* (л. 10), *займаться* (л. 92) (ср. [16, с. 185]). Происходит расширение значения глаголов

отбивать 'отбирать': <...> *рекомендовал себя коммунистом и под маркой коммуниста отбивал у батраков вещи* (л. 146).

Отмечены лексические единицы, отражающие приметы времени: *во время голодовки* (л. 9), *выселены на точку* 'место ближней ссылки кулаков' (л. 35), *предколхоза* (л. 85), *исправление перегибов* (л. 89), *выполнение контрольной цифры* (л. 267), *вечный эксплуататор* (л. 347). Эти лексемы и фраземы, не будучи диалектными, широко употреблялись в народной речи, были известны всем носителям говора, отражая преобразования, затронувшие русскую деревню в 20-30 гг. прошлого века.

В некоторой степени система лексики совпадает с южнорусским диалектным лексическим запасом, находит совпадение в соседних говорах, в т. ч. и в донских казачьих. Обнаруживаются некоторые общие черты с говором с. Горный Балыклей Дубовского района [18], однако в диалекте отмечены и специфические единицы, отражающие особенности народной жизни Романовки и Студёновки.

В целом романовский говор обладает яркими фонетическими, грамматическими и лексико-семантическими чертами, в которых отражается «языковая картина мира носителей диалекта» [3, с. 15]. Для более детального описания особенностей морфологической и синтаксической системы и лексикона говора необходимы экспедиционные выезды в эти села Ольховского района.

***

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов.энцикл., 1966. 608 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. Брысина Е.В. Методологические аспекты изучения диалектной фраземики на современном этапе развития науки // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Л.М. Орлова / под общ. ред. Е.В. Брысиной. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 15-22.
4. Диалектологическая практика: учеб. пособие для студентов русского отдел. филолог. факультетов / сост. И.С. Лутовинова, М.А. Тарасова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 232 с.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Астрель; АСТ, 2006.
6. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.
7. Иванов В.В. Полногласие // Русский язык: энциклопедия / глав.ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энцикл., 1979. С. 217.
8. Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И. Леонид Михайлович Орлов – ученый, учитель, патриот (1912–2001) // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии : матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Л.М. Орлова / под общ.ред. Е.В. Брысиной. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 7-14.
9. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

10. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. 95 с.
11. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 308 с.
12. Русская диалектология. 2-е изд., перераб. / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
13. Русская диалектология. 2-е изд., стереотип. / под ред. В.В. Колесова. М.: Выс. шк., 1998. 208 с.
14. Русская диалектология / под ред. П. С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. 280 с.
15. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М.: Выс. шк., 1972. 304 с.
16. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
17. Список населённых мест Сталинградской губернии: по материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года. Сталинград, 1928.
18. Супрун В.И. Архивные документы как источник диалектной информации // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Спецвыпуск к 90-летию со дня рождения проф. В.С. Ильина. 2012. №4(68). С. 108-112.
19. Супрун В.И. Заволжская группа русских говоров: фонетический уровень // Грани познания: Электронное периодическое издание. 2012. №6. Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1358409517.pdf>
20. ГАВО, ф. И-157, оп. 1, д. 160, л. 5.
21. ГАВО, ф. И-157, оп. 1, д. 741, л. 11.
22. ГАВО, ф. И-157, оп. 1, д. 73, л. 5.

«РУССКИЙ СЕВЕР» И ПОМОРЬЕ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КУЛЬТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ*

В литературе по истории и культуре Европейского Севера России обычно используют термин «Русский Север». Предполагается, что этот регион представляет собой исторически и культурно однородную территорию, населенную этнически однородным населением. Кроме того, исследователи также интерпретируют названный топоним как вполне естественный, имеющий глубокие генетические связи с предыдущими веками и прежними обитателями. Между тем исторические факты показывают, что культурная структура населения никогда не была однородной и сам названный регион никогда не представлял собой культурной, административно-территориальной или экономической целостности. Название региона и его населения на протяжении веков менялось, а также менялась его роль в экономической и культурной жизни страны.

Ключевые слова: *Русский Север, Поморье, топоним, идентичность, этничность, коренные народы, поморы, русские.*

In the literature on culture and history, the European North of Russia is usually referred to as «the Russian North». It is implied that this region represents a kind of historically and culturally homogenous territory inhabited by a population of common ethnicity. Moreover, the researchers also interpret the above-mentioned toponym as quite natural, having deep genetic ties with previous ages and previous inhabitants. Meanwhile, historical facts show, that cultural structure of its population has never been homogeneous and the region itself has never represented either cultural, administrative-territorial, or economic integrity. The names of the region and its population have been changing during ages and so did its role in the economic and cultural life of the country.

Keywords: *Russian North, toponym, identity, ethnicity, native people, Pomors, Russians*

Введение

«Русский Север» – устойчивое геокультурное понятие, которое нередко используется как название одной из исторических провинций страны, не имеющей и не имевшей четких административных границ. В понимании географических границ «Русского Севера» нет единого мнения в связи с тем, что само поня-

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Республики Коми – грант №13-06-98804 «Этнополитические процессы и этническая конфликтность на европейском севере России».

тие «Север» крайне многозначно [97]. Кроме того, при попытках определить границы исследователи нередко находятся в плену понятий, предназначенных для административного и экономического районирования территорий, но очень редко используют концепт исторической провинции [43].

Однако значимость данного понятия далеко не ограничивается территориальностью, а имеет, прежде всего, символический и исторический смысл. Этот смысл определяется восприятием региона в интеллектуальных и научных кругах. Но, используя понятие «Русский Север», исследователи редко задумываются над его возникновением и значением, ибо, как заметила культуролог Н. Соловьева, «географическое название *русский Север*... «превратилось» в макрорегиональный топоним, который воспринимается как «естественный» – за ним стоит мощный культурно-ландшафтный регион *Русский Север*. Его естественность заключается, вероятно, в том, что *Русский Север* несет в себе функцию географического названия – метки (Русский Север – север России) и топонимическую функцию за счет использования этнического прилагательного «русский» [77: 217]. Между тем, поскольку указанное понятие (географическое название?) широко применяется в гуманитарных науках, вполне справедливо задать несколько вопросов. Является ли «Русский Север» действительно русским? Когда он стал таковым и стал ли вообще? Когда и почему появилось само указанное понятие и чем обусловлено его появление? И, наконец, каковы границы «Русского Севера»?

Для современной ситуации на европейском севере России характерна борьба за символическое пространство региона на всех уровнях, за этническое маркирование территорий, и потому сегодня начинается активная борьба за «русскость» Русского Севера. Однако «русскость» данного региона долгое время была весьма условной. Тем показательнее, в каком контексте ведется современная «борьба» за маркер «Русский Север», за «возвращение» ему русскости и придание данному маркеру геополитического значения.

Для ответа на все указанные вопросы, безусловно, требуется обратиться к анализу исторического прошлого региона, коснуться вопроса о динамике этнического состава населения и определить смысл понятия «Русский Север» и изменения в его понимании.

Колонизация европейского севера и его место в политической и культурной географии России

На ранних этапах отечественной истории европейский север России, который во многом синонимичен сегодня понятию «Русский Север», к исключительно русским регионам не относился. В скандинавской летописной традиции – это была Биармия (Бьярмаланд) – земля биармов [47], по поводу локализации которой нет единого мнения, хотя очевидно, что скандинавские описания весьма условно обозначали границы Бьярмаланда [52]. В русской летописной традиции названные земли довольно определенно характеризовались как территории, на-

ходящиеся в даннической зависимости от Великого Новгорода, «се волости новгородские: ...Вологда, Заволожье, Колоперем, Тре, Перемь, Югра, Печора» [99]. Земли «за Волоком», т. е. за Онегой, уже в XI-XIII вв. стали именоваться Заволочьем, а в последующие два столетия этот термин приобрел расширительную трактовку, ибо им определялись и территории Нижнего Подвинья – собственно Двина и Двинская Земля, а потом также Прионежье и территории к востоку от Двины вплоть до р. Печоры. Что касается населения Заволочья, то оно именовалось чудью, или чудью заволочской [11; 18; 58; 71].

Славянская колонизация европейского севера привела к изменению восприятия данной территории и к изменению характера ее культурного маркирования. Эта колонизация начинается уже в XI веке, но в указанную эпоху «этнический состав Русского севера не исчерпывается компонентами славянского происхождения. К моменту твердо зафиксированного расселения русских на Севере (Устав 1137) там жили угро-финские племена. Попытки с помощью топонимии обнаружить более древние этнические пласты не встречают поддержки специалистов» [8: с. 18-19].

Колонизация шла двумя потоками: из Новгорода и из Ростова Великого (верховая и низовая) [42]. Она была масштабной и быстрой, но главное ее следствие состоит в том, что переселения на север славянского населения позволили не только окончательно подчинить регион русскому влиянию, но и культурно интегрировать его. Процессы культурной интеграции протекали довольно интенсивно, о чем свидетельствует появление еще в «новгородскую эпоху» общего наименования территории.

Общий географический термин «Поморье» впервые упоминается в новгородской купчей грамоте 1459 г., а название «поморцы» в Новгородской четверной летописи в 1526 г. [2]. За несколько столетий произошло превращение северных территорий из Заволочья в новгородское владение Поморье, а затем и во владение Московского государства. Но речь идет не просто о смене названия и изменении характера вассальной зависимости. Кардинально изменился культурный облик территории и этнический состав ее населения. Место чуди, веси, двинян и других территориальных и этнических определителей прочно заняли поморцы, поморяне, т.е. некое новое сообщество, имевшее обобщенное название, которое тем не менее подразумевало и этнический подтекст.

Вместе с тем обобщенное название поморцы, которое упоминается в новгородских документах, было скорее лишь собирательным обозначением населения обширного региона, еще не осознавшего своего культурного единства, своей принадлежности к какой-то социальной общности. Подобного осознания просто не могло произойти в названную эпоху в силу многих причин: экономических, социальных, политических. Важную роль в культурной и политической интеграции играли три момента: религиозная принадлежность и религиозная идентичность (православные или некрещеные язычники) и система вассальной зависимости (подданные русского царя, ясачное население), а также система мировосприятия средневекового человека. У людей эпохи средневековья существовали

свои пространственно-временные представления [9, с. 63], которые отличались от современных. Эти представления довольно четко прослеживаются на этнографическом материале [17], и главная их особенность состоит в локальности бытия и сознания. Впрочем, локальность самовосприятия сохранялась довольно долго в крестьянских немодернизированных сообществах, и даже после Первой мировой войны во вновь образованных странах Восточной Европы крестьяне в отдаленных поселениях во время переписи определяли свою идентичность не с помощью политонимов, общезначимых или локальных этнонимов, а с помощью определителя «тутошние», «местные» [1]. Эта локальность проявлялась также и в культурном маркировании территории, и в построении общей культурной картины местных сообществ.

Картина мира средневековых жителей Севера представляла собой некое сочетание физического и социального пространства, в котором место славян было весьма значительным. Несомненно, что славяне, пришедшие на Север, изначально оценивали себя как доминантную культурную группу, а свое окружение воспринимали как культурную периферию. Следствием такого восприятия и стало формирование этноцентричной модели мира, которая «отразилась и на восприятии земель Севера, населенных «инородцами», как иного, потустороннего мира, в котором, говоря языком русских странников, «все напротив». Поэтому вся этническая периферия Русского Севера наделялась характеристиками антимира...» [29, с. 5]. В этой модели мира наименование «поморяне» во многом становилось синонимом славянского и христианского населения региона, и термин использовался в основном для обозначения именно этого этнического компонента. Здесь важно заметить, что культурная дистанция между русским и иноэтничным населением европейского севера была довольно устойчивой и проявлялась не только в восприятии представителей этнических меньшинств как «чужих», культурно отличных жителей севера, но и устойчивом воспроизводстве этой дистанции.

Разрушению средневекового мировосприятия и средневековой идентичности, в которой локальность и локальные определители играли решающую роль, повсеместно способствовало развитие внутреннего рынка, торговых связей и отношений. Для европейского севера в этом смысле важнейшую роль сыграли два исторических события. Первое из них было связано с тем, что английские купцы открыли для себя Северную Московию, в связи с чем при Иване IV был заключен русско-английский торговый договор, а европейский север перестал быть отдаленной окраиной владений московского государя и начал восприниматься как северный рубеж русского государства и как «окно» в Московию. А второе событие связано с основанием в 1551 г. в устье Северной Двины города Архангельска, изначально превратившегося в важнейший торговый порт государства. Этот город был важен не только для внешних торговых сношений, не меньшую роль он сыграл и в деле формирования регионального рынка и укрепления внутренних торговых связей. Именно сюда в Архангельск двиняне, мезенцы, пинежане, жители Карельского, Терского и других берегов Белого моря везли рыбу,

продукты зверобойного промысла. Здесь они обменивали их на другие товары или выручали за них деньги. Здесь же всех этих торговых людей стали называть поморами [46] и здесь возникала общая поморская идентичность, ибо региональный центр играл важнейшую интегрирующую роль. Эта общая поморская идентичность укреплялась еще и тем, что торговые отношения с иностранцами позволяли четче понять культурные отличия местного населения от иноземцев и оппозиция «свои-чужие» формировала более определенное представление о «своих».

В результате из пинежан, мезенцев и т.д. к XVIII столетию сформировалось некое культурное сообщество, а термин «поморы» превратился в этноним. Прежнее название жителей «поморцы» было, вероятно, не столько этническим определителем, сколько региональным. Название же «поморы» обозначало уже собственно русское население европейского севера, ибо остальные этнические группы в официальных документах именовались иначе. При этом, конечно, надо иметь в виду, что поморами называла себя только часть населения европейского севера и наряду с поморской существовали и другие идентичности, даже не учитывая те этнические группы, которые исторически были связаны с данной территорией. К примеру, население юга Архангельской губернии называли ваганами, в районе Онежского озера сформировалась специфическая группа русского населения – заонежцы, а на Нижней Печоре – устьцилёмы. Впрочем, последние исповедовали старообрядчество поморского толка, и это сближало их с собственно поморами.

С начала XVIII в. начинается имперский период в развитии России, и для ее правящих кругов задача учета и идентификации своих подданных становится значимой, поскольку важно было подчеркнуть имперское величие не только обширностью территории, но и числом присягнувших на верность короне народов (не принимая во внимание собственно фискальные соображения властей). Этот период совпал по времени не только с формированием поморов как специфической культурной группы русского населения Севера, но и падением торгового значения Архангельска, переориентацией торговых путей, связывающих Россию с Европой, с северных морей на Балтику. Но к началу названного периода связи региона с Европой были более интенсивны, нежели в какой-либо иной части империи. Эти связи не только способствовали экономическому процветанию Архангельска, но и стимулировали интеллектуальную жизнь в городе, поскольку он был открыт не только для торговых связей, но и для идей, рождаемых европейской общественной мыслью.

А в европейской культуре данного периода задача понимания культурного пространства и места человека в этом пространстве выдвигается на первый план интеллектуального поиска. Работы философов просвещения подготавливают рациональную основу для возникновения последующих политических теорий и, в частности, теории нации и национализма. Вероятно, главной идеей эпохи стала идея народного суверенитета [24; 25]. Народный суверенитет и сама идея народности возникли на основе критического взгляда философов на историю, в том

числе на европейскую историю. Внимание к истории отечества в этот период становится крайне актуальным и для интеллектуального поиска в России.

Заимствование европейских идей на европейском севере России, конечно, носило опосредованный характер и было связано со спецификой местной культурной среды и особенностями понимания интеллектуальной элитой региона своего общественного долга. Европейский север, как уже сказано выше, к началу XVIII в. не был замкнутой и отдаленной периферией, – через него проходили главные торговые пути России. Поэтому здесь сформировался свой достаточно большой слой образованных людей, которые стремились не только постигать идеи европейцев, но и применять их в деле познания истории и культуры Севера, ибо видели свое предназначение в общественном служении населению Архангельской губернии. Служение они понимали как деятельность, направленную на познание самого местного сообщества и описание специфики региона. Изучение богатств края, его истории и культурных особенностей местного населения здесь начинаются раньше, чем в других губерниях России [55].

Исследовательская деятельность на Севере вполне логично начиналась с краеведческой работы. Начало местному краеведению было положено В.В. Крестининым, который в 1759 г. в сотрудничестве с Александром Фоминым, Алексеем Свешниковым и Николаем Зыковым основал в Архангельске первое историческое общество в России – «Общество для исторических исследований». Общество было поддержано Академией наук и Вольным экономическим обществом, но не получило поддержки у местных властей, а потому достаточно быстро прекратило свое существование. Заметим, что тогда речь не шла о «Русском Севере», а территориальность и этничность имели вторичное значение в научном поиске, целью которого было составление наиболее полной номенклатуры различных провинций империи и описание их природного разнообразия. Имперская идеология на данном этапе ограничивалась обоснованием легитимности экспансионистских устремлений, прав на владение новыми территориями и управление новыми народами, но не на детальном описании их культурного своеобразия.

При этом изучение туземного населения и составление перечня населяющих империю народов как академическая задача постепенно становится все более актуальной, о чем можно судить по «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера и экспедиционным материалам академика Ивана Лепехина [20; 21].

Преобразование европейского севера в культурное ядро России.

Рождение термина «Русский Север»

В первой половине XIX в. и в середине столетия главное внимание исследователями уделяется статистико-географическим описаниям различных частей российской империи [13;23], в которых, однако, делаются попытки культурной классификации территорий, описания населяющих их племен.

В отличие от России, все еще не познавшей в полной мере свое культурное многообразие и не осознавшей необходимость политического единства, в Европе

в конце XVIII и начале XIX вв. идеи государства и нации «сплавились в форму национального государства» [84, с. 365], и потребность в культурной однородности нации как политического сообщества стала важным двигателем внутренней политики зарождавшихся государств-наций. Под влиянием новых идей династические империи все определеннее ощущали необходимость поиска и обоснования своей культурной основы, формирования внятной государственной идеологии: «Поскольку в середине века все династические монархии использовали *какой-нибудь* бытующий на их территории язык как государственный, а также в силу быстро растущего по всей Европе престижа национальной идеи, в евро-средиземноморских монархиях наметилась отчетливая тенденция постепенно склоняться к манящей национальной идентификации. Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы, а их кузены с несколькими большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.» [1].

К середине XIX в. власти Российской империи также стали понимать необходимость формирования собственной национальной идеологии и национального мифа, и в эту эпоху начинаются активные споры по поводу места великороссов в системе государства и по поводу самого понимания русскости.

Фактически именно в это время была сформулирована идея государственного народа, которая превратится в важный политический принцип уже при формировании Версальской системы, возникшей после завершения Первой мировой войны [22]. С середины XIX столетия великороссы стали рассматриваться официальными идеологами именно в качестве государствообразующего народа. «В 1864-1865 гг. М.Н. Катковым были сформулированы условия, обеспечивающие наиболее стабильное развитие российского государства. Российская империя, по его мнению, могла существовать только как государство, в котором обеспечено преобладание титульной национальности. Другие «племена» могли сохранять свой язык, религию, культурные особенности, иными словами, все, что не угрожает целостности государства. При этом должно неуклонно поддерживаться единство законодательства, системы управления, государственного языка. Главной опасностью для России, считал Катков, мог стать сепаратизм отдельных народов, стремящихся стать самостоятельными нациями» [2]. Политические идеи неизбежно находили отклик и в умонастроениях интеллектуальной элиты. От описания экзотических инородческих групп, населяющих обширные пространства империи, интерес исследователей все активнее стал смещаться к изучению русского крестьянина и его культурных ценностей. Созданное в указанную эпоху Русское географическое общество определило своей целью изучение *Русской земли* и *Русского народа*, а усилиями путешественников, писателей и историков ««ледяные пустыни» и «девственная тайга» наполнялись *русскими* героями и *русскими* воинами» [28, с. 97].

В этой связи все большее внимание стало уделяться анализу России как геополитического пространства и попыткам понимания того, кто есть велико-

россы, какие регионы страны являются историческим ядром Российского государства.

Само понятие *великороссы* уточнялось и дополнялось на протяжении XVIII и XIX столетий, равно как не оставалось неизменным понимание того, какие губернии могут считаться историческим ядром государства, каково то культурное пространство, которое именовали Великой Россией.

Одним из первых исследователей, кто предложил перечень губерний, относящихся к территориям заселенным великороссами, был Н.И. Надеждин. Он определил пространство Великой России как «сердце» Российской империи. Но в состав Великой России Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии включены не были. Не относил к внутренней России и Великороссии названные губернии и географ К.И. Арсеньев, который также называл перечень областей «внутренней России», названных им «великим кругом» [61]. Однако во второй половине столетия воззрения на культурное значение европейского севера изменились.

В наиболее масштабном научно-популярном издании XIX в. – «Живописная Россия», изданном М.О. Вульфом, в первых же томах были даны этнографические описания северных и западных регионов и лишь затем – центральных. На роль типичного великоросса и наиболее яркого выразителя «русскости» во второй половине названного столетия исследователи нередко предлагали региональные группы населения Русского Севера [48].

С одной стороны, это было связано с тем, что Россия все более и все активнее превращалась в национальную (этнонациональную) империю, где культурное ядро ее населения приобретало государственнообразующее значение. С другой стороны, это объяснялось расширением «поля русскости», ибо прежние окраины начинали восприниматься как сугубо «русские» регионы (Урал, Дон, Сибирь). Но не менее значимым было еще одно основание, которое сыграло важную роль в переосмыслении культурного значения европейского севера, а именно: расширение научного поиска на севере.

Открытие значения Русского севера для науки, прежде всего для истории, археологии, этнографии и фольклористики, связывают с именами А.Ф. Гильфердинга, П.Е. Ефименко, Л.Н. Рыбникова, Е.Н. Барсова, Н.Е. Ончукова, Ф.М. Истомина и Г.О. Дютша, А.В. Маркова и А.Д. Григорьева, П.Г. Богатырева, О.Э. Озаровской и многих других ученых. Их труды позволили по-иному оценить культурный потенциал европейского севера и его этнокультурное значение. Регион предстал не как периферия культурного пространства великороссов, а как некая «культурная кладовая», где сосредоточено их многовековое культурное наследие, где сохранилась некая «исконная», или «первозданная», русскость.

Именно активный научный поиск второй половины XIX в. и его результаты позволили выстроить интеллектуальный культурный проект «Русского Севера». С целью объединения усилий многих специалистов и привлечения к делу изучения истории и культуры края широких слоев общественности в 1908 г.

было создано Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС). Создание общества можно считать неким кульминационным моментом в истории изучения обширного культурного региона. В течение нескольких лет общество превратилось в одно из самых авторитетных в России, а издающийся с 1909 г. журнал общества (Известия АОИРС) был признан лучшим периодическим изданием по краеведению в провинциальной России.

Деятельность Общества еще более способствовала восприятию европейского севера как исконно «русского региона», как единой историко-культурной провинции, сыгравшей важнейшую роль в формировании русской ментальности. Не случайно в начале XX в. творческие поездки на север стали совершать многие российские художники, для которых фольклор, отечественная история и культура были стимулом для творчества: К. Коровин, В. Серов, И. Грабарь, А. Архипов, М. Нестеров, В. Верещагин.

Однако можно ли считать Русский Север только лишь культурно-исторической провинцией и культурным символом, связано ли само появление термина лишь с интеллектуальным поиском или оно логично вписывается в официальную идеологию, в стратегию построения национальной империи?

Вероятно, достаточно очевидный ответ на эти вопросы можно получить, обратив внимание на то, кем и когда был введен в публичный оборот термин «Русский Север». Термин появился не в трудах историков, этнографов, фольклористов, а впервые был использован лицом официальным, более того лицом политически значимым. В конце XIX в. губернатор Архангельской губернии А.П. Энгельгардт совершает двухлетнее путешествие по вверенной ему губернии. Путешествие носило характер инспекции, но одновременно автор вел путевые заметки и описывал местные традиции и быт. Путевые записи губернатора вскоре были изданы в Санкт-Петербурге в форме хорошо иллюстрированной книги «Русский Север. Путевые заметки» [34]. «В самом тексте книги А.П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания – *русский Север* (русский с маленькой буквы), но уже, как видим, в заголовке книги географическое название приобретает форму топонима. Так появляется, вероятно, первое упоминание о *Русском Севере*» [53]. Характерно, что Энгельгардт не обозначил границы Русского Севера, и это, видимо, было сделано вполне сознательно, ибо позволяет толковать вопрос о границах весьма расширительно. Заметим также, что губернатор Энгельгардт внес немалый вклад и в дело становления Архангельского общества изучения Русского Севера.

Тот факт, что термин был введен в публичную сферу лицом официальным и находящимся на высокой государственной должности, делает его содержание политически мотивированным. Еще более очевидным его политическое значение станет тогда, когда мы обратим внимание на официальную политику властей Российской империи и на идейную атмосферу, которая диктовала необходимость маркирования северных регионов как исключительно русских или находящихся в сфере русского культурного влияния. Со второй половины XIX в. усиливается проникновение на Север норвежских рыбопромышленников и зверобоев. Это

проникновение повлекло за собой не только усиление конкуренции с поморами, но также и то, что Кольский север, архипелаг Новая Земля стали восприниматься как ничейная земля [31;66], на которую юрисдикция российского правительства не распространяется. Это заставило российское правительство принять специальную программу освоения Кольского севера и меры по стимулированию предпринимательской деятельности российских рыбопромышленников. Активность правительства стимулировалась тем, что в 1867 г. Россия продала принадлежавшую ей Аляску Соединенным Штатам Америки, и эта акция расценивалась как вынужденная мера, поскольку русское население Аляски было невелико, возможности российского влияния в этом районе были ограничены, а противостоять экспансии конкурентов в тот период времени страна была не в состоянии [14]. Повторять свой североамериканский опыт на европейском севере правящие круги России не хотели.

Естественно, что для успешного противостояния внешней экономической экспансии необходимо было однозначно маркировать территории европейского севера как российские. Таковая потребность усиливалась еще и тем, что, помимо норвежцев, существовала и другая опасность, которую российские власти видели в деятельности финских миссионеров, особенно активно действовавших с конца XIX – начала XX вв. в Карелии (включая Карельский берег Белого моря) и занимавшихся пропагандой лютеранства, финской культуры. В противовес этой деятельности царские власти считали необходимым усилить русификацию меньшинств [65], а территории со смешанным населением маркировать как исключительно русские. При этом не следует недооценивать как роль процессов культурной интеграции, так и значение меняющихся культурных ориентаций, которые были в пользу доминирующей этнической общности. Ну и, наконец, надо принимать во внимание тот факт, что к началу XX столетия окончательно сформировалась националистическая доктрина, суть которой последовательно пропагандировала газета «Русское знамя», а ее содержание определялось следующим образом: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном, и народе русском» [68]

Все это в совокупности позволило в начале XX в. перекалфицировать Поморье в Русский Север, а поморов в великороссов, что подтверждается как результатами первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [102], так и тем, что с начала XX в. термины «поморы» и «Поморье» выходят из употребления [4]. Очевидно, что данная перекалфикация была как культурно, так и политически мотивирована и культурный проект «Русский Север» поэтому можно отчасти считать и политическим проектом.

Однако в дальнейшем политическая значимость маркирования европейского севера как собственно русского региона утрачивается, и последующими поколениями Русский Север стал восприниматься сугубо как культурный символ. В этом отношении наиболее показательным замечанием, которое было сделано такой авторитетной для россиян фигурой, как академик Д. Лихачев: «Самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это

то, что он самый русский. Он не только душевно русский – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре. Он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру...» [62] Современные исследователи пишут не только о «заслуге Русского Севера в развитии культуры и образования» [7], но и о «метафизике Севера», о его «сакральной географии», которая якобы и выделяет его в особую культурную реальность и позволяет говорить о нем как о едином культурном пространстве [29].

Но важно, что именно в советские годы термин «Русский Север» потерял не только свое политическое значение, но и значение культурного ядра страны, чему немало способствовала советская идеология, для которой «национальный вопрос» и культурные символы вообще были вторичными, а решающее значение имели классовые приоритеты и, прежде всего, идея диктатуры пролетариата.

Советская эпоха и советская система культурного маркирования

Смена эпох, как правило, влечет за собой и смену культурных символов. На Севере это проявилось очевидно и достаточно быстро. После победы большевиками была принята на вооружение доктрина этнического национализма, суть которой базировалась на двух ключевых положениях: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально–государственным образованием, 2) в рамках собственного государственного образования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [80]. Вся территория страны была поделена на этнические анклавы: автономные республики, области, национальные округа и даже национальные сельсоветы. Идея состояла в том, чтобы обеспечить новому режиму политическую поддержку со стороны многочисленных этнических меньшинств. Поэтому идеологи большевизма говорили о необходимости особого внимания к интересам этих культурных групп [59], подчеркивали необходимость борьбы с великодержавным русским шовинизмом [60], и поэтому же вместо республиканских идеалов гражданского равенства, которые декларировались лидерами Великой Французской революции [35], российские большевики стали выстраивать особую систему политической и культурной иерархии, фактически следуя логике идеологов имперской России. Главной политической опорой режима и наиболее лояльной социальной группой был определен пролетариат (промышленные рабочие), а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства рассматривались как естественный союзник пролетариата, поскольку многие из них не имели развитой классовой структуры. Кроме того, как и пролетарии, представители меньшинств могли рассматриваться как эксплуатируемая часть общества, а в качестве эксплуататора выступало само государство в лице его чиновников и в лице представителей государствообразующего народа.

В культурной политике произошло совмещение политических и этнических принципов организации общества, а потому термин «национальность» (nationality), который в других странах означает лишь гражданство, стал в СССР синонимом этнической принадлежности. Подмена идеи гражданства и гражданского равенства идеей этничности и превращение этнической принадлежности в синоним национальности позволило исключить из политического дискурса идеи прав гражданина и человека. Политизация культурных различий превратилась в важное направление внутренней политики, и не случайно в 1932 году в СССР был введен внутренний гражданский паспорт, где графа «национальность»/этническая принадлежность стала обязательной (в отличие от других стран), а фиксация этнической («национальной») принадлежности гражданина стала осуществляться согласно специальной инструкции, суть которой сводилась к принудительному и пожизненному навязыванию этничности (национальной принадлежности). Тем самым каждый член общества был тесно привязан к определенной этнической группе, чего прежде не было.

Превратив этничность в важный политический маркер, большевики использовали ресурс политически мобилизованной этничности меньшинств для нейтрализации политического ресурса великороссов. Более того, русские, согласно официальной точке зрения, были главными эксплуататорами на Севере [28], а борьба с эксплуататорами и ликвидация всяческих форм эксплуатации была объявлена основной целью новой власти. Вполне закономерно, что сам термин «великоросс», рассматриваемый как намек на господствующее положение данной группы, был исключен из культурной лексики, а в политическую практику была внедрена культурная иерархия народов, в которой русские не занимали ведущих позиций, поскольку они не рассматривались как один из «коренных» народов страны, хотя, конечно, можно рассматривать подобную ситуацию и в том смысле, что русский народ был символически маркирован как особое этническое сообщество. На Севере был создан ряд национально-государственных образований (Карельская трудовая коммуна в 1920 г., Коми автономная область в 1921 г., Ненецкий национальный округ в 1929 г.), где начались процессы так называемой коренизации, которая нередко принимала форму вытеснения представителей «некоренных народов» со статусных позиций и разделения местных сообществ на этнические сегменты.

В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т.п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов – 5 финноязычные. До 1935 года в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не го-

ворил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [79].

Выделение территориальных единиц, в которых одна из этнических групп получала политические и культурные преференции, было не всегда возможно на Севере, поэтому систему административных автономий дополнили специальным списком «народов Севера». Впервые это определение было введено в 1920-х гг., т.е. когда в бывшем СССР осуществлялся активный процесс так называемого национально-государственного строительства и встал вопрос о «необходимости» социальных и экономических преобразований в жизни народов северных окраин страны, социалистического переустройства их хозяйства, быта и культуры. Для развития промыслового хозяйства северных народов в составе Народного комиссариата по делам национальностей был создан в 1922 году Приполярный подотдел по охране и управлению северными племенами России.

К числу «народов Севера» были отнесены чукчи, чуванцы, азиатские эскимосы, коряки, ительмены, алеуты, юкагиры, эвены, эвенки, долганы, нанайцы, нганасаны, ненцы, энцы, селькупы, кеты, ханты, манси, саамы, нивхи, ульчи, удегейцы, негидальцы, ороки, орочи, тофалары [76], т.е. в группу этих народов были включены этнические сообщества, относящиеся к разным культурно-хозяйственным типам и говорящие на языках уральской языковой семьи, тунгусо-маньчжурской семьи, чукотско-камчатской семьи, алтайской семьи, эскимосо-алеутской семьи языков. Основанием для выделения этих народов в особую группу явилась идея о необходимости оказания данным народам адресной помощи для развития их хозяйства и культуры, а также такие критерии, как малочисленность, общая направленность хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство и морской зверобойный промысел), особенности быта, социально-экономическая и культурная отсталость. В советские времена списочный состав народов Севера включал 26 народов, но в названный список сознательно не были включены русские, в том числе культурные группы русского старожильческого населения, в хозяйстве которых промысловая деятельность играла важную роль. На европейском севере к таковым группам относились поморы и устьцильмы. Если же говорить в целом о коренном населении Севера, то оно, как полагает М. Жуков, «может быть разделено на три большие группы: – коренные малочисленные народы Севера; – коренные народы Севера, не являющиеся малочисленными; – русскоязычное и татароязычное старожильческое население, представляющее собой специфические этнографические группы внутри русского и татарского народов» [51].

Однако большевики не принимали во внимание интересы крупнейшей культурной группы населения Севера. Уже в 1920 г. было ликвидировано Архангельское общество изучения Русского Севера, а сам термин «Русский Север» в 1920-1930-х гг. перестал употребляться. Когда в 1929 г. был создан Северный край (просуществовал до 1936 г.), его создание диктовалось не исторической традицией или этническим составом населения, а сугубо соображениями экономического порядка. Реабилитация термина «Русский Север» произошла уже по-

сле Второй мировой войны, во время которой политические лидеры вынуждены были обратиться к историческим и культурным символам страны, подчеркивать значимость русского этнического компонента в составе страны (тогда власти заговорили о «Великом русском народе»), более лояльно относиться к религии. Но в послевоенные годы термин «Русский Север» стал использоваться только в фольклорно-этнографическом контексте, т.е. для описания общих явлений в быту, фольклоре, календарной и семейной обрядности северных русских. Русскость и русские не заняли в официальной идеологии центральное место, ибо эта идеология вообще эволюционировала в сторону «социалистического унитаризма», о значимости которого заявлял И. Сталин [78] уже в первые годы советской власти. Основатель советского государства Ленин также подчеркивал, что «национальный вопрос является вопросом подчиненным» для советской власти [60], а потому логика эволюции официальной идеологии не могла строиться на дальнейшем усилении этнического национализма. Власти понимали, что нужна некая форма культурной и политической интеграции, но эта интеграция не мыслилась ими как этническая ассимиляция, а предполагала формирование нового надэтнического сообщества – советского народа и соответственно новой индивидуальной идентичности – советского человека [16]. Фактически подобная форма интеграции мало отличалась от американского концепта «плавильного котла» [32]. Поэтому как культурный символ была принята идея «дружбы народов», а само советское общество в культурном смысле рассматривалось как некая расширенная семья, в которой все народы – братья, а русский народ – старший брат (что впоследствии и стало трактоваться как стремление к «русификации» меньшинств).

Рассматривать же данную символическую модель как русификацию, в частности как русификацию северных финно-угров [37], – это явное упрощение. Таким же упрощением является и утверждения об отсутствии в СССР на этапе «развитого социализма» национальной политики/этнополитики вообще, о чем заговорили многие местные исследователи в «национальных республиках» после краха советской системы. Нам представляется, что в этом отношении наиболее точна оценка этой политики американским лингвистом Роном Виксманом, который полагает, что советская национальная политика в целом была вполне рациональна, логична и постоянна во времени по отношению ко всем этническим группам, поскольку она, прежде всего, подчинялась целям и интересам режима и была тесно связана с идеологией и общей политической стратегией [38].

Тем не менее очевидно, что места государственному народу (этносу), на роль которого могли претендовать только русские, в советских идеологических конструкциях не было, если исключить некие декларации и идею «старшего брата», которая не была подкреплена системой этнических преференций, каким-либо общественно значимым культурным стандартом типа американского WASP (белые американцы англо-саксонского происхождения, исповедующие протестантизм) и самой советской этнической номенклатурой («коренные народы», «национальные меньшинства», «народы Севера»).

Советская этническая номенклатура наложила свой отпечаток и на понимание границ Русского Севера. Если первоначально границы культурной провинции либо не указывались, либо толковались расширительно, т.е. от Кольского полуострова и Карелии до Урала, то поздние советские исследователи четко указывали, что Русский Север – это территория, расположенная между землями, заселенными карелами на западе, и коми – на востоке [8]. Между тем и в Карелии, и в Коми есть территории, которые исторически были заселены исключительно русскими, и русское население обеих республик сформировалось много столетий назад [12; 15]. Иными словами, в советскую эпоху произошло существенное ограничение не только территориальных границ провинции, но и сужение смысла термина. Он также очевидно утратил всякое политическое значение. И утрата этого смысла довольно своеобразно проявилась в постсоветскую эпоху.

Культурные идентичности на европейском севере в постсоветской России

Рубеж 1980-1990-х гг. характеризуется радикальными переменами в политической и экономической жизни и сменой правящего режима. Более того, в данную эпоху происходит резкая актуализация этничности и превращение ее в мощный политический ресурс [30]. В числе политических акторов появилось огромное количество этнополитических движений и организаций, в национальных республиках провозглашался приоритет местных законов над федеральными на основании принимавшихся одна за другой деклараций о суверенитете. Как реакция на парад суверенитетов начала 1990-х гг. [10] стали появляться идеи создания «русских» республик. В этой связи логично было предположить, что уже готовый культурный проект «Русский Север» приобретет политическое значение и будет использован региональными элитами для формирования региональной идеологии, создания региональных политических движений и административного реформатирования территории европейского севера. Однако этого не произошло. Политический ресурс идеи был недостаточен, ибо фольклорно-этнографическое понимание термина «Русский Север», которое многие десятилетия культивировалось в научной среде, ограничивали возможности его политического использования. Но важнее было то, что советская система этнических статусов (которая довлела над сознанием политиков), внедренная большевиками, не наделяла русских статусом «коренного», а значит, и государствообразующего народа. Поэтому новые республики предполагалось строить, основываясь на идеях регионализма или превращая локальные этнонимы и локальные культурные традиции в политически значимые символы, конструируя новую этничность, которую лишь отчасти отождествляли с рускостью или не отождествляли вовсе [88].

Тем не менее в эпоху суверенизации первой половины 1990-х гг. появились проекты создания Уральской, Вологодской, Сибирской, а также Поморской республик. Более того, Уральская республика была провозглашена (основанием для этого послужили итоги местного референдума) и просуществовала несколько

месяцев, пока не была ликвидирована указом президента Б. Ельцина. Что касается Поморской республики, то основанием для ее рождения явилась культурно-историческая специфика европейского севера. Для реализации идеи в 1992 г. ряд политических партий и организаций Архангельской области зарегистрировали Национальный культурный центр «Поморское возрождение». Многие лидеры движения, выступавшие за создание республики, тем не менее отказались на том этапе от формирования этнополитического поморского движения. В 1994 г. движение «Поморское возрождение» распалось на отдельные группы. Позднейшие попытки интегрировать поморские организации в рамках объединения «Поморский мир» также не были успешными. Тем не менее «поморская идея» прочно утвердилась в региональном политическом дискурсе и стала обретать все более определенное культурное содержание.

Свое дальнейшее развитие поморская идея получила в недрах региональной политической организации «Демократическое возрождение Севера», которая действовала в Архангельской области до 2001 года. Ее политическим содержанием стало стремление некоторых местных интеллектуалов к культурному и политическому противопоставлению Центральной России и поморской Северной Руси. Идеолог движения Александр Иванов попытался определить, каковы пути формирования священного идеального мира на Севере и где исторические корни стремления к построению такого мира. Он, в частности, заявлял: «Поморы обладают особым чувством собственного достоинства и любовью к свободе. Причина этого в том, что на Севере не было крепостного права, а основной формой организации хозяйственной жизни была не община, а артель. У поморов отсутствует чувство врага, т.к. естественных ресурсов всегда хватало всем, а иностранцев воспринимали не как конкурентов, а как партнеров по торговле. Начавшиеся в глубокой древности контакты с Европой (морем Эдинбург, Осло и Бремен ближе Москвы) выработали западноевропейскую ориентацию сознания, отсутствие ксенофобии и уважение к демократическим институтам. Поморам исторически присуще презрение московской власти – и царской, и советской, и постсоветской – за ее лживость, жестокость и творимый ею произвол. Поморы стремятся работать не на государство и как можно меньше зависеть от него» [83].

С начала 2000-х гг. поморская идея из политической превращается в культурную. Значительный стимул к развитию поморского этнокультурного движения дали итоги переписи населения 2002 года, которые показали, что происходит процесс реидентификации, и для части местного населения поморская идентичность вновь становится актуальной, а потому может быть зафиксирована статистически (6,5 тыс. чел. назвали себя поморами).

В 2003 г. в Архангельске была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, а в начале 2004 г. – община поморов как община коренных малочисленных народов Севера (ликвидирована по решению суда в 2011 г.). Некоторые лидеры поморов стали заявлять, что поморы не этнографическая группа и не субэтнос русского народа, а самостоятельная этническая группа. При этом они настаивали, что это не славянская, а финно-угорская

группа (были и другие варианты понимания поморской идентичности). Председатель национального культурного центра Архангельска И. Мосеев в своем заключении «Этническое самоопределение и этногенез поморов» так сформулировал идеологическую основу поморской национально-культурной автономии: «Несмотря на многочисленные попытки ассимилировать поморов и представить их лишь как составную часть великорусского этноса (этнографическая группа, субэтнос, популяция, сословие и т.д.), поморы сохранили свое этническое самосознание, о чем свидетельствуют результаты переписи 2002 г. Поморы – это самостоятельный этнос, первичная культура которого не была привнесена извне (из России), а возникла в ходе постепенного слияния местных угро-финских «протопоморских» культур и культуры первого древнерусского (но не «великорусского») населения» [87]. Указанная позиция разделялась одно время и председателем национально-культурной автономии поморов г. Архангельска П. Есиповым, который по этому поводу замечал: «Предками поморов были такие финно-угорские племена, как саами, вепсы, корела...» [50] У российских этнографов иной взгляд на этническую историю европейского севера. В частности, И.В. Власова отмечает: «Новгородцы и ростовцы, с которыми было связано формирование русского населения Севера, хотя и представляли собой земельные областные общности, относящиеся к одному этносу, тем не менее, сами, с этнической точки зрения, имели смешанное происхождение, ибо жили и развивались в различных природных и хозяйственных условиях и при расселении в Восточной Европе, в том числе и по Северу, сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения» [42]. Поморское движение окончательно оформилось как самостоятельная региональная этнополитическая организация лишь к концу первого десятилетия XXI века. В 2008 г. прошел первый съезд поморов. В 2009 г. состоялся второй межрегиональный съезд поморов, который прошел в городе Умба Мурманской области.

Главное требование поморского движения – официальное признание поморов как самостоятельной этнической группы и предоставление им статуса коренного малочисленного народа и соответствующих преференций. Общественная поддержка у движения была, но о единой поморской идентичности говорить было сложно [92]. Систематизация поморской идентичности сложна, поскольку она исторически формировалась на фоне других этнических и региональных идентичностей, долгое время не была актуализирована и все еще достаточно неопределенна и сильно мифологизирована.

Более того, на пространстве европейского севера сегодня имеет место множество локальных, региональных, этнических идентичностей, но все они выражены довольно слабо. При этом, как показали итоги опроса, который был проведен нами в марте 2010 г. в трех региональных центрах европейского севера (Мурманск, Архангельск и Сыктывкар), самой очевидной идентичностью является общая северная идентичность (северяне), которую респонденты воспринимают как гражданскую, но не как этническую идентичность и примерно две трети жителей названных городских центров однозначно идентифицируют себя

подобным образом, на втором месте по значимости оказывается общероссийская гражданская идентичность, а этнические идентичности выражены достаточно слабо [93].

Безусловно, русские и сегодня являются крупнейшей этнической группой во всех регионах европейского севера: в Архангельской и Вологодской областях их доля, согласно данным переписи населения 2010 г., превышает 90%, а в других она почти повсеместно растет (см. табл. 1), хотя абсолютная численность населения уменьшается как по причине отрицательного сальдо миграции, так и из-за превышения смертности над рождаемостью. Снижение численности населения северных регионов – устойчивая тенденция, причем этот процесс начался во всех регионах европейского севера примерно в одно и то же время, например, в Вологодской области снижение населения идет неуклонно начиная с 1988 г., в Республике Коми – с 1990 г., в Мурманской области – с 1989 года. С 1989 по 2002 гг. Мурманская область потеряла 23% своего населения, Ненецкий автономный округ – 24%, Республика Коми – 18,6% [89], а если принять во внимание материалы переписи-2010, то оба субъекта потеряли с 1989 г. почти треть населения. По существу, ныне происходит процесс *деколонизации европейского севера*, в результате которого деградируют и перестают существовать не только многие села и деревни, но и поселки, а в ближайшей перспективе вопрос стоит о ликвидации крупных поселений и целых городов.

Значительный по масштабам миграционный отток населения из регионов европейского севера порожден, в первую очередь, причинами социально-экономического порядка, которые снизили привлекательность севера для мигрантов, но стимулируется и будет стимулироваться и самой усиливающейся «миграционной готовностью» населения. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты опроса населения Мурманска, Архангельска и Сыктывкара, осуществленного нами в марте 2010 года. Согласно данным опроса, 35,5% жителей Архангельска, 38,8% Мурманска и 39,6% Сыктывкара хотели бы уехать из своих городов и регионов навсегда или на длительное время, а среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет доля потенциальных мигрантов составляет уже 51,4%.

Таблица 1

Изменение доли русских в составе населения регионов европейского севера по данным переписей населения, в %

Показали	1970	1979	1989	2002	2010
Архангельская обл.	92,1	92,4	92,2	95,2	95,6
Вологодская обл.	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Мурманская обл.	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0
Ненецкий АО	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1

Республика Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Республика Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1

В этническом отношении среди выезжающих с севера преобладают представители славянских народов, т. е. численно доминирующих этнических групп. Это позволяло предположить, что доля титульных этнических групп в составе населения двух национальных республик и одного автономного округа, входящих в состав региона, именуемого «Русским Севером», будет возрастать. И результаты микропереписи населения 1994 года делали эти предположения небезосновательными. Но перепись населения 2002 года показала, что доля русских во всех регионах за исключением НАО возросла. А перепись населения 2010 г. свидетельствует, что доля русских выросла во всех регионах европейского севера и этническая гомогенизация становится устойчивым процессом. Таким образом, в статистическом отношении европейский север РФ продолжает оставаться «русским», поскольку русские численно доминируют во всех областях, республиках и округах. Русское население формируется не только посредством естественного прироста, но, как и в предшествующие эпохи, отчасти за счет ассимиляции этнических меньшинств, которые являются аборигенным населением региона. Так, к примеру, опрос учащейся молодежи, проведенный в Коми в 1998 году, показал, что пятая часть городских школьников (возраст 16-17 лет), у которых оба родителя коми, называли себя русскими [86]. Процессы ассимиляции в последующие годы не ослабевали, о чем свидетельствовали результаты переписи 2002 года, показавшей весьма заметное сокращение численности карел, коми, вепсов, которое невозможно объяснить только превышением смертности над рождаемостью, имевшим место в последние годы [54;90], а также итоги переписи-2010 г., подтвердившие, что тенденция к изменению культурных идентичностей усиливается, за счет чего численность уральских народов сократилась весьма значительно [98].

«Похороны» Поморья

В конце сентября 2011 года в Архангельске прошел IV съезд поморов. После съезда в Архангельске разгорелось сначала некое подобие дискуссии о поморских делах, а затем фактически развернулась массивная антипоморская кампания [39; 73; 80], в которой много весьма показательных моментов, свидетельствующих, что архангельские «дебаты» имеют скорее не локальное значение, а общероссийское. Делать подобное утверждение можно на основании того, что обсуждение итогов съезда и вопроса о том, «кто есть поморы», позволяет судить о нерешенности многих проблем, связанных с обеспечением жизнедеятельности местных сообществ, культурным маркированием и культурным позиционированием этнических групп, позицией местных и федеральных властей по отношению к локальным сообществам. Но, прежде всего, важно заметить, что **ны-**

нешняя антипоморская кампания является уже второй по счету: первая развернулась в 2008 году и носила экологический (а точнее – псевдоэкологический) характер. Тогда при участии нескольких известных деятелей российского шоу-бизнеса в Архангельске была организована шумная акция в защиту белька, которая активно освещалась федеральными телеканалами. Белек – это детеныш гренландского тюленя, промысел которого является традиционным [5] для поморов (распространен он в Канаде и Северной Норвегии). Продукты промысла поставлялись в последние годы в основном в Норвегию и давали относительно неплохой доход семьям жителей поморских деревень по берегам Белого моря. Если в местных сельхозартелях они зарабатывали всего примерно 100\$ месяц, то за полтора месяца «зверобойки» получали в два-три раза больше своего годового заработка в аграрных предприятиях. Экологи ополчились именно на российских поморов, хотя объемы добычи нерки (промышляли не белька, а более взрослую особь – нерку) в России значительно уступали тем, что есть в Норвегии и Канаде, а ежегодные подвижки льда, ледокольные проводки убивали больше тюленей, чем добывали промысловики. Тем не менее шумная экологическая кампания с требованием запретить промысел белька представляла поморов как нарушителей хрупкого экологического баланса на севере, как людей, стремящихся к личной наживе и готовых ради этого наносить серьезный ущерб природе. Очень быстро на данную кампанию отреагировало правительство РФ, и промысел белька официально запретили. Правда, было объявлено, что поморы получают компенсации за утраченные доходы, но, хотя какие-то деньги правительством и выделялись, до адресатов они не дошли.

Экономическое положение отдаленных сельских поселений, где исторически проживали поморы, усугубляется еще и тем, что они фактически не могут заниматься рыболовным промыслом, поскольку федеральное законодательство ограничивает традиционные способы частного лова рыбы, а организованные рыбопромысловые артели получают ограниченные квоты на ее вылов и в отличие от этнических групп, получивших статус «коренных народов», вынуждены платить за эти квоты весьма значительные средства, что усугубляет экономическое положение очень слабых рыболовецких кооперативов. Жители поморских деревень, традиционно занимающихся рыбным промыслом и привыкших использовать рыбу в своем рационе, не отказываются от нее, а потому вынуждены заниматься браконьерством.

В поморских деревнях, помимо рыболовства, прежде также занимались оленеводством, и еще в советские годы в коллективных хозяйствах Мезенского района Архангельской области было довольно большое стадо оленей. Но ныне их не осталось совсем, поскольку оленеводство стало экономически невыгодным. За пользование оленьими пастбищами коллективные хозяйства в постсоветское время должны платить земельный налог, который оказался неподъемным для них, а потому стада оленей были ликвидированы. Однако оленеводческие хозяйства из Ненецкого автономного округа, который граничит с Мезенским районом, стали активно пользоваться этими пастбищами, поскольку ненцы, как

этническая группа, которая имеет официальный статус «коренного малочисленного народа», освобождены от платежей за землю. Более того, пастбищные угодья в Мезенском районе местными властями без согласования с населением были отданы в аренду ненецким оленеводам сроком на 45 лет, что вызвало возмущение местных жителей. Возмущение это связано как разницей в культурных статусах поморов и ненцев, так и тем, что поморские жители убеждены, что ненцы со своими стадами наносят урон хозяйственным интересам местных жителей: олени вытаптывают места сбора ягод и грибов, сокращают кормовую базу лосей и других животных, на которых ведется охота.

Кроме претензий к ненецким оленеводам у жителей поморских деревень существуют и многочисленные претензии к деятельности добывающих компаний, которые ведут разработку лесных угодий, добычу алмазов, разведку месторождений бокситов, нефти. Нанесение ущерба районам традиционного природопользования и ограничение промысловой деятельности в результате прессинга со стороны государства, промышленных компаний, иноэтничных соседей не только создает конфликтные ситуации, но и приводит к тому, что местное население все отчетливее осознает свой общий интерес, отличие своих интересов от интересов соседних культурных групп и интересов, действующих в регионе крупных компаний. Такая ситуация стимулирует процессы самоорганизации людей и активизирует поиск символических ресурсов, которые можно мобилизовать для борьбы за интересы локальных сообществ. Самой эффективной формой борьбы стало поморское движение, а самым значимым символическим ресурсом является культурная отличительность поморов, их традиции и образ жизни.

Особую опасность в развитии этого движения увидели нефтяные и газовые компании, которые начинают активную экспансию в акваторию арктических морей. Дело в том, что практически всю эту акваторию можно рассматривать как территорию традиционного природопользования поморов, а значит, самоорганизация поморов объективно невыгодна нефтяным гигантам, которым придется делиться доходами с поморами, но, главное, согласовывать свою деятельность не только с федеральными чиновниками, но и с поморскими организациями, которые могут оказаться неуступчивыми. Поэтому для названным организациям выгоднее уничтожить поморское движение полностью. Как полагают некоторые лидеры поморского движения, первую антипоморскую кампанию спонсировали не столько экологические организации, сколько нефтяники, хотя доказать это вряд ли возможно.

Тем не менее первая кампания не привела к спаду движения, а делегаты четвертого Поморского съезда не отказались от требования предоставить поморам как культурной группе статус коренного малочисленного народа (отдельные этнографические группы русских, например камчадалы, уже имеют подобный статус).

Стало очевидно, что нужно усилить давление на поморов. В результате была организована вторая кампания, апогей которой пришелся на 2012 год. Она представляет собой скорее идеологический и геополитический спор, в котором

аргументы этнологов, правоведов и журналистов, пытающихся поддержать поморское движение, *не принимаются во внимание принципиально* [44;81].

Ситуация вокруг поморов во многом показательна еще и потому, что характеризует не только сложность проблем регулирования отношений между государством и локальными культурными группами, но и отчасти и современную российскую этнологию/антропологию и ее место в системе этого регулирования. Стоит заметить, что и петербургские, и московские этнологи в своих заключениях не поддержали претензии лидеров поморского движения относительно того, что поморы должны иметь статус коренного малочисленного народа Севера (хотя затем позиция несколько изменилась). Основанием для подобных заключений, на наш взгляд, послужила традиция советской этнографии, связанная с культурным ранжированием народов и некой иерархией культурных групп, которая не позволяла приравнять интересы поморов к интересам других северных этнических групп.

Тем самым российские этнологи фактически отвергли призыв Клода Леви-Строса к тому, чтобы антропология «изменила саму свою сущность» и перестала рассматривать изучаемые сообщества только как объекты изучения, а сами антропологи поняли, что изучаемые сообщества «стали коллективными субъектами и требуют прав на нужные им перемены» [19] не все отечественные этнологи/антропологи услышали и не все приняли. Между тем этот призыв как нельзя более актуален сегодня, и ситуация, складывающаяся вокруг поморов, только подтверждает это.

О проблемах, которые связаны с поморским самоопределением, уже неоднократно приходилось писать специалистам [49; 83; 87-89; 91-96]. Не повторяя уже изложенные факты и соображения, необходимо заметить, что «поморский диспут» в последнее время приобрел крайне скандальные и политизированные формы.

Каковы основные позиции дискуссантов? Участники последнего поморского съезда и поморские лидеры настаивают на том, чтобы поморы были официально включены в Перечень коренных малочисленных народов РФ [100] и им были предоставлены преференции, которыми пользуются сорок с лишним этнических групп, имеющих статус «коренного малочисленного народа». Логика рассуждений проста: те группы, которые получили искомый статус, становятся более сплоченными и стабильными, их численность перестает сокращаться (пример – ненцы, ханты, манси), культурные институты получают определенную государственную поддержку, а сами представители групп за счет преференций могут организовать хозяйственную деятельность с наименьшими издержками и тем самым обеспечить себе приемлемый уровень благосостояния. Сельское население, которое причисляет себя к поморам, проживает в тех же климатических условиях и сталкивается с теми же проблемами, что и ненцы, саамы, вепсы, причисленные к коренным малочисленным народам. Их благосостояние во многом зависит от использования биоресурсов, а промысловая деятельность является важной составляющей системы жизнеобеспечения. Хозяйственная специфика

поморов несколько отличается, но это и есть их культурное отличие от других этнических групп. Впрочем, есть ситуации, когда группы не отличаются и в хозяйственном плане, но все равно имеют разный статус. К числу таковых можно отнести коми-ижемцев, которых, как саамов, ненцев, относят к оленеводческим группам, но которые тем не менее не включены в перечень коренных малочисленных народов, хотя активно добиваются этого с 2002 года.

Позиции оппонентов, в числе которых и Министерство регионального развития РФ, сводятся в принципе к тому, что поморы не подпадают под действие тех законодательных актов, которые призваны защищать культурные интересы этнических меньшинств, что не существует правовой основы для их включения в указанный выше перечень. Оппоненты поморского движения подчеркивают, что поморы – это некая мистификация («асфальтовые поморы»), и нет оснований говорить о «реальности» данной группы, а потому нет никаких оснований дискутировать по поводу необходимости предпринимать конкретные меры, направленные на защиту интересов поморского населения, а особенно на противодействие экспансии лесных, нефтяных, алмазодобывающих, туристических и прочих компаний, вторгающихся в культурное пространство региона. Целым рядом аналитиков, местных и заезжих политических деятелей (к примеру, такая одиозная в России личность, как Кургинян, который заявил в Архангельске, что «поморы трайбализируют русский народ») [56] громко и настойчиво подчеркивается, что поморы «не народ» и что они не отличаются от остальных русских. Иными словами, культурных отличий между территориальными группами русских нет, этническая культура русских гомогенна, а местные культурные традиции – миф. Довольно часто предпринимаются попытки манипулировать устаревшими классификационными категориями, использовавшими советскими этнографами [6] для обозначения иерархии этнических групп – этнос, субэтнос, этнографическая группа. Относя поморов к иерархически более низкой классификационной группе, сторонники подобного доказательного метода преследуют определенную цель. Цель эта состоит в том, чтобы обосновать вывод о невозможности применения в отношении них принципов государственной поддержки, которые применимы по отношению к «статусным» народам Севера, а, по сути, им отказывают в любой поддержке.

Конечно, культурные иерархии есть не только инструмент, но и своеобразное отражение неоднородности населения стран и регионов, однако неоднородность перемещенная из горизонтальной шкалы оценок и измерений в вертикальную шкалу становится так или иначе политическим инструментом, с помощью которого осуществляется дискриминация групп, оказавшихся в основании культурной иерархии.

Но именно номинации и культурные иерархии стали основным доводом противников оказания адресной помощи поморскому населению и признанию его в качестве субъекта региональной и федеральной культурной политики. Интересы целой культурной группы были отвергнуты как несуществующие в угоду

политической и экономической целесообразности и ложно понятых государственных интересов.

Противники того, чтобы поморы и другие аналогичные группы (устыцкельцы, заонежцы, коми-ижемцы и пр.) не включались в Единый перечень коренных малочисленных народов, также активно отстаивают тезис о том, что поморы сами не осознают себя как особую культурную группу, что поморская идентичность не существует, а потому и нет оснований считать их особым сообществом. Кроме того, используется и сугубо культурный аргумент: чтобы доказать культурную самобытность группы, надо доказать, что ее представители говорят на самостоятельном языке, отличном от языка того этнического сообщества, к которому их причисляют. Хотя для любого антрополога очевидно, что *собственный язык* не является единственным или важнейшим критерием, с помощью которого можно определять статус культурной группы или ее самобытность.

Из публичного дискурса сознательно или неосознанно исключены две важнейшие проблемы, а именно: *проблема культурных прав местного населения* и *проблема дискриминации*. Мы подчеркнули понятие «местное население», ибо принципиально важно не как будет названа та или иная группа (проблема культурных номинаций), а насколько учитываются ее интересы, в какой мере эти интересы защищены нормами права. При этом степень укорененности различных групп населения, их правовой статус все же вторичны, поскольку базовым конституционным принципом, из которого следует исходить, рассматривая положение той или иной культурной группы (**а точнее, положение ее представителей**), – это **принцип равенства прав всех граждан страны и равенства возможностей по реализации своих прав**.

Поскольку те архангельские исследователи, которые были вовлечены во вторую антипоморскую кампанию, не являются профессиональными этнологами/антропологами, этнополитологами или правоведами, постольку они почти не ссылались на этнологические знания, опыт этнополитики и на нормы права, а старались апеллировать к неким геополитическим интересам России. В этой связи самым весомым аргументом, выдвинутым против лидеров поморского движения и сторонников «поморской идеи», являются обвинения в сепаратизме, в попытках использовать этничность и культурную специфику не просто для решения неких местных проблем, но для «развала России» [40; 41; 72; 74]. В результате такой аргументации Национально-культурная автономия поморов Архангельска по решению областного суда 4 апреля 2011 г. была ликвидирована, против одного из лидеров поморского движения, Ивана Мосеева, было возбуждено уголовное дело и его обвинили в разжигании межэтнической вражды, хотя достаточных оснований для этого не выявлено. Суд постановил, что обвиняемый должен выплатить штраф в размере 100 тысяч рублей. Другие поморские лидеры вынуждены были отказаться от активной деятельности.

Перепись населения 2010 г. в свою очередь показала, что число тех, кто называет себя помором, сократилось по сравнению с предыдущей вдвое. Тем не менее эти данные не в полной мере отражают реальные культурные ориентации

населения Архангельской области и сопредельных регионов (Мурманской области, республики Карелия, Ненецкого автономного округа), поскольку качество проведения переписи было низким, доля анкет, в которые информация заносилась не со слов самих респондентов, а из вторичных источников, была довольно значительная. Особенно существенно это сказалось на фиксации сведений об этнической идентичности людей. Но важно, что поморская идентичность сохраняется и, следовательно, говорить о том, что поморы как культурная группа более не существуют, еще рано.

Вместе с тем разгром поморского движения породил стремление к тому, чтобы «девальвировать» значение терминов «Поморье», «поморский» под предлогом того, что они являются «вирусом, внедряемым в общественное сознание». С этой целью некоторые местные интеллектуалы стремятся убедить общественность, что поморские союзы и объединения являются «геополитической авантюрой», а одновременно маркировать север как сугубо «русский» регион. Русскость региона должна подтверждаться и топонимически, а потому вновь необходимо актуализировать как топонимическое, так и этнополитическое значение термина «Русский Север». И в этом смысле весьма показательное заявление сделал профессор Северного (Арктического) университета Юрий Лукин: «Необходимо заметить, что противопоставление Русского Севера и Поморья объективно выгодно геополитическим нашим конкурентам в Арктике и, в конечном счете, направлено на разрушение самосознания и идентичности всего русского народа, на интернационализацию арктического пространства в вопросах освоения углеводородных ресурсов и использования транспортных путей» [64].

Чтобы окончательно ослабить поморское движение и особенно защищаемые им идеи культурной отличительности поморов в Архангельске, прекращено финансирование акций с поморским культурным содержанием и, наоборот, все большую поддержку получают организации русофильской направленности, такие как региональное отделение Всероссийского созидательного движения «Русский Лад».

Становится очевидным, что поморская идея окончательно лишилась официальной и отчасти общественной поддержки и «похоронена» властями региона. Одновременно усиливается тенденция политизации термина «Русский Север» и использование его как символического ресурса, который может быть использован не только для символического маркирования европейского севера, но и в деле административного объединения северных регионов, о необходимости которого уже неоднократно говорили некоторые российские специалисты.

Однако для нового прочтения термина необходима большая работа, которая не может базироваться на конфликте культурных символов и культурных позиций, очевидно проявляющихся сегодня в среде архангельских интеллектуалов [67]. Нужна долгая, последовательная, созидательная работа широкого круга экспертов и общественных деятелей, как это имело место во второй половине XIX столетия. Но если тогда Север привлекал общественное внимание, то сегодня ситуация иная. Сегодня европейский север – это депрессивный регион, кото-

рый вновь воспринимается как периферия. При этом политическое и культурное значение данного региона явно недооценивается, и потому разрабатываются специальные программы регионального развития для Северного Кавказа, Приморья, Сибири, Крыма, но не для европейского севера, хотя данный регион начиная с XIX воспринимается как историческое ядро российского государства [94]. Поэтому, несмотря на громкие дискуссии последних лет, полная топонимическая перекавалификация европейского севера еще не произошла, хотя и вполне возможна, ибо в публичной сфере необычайно усилилась конкуренция между геокультурными понятиями «Поморье» и «Русский Север». Судя по всему, в эту конкуренцию уже вмешались весомые политические игроки, что позволяет говорить о возможности новой актуализации понятия «Русский Север» и о наполнении его неким новым не только культурным, но и политическим смыслом. Во всяком случае, сегодня идет активная борьба за «русскость» названного региона, которая может быть инспирирована не столько какими-то движениями или политическими силами, сколько вполне рациональными интересами политических и экономических акторов, не всегда совпадающими с интересами населения региона.

Для этнокультурного развития европейского севера сегодня наиболее характерным являются две культурные коллизии: борьба за доминирующее положение в символическом пространстве региона или локальной территории и борьба за культурный статус. Причем борьба за статус тесно связана с борьбой за доминирование в символическом пространстве. Ненцы, саамы и вепсы включены в Единый перечень «коренных малочисленных народов», коми-ижемцы, поморы и отчасти устьцильмы, проживающие в Ненецком автономном округе, стремятся к получению данного статуса, лидеры этнических организаций коми и карел заявляют об этих народах как о «коренных» и пытаются обосновать их особое (доминирующее) положение внутри региональных сообществ Карелии и Коми.

В этом смысле весьма любопытно обратить внимание не только на стремление этнических организаций в национальных республиках объявлять эти республики «собственностью» титульной этнической группы [33], но и на их попытки этнически маркировать общее социальное пространство региональных сообществ, в частности городские территории, где этнические меньшинства никогда не играли какой-либо значимой роли. Так, к примеру, в Республике Коми с самого начала 1990-х гг. на съездах коми народа и городских конференциях межрегиональной организации «Коми войтыр», в публичных выступлениях этнических активистов звучит призыв «придать национальный колорит столице Коми» [75]. В основном подобную идею поддерживают активисты этнокультурных организаций из числа гуманитарной интеллигенции, которые сами в подавляющем большинстве являются выходцами из коми сел. Тем самым они пытаются примирить свою ментальность с космополитичным и унифицированным пространством большого города, сделать это пространство «своим». Подобные идеи и устремления есть своего рода форма «этнической макдональдизации». Сущностью макдональдизации, по Ритцеру [69], изначально являлось развитие

сетей быстрого питания (и вообще унификация служб сервиса в городе), для того, чтобы приезжий человек всегда и везде ощущал себя как дома. Борьба за символическое визуальное пространство города, равно как и за символическое пространство региона, есть одна из форм борьбы за сохранение культурной отличительности групп, которые в системе советской/российской этнической иерархии нередко называются «коренными народами». Этничность в российских городах, которые являются столицами «национальных республик», часто представляют неким универсальным способом маркирования поликультурной и стандартизированной городской среды. Главная идея сторонников этой идеи состоит в этнизации всего *публичного пространства* города/региона в символическом «завоевании этого пространства, поскольку приватное культурное пространство стремительно деэтнизируется и унифицируется, равно как и семейный быт горожан [70]. Но символическое «завоевание» есть лишь первый шаг, который предполагает, что вслед за ним начнется борьба за культурное и политическое доминирование этнической группы в данном конкретном в регионе. В этом смысле стремление маркировать европейский север как Русский Север и политизировать значение самого названного топонима есть, по выражению французской исследовательницы Марлен Ларюэль, борьба за «признание этнических русских коренным народом России, либо образования внутри Федерации новых административных единиц, в которых этнические русские пользовались бы особыми правами...» [57]. Причем в данном случае можно говорить не столько о стремлении создать в перспективе некие «русские» административные единицы, сколько о возможном объединении национально-государственных образований, созданных большевиками на европейском севере, в единый регион под предлогом его «исконной русскости» и его топонимического русского наименования и косвенным образом борьбу за Русский Север можно рассматривать и как борьбу с национализмом этнических меньшинств на европейском севере России. Более того, сегодня сторонники русского национализма ставят перед собой задачу борьбы с «внутрирусским региональным сепаратизмом», к которому относят сибирский сепаратизм, казачий сепаратизм, калининградский сепаратизм, дальневосточный и уральский и, конечно, поморский сепаратизм. Необходимость борьбы с названными формами сепаратизма обосновывается тем, что они разрушают некое исконное единство русских. В Меморандуме Экспертного центра Всемирного Русского народного Собора по этому поводу заявлено: «Стратегия творцов внутрирусского регионального сепаратизма не имеет сколько-нибудь серьезной этнокультурной почвы. Домыслы о гетерогенности русского народа – это миф, имеющий сугубо политическую природу. По мировым масштабам русские – исключительно цельная, единая нация. По степени религиозного и языкового единства регионов, по близости культурных матриц русские не имеют аналогов среди крупных наций планеты» [101]. Первой жертвой этой борьбы стало поморское движение.

Заключение

Русский Север как исторический топоним является довольно поздним образованием, как культурно-исторический регион он никогда не был собственно «русским», но русское население здесь начинает преобладать уже в средневековье. Однако это население маркировалось и маркировало себя по-разному, а культурные идентичности и культурные маркеры были тесно связаны с официальной идеологией и политикой. Сам же термин «Русский Север» ныне в большей мере утратил топонимическое значение и имеет фольклорно-этнографическое содержание в научной и культурологической литературе. Утрата этнической маркировки европейского севера, однако, диссонирует с попытками однозначно этнически маркировать другие полиэтничные российские регионы – «кавказские регионы», «финно-угорские регионы» [33]. Сегодня европейский север – это депрессивный регион [26; 27], который вновь воспринимается как периферия. При этом политическое значение данного региона явно недооценивается, и потому разрабатываются специальные программы регионального развития для Северного Кавказа, Приморья, Сибири, но не для европейского севера, т.е. возникла любопытная культурная ситуация, которая характеризуется тем, что самый «русский регион» страны обойден вниманием политического руководства. По мнению известного российского этнолога А. Головнева, геопозиция России выглядит размытой, поскольку в национальном самосознании россиян «северная перспектива» явно недооценена, хотя в цивилизационном плане «север предстает не стороной света, а основным пространством нестоличной России» [45]. Впрочем, о многозначности восприятия севера и неопределенности северной политики современной России пишут и многие зарубежные исследователи [96; 36]. Очередная перекалфикация европейского севера в политически значимый регион еще не произошла, хотя и вполне возможна, ибо в публичной сфере необычайно усилилась конкуренция между геокультурными понятиями «Поморье» и «Русский Север». Судя по всему, в эту конкуренцию уже вмешались весомые политические акторы, что позволяет говорить о возможности новой актуализации понятия «Русский Север» и о наполнении его неким новым политическим смыслом. Во всяком случае, сегодня идет активная борьба за «русскость» названного региона, которая может быть инспирирована не столько какими-то этническими движениями, сколько вполне рациональными интересами крупного бизнеса, интересы которого далеки от интересов населения региона. Что касается границ «Русского Севера», то следует согласиться с теми исследователями, которые полагают, что под ними следует понимать «территории Архангельской, частично Вологодской, Олонецкой губерний, составлявших на момент начала XX века единство в административном, экономическом, этнокультурном отношениях, что осознавалось местными элитами и простым населением региона» [43]. В современных административных границах «Русский Север» охватывает территории Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого автономного округа, Республики Карелия и Республики Коми. Но эти границы достаточно условны и не имели до сих пор особого смысла, поскольку со времен Энгельгардта в понятие «Русский Север»

вкладывается, прежде всего, символическое значение. Однако дальнейшая политизация термина «Русский Север» неизбежно будет актуализировать и дискуссии о границах данной историко-культурной провинции.

***

Монографии

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 107.
2. Ануфриев В.В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. М.: Российский институт культурологии, 2008. С. 34-36.
3. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. С. 5.
4. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.
5. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 57-87.
7. Булатов В. Русский Север. Книга третья. Поморье. Архангельск: Изд-во Поморского гос. университета, 1999. С. 258.
8. Витов М.В. Этнография Русского Севера. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. С.9.
9. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.
10. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатов Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
11. Ефименко П.С. Чудь заволоцкая. Архангельск: Изд-во Арх. губерн. стат. ком, 1869.
12. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X – начало XX вв. М.: Наука, 1982.
13. Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XIX вв. СПб.: Алетейя, 2006.
14. История русской Америки (1732-1867) / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1997. Т.3.
15. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, 1983.
16. Ким М.П. Советский народ – новая историческая общность. М.: Политиздат, 1972.
17. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение коми. Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1996.
18. Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991.
19. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1999. С. 35.
20. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государств: в 4 т. Репринтное издание 1771-1805 гг. СПб.: Альфарет, 2001.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1,2. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1937; 1941.
22. Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб.: Норма, 2007.

23. Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: МОНФ, 2001.
24. Рассел Б. История западной философии: в 2 т. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1994.
25. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
26. Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2007.
27. Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либроком, 2009.
28. Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 97, 126.
29. Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004.
30. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2011.
31. Федоров П.В. Северный вектор в российской политике. Центр и Кольское Заполярье в XVI-XX вв. Мурманск: Мурманский педагогический университет, 2009.
32. Чертина З.С. Плавильный котел? Парадигма этнического развития США. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000
33. Шабаев Ю.П., Чарина А.М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.
34. Энгельгардт А.П. Русский Север. Путевые записки. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1897.
35. Braudel F. Identité de la France. Paris: Flammarion. Vol.1. 1986.
36. Bjørn Brunstad, Eivind Magnus, Philip Swanson, Geir Hønneland, Indra Hverland Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region towards 2015. Eburon Delft: Eburon Academic Publishers, 2004.
37. Таагапера, Рейн The Finno-Ugric Republics and the Russian State. New York: Routledge, 1999.
38. Wixman R. Applied Soviet National Policy: A Suggested Rationale, Turco-Tatar Past Soviet Present/Ed. By Ch. Lemercier-Quellejay, G. Veinstein and S.E. Wimbush. Paris: Ecole des Hautes Etudes eu Sciences Sociales, 1986. PP.449-468.

Статьи в журналах, сборниках, материалах конференций

39. Архангельские ученые считают нынешних поморов не более чем «новоделом». URL: www.arnews.ru/news/1447422html
40. Бережков Д.А. причем здесь Джамахирия? URL: <http://www.fishkamchatka.ru/?cont=long&id=35917&year=2012&to>
41. Битва за Россию/Норвегия хочет получить кусок матушки России из рук предавших ее сыновей (22-04-2012). URL: <http://rusinform.ru/index.php?newsid=664>
42. Власова И.В. Этническая история и формирование населения Русского Севера // Этнопанорама. 2005. №1-2. С.39.
43. Габрусевич С.А. Проблема терминологического определения Русского Севера в контексте изучения гражданской войны в регионе // Российские и славянские исследования. Научный сборник. Вып. VI. Минск: БГУ, 2011. С. 117.

44. Герасименко О. Мы на своей земле не хозяева // Коммерсант Власть. №23 (977). 11.06.2012.
45. Головнев А.В. Северная перспектива в истории России//Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург-Москва: Академкнига, 2004. С. 476.
46. Давыдов А.Н. К этнографии низовьев Северной Двины и города Архангельска в свете историко-культурного районирования Русского Севера//Природа и хозяйство Севера. Вып. 11. Мурманск: Мурманский пед. институт, 1983.
47. Джаксон Т.Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 58-66.
48. Деготь Е. Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века // Отечественные записки. 2002. №6. С. 176-186.
49. Егоркин В.Г. Поморское движение как одно из направлений этнической реидентификации // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2010. №4. С. 24-31.
50. Есипов П. Двойные стандарты // Единый мир. 2006. Вып. 8(20). С. 3.
51. Жуков М. Коренное население российского Севера. Портрет, проблемы, решения // Этнополис. 2009. №1. С. 56-57.
52. Захарова Н.Н. Архангельский север в древнескандинавской литературе // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск: Поморский университет, 2011. С.421-428.
53. Калущков В.Н. Русский Север как культурно-географический регион // Геокультурное пространство европейского севера: генезис, структура, семантика, 2009. С. 31.
54. Клементьев Е.И. Республика Карелия в зеркале переписи 2002 г. // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года / отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2007. С. 64-78.
55. Куратов А.А. Крестинин Василий Васильевич//Поморская энциклопедия. Т. I. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001.С. 206-207.
56. Кургиян Сергей: «глобики», «микрики» и «Братья мусульмане». URL: <http://news.nordportal.ru/analytics/detail.php?ID=314894&page=3>
57. Ларюэль М. Еще раз к вопросу о классификации идеологических течений русского национализма // Русский национализм: социальный и культурный контекст / сост. М. Ларюэль. М.: Новое литературное обозрение, 2008.С. 28.
58. Лашук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. №10. С. 19.
59. Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об автономизации // Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 45. М.: Изд-во политич. литературы, 1986. С. 349-353.
60. Ленин В.И.Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М.: Изд-во политич. литературы, 1986. С. 239.
61. Лескинен М.В. Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840-1890) // Славяноведение. 2010. №6. С. 3-5.
62. Лихачев Д.С. Предисловие // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск: Поморский университет, 1983. С. 7.
63. Логман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Логман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера-история. М.: Язык русской культуры, 1999.

64. Лукин Ю.Ф. О русском поморе замолвите слово // Арктика и Север. 2012. №71. С. 14.
65. Мусаев В.И. «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – XX вв.)// Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2007. №10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография, 2007. С. 47-71.
66. Нильсен Й. Новая земля – ничейная земля // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе: Университет Тромсе, 1996. С. 43-52.
67. Никитин С. Война брендов? «Поморье» и «Русский Север». Что за? URL: http://vk.com/topic-36068469_27616175
68. Размолодин М.Л. О разности фундаментальных основ черносотенной и националистической доктрин в России начала XX века // Клио. 2011. №2 (53). С. 153.
69. Ритцер Дж. Макдональдизация, глобализация/американизация и новые средства потребления // Современные социологические теории. 5-е изд. СПб, 2002. С. 497-506.
70. Рогачев М.Б., Рябинкин Г.С., Шабаяев Ю.П. Город на Сысоле: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность // Европейский Север: локальные группы и этнические границы (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 71). Сыктывкар: Институт ЯЛИИ, 2012. С. 60-98.
71. Рябинин Е.А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1995. С. 12-27.
72. Русских отучают от государства. URL: <http://www.segodnia.ru/content/110183/14/06/2012/>
73. Семушин Д. Поморы против русских – Норвегия против России. URL: www.regnum.ru/news/polit/1457229html#xzz1bBFnC9IQ
74. Семушин Дмитрий : «Коммерсант» на защите «детей лейтенанта Шмидта» и этносепаратизма на Русском Севере? URL: arhangelsk.bezformata.ru/listnews/shmidta-i-etnoseparatizma-na-russkom-severe/4897218/
75. Сивкова А. Особенности национального колорита обсуждали на конференции коми народа в Сыктывкаре. URL: www.finugor.ru/node/9419/28/10/2008/
76. Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. 2007. №5. С. 48-60.
77. Соловьева А.Н. «Русский Север»: смысловые горизонты этничности в культурном пространстве // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сб. науч. статей. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 5. Архангельск: Поморский университет, 2011. С. 217.
78. Сталин И.В. Организация Российской Федеративной Республики // Сочинения. Т. 4. Ноябрь 1917-1920. М.: Государственное изд-во политич. Литературы, 1947. С. 78.
79. Сурво А.А. Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Вып. 5. Сыктывкар: КГПИ, 2009. С. 126.
80. Тишков В.А. Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993. С. 43-59.
81. Трофимов В. Модная борьба с поморским движением // Радио ЭХО Москвы, 6 февраля 2012. URL: <http://echo.msk.ru/blog/trofimov/856254-echo/>

82. Трофимов-Трофимов В.Д. Поморы решили основательно побороться за свои права//[tp://www.pomorcsp.org/monitoring/?id=3608](http://www.pomorcsp.org/monitoring/?id=3608)

83. Тулаева С.А. Поморская идея: возникновение и развитие // *Этнографическое обозрение*. 2009. №4. С. 5-17.

84. Филатов С.Б. Архангельский край – хранитель духовных традиций Новгородской республики // *Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на европейском севере: сборник материалов международной научной конференции (Архангельск, 16-18 сентября 2002 года)*. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 65.

85. Хабермас Юрген *Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства//Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002.С. 365.

86. Шабаев Ю.П. *Время кризиса и этнополитические представления молодежи // Идентификация идентичности. Т. 2. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. С. 91-113.*

87. Шабаев Ю.П. *Кому нужны поморы? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень №51. 2003. С. 12.*

88. Шабаев Ю.П. *Новые идентичности у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. №1. С. 13-27.*

89. Шабаев Ю.П. «Бунтующая этничность» на европейском севере РФ // *Общественные науки и современность. 2006. №3. С. 94-104.*

90. Шабаев Ю.П. *Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм? // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года / отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2007. С. 79-92.*

91. Шабаев Ю.П. *Спор вокруг поморов: кто прав//Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень №73, май-июнь 2007. С. 11-15.*

92. Шабаев Ю.П., Дронова Т.И., Шарапов В.Э. *Коми-ижемцы, поморы и усть-цилемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. №5. С. 173-190.*

93. Шабаев Ю.П. «Русский Север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // *Известия Коми научного центра. 2010. №3. С. 76-82.*

94. Шабаев Ю., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // *Мир России. 2012. №4. С. 134-153.*

95. Шабаев Ю.П. *Народы европейского севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. №2. С. 54-62.*

96. Shabaev Yu. *Ethnic conflicts in the European North of Russia//Anthropology & Archeology of Eurasia. Winter 2009/10. Vol. 48. No. 03. PP. 31-75.*

97. *Stammler-Gossmann Anna Reshaping the North of Russia: toward a conception of space/Position paper for the 5th NRF open Assembly, September 24th – 27th 2008 (www.nrf.is/Open Meetings...Papers/StammlerGrossmann).*

Источники

98. *Вот какие мы – россияне // Российская газета. 2011. 22 декабря.*

99. *Грамота договорная Новгорода с Великим князем Ярославом Ярославовичем Тверским. 1264 г. / Сборник грамот и договоров Великого Новгорода 1264-1561 (в копиях) / РГБ. ф.303.1([http:// stsl.ru/manuscripts/](http://stsl.ru/manuscripts/))*

100. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации: Постановление Правительства от 24 марта 2000 года № 255 // Российская газета. № 66. 05.04.2000.

101. Меморандум Экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора//<http://www.gosrf.ru/news/12577/>

102. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т.1. Архангельская губерния. Тетрадь 1 / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905.

ЖАНРОВОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИДИОСТИЛЕВЫХ НОРМ ПРИ ИЗОБРАЖЕНИИ ПРИРОДЫ И ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ И.А. ГОНЧАРОВА

В статье рассматриваются жанровые особенности идиостилевой нормы И.А.Гончарова в природоописании и при изображении внутреннего мира персонажей в романной «трилогии» «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв». Исследование проводится в сопоставительном ключе на фоне характеристики идиостилевой нормы природоописания в очерках путешествия И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада». Анализируется семантико-стилистическая система выражения в романах ключевых образов (художественных концептов) идиостиля писателя – «живой космос» и «просветленное бытие».

Ключевые слова: художественная идеология автора, ключевые слова-образы, художественный концепт, семантико-стилистическая система писателя, идиостилевая норма.

The article examines the genre features idiostil norms Goncharov in prirodoopisanii and image of the inner world of characters in the novel «trilogy» «Ordinary Story», «Obломov» and «Obryv». Comparative study carried out in the background on key characteristics idiostilevoy norms prirodoopisaniya in essays travel Goncharov «frigate “Pallada”». Analyzes the semantic and stylistic expression system in the novels of key images (artistic concepts) idiostilja writer – «living space» and «enlightened being».

Keywords: artistic ideology of the author, keyword, images, artistic concept, semantic and stylistic system writer idiostilevaya norm.

В ходе воплощения в очерках путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (1858), написанных в жанре литературного путешествия, художественных идеологем «цивилизация» и «просвещение», проявляется авторская этико-философская концепция единого *химически-исторического процесса*: физической эволюции природы и социально-нравственной эволюции общества – движения, по словам автора, к *просветленному бытию, царству жизни духовной*, которое совершается в «*лаборатории*» природного и социального «*космоса*» [1]. Ключевые образы *живой космос* и *просветленное бытие* выражают в произведении его основную идею – **единства развивающегося мира человека и природы**. Эти образы можно рассматривать как взаимосвязанные авторские концепты, содержание которых соотносится с органическим бытием эволюционирующих сфер мироздания: природной (земной и космической планы) и социально-духовной – в

единстве психического (жизни души, сознания), ментального и физического начал. Преобразование данных сфер обусловлено движением к *просветленному бытию*. Названные концепты реализуются в книге в системе подчиненных им словесных образов [2]. Развитие образа *просветленное бытие* выявляет единство публицистических и художественных контекстов книги, в которых актуализируется важный для его семантики признак: **‘эволюция мира как процесс его одухотворения нравственным светом – светом разума и духовной основы бытия, внесенным Творцом’**.

Эстетическое значение эпитета *живой (космос)* ‘развивающийся, преобразующийся’ акцентирует идею эволюции, совершенствования мира как целого. Названная идея, реализуемая в двух ключевых образах, выступающих как организующее начало, доминанта идиостилевой системы автора, определяет эстетику языкового выражения и синтез трех стилеобразующих пластов «Фрегата “Паллады”»: научного, художественного и публицистического – и формирует новую поэтику литературного путешествия. Целостное выражение этой идеи обусловлено особенностями литературного путешествия, основой которого является монологическая речь повествователя, предполагающая прямое выражение авторской позиции. Важная для творчества Гончарова концепция единого процесса «преображения» человека и природы проявляется и в его романах, обладающих идейно-художественной цельностью (они связаны, по словам автора, единой идеей «перехода» к новой эпохе русской жизни и составляют «не три романа, а один» [3]. В соответствии с жанровой спецификой романов идиостилевые принципы автора получают в них особое преломление.

Авторское повествование в романах, в отличие от повествования во «Фрегате “Паллада”», где образ автора вырисовывается в первую очередь из речи повествователя, более открыто выражающего точку зрения автора [4, с. 13], усложняется, становится стилистически многоплановым вследствие включения в речь повествователя субъектной сферы персонажа. Так, если во «Фрегате “Паллада”» поэтическое восприятие природы выражается непосредственно через лирико-философские описания, то в романах пейзаж, включенный в повествование автора, может отражать и восприятие объекта персонажем: авторское отношение проявляется опосредованно в композиционно-речевых фрагментах, организованных разными типами взаимодействия речи автора и персонажа, их точек зрения на изображаемое, имеющими разную степень лексической и грамматической представленности речи героя, сближающейся или контрастирующей с речью автора.

Жанровая специфика социально-психологического романа Гончарова, в центре которого – проблема сущности и становления человека в его отношениях с окружающим миром как отражение философии бытия эпохи и высших, вневременных законов жизни (см. работы В.И. Мельника, М.В. Отрадина, Е.А. Краснощековой, В.М. Марковича, В.А. Недзвецкого, В.Н. Тихомирова), определяет особые средства выражения этико-философской концепции автора, обуславливающей норму его идиостиля. Процесс эволюции «живого космоса», его движения к «просветленному бытию» (как отражение этико-эстетического

идеала писателя) здесь соотносится с человеком, его внутренней жизнью¹, которая познается через столкновение универсальных типов человеческого сознания в их социально-исторических проявлениях [5, с. 24; 6]. При этом автор стремится, как в очерках «Фрегат “Паллада”», выявить «идеальные потенции самой реальности» [7, с. 28].

Эстетически значимым для воплощения философской концепции трилогии становится пейзаж родового поместья героя, который выполняет новую, по сравнению с «Фрегатом “Паллада”», символическую функцию: становится средством выражения этической позиции автора, приобретая смысловой подтекст, «второй план». Всю трилогию можно рассматривать как метароман, объединенный темой символического ухода «блудного сына» из родного дома, потери им памяти о «духовной родине»². Образ природы предваряет развитие фабульной линии отъезда героя из поместья и возникает вновь в момент его возвращения домой (реального или психологического, как в мечтах Обломова). Этот образ концептуально связан с мотивом «расщепления» в человеке его изначальной целостности на два противоборствующих начала: рационально-прагматическое («ум») и непосредственно-чувствующее, созерцательное («сердце») – и становится символом «возвращения в Эдем» (в «Обрыве» такой пейзаж прямо назван «Эдемом», который «распахивается» перед Райским в поместье – V, 61) – органического слияния в человеке «умо-волевого» и «сердечного» (интеллектуального и нравственного) начал³, обретения героем памяти об утраченной духовной гармонии. В пейзажах, выполняющих в авторском повествовании такую функцию, повторяется основной круг словесных образов, которые передают состояние безмятежности, покоя, созерцательности; ощущение «выключенности» субъекта и объекта описания из физического времени, формируя единое ассоциативно-смысловое поле природного мира, воспринимаемого героем; ср. фрагменты природоописаний в романах, сгруппированные с целью выделения предметно, лексически и ассоциативно близких образов:

1) одна *даль* ярко *сияет* (I, 268), *бездонная синева неба* (I, 290); *синева дальнего горизонта* (I, 287); *синее-пресинее небо* (IV, 284); *даль синевших гор* (V, 62), *вдали сияли поля, облитые* росой (V, 289);

---

¹ Ср. тезис писателя, выражающий в публицистической форме его взгляд на цель эволюции, духовного развития человека: «В нравственном развитии дело состоит не в открытии нового, а в приближении каждого человека и всего человечества к тому идеалу совершенства, которого требует Евангелие» (VIII, 156).

² В романе «Обломов» идея возвращения человека к состоянию «утраченного рая» как цели жизни выражена в реплике Обломова (IV, 139). В «Обрыве» тема выбора человеком духовного пути и «потери Эдема» обыгрывается через символическое осмысление сюжетной сцены: евангельский мотив грехопадения и искушения от Древа Познания поддержан эпизодом первой встречи Веры с Волоховым, предлагающим героине яблоко, сорванное в ее саду; см. о библейских реминисценциях и образах в романе: [8].

³ См. об этом мотиве в работах Е.А. Краснощековой, М.В. Отрадина, В.А. Недзвецкого, В.И. Мельника, А.М. Буланова и др.

2) *тихо* плескалось в берега *озеро, облитое [...] золотыми лучами* утреннего *солнца* и *гладкое, как зеркало [...] темносинее, как небо*, которое *отражалось* в нем (I, 9); *нивы обольются* точно *золотом* (I, 268); ослепительный *блеск* солнечных *лучей* (I, 268); *солнце* опускается за знакомый *березняк* и *румянит гладкий как зеркало, пруд* (IV, 79); *лучи золотили* верхушки деревьев (V, 289);

3) пахнуло *свежестью* (I, 9); *прохлада, тишина* (IV, 79); утренний *ветерок веял мягкой прохладой* (V, 289); *воздух свежий, прохладный* (V, 62); *свежий*, здоровый *воздух* (V, 175);

4) *нивы с волнующимися* разноцветными *хлебами* (I, 9); *вдали желтеют поля* (IV, 79); *широкие поля* (V, 61); 5) плакучие *березы купали* в *озере* свои *ветви* (I, 268); на *далекое* пространство *раскидывался сад из старых лип* (I, 9); *нежная зелень берез и лип*, осеняющих этот приют (V, 62);

5) наслаждаясь [...] *тишиной* (IV, 79); *тихо тянулись* дни, *тихо вставало* горячее солнце и обтекало *синее* небо, распростершееся над Волгой [...] *медленно ползли* [...] облака (V, 251).

Символический план пейзажа как образа «эдемского» состояния человека и мира актуализирован и в «Обыкновенной истории». Он возникает в речи матери в начале романа перед отъездом Александра в Петербург:

Погляди-ка, [...] какой красотой Бог одел поля наши [...] Подумаешь, как велика премудрость Божия! [...] Погляди-ка, озеро: что за великолепие! истинно небесное! рыба так и ходит [...] И ты хочешь бежать от такой благодати, еще не знаешь, куда, в омут, может быть (I, 9).

Оформленные интонацией восхищения выражения *какой красотой Бог одел поля наши; как велика премудрость Божия!; что за великолепие! истинно небесное!*; оценочное *благодать* противопоставлены метафорически употребленному слову *омут* – как символу будущей возможной потери благодати. Образы из рассказов матери определяют эмоционально-экспрессивную тональность восприятия природы вернувшимся в отчий дом Александром. В этих рассказах звезды названы *очами божьих ангелов*, а *«синева дальнего горизонта»* – «*Сионом*»¹ (I, 287).

В контексте выражений христианской культуры, поддержанном идейно-философской проблематикой романов, образы беспредельной дали (которая «ярко сияет» и тогда, когда вокруг «потемнеет» – I, 268), простора, гор, «глади» вод, хлебов, солнечных лучей, сада, свежести, тишины; сопровождающие их номинации цвета, света, а также «психические приращения» в содержании слов, создающих общую эмоциональную окраску пейзажа (в них актуализируются признаки красоты, незамутненности красок, формируются контекстуальные семы безмятежности, покоя, гармонии: *облитое золотыми лучами, гладкое, как зеркало; синее-пресинее небо, бездонная синева, тихо вставало (солнце) и обте-*

¹ В христианской традиции Сион – это святая гора, находящаяся в центре Иерусалима, символ Божьего Царства, место Тайной Вечери и сошествия Святого Духа на апостолов, основа Церкви Христа [9, с. 576].

кало синее небо, нежная зелень), включаются в реализацию мотива эдемского состояния человека и мира. В своей совокупности эти образы передают идею «просветленного бытия» как преобразования человека, достигшего *нормы жизни* (слова Обломова), нравственного идеала, и соотносятся с христианской символической соответствующих природных и цветовых образов в русской иконописи и литературе, благодаря чему пейзаж приобретает космическую перспективу.

«Эдемский» пейзаж возникает и при изображении «мира мечты» героя, покинувшего родину, но не потерявшего духовную связь с ней. В «Сне Обломова» образ природы, участвующий в выражении авторской идеи «потерянного рая», формируется уже другими средствами: описание природы строится на стилистическом контрасте пейзажа Обломовки – «благословенного уголка» (IV, 102) и иронически переосмысленного пейзажа «оссиановского», выдержанного в категориях возвышенного. Природе, отчужденной от человека, вызывающей у повествователя «робость», «смущение», «грусть» (там же), противопоставлена «одомашненная» природа Обломовки [5], где «согласуются», как в жанре идиллии, ритмы бытия природы и человека и это бытие описывается общим для событий природной и человеческой жизни языком [10, с. 378]. При этом природа и человек изображены как единая семья, чему способствуют, как и во «Фрегате «Паллада»», антропоморфные метафоры, сравнения, эпитеты, выражающие идеологию повествователя при формировании названного контраста в образной форме. Так, если в «оссиановском» пейзаже небо *далекое, недосыгаемое*, «как будто оно отступило от людей», в Обломовке оно, «напротив, *ближе жметя к земле* [...] *чтоб обнять ее покрепче, с любовью*: оно распростерлось так невысоко над головой, *как родительская надежная кровля, чтоб уберечь* [...] *от всяких невзгод*» (IV,103). Однако, в отличие от пейзажей «Фрегата «Паллада»», где антропоморфные средства выражают образное видение мира путешественником, воплощая авторскую концепцию космоса как единого организма, здесь язык описания ориентирован на «обломовское сознание» [5]: в жизни природы все подчинено нуждам людей – «указанию календаря» (IV,104). Обломовцы не мыслят природу как объект созерцания, нечто отдельное от себя, поэтому о жизни природы и человека повествуется в единых категориях. В то же время такое описание эксплицирует важные признаки авторского концепта «Эдема»: жизнь в мире Обломовки проникнута радостью взаимного бескорыстного участия друг в друге, которое и составляет здесь цель бытия. Так, солнце «ярко и жарко светит»¹ и уходит «*точно нехотя, как будто оборачивается назад взглянуть* [...] *на любимое место и подарить* [...] *теплый день*» (IV,103), дождь «*хлынет бойко, обильно, весело запрыгает, точно крупные и жаркие слезы внезапно обрадованного человека*; а только перестанет – солнце уже опять *с ясной улыбкой любви осматривает* и сушит поля [...] и вся страна опять *улыбается счастьем в ответ*», звезды «*дружески мигают с небес*» (IV, 105).

¹ В слове *жарко* актуализируются в антропоморфном контексте, как и в ряде контекстов во «Фрегате «Паллада»», «колеблющиеся признаки», формирующие синкретический образ одновременно природного и психического тепла.

Антропоморфные средства изображения мира, космоса как дружной «семьи» включены в формирование «образа языка» всех трех романов, способствуя выражению этико-философской концепции автора – идеи семейного начала как символа нравственно-психологической общности людей, зачатки которой отражены в формах русского национального быта (см. об этой идее: 5, с. 25); ср.:

Подле огромного вяза [...] *толпились* вишни и яблони [...] там *шла* кучка лип, *хотела* было *образовать* аллею, да вдруг *ушла* в лес и *братски перепуталась* с ельником [...] Деревья *отступили* от него [господского дома], чтоб дать ему простора (V, 62).

Изображение грозы в Грачах строится как драматическое действие «в нескольких актах, отделенных» «промежутками безмолвия и тишины» [11, с. 304], участниками которого являются природа, люди и даже предметы¹:

Все затосковало в природе [...] *Все спряталось и безмолствовало*, и бездушные предметы, казалось, *разделяли зловещее предчувствие*. Деревья *перестали* [...] *задевать друг друга* [...] только изредка *наклонялись верхушками* между собою, как будто *взаимно предупреждая себя шепотом* о близкой опасности[...] Наступила минута *всеобщего, торжественного молчания*[...] Следом за ним [ветерком] *мчится* бурный вихрь[...] вот *ворвался* в деревню [...] *погнал* вдоль улицы петухов и кур, *раздувая* им хвосты [...] Грянул гром и, *заглушая* людской шум, *торжественно, царственно прокатился* в воздухе (I, 269).

Образ «Эдема» как природно-человеческой семьи выражен в мечтах Обломова и через символическое осмысление других деталей бытия Обломовки. В беседе со Штольцем повторяется, как символ душевного единения людей, мотив совместной трапезы обломовцев: «земной рай»² (IV,224) для героя – это и «колония друзей» (IV, 57), где «не услышишь филиппики с пеной на губах отсутствующему, не подметишь брошенного на тебя взгляда с обещанием и тебе того же, чуть выйдешь за дверь. Кого не любишь, кто не хорош, с тем не обмакнешь хлеба в солонку [...] Все по душе! Что в глазах, в словах, то и на сердце!» (IV,185). Символика выделенной фразы связана с событием Тайной Вечери и предательством Иуды. В «Эдеме», в противоположность разобщенности людей в

---

¹ Антропоморфный принцип изображения природы, способствующий реализации органического чувства единства мира, является одним из средств выражения особого качества стиля Гончарова – «фламандства» (см.: 12, с. 296) – не только в романах, но и во «Фрегате «Паллада»». По словам П.Е.Бухаркина, раскрывающего философскую основу «фламандства» в романах, в стиле писателя все, включая детали природного и вообще предметного мира, изображается с одинаковыми тщательностью и вниманием: «Это не параллелизм, а чувство нераздельности природы и человека, макро- и микрокосмоса, одушевленного и неживого [...] Все во Вселенной живет единой, согласованной жизнью», как часть одного целого [13, с. 123-126].

² Такой образ возникает при изображении мечты Обломова в речи повествователя, ориентированной на сознание героя: «Гордость заиграла в нем, засияла жизнь, ее волшебная даль, все краски и лучи [...] Он уже видел себя за границей с ней, в Швейцарии на озерах [...] потом в своем земном раю – в Обломовке» (IV,224).

Петербурге, возможность такого поступка исключена: это мир безусловной любви, не искаженной грехом.¹ В романах утрата идиллической жизни, основанной на семейственности, означает утрату идеального состояния жизни человека вообще – памяти о смысле существования. Возврат к этому состоянию возможен «уже на новой ступени развития», но не бессознательно, как в *Обломовке*, а свободно, при сохранении «преобразованной» [10, с.379] индивидуальности.

Антропоморфное описание природы, таким образом, подчинено выражению авторского концепта «потерянного рая»: в мире вне «Эдема», как и в «*угрюмой*» «оссиановской» природе, где небо «отступилось от людей», море «ядовито издевается» над их «гордой волей» (IV,103), – царствует принцип не любви, а отчуждения.² Пейзаж включен в реализацию концептуальной оппозиции: патриархальный быт – Петербург,³ выражающей противопоставление двух типов существования, философий жизни: «пребывание» и «становление» [5, с. 28; 7]. Он способствует эстетической актуализации в романах основополагающей для творчества автора философской антитезы гармонического «*покоя*» *просветленного бытия* (его образом в пейзаже во «Фрегате «Паллада»» явилось озаренное светом тропическое небо) и необходимой для его «*выделки*» *черной работы, деятельности* – творческого развития человека и мира. При этом образы «деятельности» и «сна, покоя» обладают в произведениях контрастной оценкой; ср. амбивалентный образ «*мертвого покоя*» как «сна» африканских и азиатских народов (он соотносится с образом *сна* как возможной духовной смерти обломовского существования, еще не достигшего внутреннего преображения) и с образом «*машинной*» «*суеты*» (1,40) цивилизаций Англии и чиновничьего Петербурга.

В мечтах героя детали жизни *Обломовки* преображаются и потому, что они выстраиваются «вдоль одной оси» с элементами жизни духовной (музыка, книги)

---

¹ Этим идеалом общежития обусловлена тоска героя по «утраченному раю» в Петербурге, в котором царствует атмосфера отчуждения, где на обед, напротив, собираются «как в должность, без веселия, холодно, чтоб похвастать [...] и потом под рукой осмеять, подставить ногу один другому», где нет «ни радушия, ни доброты, ни взаимного влечения» (IV, 180). Обломов оставляет службу, найдя там «не дружную, тесную семью» чиновников, но «страх и тоску», «скуку великую» (IV, 58, 60), когда «бледнеют от успеха товарища» (IV, 181); Поэтому герой называет чиновников и вообще людей света «мертвецами, спящими людьми» (IV, 179).

² Ср. выражение *система отчуждения от мира* в «японских главах» «Фрегата «Паллада»» (2, 349), где создается образ уже единой «семьи» народов – членов общечеловеческого «организма» наций (см. об этом ниже).

³ В «Обыкновенной истории» пейзаж города, ориентированный в несобственно-прямой речи на восприятие героя, по контрасту с пейзажем «Эдема» формируют образы *каменных громад*, напоминающих «*колоссальные гробницы*», наводящие «*тоску*»; замкнутого пространства – внешнего и «внутреннего»: «нет простора и выхода взгляду [...] – кажется, и мысли и чувства людские также заперты»; (I, 36). Эти образы, так же, как образ людей – «мертвецов» в речи Обломова, поддерживают в романах и во «Фрегате «Паллада»» антитезу «жизни», *просветленного бытия* как внутренней общности всех «элементов» «*космоса*» и «смерти» как всеобщего «отчуждения», духовного «окаменения».

(см. IV, 185), вследствие чего «снимается» противоречие между сферами духа и быта, и сама жизнь подчиняется «законам поэзии» [14, с. 31]. Антропоморфный пейзаж Обломовки связан с вечно длящимся прошлым: он включен в реализацию идиллического мотива цикличности жизни обломовцев и соотнесен со сказочными образами природы и человека в передаваемых от отцов детям «сквозь века и поколения» мифах и преданиях (IV, 124). Символическая трансформация пейзажа происходит и в мыслях о пребывании в «раю» детства (где бытие природы и человека взаимосвязаны) и о потере «благодати» вернувшегося домой Адуева. Это выражено, в частности, включением в изображение природы слов *молчание*, *шепот* с актуализованной смысловой двуплановостью: они создают образ природы, которая хранит память о жизни героя и его предков в поместье, живет как бы в разных временах, вызывая «воспоминания» о детстве и отце, поддержанные словами матери:

Вот эти липы [...] сажал твой отец. Я была беременна тобой. Сижу, бывало, здесь на балконе да смотрю на него. Он поработает, поработает да взглянет на меня [...] «А! тут тут? – молвит, – то-то мне так весело работать!» (I, 289).

В итоге тема «возвращения в Эдем» становится символом обретения героем «утраченной гармонии» и в отношениях с природой и миром. Раскрывающие тему пейзажные образы выражают состояние покоя, пробуждающее онтологически присущее человеку чувство духовного единства с природой; ср. изображение состояния героев в романах в речи повествователя и во внутренней речи А. Адуева:

Перед лицом природы душа его [А. Адуева] *отверзалась* мирным, *успокоительным* впечатлениям. *Говор* струй, *шепот* листьев, прохлада [...] самое *молчание* природы – все рождало чувство (I, 289); [внутренний монолог Адуева]: Сердце *обновляется*, грудь *дышит свободнее*, а ум *не терзается мучительными* думами и нескончаемым разбором тяжёлых дел с сердцем: и то и другое *в ладу* [...] *Беззаботно, без тягостной* мысли, с *дремлющим* сердцем и умом и с *легким трепетом*, скользишь взглядом от рощи к пашне, от пашни к холму, потом *погружаешь* его в *бездонную* синеву неба (I, 290);

Потом смотрел [Райский] на Волгу, на ее течение, слушал *тишину* [...] ловил в этом *океане молчания* какие-то одному ему *слышимые звуки*, и шел играть и петь их (V, 253);

Она [Ольга] устремила глаза на озеро, на даль и *задумалась* так *тихо*, так *глубоко*, как будто *заснула* [...] Мысли *неслись* так *ровно*, как волны, кровь *струилась* так *плавно* в жилах. Она испытывала счастье и не могла определить, где границы, что оно такое (IV, 435); В *шуме* их [деревьев] явился особенный *смысл*: между ними и ею [Ольгой] водворилось *живое согласие* [...] и все *говорит* вокруг, все *отвечает* ее настроению; цветок распускается, и она *слышит* будто его *дыхание* (IV, 244).

В таких контекстах при описании переживаний героя, чутко воспринимающего внутреннюю жизнь природы, используются сходные лексические, контекстуально-синонимические и образные средства создания одухотворенного образа природы, воспринимаемой героем, и ее воздействия на психическое со-

стояние человека: 1) лексика речемыслительной деятельности, психической жизни в целом: *говор, молчание* (контекстуальный синоним *тишина*), *шепот, смысл, говорить, живое согласие, отвечать*. В словах *говор, молчание, шепот* актуализируется одновременно исходная и общепозитическая семантика, соотносимая со звуковым явлением в природе. Так, БАС выделяет образное употребление *говор* ‘о шуме, журчании воды’ [15, III, стб.190] и переносный оттенок у слова *шепот* ‘тихий шум, шелест, журчание’ (17, стб.1348); СЯП приводит контексты устойчивого поэтического употребления этих лексем: *говор волн, ручья* (I, 494), *шепчет лес* (IV, 971), образные употребления слов *молчание* ‘тишина’ и *молчать* ‘быть погруженным в тишину’: *Спокойно все, поля молчат* (IV,618). В тексте же Гончарова эти слова, наряду с лексемой *дыхание*, в отличие от таких устойчивых употреблений, применяются как полисемантические средства создания анропоморфного образа природы (в слове *дыхание* тоже актуализировано не общепозитическое переносное значение ‘веяние, дуновение’ (*дыхание весны* и т.п.) (БАС, 3, стб. 1209), а образно-метафорическая семантика с ориентацией на его прямое значение; ср. сходное применение глагола *дышать* во «Фрегате «Паллада»: *Лес дышит своею жизнью* (1,195); аналогично у глагола *говорить*¹); 2) лексика звучания: *шум, звуки*. Образ состояния героя, сливающегося с природой, погружающегося в ее мир, создается с помощью поэтической лексики, метафор; слов, приобретающих в тексте экспрессивные «приращения» (*бездонный, прохлада, океан молчания*); выражений с контекстной семантикой медитативного состояния, в том числе метафор, сравнений, формируемых с помощью лексики природы: *с дремлющим сердцем и умом, душа отверзалась; ловил в этом океане молчания [...] ему слышимые звуки; мысли неслись так ровно, как волны* и др. Выражению идеи взаимопроникновения природной и психической жизни способствует применяемая и во «Фрегате «Паллада»» многозначная лексика, в содержании которой реализуется производное значение, но возникает контекстное «колебание смыслов»: природное – психическое; ср. такие смысловые ассоциации в словах *тихо, глубоко (задумалась)* (ср. в БАС: *тихий* ‘исполненный тишины, покоя’, ‘ставший молчаливым, притихший (о человеке)’ – 15, стб.485; *глубокий* ‘находящийся на значительной глубине, далеко от поверхности чего-л.’, ‘достигший высокой степени, полноты, предела своего проявления’ – *глубокая тишина; задумчивость, глубокие размышления* – 3, стб.144); *погружать (взгляд в бездонную синеву)* – глагол реализует значение ‘опускать во что-л. (жидкость и т.п.)’, но возникает ассоциация с переносным оттенком слова *погружаться* ‘приходить в какое-л. физическое или психическое состояние; целиком отдаваться чему-л.’ (БАС, 10, стб. 203).

В связи с особой философской проблематикой и жанровой природой романов в них особым образом реализуется принцип художественного сближения

¹ В тексте актуализирован прямой план образного употребления лексемы: ‘беседовать, разговаривать’; ср. в БАС контекст подобного употребления у Жуковского, также с ориентацией на прямое значение слова (3, стб. 195) и выделение в СЯП производного значения ‘наводить на мысль, заставляя думать, внушать что-н.’ (I, 496).

внутреннего состояния человека и природы: если при создании образа «физиономии» природы автор пользуется приемами «психолога и портретиста» [11, с.303], то изображение внутренней жизни героя может стать своеобразной «пейзажной зарисовкой», так как применяемые метафоры, сравнения, сопоставления проводят образную параллель между психическим процессом и природным явлением¹:

Потом лицо ее [Ольги] *наполнялось* [...] сознанием; в каждую черту *пробирался луч мысли, догадки*, и вдруг все лицо *озарилось* сознанием... Солнце так же иногда, выходя из-за облака, понемногу *освещает* один куст, другой [...] и вдруг *обольет светом* целый пейзаж. Она уже *знала мысль* Обломова (IV, 226); Иногда взгляд его [Обломова] *помрачался* выражением будто усталости или скуки, а *душа так открыто и ясно светилась* в глазах [...] Если на лицо *набегала* из души *туча заботы*, взгляд *туманился* [...] начиналась *игра сомнений, печали, испуга* (IV,7-8); Ум его [Обломова] утонул в хаосе безобразных, *неясных* мыслей; они *неслись, как облака в небе*, без цели и без связи, – он не ловил ни одной (IV,383).

В создании таких картин так же, как во «Фрегате «Паллада»», ключевую роль играют двузначные глаголы, наречия образа действия; ср. дефиниции в БАС некоторых актуализированных в контексте слов: *помрачаться* – ‘покрываться мраком, темнеть’; оттенки ‘становиться менее ярким; тускнеть’ и (*перен.*) ‘утрачивать ясность (о сознании, рассудке, мыслях)’(10, стб. 1210); *набегать* (оттенок прямого значения) ‘быстро надвигаясь на кого-л., что-л., покрывать, закрывать собою (о волнах, облаках)’ и (оттенок *перен.* значения) ‘о быстро возникающих душевных переживаниях, ощущениях’ (7, стб. 22); *светиться* ‘излучать ровный несильный свет’ и ‘излучать свет, сияние (о глазах)’; ‘выражать своим блеском, видом какие-л. чувства, переживания; быть озаренным внутренним светом (о лице, глазах, внешнем виде человека)’(13, стб. 333). С целью актуализации синкретичного содержания образа применяются создающие колеблющиеся смысловые признаки контекстные синонимы-наречия с двуплановой семантикой: *душа открыто и ясно светилась в глазах*; ср. в МАС дефиниции прилагательных *ясный* ‘ничем не затемненный, безоблачный, не пасмурный’ и ‘ничем не омраченный, спокойный, чистый’ (оттенок ‘выражающий спокойствие, умиротворенность; исполненный прямоты, искренности’) (IV,786), *открытый*: ‘ничем не заслоненный, не загражденный, доступный взору’ и ‘чуждый скрытности; искренний, откровенный’ (оттенок ‘исполненный прямоты, искренности; выражающий прямоту, искренность’ (II, 684). В «Обломове» такие полисемантические средства

---

¹ Мильтон Эре отмечал, что в романе «Обломов» ритмы жизни соответствуют ритмам природы. Так, «поэма любви» разворачивается на фоне лета, теряет свою силу осенью и прекращается зимой; параллелизм такого рода – характерная черта стиля романа (Ehre 1973:164). Существенно, что в создании такого параллелизма участвуют и свойственные стилю автора синкретические уподобления природного и психического; ср. на с.195 контекст из «Обрыва» (VI, 347), где идея единства природной и человеческой жизни выражена через образное сопоставление (поддержанное сравнением) «осени» в природе и в состоянии людей (после развернувшейся в поместье драмы).

играют ключевую роль в оформлении сквозной образной темы периодического «загорания», «вспышки» в герою духовных сил в моменты интенсивной внутренней жизни, временного пробуждения, и «погасания»¹ их вследствие нереализованности. Ср. при создании этого образа, как в синкретичных картинах «Фрегата “Паллады”», опору на общеязыковой семантический объем лексики природы, формирующей специфичные для стилистической системы романов генетивные метафоры, поддержанные двузначным глаголом: *пробирался луч мысли; набегала из души туча заботы; глаза сияли огнем жизни; цвет жизни распустился и не дал плодов* и свойственные идиостилю писателя полисемантические эпитеты, предикаты и метафоры, выраженные существительным (*разгорится желанием, мысли зажгут кровь, вулканическая работа пылкой головы, ум и сердце просветлели, бури и волнения смиряются в душе*):

Иногда *покойные* черты лица его [Обломова] оживлялись чаще, глаза [...] *сияли огнем жизни*, и из них *лились лучи света, надежды* (с.61); Ум и сердце *просветлели*: он *страхнул дремоту* [...] Юношеский *жар* Штольца заражал Обломова, и он *сгорал* от жажды труда (65); И вдруг *загораются* в нем *мысли*, ходят [...] *как волны в море*, потом вырастают в намерения, *зажгут всю кровь* [...] движимый нравственною силою [...] с *блистающими* глазами [...] вдохновенно озирается [...] Клонятся к *покою* и утомленные силы Обломова: *бури и волнения* смиряются в душе [...] кровь медленнее пробирается по жилам (69).

В главах, посвященных любви Обломова и Ольги, с помощью двузначных слов формируется сквозная метафора «свет любви», объединяющая всю «*поэму любви*» (IV, 311) в единое целое и символизирующая прорывы героев в духовный мир, соприкосновение с высшим началом и «угасание» – утрату обретенного. Эта устойчивая поэтическая метафора также актуализируется при помощи синкретичных картин, изображающих с опорой на полисемантические средства процесс внутренней жизни героя. Так, Ольга в таком союзе играет роль «*путеводной звезды, луча света*, который она *разольет* над стоячим озером и *отразится в нем*» (IV, 239). Зарождение чувства передается в образе восхода солнца: *У него [Обломова] на лице сияла заря пробужденного, со dna души восставшего счастья* (IV, 209). Метафора «свет любви» трансформируется, выражая нарастание чувства, в сквозную метафору «внутренний огонь» в контекстах, подобных рассмотренным:

---

¹ В авторском пересказе слов Ольги в беседе со Штольцем состояние духовного подъема Обломова в период его любви к Ольге характеризуется с помощью ключевого слова *просветление* (см. его прямое и переносные, уже утратившие в XIX в. образную двуплановость, значения в БАС – XI, стб. 1337), внутренняя форма которого оживляется в контексте подобных «синкретических» картин, формируемых образом света, а также благодаря антонимическому соотношению в романе со словом-образом *погасание* в речи Обломова (IV, 190 – см. ниже): *Она рассказала о прогулках, о парке, о своих надеждах, о просветлении и падении Обломова [...]* (IV, 429).

Иногда на лице [...] **сверкала** игра сердечных молний, **вспыхивал** луч [...] страсти [...] и вдруг опять **потухал** [...] Оба они [Обломов, Ольга], снаружи неподвижные, разрывались внутренним **огнем** (с. 208).

Апогей любви на языке световой символики выражен в образе пожара: *Он [...] спешил [...] показать ей весь блеск и всю силу огня, который пожирал его душу* (с.254); *ему казалось, что у него горят даже волосы* (с. 297). Этот свет освещает герою «волшебную даль» – утерянную полноту жизни: *Гордость заиграла в нем, засияла жизнь, ее волшебная даль, все краски и лучи...* (с.224). Возрождающаяся в герое жизнь соотнесена с «эдемским» образом Обломовки:

Перед ним распахнулась **светлая**, как праздник, Обломовка, вся в **блеске**, в солнечных лучах, с зелеными холмами, с серебряной речкой (с.284).

Обретение гармонии, полноты жизни оказывается следствием внутреннего воскресения Обломова: *«он вдруг воскрес»* (с.242). «Погасание» духовной жизни передается в образе заката – тоже с опорой на двузначные лексемы, внутренняя форма которых, кроме того, оживлена образным параллелизмом. В начале романа, когда есть надежда на возрождение героя, солнце символизирует огонь, который периодически загорается и гаснет в его душе:

Так пускал он в ход свои нравственные силы [...] только тогда разве очнется [...] от обаятельной мечты или мучительной заботы, когда [...] солнце огромным шаром станет великолепно опускаться за четырехэтажный дом (с.70).

Образ угасающего света как духовного умирания настойчиво повторяется в конце романа – в сентенциях героя и в авторском повествовании:

В жизни моей [...] **не загоралось** никакого, ни спасительного, ни разрушительного **огня** [...] жизнь моя началась с **погасания** [...] во мне был заперт **свет**, который искал выхода, но только **жег** свою тюрьму, не вырвался на волю и **угас** (с.190); А если [...] в совести зашевелятся упреки за прожитую так, а не иначе жизнь – он [...] плачет холодными слезами безнадежности по **светлом**, навсегда **угаснувшем** идеале жизни, как плачут по дорогом усопшем [...] вкусит временных благ и успокоится, задумчиво глядя, как тихо и покойно утопает в пожаре зари вечернее солнце (IV, 287).

Подобные языковые средства, создающие образ «внутреннего света» души, позволяют выразить философское осмысление автором сущности любви, ее роли в жизни героев. Так, любовь Агафьи Матвеевны *«навсегда осмыслила»* (с.502) ее бытие. Эта идея выражается с помощью развернутой метафоры солнечного света:

Она поняла, что *проиграла* и **просияла** ее жизнь, что Бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять; что **засветилось** в ней **солнце** и **померкло** [...] но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее (с.502); С годами она понимала свое прошедшее [...] **яснее** и таила все глубже, становилась все молчаливее и сосредоточеннее. *На* всю жизнь ее *разлились лучи, тихий свет* [...] нечего было ей желать больше, некуда идти (с. 503).

В повествовании о союзе Ольги и Штольца актуализированные глагольные, субстантивные и др. метафоры огня, горения передают идею любви как обретения каждым из супругов истинного «я» через «творение» друг в друге внутреннего *космоса* (с.467) души. Если во взаимоотношениях Ольги и Обломова «мужчина» «просыпался через нее [Ольгу] к жизни [...], от *луча* ее взгляда [...] *горел огонь бодрости* в нем» (с.254), то в браке с Штольцем проводником «огня» становится мужчина, который выявляет внутренние потенции женского «восприимчивого» начала (с.362), самореализуясь в процессе духовного сотворчества:

Не пропадали краски и *не потухал огонь*, которым он *освещал творимый ей космос*. Он задрожит от [...] счастья, когда заметит, как потом *искра* этого *огня светится* в ее глазах [...] как мысль [...] переработалась у ней в уме и выглядывает из ее слов, не сухая и суровая, а с *блеском* женской грации [...] Как мыслитель и как художник, он ткал ей разумное существование, и никогда еще в жизни не бывал он поглощен так глубоко[...] нянчась с этой неумолкающей, *волканической* работой духа своей подруги! (467).

Таким образом, авторская концепция органического единства развивающегося мира человека и природы определяет особенности идиостиля Гончарова и во «Фрегате «Паллада»», и в романах: идея обретения человеком утерянной гармонии *просветленного бытия, царства жизни духовной* воплощается здесь с помощью ведущих принципов выражения философского мироощущения автора через антропоморфное изображение природы и при помощи синкретических картин, в чем проявляется единство его семантико-стилистической системы. В то же время жанровая специфика романов, связанная с их социально-психологической проблематикой, вниманием к внутреннему миру человека как объекту художественного познания, многоуровневая система композиционно-речевых средств выражения авторской позиции обуславливают особые стилистические функции образа природы и своеобразие приемов его формирования: 1) присутствующий во всех романах панорамный пейзаж родового поместья героя приобретает символическую функцию, выражая авторскую идею «Эдема» как *просветленного бытия* – преобразования мира и человека; 2) антропоморфные средства природоописаний, ориентированные на персональное сознание, формируют образ родового поместья как природно-человеческой «семьи», эксплицируя важные аспекты авторской этико-философской концепции «Эдема» как нравственно-духовной общности людей; 3) в речи повествователя, воссоздающей медитативное состояние персонажа, вернувшегося в родной дом, с опорой на полисемантическую лексику природы и психической деятельности человека, раскрывается идея обретения героем «эдемского состояния» как чувства внутренней гармонии с собой и единения с природным миром; 4) языковой основой изображения духовной эволюции героя являются не только применяемые во «Фрегате «Паллада»» двузначные глаголы и наречия, поддержанные сопоставлением, но и специфичные для романов

актуализированные генетивные и субстантивные метафоры: *луч мысли; бури, волнения в душе*, а также развернутые сквозные метафоры *свет (огонь) души; свет (огонь) любви*, которые играют ключевую роль в воплощении авторского натурфилософского видения внутренней жизни человека и в реализации авторской философской концепции любви.

***

1. См.: *Юркина О.В.* Языковые средства выражения идеи «просвещения» и «просветленного бытия» в публицистических контекстах очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”».

2. См. о ядерном концепте художественного текста и его связи с культурным концептом: *Бахмутова Н.И.* Художественный мир и ключевые метафоры в романе Е. Замятина «Мы» // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003б. Вып. 3. С. 126-132. Бахмутова 2003б.

3. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. / подгот. текста и примеч. А.П. Рыбасова, А.К. Котова. М.: Гослитиздат, 1952-1955. Т. 8. С. 72. Далее ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием номера тома и страницы.

4. *Кожевникова Н.А.* Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М.: Институт русского языка РАН, 1994.

5. *Отрадин М.В.* Проза И.А.Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.

6. *Недзвецкий В.А.* И.А. Гончаров – романист и художник. М.: Изд-во МГУ, 1992.

7. *Мельник В.И.* И.А. Гончаров: духовные и литературные истоки / Моск. гос. ун-т печати. М.: МГУП, 2002.

8. *Лебедев Ю.В.* Над страницами романа И.А.Гончарова «Обрыв». Ст. 1 и 2 // Литература в школе. 1995. № 4, 5.

9. Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1995.

10. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975.

11. *Арсеньев К.Н.* Пейзаж в современном русском романе // *Арсеньев К.Н.* Критические этюды о русской литературе. СПб., 1888. Т. 2. С. 294-380.

12. *Дружинин А.В.* Литературная критика / сост. Н.Н. Скатов. М.: Сов. Россия, 1983.

13. *Бухаркин П.Е.* «Образ мира, в слове явленный» (Стилистические проблемы «Обломова») // От Пушкина до Белого: проблемы поэтики русского реализма XIX – нач. XX вв.: межвуз. сб. / под ред. В.М. Марковича. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.

14. *Ляпушкина Е.И.* Идиллический хронотоп в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2. № 9. 1989.

15. *Словарь современного русского литературного языка:* в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965. Далее ссылки на словарь приводятся в тексте с указанием номера тома и столбца.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 372.882

Т.Ф. Волкова

ПЕЧОРСКИЕ СПИСКИ СКАЗАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Статья представляет собой публикацию двух печорских списков Сказания об Александре Македонском из Усть-Цилемского собрания Пушкинского дома, представляющих собой два разных варианта редакции, созданной усть-цилемским книжником второй половины XIX века, крестьянином-старообрядцем Иваном Степановичем Мяндиным. Во введении к публикации приводятся некоторые наблюдения над особенностями мяндинских списков и соотношении их текста с Хронографической и Сербской Александрией.

Ключевые слова: *Печорская книжность, старообрядчество, крестьянские переработки древнерусских повестей, хронографические сказания о великих полководцах древности.*

The article is the publication of two Pechora versions of Story of Alexander Macedonian from Ust-Tsilemsk collection of Pushkin house, the versions are two different alternatives of the revision created by Ust-Tsilemsk scribe from the second half of 19th century, Old Believer peasant by the name of Ivan Stepanovich Myandin. The introduction to the publication provides some observations on the distinctions of Myandin versions and correlation of its text to Chronographic and Serb Alexandria.

Keywords: *Pechora booklore, OldBelief, peasant adaptations of ancient Russian novels, chronographic stories about great ancient commanders.*

Среди произведений древнерусской литературы, привлечших внимание печорского книжника из числа крестьян-старообрядцев И.С. Мяндина (1823–1894), много хронографических сказаний, повествующих о героях древности – библейских патриархах и царях, троянских героях, великих полководцах [4, 7, 8, 12, 13]. К тексту этих произведений И.С. Мяндин, как правило, подходил творчески, зачастую значительно перерабатывая их на стилистическом или сюжетно-композиционном уровне [2, с. 61–95; 3]. К числу таких переработок относятся и

публикуемые ниже два мяндинских списка Сказания об Александре Македонском. Некоторые итоги исследования мы опубликовали в виде тезисов доклада, прочитанного на научной конференции в Уральском федеральном университете [9]. Приведем здесь наиболее важные из них, характеризующие особенности каждого из списков и их взаимосвязь.

Два печорских списка Сказания об Александре Македонском объединяет не только характерный мяндинский почерк, но и общие чтения, отсутствующие в древнерусских редакциях Александрии – и в Хронографической, и в Сербской (например, версия о приходе рахманов из Иерусалима в рассказе о встрече с ними Александра, рассказ о посещении Александром Иерусалима и др.), а также один и тот же набор опущенных Мяндиным эпизодов канонических текстов Александрии обеих версий.

Вместе с тем мяндинские списки Сказания представляют собой два разных и по объему, и по разработке темы, и по стилю варианта созданной печорским книжником редакции. Список ИРЛИ Усть-Цилемское собр. (далее – УЦ) № 66, находящийся в составе самого известного мяндинского сборника, содержащего целый ряд уже исследованных его переработок [6, с. 202–203], больше по объему по сравнению с версией УЦ 267. Эпизоды, тематически восходящие к одной из «канонических» версий Александрии (хронографической или сербской), в УЦ 66 более близки к ним по набору тематических мотивов, чем те же эпизоды в УЦ 267, где они, как правило, представлены в сильно сокращенном виде или имеют оригинальные дополнения. Однако в списке УЦ 66 больше представлен легко узнаваемый мяндинский стиль, его крестьянский язык XIX в., и текст этого списка больше похож на пересказ древнерусского источника, чем на его поздний список, сохраняющий хоть и в поновленном виде древнерусский язык, как это мы видим в другом мяндинском списке Сказания – УЦ 267.

Редакторская работа И.С. Мяндина на сюжетно-композиционном уровне в списках УЦ 267 и 66 была подчинена разным идейно-художественным задачам. В списке УЦ 267 тема злосчастной судьбы Александра отходит на второй план, уступая место теме двух мировоззрений – языческого и христианского, которые противопоставляются друг другу. В канонических версиях Александрии уже намечен этот конфликт, особенно в сербской Александрии, но там он лишь аранжирует главную тему повествования – тему парадоксальной, трагической судьбы великого полководца, а в УЦ 267 этот конфликт выступает на первый план. Этому способствует, прежде всего, подбор эпизодов. Так, И.С. Мяндин, с одной стороны, опускает в этом списке Сказания об Александре многие эпизоды, которые повествуют исключительно о путешествиях и приключениях Александра (опущены, например, эпизоды встречи Александра с великанами, которые нападают на его войско; прихода Александра в Вавилон, столкновения его с людьми, имеющими «главы песьи», и др.), с другой стороны, И.С. Мяндин вводит в УЦ 267 (больше, чем в УЦ 66) абсолютно оригинальные эпизоды (эпизод дарения женой царя Пора подарков Александру, посещение Александром Египта, встреча его с рахманами, приход в Иерусалим). Из анализа текста УЦ 267 становится

ясно, что Александр Македонский привлекал И.С. Мяндина на этом этапе работы прежде всего как царь, живший во времена язычества, и текст этого варианта мяндинской редакции отражает своеобразный взгляд крестьянина-старообрядца на героя языческой древности, окутанного тайнами и легендами средневековья.

Список УЦ 66 обнаруживает бóльшую близость к двум каноническим версиям Александрии не только в наборе сюжетных эпизодов, но и в акценте сюжетного повествования на судьбе великого полководца, ее провиденциальных началах, на философской антитезе величия и бренности человеческого бытия. Близость УЦ 66 к текстам двух версий Александрии проявляется и в том внимании, которое И.С. Мяндин на этот раз уделяет приключенческим эпизодам Александрии. Однако и здесь заметна значительная редакторская работа И.С. Мяндина, который существенно сократил текст, устранив то нагромождение эпизодов, перипетий, интриг и коллизий, которые присущи и Сербской, и Хронографической Александрии, поместил заимствованные эпизоды в иной, чем в канонических версиях Александрии, контекст и дополнил текст рядом оригинальных сцен, развивающих главную тему Сказания.

Порядок появления списков УЦ 267 и 66 из-под пера И.С. Мяндина отчасти подсказывается анализом других его переработок, содержащихся в этих двух сборниках. В большинстве случаев тексты сборника УЦ 267 [6, с. 207-208] отражают первую стадию работы печорского книжника над осваиваемым сюжетом (библейские сказания об Иосифе прекрасном, Юдифи и др., Троянские сказания). Очевидно, и текст Сказания об Александре вначале под пером И.С. Мяндина приобрел такой вид, какой оно имеет в УЦ 267. Однако позже, возможно после знакомства с каким-то другим хронографом или списком Александрии Сербской, у И.С. Мяндина появилось желание создать более развернутую (по сравнению с его первым списком УЦ 267) версию рассказа о приключениях великого полководца, в которой его больше привлек провиденциальный поворот сюжета, обнаруженный им в новом списке, тем более что провиденциальное осмысление средневековых сюжетов обнаруживается и в других переработках И.С. Мяндина (Повести о царице и львице [14], Повести о Басарге [2, с. 142-152; 5]. Возможно, списком-источником для И.С. Мяндина при создании второго варианта Сказания был список Александрии, читающийся в сборнике, сейчас хранящемся в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ под № 193. Исследователи относят его текст к Ефросиньевскому варианту Сербской Александрии, однако без особой уверенности, так как список не имеет конца [10, с. 210-211], страницы его залиты олифой и в настоящее время читаются с трудом [11, с. 582].

Однако вопрос о последовательности создания мяндинских редакций Сказания об Александре Македонском еще нуждается в более глубоком осмыслении.

Более развернутые и аргументированные выводы нашего исследования мы планируем представить в следующем номере «Вестника».

Текст мяндинских списков Сказания публикуется по правилам, используемым в антологии «Библиотека литературы Древней Руси», издаваемой Отделом древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН [1].

***

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997-2013. Т. 1-17.

2. Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839-890.

3. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей: учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского университета, 2005.

4. Волкова Т.Ф. Ранее не изученный печорский список Повести о Дмитриии Басарге // Человек и общество в информационном измерении: материалы региональной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности научных отделов ЦНБ УрО РАН (28 февраля – 1 марта 2001 г.). Екатеринбург, 2001.

5. Волкова Т.Ф. Рукописные сборники печорского книжника И.С. Мяндина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2011. Т. 10. Вып. 8 : Филология. С. 201-215.

6. Волкова Т.Ф. Сказания о библейских героях в рукописном наследии печорского книжника-старообрядца И.С. Мяндина // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2006. С. 2-91.

7. Волкова Т.Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний (две редакции И.С. Мяндина) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 394-414.

8. Волкова Т.Ф. Сказание об Иосифе Прекрасном в обработке печорского книжника И.С. Мяндина / Т.Ф. Волкова, М.В. Михайлова // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 529-555.

9. Волкова Т.Ф. Средневековые сказания об Александре Македонском (списки печорского крестьянина-старообрядца И.С. Мяндина) // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 7: Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей): в 2 т. Екатеринбург, 2013. Т. 2. С. 175-180.

10. Лурье Я.С. Археографический обзор // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.; Л.: Наука, С. 185-214.

11. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописи XVII-XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 561-604.

12. Михайлова М.В. Библейский сюжет о царе Соломоне в хронографической и печорской редакциях // Духовное наследие народов Республики Коми : история и современность : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев». Сыктывкар, 15-16 мая 2008 г. Сыктывкар. гос. ун-т. Сыктывкар, 2009. С. 72-82.

13. Творогов О.В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси : (по материалам Пушкинского Дома) : сб. ст. к 60-летию В.И. Малышева. Л., 1972. С. 228-241.

14. Чалкова Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И.С. Мяндина // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. – Новосибирск, 1987. С. 234-249. (Археография и источниковедение Сибири).

СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ (ИРЛИ Усть-Цилемское собр. № 267, л. 260-287)

О Александрѣ Макидонстѣм

Бѣ во еллинѣхъ царь именемъ Филиппъ и жена его Алимпияна, и бѣ неплодна. И сего ради царь печаловашеся о семъ не худѣ. Единою же спящу царю в полатѣ своей, видѣ во снѣ вшедша к нему мужа страшна и велика, главу имѣющую страшну, с рогами, лице и носъ зѣло неподобна вѣдѣнию // (л. 260 об.). И рече к царю Филиппу: «Аще хощеша, царю, родити сына, то принеси сугубу жертву Аммону, богу ливийскому». И абие невидимъ бысть. Наутрие повѣда царь се царицѣ своей Алимпиядѣ. Она же повѣда царю и свое нѣкое явление. «Сѣдящу ми, – рече царицѣ, – в полатѣ моей, явися мнѣ богъ Аммонъ во образѣ мужа средовѣчна во одежи златѣй и рече ко мнѣ: “Лязи со // (л. 261) мною, да сотворю ти сына, которой обладаетъ всѣмъ миромъ”. Азь же, не смѣя ослушатися, совокуихся с нимъ. И абие невидимъ бысть». Царь же дивяся такому ведѣнию. И абие нача творити многи жертвы Аммону, богу ливийскому. И оттолѣ бѣ царица neprazdna.

В то время бѣ во Египтѣ волхвъ нарочить, именемъ Навтаномъ. Сей бѣ славень и // (л. 261 об.) нарочить, упражняся в волшебствѣ издѣтска, яко мнозѣмъ странамъ извѣстенъ бысть. И единою волхвующу ему, увѣсть, яко врази окрестнии хотяху нападати на страну его, приидоша по морю в кораблих. Онъ же налия воду в малую лохану и сотвори ту малыя корабли, и погрузи я в водѣ. И в той часъ в мори вражия корабли вси потопишася. Сего ради // (л. 262) никто же смѣяше нападати на страну его. Увѣдѣвъ же и се, яко царица Алимпияда неплодна и царь Филиппъ в печали бяше, во едину убо ночь преобразися въ страшна нѣкоего и прииде к царю в полату и повелѣ приносити сугубыя жертвы Аммону, богу ливийскому.

В то же время и царицѣ явися во образѣ Аммона, бога ливийскаго, и пребысть с нею. Оттолѣ царица // (л. 262 об.) бысть neprazdna. И егда разрѣшися царица и роди сына – сего Великаго Александра, и воспитывая. И царь Филиппъ того ради пир сотвори и созва многи градоначальники и воеводы. И веселяхуся о рождшемся.

По времени же, егда возмужа Александръ, пристави ему царь Филиппъ учителя, именемъ Автонома, волхва нарочита из Египта, да научитъ его всякой премудрости // (л. 263). Автономъ же учаше Александра, бѣ бо Александръ возрастомъ великъ и добръ взоромъ, и разумень, яко дивитися всѣмъ. Автономъ же хождаше со Александромъ вездѣ и повсюду. Александръ же вопрошаше Автонома, глаголя: «Учителю, ты вся вѣси, то вѣси ли свою смерть, како будетъ?». Автономъ же отвѣща: «Мнѣ смерть приключитя от сына моего». Александръ же // (л. 263 об.) осклабися, рече: «Егда Новтономъ сына иматъ, иже ни жены имѣя?». Автономъ же отвѣща: «Ни, чадо, яко сие исполнитя абие». Александръ же хотя искусити и внезапно пхну Автонома с горы, ибо сядяще вскрай горы. Автономъ же лѣтяше, возопи: «Се исполнишася мои слова, яко от сына смерть приму. Ты еси сынъ мой, Александре». И тако умре знаменитый волхв // (л. 264). Александръ же возьмъ, погребе его честно. Тогда позна мати его Алимпиада, яко не Аммонъ, богъ ливийскій, бысть с нею, но

Невтономъ, волхвъ. Филиппъ-царь на брани с иноплеменники прият язву и не по мнозѣ умре.

Тогда воцарися Александръ в Македонии. Первые усмири враги, иже воеваша со отцем его Филиппом. Поиде бо во Фракию и повоева ея и грады ихъ покори // (л. 264 об.). И потомъ, слышавше, друзии страны покоришася Александру без боя.

Дарий же, царь перский, иже владаше многими странами, услыша, яко Александръ, сынъ Филиппов, взыде на престоль, ибо Филиппъ бѣ данникъ Дарию, и посла ко Александру послание, и притом малую вертелку и сосудецъ маку и златыхъ мошонцу. А в послании пишеть сице: «Царь царем Дарий перский и всѣхъ // (л. 265) окрестныхъ странъ повелитель и богъ, пишу тебѣ, рабу моему Александру. Слышахъ бо, яко ты взыде на престоль отца своего Филиппа безъ моего вѣдома и не присла мнѣ обычныя дани, и дерзаеши воевати окрестныя народы, а не вѣси ли, яко мнѣ подвластенъ еси и долженъ таковыя творити по воли моей. И сего ради повелѣваю ти, но и щажю младость // (л. 265 об.) твою, и не иду на тя с тяжкою силою, еже озлобити мя, но велю тебѣ приити ко мнѣ. И посылаю тебѣ вертелку и макъ, и златыхъ: златомъ бо симъ до Персии доидеши, а вертелкой да играеши, яко отроча, а макъ да сочтеши, колико моего войска и народа.

Александръ же приемъ послание и прочте, и посмѣявся, рече: «О, какво безумие в человецѣхъ семь: нарицая себѣ // (л. 266) богомъ, а не вѣдая, яко азъ иду и помощию вышняго побѣжду его». И написа к Дарию сицево послание: «Царь Александръ, сына Филиппа и Алимпияды, царю Дарию радоватися! Послание твое прочтохъ и посмѣяхся безумию твоему. Богомъ себя нарицаеши, а не вѣдаеши, яко и самъ смертенъ еси. А макъ и вѣртелку, и злато, послалъ еси прежде // (л. 266 об.) даже не повоевахъ тя, – златомъ дань даеши мнѣ. Якоже макъ твой пред твоими посланники развѣю и попру ногама моима, такоже и твою великую силу азъ с помощию вышняго промысла попру и власть твою развѣю. Отнынѣ азъ иду в твое царство. Буди готовъ сразитися со мною».

Егда прочте Дарий Александрово послание, зѣло разярився и воскрыча: // (л. 267) «Тако бо пишеть ко мнѣ мальчикъ подданный! Азъ шедъ, разгромлю его царство, да инии не осмѣлятся тако подымать главы!» И абие повелѣ собрати перскую силу и вооружатися противу Александра.

Александр же стояше недалече от Дариева царства с войскомъ своимъ, вооружень яздѣ на любимом жребцѣ, бѣ бо конь его на главѣ // (л. 267 об.) имый рога, якоже волу. Дарий же изыде противу Александра со мною силою. Храброе же воинство Александрово одержаша побѣду над Дариемъ, иссѣкоша и остриемъ меча. Дарий же едва утече с оставшими во градъ свой. И нача паки собирати многочисленную силу перскую и мидскую. И изыде противу Александра, зѣло яряся на Александра, хотя его // (л. 268) жива взяти. Срѣтшимся же обоимъ войскамъ и сразившимся, и паки побѣгоша Дариево войско вспять. Александръ же гнаше ихъ, убивая по пути.

И абие узрѣ издалече нѣкоего в одежи царьстѣй и, близъ быв, услыша стонуша зѣло. И позрѣ, слезѣ с коня, и прииде близъ его, вопросы: «Кто еси ты, человеце?» Не вѣдая бо, яко царь Дарий // (л. 268 об.). Онъ же возрѣ на Александра, рече: «Ты ли еси, чадо Аликсандре? Се нынѣ зри и увѣждь, яко непостоянно есть житие человеческое, ибо азъ от коликия высоты падохъ! Блюди и ты, чадо

Александрѣ, и не возносиа, да не падеши. И се заповѣдаю ти: соприугу мою соблюди здраву, дщерь же мою Ропсану, аще возлюбиши, возми в жену, а тѣло мое погребѣ, понеже умираю» // (л. 269).

Александръ же вопроси^а: «Кто тя уби, царю?». Онъ же нарече^б имена убийцамъ, ибо два раба совѣщастася убити Дария, да большую честь восприимуть от Александра. И того ради стрѣли единъ царя стрѣлою, а другой уязви мечем. Тогда повелѣ Дария возложити на золотую колесницу и вести во градъ. Самъ же с войскомъ шествуя во градъ на своемъ кони // (л. 269 об.).

И яко вниде во градъ^в, срѣтоша его с подобающею честью. И вниде в царския полаты. Царя же Дария погребоша со многимъ плачемъ и рыданием. Устрабивъ же от плача жена Дариева, прииде со дщерию своею и поклонися Александру, и молиша его, да пощадитъ животь ихъ. Александръ же рече имъ: «Пребудите без боязни: азъ дарую вамъ животь». И возлюби дщерь Дариеву // (л. 270), и поять ю себѣ женою. И празднова бракъ с веселиемъ.

Поръ же, царь индийский, услыша, яко Александръ царь побѣди Дария, посла к нему послание сицево: «Царь Индийский и всѣхъ восточныхъ странъ обладатель великий Поръ царю Александру радоватися. Слышавъ бо, яко побѣди брата Дария и завладѣ всѣмъ Перским и Мидскимъ царствомъ и всѣмъ // (л. 270 об.) его достояниемъ. И нынѣ пишу тебѣ во извѣстие: будь готовъ со мною единъ на одинъ братися, а войско наше оставимъ в сторонѣ».

Прочте Александръ писание Порово, усумнѣвся, понеже царь Поръ бѣ^г великъ тѣломъ – четырехъ лакоть, а Александръ – трехъ лакоть. В назначенное время сехашася обои цари – Поръ и Александр, и яко быша близъ, // (л. 271) тогда Александръ возопи к Пору Царю: «Почто, Поре, не исполняешь своихъ условий! Видь, яко ты не единъ прииде братися со мною, но войско свое приведе». Поръ же абие озрѣвся назадъ, хотя возбранити, и в той часъ Александръ подскака на конѣ и отсѣче главу Порову. И абие воструби в рогъ, и войско его, скрывавшееся в дубравѣ, приидоша // (л. 271 об.). И видѣша тѣло Порово, дивишася^д и несоша е во градъ.

И видѣвше граждане несомо тѣло Порово, и убояшася. И срѣтоша Александра с честью многою, и начаша ему молитися, да пощадитъ ихъ. Также и жена Порова падъ Александру на нозѣ, да помилуетъ ея. Александръ же рече: «Не бойся! Азъ ти никоея покости не сотворю». И царица сие услыша, абие взя за руку (л. 272) Александра, введе его в полаты и показа ему всѣ сокровища мноцѣнны и сосуды^е, утворены золотомъ и серебромъ, и каменемъ драгимъ. И даде ему в даръ мечъ, униженный драгимъ каменемъ и который таку силу иматъ – всякъ, прикасайся ему, умираеть, и копие, котораго боятся не токмо враги-человѣки, но и бѣси, и панцырь: кто надѣнет, того никакой врагъ одолѣти не можетъ. // (л. 272 об.) И рече Александръ: «Како царь Поръ, имѣя такая оружия и броня, не могъ убѣжати смерти?» Рече же царица: «Вѣдомо ти буди, царю Александру, царь Поръ былъ великъ и силенъ, и ему нѣ было в поднебеснѣй ни единаго противника. И аще бы не перехитрилъ^ж ты, то бы тѣло твое внесли в сий градъ. К тому же и волхвы предсказали ему, что смерть ему будетъ от царя, которой имѣть // (л. 273) коня с рогами». Тогда Александръ рече царицѣ: «Воистинну тако есть».

И принесе ему царица сосудъ от злата чиста с драгимъ каменемъ, в немъ же хранилось рукописание под названіемъ «Тайна небеснаго царя». Александръ же вземъ,

хотя позрѣти внутрь³. Но сосудъ не открывался, ибо недостойному тайны небесныя не открываются. И пренесе к нему нѣкую вещь // (л. 273 об.) наподобие шара – кругло, златообразно, на немъже бяху писмени. Возрѣвъ же на сии Александръ, почюдися, обаче разумѣ, что означает, и такую вещь приять паче всякаго дражайша дара. И возьмъ, положи в хранилище.

Тогда Александръ возьмъ точию нѣкое количество войска, и ядь, и пить ту, остави царицу на престолѣ и отгуду иде на Тиръ и Сидонъ, иже не покоришася // (л. 274) ему и послы его с безчестиемъ отпустиша.

Егда прииде с войскомъ и стояше под градом три дни, бѣ бо крѣпок зѣло. Александръ же возложи на ся одежду посланника и прииде во град, и вниде в полаты к царю. И по многомъ разглагольствию вопросы Александръ царя тирска, аще есть у него запасное войско, естли нѣ устоять врата градная противу Александра // (л. 274 об.). Рече же царь тирский: «Аще азъ и не имѣю запасное войско, но стѣны мои крѣпки и врата, и Александръ нѣ проникнет во градъ нашъ».

Се же има глаголющим, царица же царя тирска, слышавши с царемъ бѣсѣдующа инаго, и позна по гласу не проста посланника, но нѣкоего велика. И посла слугу позвати Александра к себѣ в полату. И яко узрѣ его, позна того быти самого Александра. И привѣтствова // (л. 275) его, рече: «Добрѣ прииде, Александре!». Онъ же слышавъ се, рече: «Ни, но Антиохъ ми имя». Она же рече: «Ни, Александре, не бойся, не отглаголю о тебѣ никому, ниже царю, моему мужу». И показа ему на хартии образъ Александровъ, рече: «Аще бы увѣдалъ царь, мужъ мой, то предать бы тебе смерти, чего ради и призвахъ тя, дабы не позналъ бы былъ и не погибнулъ напрасно // (л. 275 об.). Сего ради внемли о себѣ и поиди скоро к войску, да не позналъ буди». Александръ облобыза царицу, рече: «Нѣсмь азъ видѣхъ нигдѣ таковыя жены!». И поиде от нея тайными проходы и здравъ к воинству своему возвратися. Александръ же повоева Тиръ и данники я сотвори. Царя же в плѣнъ возьмъ, еже умертвити и. Царицу же увѣща быти его женою, зане соблюде его от смерти // (л. 276).

И тако поиде во Египет, иже приша его без боя, совершаху Новтонова волхва словеса – егда Новтономъ по повелению царя Филиппа поиде в Македонию учити Александра премудрости, то предсказа^н египтяномъ, рече: «Се отхожу от васъ старъ и паки к вамъ прииду младъ». Се бо глаголаше, яко самъ стар поиде из Египта, Александръ же младъ прииде. И Александръ от Новтонома // (л. 276 об.) зачать бысть, а не от Филиппа, якоже преди изявися.

Во Египтѣ же поднесоша к Александру вся драгоцѣнности бывшихъ царей. Между тѣмъ обрѣтесе писание, яко егда в горнѣй не будетъ вождя из своего народа, тогда приидеть самъ вышний чрезъ чистую жену и во Египетъ прибудеть, и тогда обладает всемъ миром, и от своего народа безчестие // (л. 277) примет, и от безславия всѣхъ избавить, а безчестовавшихъ его на вѣки во тму заключит, слушающимъ же его подасть бесконечную радость. Се же пророчество видя Александръ, удивися и не могый разумѣти, что бяхе, ибо не отвѣщаша на вопросы Александровыя идола, ибо не дано дѣмонамъ разумѣти Божия^к тайны.

И отгуду поиде с тяжкою силою в Рим // (л. 277 об.). Слышавше же римляне Александра идуща на нихъ, уготоваша многоцѣнныя дары и послаша честныхъ мужей ко Александру, моляху помиловати ихъ и не воевати страны ихъ. Александръ же

примь дары, обѣщася не воевати ихъ, точию вниде во градъ посмотрѣти зданія, иже и срѣтоша его с подобающею почестию вси велиции и малии Рима // (л. 278). Александръ же пребыв малое время, точии два дни, вземь от римлян немного дани и поиде воевати иныя страны.

Услышавъ, яко нѣгдѣ за Дунаемъ – страна дикихъ людей, скифы нарицаемии, но за дальностию не поиде к нимъ, точию написа к нимъ грамоту и посла за златою печатию. И образ свой ту положи, а на грамотѣ сичево бѣ написано златом писано: // (л. 278 об.) «Царь Александръ, обладатель вселенныя, севернымъ жителямъ. Пишу вамъ во извѣстие, аще покоритесь мнѣ и пошлете дань, то оставлю васъ в покое, аще ли не покоритесь и дань не пошлете, иду на васъ с силою моею и побью васъ».

Сия грамота егда доиде до нихъ, абие вси воскликнуша: «Покоряемся царю Александру, обладателю вселенныя!» И послаша дары // (л. 279) честны – разныхъ звѣрей мѣхи. Грамоту же прибиша на высокий столп и поклоняхуся образу Александрову яко богу.

Александръ же двинуся на востокъ, бѣ бо слыша о нѣкоемъ народѣ, живущемъ на островахъ, глаголемии рахмани, или блаженнии. И прииде к мѣсту, и повелѣ дѣлати малии лодии, и с малым числомъ воинъ приеха ко единому острову. И прииде на брегъ оный, // (л. 279 об.) идѣже людие тии жилище имѣяху. И показаша Александру ихъ старѣйшину, именовъ Дидамия, лежаща под древомъ в листвии. И рече ему Александръ: «Радуйся, Дидамие, учителю рахманомъ!» Онъ же отвѣща: «Радуйся и ты, Александре царю, возмутителю народомъ!».

Александръ же, се слышавъ, не оскорбися, рече ему: «Како пребываеши, и имате ли градъ?». Отвѣща: // (л. 280) «Се вмѣстилище наше, се градъ нашъ, здѣ почиваемъ и в землю погребаящеся в сонъ. Земля ны кормить, и земля ражаеть, и под землею покрывающеся, лежим, ждуще воскресения от Вышняго». Паки вороси Александръ: «Имате ли имѣние?» Они же рѣша: «Имѣние наше – земля, древа плодоносныя, свѣтъ, солнце, луна и звѣзды. Имѣемъ же каждо нас жену и на новъ месяцъ // (л. 280 об.) ходимъ каждо ко своей женѣ, донелѣже родятъ двое дѣтей во отца и в мать мѣсто». И к тому прирекоша: «Александре, нѣсть мужество еже убивати человека, но разбойническо дѣло есть. Мужество же есть еже противитися страstem и слаstem, и похотемъ одолѣти. Мы же сия вся одѣлѣвши, нѣ имѣемъ внѣшнихъ ратникъ и живемъ в велицѣ покои, и почиваем на листвии // (л. 281), и слушаемъ гласа птицъ сладкихъ. Листвиемъ оболчени, на воздухѣ живемъ, плоды ядимъ, воду пиемъ и Богу славу поемъ, без печали живемъ. И будущия славы желаемъ, не много глаголемъ. Аще кто молчаливъ, той воистинну философъ есть, ибо свой языкъ могилъ удержати. Вы же не можете языка своего удержати, злато собираете, рабы требуете, // (л. 281 об.) и великия дома и саны строите, ясте и пиете многоразличная брашна и пития, и во многоцѣнныя одежды одеаетесь. Сие бо души не возставляетъ, и злато и серебро от смерти не избавляетъ». Александръ же рече: «Просите у мене, еже хотите». Они же возопиша: «Дай намъ безсмертие!» И рече имъ: «Азъ симъ не владѣю, ибо и самъ смертенъ есмь» // (л. 282).

Хотѣ же Александръ почтити Дидамия дары многоцѣнными. Онъ же не воста и небреже о дарѣхъ, рече Александру: «Всѣ сия приносите – рахманы даровъ не требуютъ, яже нѣ на пользу человеку». По сихъ вопросы ихъ великий Александръ: «Коего есте роду и како в пустыню вселишася, и в кое время?» Динамий же рече:

«Мы, рахманы, нарицаемии блаженнии, родомъ от земли Иудейския, (л. 282 об.) от града Иерусалима, имуще отца и учителя, именем Харрама. В царство царя Седекия Иерусалиму хотящу плѣнену быти, тогда за три дни раховичи послушаша отца своего Рахава, отлучишася от женъ своих и пища, и пития, и совлекоша ризы своя, моляху Бога о градѣ. Богъ же послуша молитвы ихъ и не предаде ихъ в руцѣ халдѣйстии. Послѣди же воставшу иному царю, обажени быша тии (л. 283) яко не суще, но яко инии человецы. Царь же повелѣ воврещи ихъ в темницу. Ангель же Божий, разрушивъ узы темничныя и изнесе вонъ, и несе ихъ на мѣсто, идѣже нынѣ суть живуще нази и беспечальни, но смертни, якоже и вси человецы».

Александръ же, сия слышавъ, цѣловавъ Дадамя, отиде, скорбя. И прешедъ оттуду, поять воя своя и прешедъ рѣку райскую // (л. 283 об.), дивяся плодоноснѣй земли и житию рахманскому, ибо видѣвъ недалече от мужей и жены ихъ, сѣдѣще наги, покрывшеся листвиемъ, и дѣти ихъ.

И оттуду поиде во Иеросалимъ. И на пути услышавше нѣкий глас, яко звѣря велика. И повѣдаша Александру, яко в пещерѣ каменнѣ под землю пребываетъ страшна нѣкая дѣвица – на главѣ два рога // (л. 284), власы со змиями, глаза яко огонь, из рта исходить пламень, из глазъ искры пуца, уши дымъ изходя, тѣло обросло на мѣсто кожи ящерицы, руки и ноги острия когти. И рекоша: аще узритъ, абие умрет».

И егда приидоша близь того мѣста, ощути девица, Горгонѣя имя тому страшилищу, нача звати Александра на смѣшение к себѣ: // (л. 284 об.) «Аще ли не идеши, уморю тя!» Александръ же умоли единаго от воинъ ити к ней с мѣчемъ и отсѣщи главу ея, и принести к нему. Воинъ же шедъ к ней близь. Она же нача звати его к себѣ. Егда приближися, абие удари ея мечемъ и отсѣче главу ея, и положи в мѣхъ. И прииде ко Александру здравъ. И одари его дары мноцѣнными.

И егда идоша по пути // (л. 285), многия народы покоришася Александру, ибо взираху на главу Горгониеву, мнози жизни лишишася. И егда прииде Александръ близь града Иерусалима, и срѣтоша его граждане с первосвященникомъ великим и ведоша во град Иерусалим со многою честию. И принесоша ему воинския шлемы, мечи и доспѣхи, копия и шатры древнихъ царей, и показаша ему древнюю // (л. 285 об.) скинию, еже есть церковь Святая святыхъ, созданная премудрымъ Соломономъ, со златыми херувимы, каждому по шести лакоть крилѣ, и домъ царевъ, в коемъ престоль царя Соломона, златомъ и каменiemъ драгимъ украшенный, по обою страну лвы изваеннии от камени тесаннаго с разинутыми челюстями, с позлащенными чешуями и власы, и языкомъ // (л. 286) высунутым, и когти острыми. Ту же бяху и копии, и мечи, и другия оружия во златыхъ ковчезѣхъ.

Сия драгоцѣнности зря, дивяся великий Александръ, прииде убо и припадъ, поклонися Богу израилеву. И рече: «О како осуетихся аз, почитая несущыя боги, иже не сотвориша ни небо, ни землю, точию нѣции за храбость, а друзии за искусество вещей, ови же изъ женъ // (л. 286 об.) красныхъ и мужественыхъ обоготворивших я и прочихъ нѣлѣпныхъ даже и скверныхъ, и блудолобивыхъ». Сия вся разсуждая великий Александръ пред святилищемъ Бога Израилева, не взя даже^л дары от израильтянь, и поиде путемъ своимъ, похваляя чинъ и урядъ сыновъ израилевыхъ.

Иде же с войскомъ своимъ близь Середиземнаго, узрѣ мѣсто красно и созда ту градъ во свое // (л. 287) имя – Александрия. И украси его дворцы прекрасными и сады со многоразличными и красными древами, с плодами сладкими и ягодицием. И

постави ту капище в честь богомерских боговъ, и украси и златом и серебром, и каменiemъ драгимъ, и бисеромъ.

И отгуду хотяше ити на западныя страны. Воинство же Александрово нача стужати, ибо затруднение // (л. 287 об.) бѣ веле в далнѣмъ и неизвѣстнѣмъ прехождении. Сего ради совѣщашася между собою первии друзи Александровы, даша въ питии нѣкое зелие и упоиша его. И тако болѣзновавъ на пути, умре, не могый дойти до своего царства и не узрѣвъ мать свою Алимпияду, ни жену Ропсану. Тѣло же его привезоша во Александрию и ту погребоша // (л. 288).

Друзи же его – Антиохъ, Плотомей, Епифанъ и Сартунъ – раздѣлиша царство Александрово на четыре части и обладаша землями ихъ.

---

^a Написано над строкой; ^б слог на приписан над строкой; ^в в рукописи описка гродь; ^г написано над строкой; ^д дописано на поле; ^е приписано на поле; ^ж в рукописи описка перехиль; ^з буква т переделана из д; ^и начало слова пред приписано над строкой; ^к написано над строкой; ^л дописано на поле.

СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ (ИРЛИ УЦ 66, л. 140-177 об.)

Сказание о царѣ Александрѣ Макидонскомъ и о его славныхъ воинскихъ дѣлахъ

По смерти царя Филиппа Макидонскаго остася сынъ его Александръ младъ зѣло, родивыйся от Алимпияды царицы в ту знаменитую ночь, в которую^а сожжень храмъ Амона, бога Ливийскаго. По нѣкоторому преданию глаголють быти Александра Великаго рожденнаго не от Филиппа, но от Аммона, бога ливийскаго // (л. 140 об.) Се же бысть сицевымъ образомъ.

Бѣ во Египтѣ зѣло хитр волхвъ именемъ Новтономъ. Сей по злохитрству своему единою разгнѣвася на египтяны, сотвори в дому своемъ сосудъ с водою и на немъ корабли плавати сотвори и оныя потопа в водѣ той. И в то время бывшия на Средиземномъ мори корабли египетския всѣ потопишася. Тогда воставше египтяне на Навтонома и хотѣша убити. Онъ же, увѣда сие, бѣжа в Макидонию и посла нарѣчие // (л. 141) во Египеть, яко: «Азь днесъ отхожу старъ, буду по немногихъ лѣтѣхъ младъ к вамъ».

Егда же прииде в Макидонию и увѣда, яко Филиппа царя нѣсть во градѣ, и прииде к прекрасной Алимпияды царицѣ, и поклонися ей. Она же почте его и довольно разглагольствова с Нектаномъ волхвомъ. Послѣди же объяви ему царица и тайну свою, еже како бы имѣти ей сына от Филиппа. Слышавъ же волхвъ сие и видѣвъ прелестную царицу, зѣло уязвися на ню похотию // (л. 141 об.) и разумѣ, яко зѣло желает царица имѣти сына. Сего ради нача глаголати к ней: «Молися, царице, Аммону, богу Ливийскому, и сей подасть ти сына такова, яко имя его славно будет по всей земли. Точию уготовися в сию ночь, ибо сей приити имать тебѣ во образѣ змия великаго. Ты же не убоися его. В той же часъ претворився в человека средовѣчна и будет с тобою». Она же зѣло в сладость послушаше его. И абие Новтономъ простився с царицею и отиде в путь свой // (л. 142).

Наставши же ноци, царица же^б Алимпияда уготовившись на приятие Аммона, бога ливийскаго, украсився и устрои одръ и трапезу со многоцѣнными яствы и питиями. Тогда Новтаномъ волхвъ претвори себя во образъ Аммоновъ, ибо онъ имѣяше образъ змия страшна, и прилѣтѣ к царицынымъ чертогамъ. Она же отверзе двери, и змий претворися в человка зѣло благолична. Несказанно возрадовася Алимпияда о явлении Аммоновѣ и тако введѣ его^в // (л. 142 об.) во свою ложницу, и по многовеселомъ пиришествѣ и бѣсѣдѣ дружеской, егда ощутиша себѣ от вина довольно пьяныхъ, тогда царица введе Новтонома во образѣ мужа и Аммона, бога ливийскаго, на уготованную постель и опочиша до другого дня. И той ноци совокупистася и зачастую сего великаго Александра. По семь Новтономъ часто приходдаше к царицѣ Алимпияды и довольно бѣсѣдовавъ, отхождаше во свое жилище // (л. 143). Царица же не вѣдая, яко Новтономъ бысть с нею.

Егда же родися Александръ, царь Филиппъ – отецъ^г и мати его, Алимпияда царица, сотвориша пиръ и созваша множество звѣздочетцовъ, ту же и Новтонома волхва. И вопрошиша о рождемься, каковъ будетъ. Волхвы же и звѣздочетцы

повѣдаша много к похвалѣ новорожденному; токмо Платонъ и Аристотель сказаха: «Сей отроча^а, хоша и много плѣннѣть земель, но жизнь его недолговѣчна». На то Новтономъ прервалъ: «Аще // (л. 143 об.) и мало его жизни будетъ на земли, но зѣло прославится в царѣхъ, яко всему свѣту будетъ имя его страшно, и мнози оружию его покорятся без брани».

Такое предсказание слышавъ царь Филиппъ и друзии философы, удивишася. Тогда царь избра сыну Аристотеля учителемъ, а Новтонома хранителем и дядькою. Александръ же добръ и зѣло скоро изучися всей премудрости, а с Новтономъ всегда хождаша, приучашеся царскому и воинскому дѣлу // (л. 144).

По времени же нѣкоемъ возмужа Александръ и бысть зѣло премудръ и величественъ ратоборец. Новтономъ же вездѣ с нимъ хождаша и ко Аристотелю учителю. Единою же вопроси Александръ Новтонома, рече: «О, премудрый, ты все вѣси и все знаеши, то можеш ли увѣдѣти свою кончину, когда и от кого будет?» Новтономъ же, мало помолчавъ, отвѣща Александру: «Азъ в скором времени смерть прииму от сына своего». Тогда Александръ // (л. 144 об.) поемъ Новтонома волхва на нѣкую высокую гору, якобы проходитися, и приведе его на край крутаго утесу и верже его долу. Новтономъ же воскрыча, рече: «Се нынѣ воистиннѣ азъ умираю от сына моего, якоже предрекохъ». И абие Александръ предвари его и пренесе на мѣсто, и повелѣ сотворити погребение честно Новтоному.

В то же время Филипп, Мекидонский царь, воева с фракияны и иларияны, составившиися раз// (л. 145) нныя партии. И они сговорились, и царь Филипп быль убитъ. Ето извѣстие дотуль раздражило Александра, и онъ в ту же минуту находящихся во дворцѣ вельможъ, участвовавшихъ (так!) во убийствѣ отца его Филиппа, своею рукою уби, потому что эти надменные измѣнники неудовольством убиением Филиппа, готовили смерть и самому Александру нанесениемъ такого внезапнаго нападения ^сна вельмож^с, прочии приняли присягу // (л. 145 об.) ко Александру, такожде и все войско Макидонское.

Первымъ дѣломъ было у Александра отмстить за смерть отца его Филиппа. Но онъ не согласился сѣсть на коня, приведеннаго ему, с дорогима даспѣхами и весьма рысистаго. Сказалъ, что: «Я неужели буду^ж равень моему полководцу, которой таковаго же имѣеть коня». Для того привели ему коня с бычьей головой ^и с рогами^и. И когда Александръ царь сѣлъ на него, сказалъ: «Теперь мнѣ не нужно // (л. 146) предсказания волхвовъ. Я и без нихъ знаю, что мои враги будутъ усмирены». И абие приказалъ войску собираться. В три часа все войско было уже на площади, а в четвертом уже шли в землю неприятелей.

Внезапно великий Александръ напалъ на фракиянъ, иллириянъ, которыхъ нещадно побилъ. Оттуль открылъ путь дальше в Грецію. В Афинахъ приняли Александра без бою и одарили его дорогима подарками. Другия города // (л. 146 об.) вооружились, но за то заплатили большимъ урономъ и запустошениемъ городовъ и селениемъ (так!), убиениемъ мужей и заведениемъ в плѣнъ женъ и дѣвицъ, прочия сдавались. Наконецъ в Коринфѣ члены сената по вшествии великаго Александра в городъ проздравили его с побѣдою и принесли драгоцѣнныя подарки, прося быть ему покровителемъ всей Греции.

Послѣ таковаго происшествия великий Александръ двинулся во Египетъ, // (л. 147) но египетский военачальникъ хотѣлъ было сдѣлать выласку с войском и

отразить Александра, но Аммоновъ болванъ сказалъ, когда пришли в его капище спросити: «Вы всѣ подитѣ отворятѣ двери у города – младый Новтономъ пришедь, хочеть васъ наказать за старого Новтонома. Ето предсказание какъ только услышали египтяне, скоро отворили ворота и встретили царя Александра с подобающею честью и со многоцѣнными дары, // (л. 147 об.) называя его покровителемъ и младым Новтономом.

Посем нача мыслити на Персию за оскорбление, еже писа к нему царь перский Дарий тако: «Царь царем Дарий с солнцем сияя и вся области обладатель и богъ Александру, младому отроку, рабу моему, радоватися! Вѣдомо буди тебѣ, слышахъ бо ты без воли моя сѣдша на отчемъ престолѣ, еще же и начинаеши творити брани и крамолы в моей державѣ. И сего ради повелѣваю ти" // (л. 148) яко младу сущю отроку, пришедь, поклонишия и дани мнѣ принесеши подобны чести моей. Тогда азъ отпущу ти^к вину и пошлю тя в Мекидонию царствовать и дани по-прежнему давати державѣ моей. Аще ли ни, то зѣло разгнѣвается держава моя, и пошлю на ты воины, и жива ты приведут ко мнѣ. И будеши у мене играти сими вещьми, кои нынѣ посылаю – вертелку и мешецъ маку и златыхъ мошоночку. Макъ да ззоблещь // (л. 148 об.) яко младенець, а вертелкой да играеши, а златыми до Мекедонии доидеши».

Проче Александръ^л таковое послание, восмѣяхся, рече: «Нѣсть безумнѣе сего человека, иже ся нарицаеть богом и с солнцем сияя, а не вѣсть ничтоже, яко азъ и рабъ его, но с помощью Бога иду и побѣжду его». И со словом изсыпа макъ пред собою и истопта ногама. И рече: «Якоже попра азъ макъ сей, тако имамъ попра ти неисчетную силу перскую, ниспровергнути Дариевъ престол // (л. 149), якоже вертелку сию, а златомъ, мнѣ дань, и прежде време не платя, посылая».

И абие написа к Дарию сицевое писание: «Царь Александръ, сынъ Филиппа и Алимпияды, Дарию, богу перскому, радоватися! Не подобаетъ тебѣ нарицатися богомъ, человеку брэнному и смертному, якоже и вси. Ты, царю, творишия с солнцем сияти, а не вѣси, что имать быти тебѣ, аще ты гордишия и высишия, яко азъ всѣде на престоль отца моего, не испросивъ твоего пове// (л. 149 об.) лѣнныя, то ми даровано Богом вышнимъ, но страны азъ по правдѣ смирихъ, воставшим на державу отца моего. Хотя посылаеши мнѣ вертелку, макъ и златыхъ, ругаяся мнѣ, азъ же приемлю сие за истинное предсказание, ибо симъ сокрушу твое дмение и низложу высокоумие и гордость твоего безумия».

Послы же зѣло почтиша Александра и идоша к Дарию. И якоже вдаша грамоту, рекоша: «Александр, великий царь всей Греции, посылает сию епистолию // (л. 150) твоему царскому величеству». Царь же зѣло огорчися на послы и яко прочтѣ, весь ярости наполнися. И абие повелѣ собрати многочисленное воинство и вооружатися на Александра.

Слышавъ же таковое вооружение, великий Александръ вскорѣ собра от всего царства воины и воеводы и поиде спѣшно на Дария. Егда же снидошася, и бысть сѣча зла, яко долго нѣ бѣ побѣды ни на чию сторону. Однако Александровы воины одолѣша и гониша // (л. 150 об.) перское воинство. Нощь наста, и брань разрушися. Дарий же паки собра многочисленнѣе воинство. Александръ же вооружився на возвышенных мѣстѣхъ и по лѣсамъ. И яко снидошася и начаша крѣпко битися, яко гласъ воинов Александровыхъ бысть слышенъ в большом пространствѣ. Сего ради Дариево войско убояшася, вспять побѣгоша, яко не може никако же Дарий ихъ

возвратити, и самъ побѣже. Единъ же от воинъ, хотя честь получитьи от Александра, уби // (л. 151) царя Дария и поверже его на пути. Александръ же внезапно узрѣ царя Дария лежаща, еле дышуща, став над нимъ, рече: «Ты ли еси, иногда с сольнцем сияющий, а нынѣ яко единъ от нищих возлежиши? Ты ли, обладающий многими странами, нынѣ точию трилакотное мѣсто занимаеши?» Тогда рече ему Дарий царь: «Блюди, чадо Александре, да не и ты возгордишия и падеши, яко же и азъ се, якоже зриши, все мое величество остана и погибе». И паки вопросы Александръ // (л. 151 об.) Дария: «Кто тя уби?» Онъ же нарече имя убийцы и предаде в руцѣ Александру царския знаменья, и рече: «Блюди, чадо Александре, да не вознесиася и, аще хоцещи, возми дщерь мою Ропсану в жену себѣ и сохрани моя домашняя от врагъ моихъ». И тако умре царь Дарий. И абие повелѣ Александръ взяти тѣло Дария и положити на златоконнѣй колесницѣ, и предати честному погребению. Самъ же Александръ пред колесницею шествие творяше с ближними // (л. 152) своими военачальники. Сопруга же Дариева и дщи Ропсана издалече срѣтоша Александра и поклонишася ему.

Егда же предаша тѣло Дариево погребению, тогда Александръ вниде в полаты царя Дария и зѣло почюдися красотѣ ихъ и великолѣпию, но и паче же привлече его к видѣнию дщи Дариева Ропсана, коей красота и разумъ превосходящи земныхъ. И абие поемлетъ сию великий Александръ в жену себѣ и сотвори веселый пиръ // (л. 152 об.), на которомъ всѣ македоняне и персы смѣшались во едину массу, праздновали овы побѣду персь, овии же радостный бракъ, а инии сами по себѣ пили во здравие новаго царя.

Отпраздновавши Александръ брачный праздникъ, онъ отправился в Иеросалим со своимъ воинствомъ для обозрѣния обѣтованной земли. И на пути ему явился пророкъ Исая во снѣ, рекъ^м: «Александре, ежели ты почтишь киоть Господень и в Господа Саваофа вѣруеши, и Святую землю сию // (л. 153) пощадиши, то помощь получиши от вышняго промысла». Се же рекъ, невидимъ бысть.

Сие видѣние наутрие сказа царь четверем другом своимъ. Они же похвалиша бога израилева. Слышавъ же иерей великий Иадда, вышелъ со многочисленными иереи и левитовъ, и знатныхъ иудей за городъ, гдѣ и встретилъ его с великою честию и многоцѣнными дары, просилъ Александра не воевати Пелестины. Мекидонский же герой не токмо не воевалъ ихъ // (л. 153 об.), но и взялъ под свое покровительство. Какая была радость в Ерусалимѣ, когда побѣдитель персовъ был во храмѣ Господа Саваофа и благоговѣль пред нимъ.

Потомъ шель Александр на Тиръ и Сидонъ, кои не хотѣли Александра принять во свою землю. Такъ ето огорчило Великаго, что онъ день и ночь осажалъ его. Наконецъ, видя Александръ напрасный трудъ, взявъ "на себя" санъ уполномоченаго посла и отправился в городъ. Доложили тирской царицѣ пришествие Александрова // (л. 154) посла, и она попросила его к себѣ. Сестра царицы Моавия, имѣя у себя потреть макидонскаго героя, с перваго взгляда познала его царя Александра быти, но однако, желая его сохранить, не сказа тайны и сестры своей.

Александр же долго разговаривалъ с царицей, исполняя службу посла. Наконецъ, нѣкоторой из вельможъ началъ было признавати и только хотѣль сказать царицѣ, но сестра царицына упредила его. Она, подозвавъ к себѣ Александра в тайную камору^о // (л. 154 об.), показавъ потреть его и рече: «Познаваеши ли, Александре, чий ето образъ?» Какъ же былъ напуганъ завоеватель Персии, именем

зовомъ, а равно и потрет свой узрѣ, ужасеся. Но Маавия скоро прекратила его ужась, рече ему: «Впредь остерегайся, Александре, ходити посломъ. Здѣсь я тебя сохрани от смерти. Можетъ быть ты меня не забудешь». Тогда Александръ даде Маавии свой перстень знаком и изыде тайнымъ путемъ к войску своему.

Царица же Тирская // (л. 155) познала, что у нея посломъ былъ самъ Александръ, но по тщетному розыску. Когда Александръ былъ во своемъ полкѣ она приказала собрать воины на брань и здѣлать выласку. Того-то мекадонский (так!) герой и ждал. Егда же вышли из города вси, онъ приказалъ нѣкоторымъ воиномъ отступати, а прочимъ в подкопахъ стояти, дондеже отведоша ихъ далече. И тако нападоша на градъ, и взяша его, и начаша избивати всѣхъ от мала и до велика. Вышедшии же такоже падоша // (л. 155 об.) от Александрова войска. Царица же такоже бысть плѣнена с сестрою ея, точию ета послѣдняя была в милости у царя, которую и взя в жену единъ от совѣтникъ Александровъ. И тако Тиръ и Сидонъ былъ разоренъ до основания.

Послѣ этого Великий Александръ двинулся в Римъ "и на пути" по Нилу рѣку возлюбилъ мѣсто и создалъ градъ. И назвалъ его Александриею – средоточие торговли. Зашедшу ему далѣе по горамъ, тамъ сказали Александру, что в горахъ // (л. 156) есть древнихъ философъ и боговъ еллинскихъ парамады и каменные памятники^p, а потому Александръ повелѣ войску становитися на томъ мѣсто, самъ же иде съ малою дружиною в горы тѣ и обрѣтѣ пещеру велику темну. И вниде в ней единъ, зане прочии не восхотѣша поитти^c с нимъ в неизвѣстную пропасть. Когда вниде Александръ в первую преграду и видѣ огромную лампу, висящу на толстыхъ желѣзныхъ цепяхъ, от которой тухло // (л. 156 об.) горѣлъ огонь, хотя с трудомъ однако рассмотрелъ: при видѣ лампы стояла мраморная статуя, на которой изваяны греческия литеры: «Азь, Синогрифъ царь, всему свѣту властелинъ, многия царства завоевалъ, многи народы избилъ и доселѣ пришед, и меня убиша дивии люди, коимъ высота пошти лакоть. Прельстихся, помышляхъ себя безсмертна суша, но обманухся. Сего ради всякъ, чтяи строки сии, да не возгордятся, яко аще и весь миръ приобретаеть // (л. 157), но в сие мѣсто, темное и смрада полное и слезъ, приидеть на бесконечное мучение».

Сия Александръ прочте, воздохнувъ и рече: «О, коль суетна сия жизнь!» И иде далѣе. И паки узрѣ двѣ статуи – мужеска и женьска, роста велика и обоихъ нагихъ, и в руцѣ каменная ту мужа^t скрыжалъ, и на ней писана слова: «Царь Стоврасъ и царица Симирица владѣли многими странами, а нынѣ во адѣ преисподнѣмъ люто мучатся». И рече Александръ: «Колико славы слышно о вашихъ славныхъ дѣлахъ // (л. 157 об.), яко многимъ землямъ страшни бысте, нынѣ же точию статуи ваши стоятъ наги, а души во адѣ». Сия рекъ, ^yиз пещеры^y изыде. И помышляя на долзѣ все видѣнное, и ужасешся, хотя возвратитися в Макидонию. И о семъ повѣда вельможамъ и княземъ своимъ. Они же рекоша: «Великий царю, се есть прелесть бесовская и мечты дѣмонския! Аще бы истинно было видѣнное тобою, то на высотѣ бы стояли сии памятники великимъ людемъ и слава была бы до конца вселенныя» // (л. 158). Си слышавъ царь Александръ, обвеселися и поиде путемъ к Риму славному. И яко приближися, абие римский сенать приказалъ встретити великаго Александра далече от града и велию воздати честь, и прославити его яко великаго завоевателя, и божескую славу приписати, и дары мноцѣнными одарити. И с таковыми почестями встречень былъ Александръ римскими

властелями и народом. Сего ради зѣло вознесся умомъ и нача писати себя богом Аммоном // (л. 158 об.). И повелѣ божескую честь приношати.

Потомъ поиде Великий Александръ на восточныя страны, повоевавъ весь западъ и Елладъ, хотя завоевати великую Индию и Китай. В Козары же послав свою грамоту за златою печатью, сице написано: «Царь великий Александръ Макидонский, всему свѣту обладатель, вамъ, руси и словяны, пишу, да порабатаете мнѣ без брани и принесете от земли вашей дани от кунь и звѣрей. Вѣсте бо, яко мнѣ вся // (л. 159) земля покоришася: персы, миды и вавилоняне, Пелестина же и славная Еллада и великий Римъ. Нынѣ же иду с вышнею помощию на многлюдную Индию и прочия народы» и прочее.

Сию грамоту егда прочтоша, абие внесоша во свою божницу и божескую честь воздаючи, а посла его многими дары одариша. Онъ же вся ко Александру принесъ. Онъ же прием, почюдися богатству даром.

Егда же доиде рѣки Ефрата, слышавъ, яко на островѣ Макариивском // (л. 159 об.) есть люди, глаголемии блажени, и восхотѣ видѣти ихъ. И абие повелѣ перевозитися к нимъ с малыми други своими. Егда же приближися к ним Александръ, остави други своя. И приведоша его к наставнику своему, именем Адданию, иже лежаше под дровомъ, покрывся листвием смоковнымъ. И рече ему Александръ: «Радуйся, Аддание, учителю рахманский!» Онъ же рече: «Радуйся и ты, Александре царю!» Тогда вопросы его Александръ Великий: // (л. 160) «Откуда вы вселилися на мѣсто сие и како пребываете здѣ?» Отвѣща Дадоний: «Когда послѣ преступления праотца нашего Адама изгнанъ бысть из рая и вселися прямо рая, и родися ему сынъ Сифъ^ф по убиении Авеля, и от того начаша множитися человецы. И во время потопа мнози погибоша, точию Ной с сыны остася. И от сего сына единъ внукъ добродѣтельный здѣ вселися, и от сего умножишася наши родовичи, и по днесь пребываем Божиим промыслом» // (л. 160 об.).

Паки вопросы Александръ: «Имѣете ли жены и откуда ражаетеся?» Отвѣща Адданий: «Имамъ жены, кои живутъ на друзѣмъ острову. Егда же родить жена оточа и воскормит до времени, мужеска полу пребываетъ с нами, а женска остаюся у нихъ. Сходимся с ними дважды в годъ и послѣ двухъ наслѣдниковъ – сына и дочери – не прикасаемся к женѣ, но живемъ прочее, внимающе Богу небесному».

Паки вопросы: «Чимъ питающесе или рукодѣлие имѣете?» // (л. 161) Отвѣща Адданий: «От земных плодовъ, иже родять нам овощи, и от дровъ ягоды и гроздия и прочия сладкия снѣди. А рукодѣлие наше – копаемъ землю и от пота лица своего снѣдаемъ, и воду от рѣки приемъ, и Богу пѣсни поемъ, и никакой нѣ имѣемъ печали, ни мирскаго пристрастия. Вы же чюжия страны проходите, люди убивающе, грады разоряюще, чюжих женъ насилующе, богатство тлѣнное собирающе, аки звѣрие и скоти питающесе и упивающесе // (л. 161 об.) безмысленно, а не вѣсте ли, яко сие житие мимоходящее, яко стѣнь солнечных или роса утренная. И тебѣ, царю Александре, вмалѣ насладитися жизни сея и славы, а тамо без конца скорбь восприимеши».

Сия слышавъ Александръ, не разгнѣвася, но воздохнувъ мало, паки вопросы Аддания: «Молю ти ся, скажи ми, учителю рахманом, колико человекъ – живых или мертвыхъ – болѣе?». Онъ же отвѣща: «Или нѣ вѣси сего, царю, // (л. 162) всемъ

свѣтом обладай, а едино се не вѣдаеши. Азь, мною, яко мертвых болѣе, ибо и самыя престарѣлыя и немощныя к тѣмъ же причитаются, яко близъ смерти суть».

Паки вопросы: «Десная ли или шуя страна болѣе?» Отвѣща онъ: «Десная, или правая, ибо и жена, егда поить отрока, то прежде деснымъ сосцом поить, таже лѣвымъ».

Таже вопросы Александръ Аддания: «Кто есть блаженнѣе на земли?» Отвѣща онъ: «Милостивии и те// (л. 162 об.) рпѣливии, любовь и братолюбие имущии. Паче же не токмо не восхищающе чюжая, но и обидимыхъ избавляюще. Сего ради и тебѣ молю: останися, Александре, всуе трудитися и воевати народы. Аще и весь миръ приобрящещи, но отечество свое не узриши. А грабленное стяжание и многая царствия инѣмъ достанется, а наслѣдницы твои лишатся всего».

Си слышавъ Александръ, зѣло опечалися и, потупивъ главу, долѣ зря // (л. 163), потомъ восклонився, рек: «Учителю рахманомъ, просите у мене, что хошете». Они же вси возопиша: «Дажь намъ безсмертие!» Онъ же рече: «Азь симъ не владѣю, ибо и самъ смертенъ есмь».

Тогда Адданий рече: «Аще вѣси, яко смертенъ еси, то почто губиши человеки и воюеши чюжия грады, и грѣхъ имаше на себя прияти?» Александръ же рече: «Отселѣ не имамъ воевати грады, учителю великий, но поиду в Макидонию // (л. 163 об.). Но молю тя: повели ми^x показати, идѣже ваши жены обитають, и возми у меня злата и сребра, колико хошеши». Адданий же ослабився, рече: «Злато твое и сребро – калъ есть и персть, намъ на кую потребу, точию идолослужению подобно есть. Мы же надѣемся получитьи сокровище неистлѣемо от вышняго промысла во вѣки безконечныя. А еже хошеши узрѣти жены наша, то идѣте с миром и посѣтите жилища и села наша» // (л. 164).

Тогда царь Александръ простився с Адданиемъ и поиде на островъ, идѣже бяху жены ихъ. Остров же той зѣло красенъ, посредѣ его источникъ течаше воды чисты и хладны, юже испиша Александрова дружина, зѣло обвеселишася и укрѣпишася. Древета же на островѣ томъ вельми красна, имущи многоразличныя ягоды, сладкая и благоуханныя вони испущающая. Под древами сими обрѣтоша много женъ, закрывавших // (л. 164 об.) наготу свою листвиемъ, коихъ красота несравнена с земными, привлекающая всякаго смертнаго. Аще бы Александръ нѣ имѣлъ к Адданию почтение, то бы ни одна из женъ не освободилась бы быть ему женой. Насмотрѣвшись всѣхъ чюдесъ природы и насытившись от возрѣния красоты женъ и яблукъ, и сладкихъ овощей, переправились ко своему войску, хваля мудраго Аддания и удивляяся душеполезнымъ поучениемъ // (л. 165).

По сем иде чрезъ пустыя горы и вертепы. Тутъ напали на нихъ дивии люди велиции, яко по пяти лакоть и болѣе, у коихъ в рукахъ были древа и камни. И начаша избивати Александрово воинство, которыя хотя и оборонялися мечи и копии своими, но не могоша ихъ вредити. Тогда Александръ повелѣ своему войску взяти огни и щиты. И тако сотвориша. Дивии же люди, егда узрѣша огонь, абие побѣгоша. Котории же // (л. 165 об.) прикасахуся огню, тии ожгошася, а другихъ нѣкоторыхъ избиша, протчии же в горы побѣгоша и скрышася.

Оттуда шедше, обрѣтоша нѣкоторых^н дивиихъ человекъ, мали зѣло, токмо локтя одинаго, которыхъ название пильмѣи. Ихъ вѣку осемь лѣт, а жены ихъ родят в

пятой годъ. Сии наскочиша на Александрово воинство с луки и стрѣлы. Они же зажгоша огонь, и тии видѣша, бѣжаша и скрышася.

Идущимъ же Александрову // (л. 166) воинству по непроходимымъ пустынямъ, услышаша издалече гласъ громный, яко из тучи, и абие озрѣшася, видѣша по едину страну течаше рѣка или море – не водою, а пескомъ, по коей не мощно преити ни кораблем, ни конем. А за рѣкою узрѣша нѣкоторый яко град. Александръ же зѣло восхотѣ увѣдѣти, кий есть град и кто в немъ людие. И нача совѣтовати с ближними своими, како переправится // (л. 166 об.) или послати воины провѣдати. Они же сказаша ему, рекоша: «Есть в полцѣхъ у насъ велия птица ученая, та подимаеть человнка, и аще хошеши, узриши градъ, всѣдъ на ней или посли вѣрна друга». Сия слышавъ Александръ, повелѣхъ принести ту великую птицу, иже глаголется рокъ, и самъ всяде на ней, ибо намерѣваясь увѣдѣти не токмо той градъ, но и небесную высоту. Егда же прелѣтѣ рокъ чрезъ песчаную рѣку, // (л. 167) абие напрасно градъ онъ взялся на высоту и невидимъ бысть. Александръ ону^ч птицу направи выпрѣ. И летѣша три дни, яко и земли не видѣти, но внезапно начат быти велий мразъ, яко имъ обоимъ померзати. И тако начатъ спускаться на землю. Егда же снидоша на землю, и не вѣдаяше, гдѣхъ сниде и в коей земли, но узрѣхъ издалече людей, от коихъ увѣда, яко находится в земли Китайской, а воинство его стояло за сто поприщ // (л. 167 об.) от него. Потомъ скоро возвратися.

Китайский же царь увѣда Александрово ополчение, совѣтъ сотвори со ближними своими, еже како воевати ли с нимъ или мирно прияти. Тогда нѣкто философъ повѣда царю, глаголя: «Приими мирно Александра, ибо онъ недолзѣхъ имать владѣти, а нынѣхъ исполните предсказания, яко всѣмъ миромъ завладѣти ему, но нѣхъ надолзѣхъ^ш». Абие встретюша Александра во вратѣхъ градских и введоша в свѣтлицу, и одариша многоцѣнными дарами // (л. 168).

Оттуду поиде во Индию, слышахъ бо, яко многолюдна и вельми богата златом и серебром, и камыки многоцѣнными, и плоды многоразличными. И яко услыша Поръ, индийский царь, абие собра воинство свое и поиде противу Александра. И егда сразишася на поли, и быша побѣждени Поровы воины. Тогда паки Поръ собра воины болѣе перваго и слоны, яко до 10 000. Слоны же начаша убивати воины Александровы. Тогда Александръ повелѣхъ мѣдныя // (л. 168 об.) статуи разставити и нажещи зѣло. Егда же слоны точию прикасахуся, и сожигающеся, околѣваху, дондеже вси исчезаху. И яко видѣхъ Поръ, яко ничимъ же можетъ вредити Александру, посла к нему послы своя с нарѣчиемъ симъ, что яко «Губимъ свои войска понапрасно. Лучше намъ снитися на брань другъ с другомъ без помощи воинов». Александръ же соизволи тако быти и утвердиша залогъ: аще который одолѣеть, тому вся // (л. 169) царства будутъ достояниемъ.

Егда же снидошася вкупѣхъ на едино поле, бѣхъ бо царь индийский Пор великанъ трех лакот, то есть шести аршин, Александръ же точию четырех аршин, сначала обои велиции цари разговарили (так!) и потом, поссорившись, и нападоша друг на друга. Долго они обои искусно вооружались мечами и копьями и никоторой не могли одолѣти, ибо были обои вооружены медными доспѣхами. Наконец, видя Александръ, что такого сильняго великана // (л. 169 об.) ни силою, ни храбростью одолѣть невозможно, помыслив хитростью испытать. Абие напрасно воскрыча к царю Пору, что есть неправда: «О царю Поре, почто извель еси воинство свое против мене?» Егда

же озрѣвся вспать царь Поръ, еже бы возбранити воинству своему, абие Александр наеха на царя Пору и отсеке ему главу, и вонзе на копие, и веха вратами. За нимъ и все его воинство.

Се же видѣвше вельможи индийстии, // (л. 170) ужасошася, скоро изыдоша встрѣтение завоевателю всего свѣта, моляху его пощадѣти люди и зданія драгая и богатая. Александръ же, милосердуа о народѣ, согласился только с тѣм, дабы ему было невозбранно обозрѣти всѣ царския дворцы и палаты, многоцѣнныя свѣтлицы. Какъ же онъ былъ удивленъ, такія видя зданія, егда вниде в царския полаты, украшения коихъ были от золота чиста и серебра, усаженныя каменiem многоцѣнным и бисером, // (л. 170 об.) и благоуханными цвѣты со овощием. Ту позлащенный престоль, содѣланный из слоновой кости, при входѣ изваянии львы златии отверстыми челюстями, аки живи стояще. На престолѣ порфира и венець златъ со мноцѣнными камении.

Тогда рече Александръ: «О царю Поре, коль много иждивения здѣ положишь еси, а нѣ вѣдаеши, яко сия здѣ не постоянна, сей день царствуемъ, а завтра инии трудъ твой наслѣдятъ». И тако поиде // (л. 171) и в прочии свѣтлицы и сады, ихъже доброта невольно плѣни не токмо царя, но и всѣх друзей его. В садахъ златии и сребрении водопады, изливающие фонтанъ кверху сажений на тритцеть, воды чисты, аки серебро. Тутъ и инии малии водопады, извергающие воду ис каждого статуя из рта сажени по три и болѣе. Потом шествующу ему к полатам царицы. Тутъ невольно привлекла Александра одна знаменитая новость // (л. 171 об.): дщерь царя Пору Поликсена на надгробной церемонии, егда провожаху царя Пору, вмѣсто плача она играла на инструментахъ с зѣло сладкимъ и умильным отголоскомъ гѣсней, со всякимъ тѣлодвиженiemъ, отчего и самъ Александръ весьма возжелѣ имѣти такую прекрасную дѣвицу себѣ в жену, потому что кромѣ зѣло прекраснаго тѣлосложения она имѣла весьма привлекательныя и умильныя взоры и нѣжныя члены бѣлизны неизгла// (л. 172) голанной. Кромѣ той присутствовали еще^м на церемонии с царицей 300 ея прекрасныхъ прислужницъ и 300 ключницъ, и 400 младообразныхъ юношей. Всѣ они одѣяны в златотканья ризы и цѣпи.

Долго Александръ Великий смотрѣлъ такую цѣромонию, ибо кромѣ той прекрасной дѣвушки и прочии были не безъ дѣла: овии играли на гусяхъ и тимпанахъ, а другия скачюще разными видами. Но Александра то болѣе приковало, что дѣвушка // (л. 172 об.) перестала играть, такъ умильно смотрѣла на Александра, думала, что не самъ царь, а единъ изъ друзѣй его. А когда узнала, что той и есть всей вселенной обладатель, то наипаче его возлюбила, потому что и самого Александра замѣтивъ, с такою же жадностию на нѣй зрящу. А потому Александръ престати такой церемонии повелѣ и всѣмъ разыгитися. Самъ же по обычаю паки шествуя для осмотра красныхъ чертоговъ царицы // (л. 173) и дщери ея. Первымъ предметомъ, когда зашелъ Александръ, была прекрасная Поликсена, которая встрети обладателя вселенныя, яко любовнаго гостя, а потомъ и мати ея царица с прекрасными служанками, отдающе ему приличную почесть, какая достоинъ великому завоевателю. Они ввели великаго гостя в златоукрашенныя свѣтлицы, посадивъ за драгоцѣнную трапезу со многосладковинными пищамя и питиями, но Александру было всѣхъ // (л. 173 об.) любезнѣе смотрѣть, что с нимъ вмѣстѣ сидѣла за одной трапезой милая Поликсена. Потомъ царица, догуль не осмѣлившия говорить с обладателемъ всего свѣта, увидѣла

свою дочь свободно разглагольствующую, начала и она: «Великий царю Александре, ежели я не ошибаюсь, что милая моя Поликсена тебѣ нравится, то прошу принять ей себѣ в жену, да будет тебѣ дар приличный царскому величеству». И со словом взя дочь за руку и вда Александру // (л. 174). Онъ за весьма приятный подарок поцѣлова царицу трижды, сказавъ: «Нѣ в каком царствии азъ нѣ получалъ столь приятнаго подарка, какъ здѣсь». И со словом повелѣ готовити к брачному веселию. Самъ в честь невѣсты нача пити различныя напитки и бысть весел. Тако же и вси его друзи и прочии.

По брачнѣй же цѣромони Александръ взя невѣсту, поцѣлова ея трижды, потомъ сопровождением царицы и прочих вели ихъ в чертог свѣтлый // (л. 174 об.), уготованными добровонными вонями и гдѣ они приняли сладкий покой. Наутрие являлись всѣ военачальники и друзи, велиции мужие, с проздравлениями новобрачных.

Отпраздновавъ брачный союзъ великий Александръ и нача готовитися паки к новым походам, несмотря на увѣщание царицы-тещи и на слезы своей милой сопруги. Набравъ вновь воиновъ и отправился в путь, оставя сопругу на индийскомъ престолѣ, обѣщаяся быть к ней // (л. 175) чрезъ полгода. Двинувся Александръ паки на полдень, нося мечъ и огонь непокаряющейся Ефиопии и Аравии. Онъ разбилъ ихъ и плѣнилъ ихъ города, потомъ возшедь в Вавилон, украшенный 12 стѣнами и осмидесятию высокими башнями, коего крѣпости никакий смертный не домыслился бы, како в него зайти. Но завоевателю всему свѣту отворили двенатцеть вратъ и с почестию всѣ встрѣчали, даже сама царица Самиразада со своими другинями // (л. 175 об.), младыми и прекрасными дѣвушками. Возшедь царь вселенныя в твердыню неразрушимую, онъ расположился содѣлать Вавилонъ своей столицей, а потому окружилъ себя тѣлохранителями из прекрасныхъ девъ и младыхъ юношей и храбрыхъ. Царица же Сарамида каждый день дѣлала ему богатыя вечера и пиршества.

В такомъ раскошствѣ онъ началъ забывать опять, что онъ есть^b смертенъ и надо бы сдержать слово, данное^a Адданию, но^b Александръ далеко былъ // (л. 176) от той мысли, чтобы возвратиться в Макидонию и царствовать с любовью, кротостию и милосердиемъ. Онъ снова собрался в дальний походъ на морския острова, куда отправился с многочисленнымъ воинством на морскихъ лодияхъ. Приставши на одинъ из сихъ, они нѣ нашли ни одного человека, кромѣ того птицы пѣли такія прекрасныя пѣсни, что егда кто слушает ихъ пѣнныя, той дотолѣ вслѣд ея ходить, дондеже, падъ, умирает.

На другом островѣ нашли людей // (л. 176 об.), имущих главы песьи, которыя и вступили³ с ним в бой. Но Александръ побил ихъ много. На другом островѣ¹⁰ вышли к нимъ дивии люди, ноги конския имущи. И тѣ много войска Александра плѣниша. Но огонь зажженный всѣх прогна в пропасти.

На ином островѣ были люди, по одной ногѣ имущих, иже соплетшася и бѣжаху, яко на кони достигъ невозможно. Эти люди были ласковы^a, приняли Александровыхъ воиновъ с ласкотою и предложив имъ пищу от сладкихъ овощей и рыбы // (л. 177).

Сошедши с острововъ великий Александръ, онъ намѣрѣвался ити в Индию, но воины, уже утомленныя долговременнымъ походом, здѣлали заговор на жизнь Александрову и подкупивъ одного из поваровъ царскихъ, которой подаль в купчѣ зелие.

С того времени онъ занемогъ и скончался в Вавилонѣ на рукахъ своей жены Ропсаны на 32 году своей жизни. Гѣло его заключено было во златой гробнице и везено во Египеть.

По смерти Александрове четыре его // (л. 177 об.) друзи завладѣли странами, а друзии сами начаша владѣти. Римъ отторжесе самъ по себѣ, индийская царица, сопруга Александра, но допустивъ к себѣ силу макидонскую, но Ропсана, аще и противъ стала мекидоняном, но ей скоро плѣнили онъ воевода, а потому Александрова рода не осталось чрезъ 13 лѣтъ, ни одного наслѣдника. И тако завоеватель всего свѣта былъ, какъ утренняя роса или яко цвѣтъ травный, – скоро увядши, отпаде.

---

^a Первый слог ко в слове написан над строкой; ^b буква е переделана из а; ^b слово повторено в начале следующего листа; ^г написано над строкой; ^д написано над строкой; ^{е-е} написано над строкой; ^ж написано над строкой; ^{з-з} написано на поле; ^и повторено в начале следующего листа; ^к написано над строкой; ^л В рукописи описка Александрдръ; ^м написано над строкой; ^{н-н} написано над строкой; ^о написано над строкой; ^{п-п} написано над строкой; ^р в рукописи описка памяятники; ^с слог по написан над строкой; ^{т-т} написано над строкой; ^{у-у} приписано на поле; ^ф написано над строкой; ^х ми приписано под строкой; ^и в рукописи описка нѣкорых; ^ч написано над строкой; ^ш слог на приписан над строкой; ^ш написано над строкой; ^ъ написано над строкой; ^ы написано над строкой; ^ь приписано на поле; ^з в рукописи описка втупили; ^ю буква в переделана из р; ^я написано над строкой.

**ВСПОМИНАЯ Н.А. ЕГУНОВУ: К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

В марте 2014 года исполнилось 100 лет со дня рождения Наталии Александровны Егуновой (1914-1996), доцента, кандидата филологических наук, заведующего кафедрой иностранных языков с 1974 по 1979 гг. В те далекие годы, когда Сыктывкарский университет еще только брал разбег, на должность заведующего кафедрой иностранных языков ректорат пригласил Наталью Александровну Егунову, которая работала до этого в Ленинградском (ныне Санкт-Петербургском) государственном университете. Н.А. Егунова являлась ярким представителем целой плеяды преподавателей Ленинградского университета, приехавших на работу в СыктГУ. Следует напомнить, что 70-е годы прошлого столетия характеризуются как эпоха открытия новых университетов прежде всего в национальных и автономных республиках Советского Союза. Однако в отличие от других вузов СыктГУ создавался не на базе местного пединститута, а при активном содействии Ленинградского университета, который официально был утвержден Минвузом шефствующим вузом. Между университетами был заключен договор о творческом сотрудничестве. Поэтому многие зав. кафедрами и деканы в нашем университете были из Ленинграда. Они привнесли много нового в жизнь университета как в профессиональном, так и в общекультурном плане. Направляя Н.А. Егунову в Сыктывкар, декан филфака ЛГУ профессор В.Д. Андреев дал ей очень хорошую рекомендацию. Уже почти двадцать лет нет с нами этой прекрасной доброй женщины, но те, кто работал когда-то с ней, кто учился у нее, ее не забыли. Весной этого года в Музее просвещения Коми края СыктГУ была организована выставка, посвященная Наталье Александровне как Ученому и Педагогу. Судьба заведующего кафедрой так или иначе переплелась с судьбой коллег, поэтому и память о ней до сих пор живет в их сердцах.

Нас, тогда еще совсем молодых преподавателей университета, поразили ее удивительная скромность и неизменная тактичность в общении с коллегами. Она была образцом высокой требовательности, прежде всего к себе. И это было с первых дней знакомства с ней. Очень много сил было вложено новым заведующим в становление научной, организационной и методической работы кафедры.

Она помогала нам найти творческий подход к труду, а своей честностью и принципиальностью передавала нам дух академической школы.

В далекие предвоенные годы Наталья Александровна окончила Первый институт иностранных языков в Ленинграде. Затем были блокадные годы, когда пришлось и окопы рыть, и здания спасать от зажигательных бомб, и в госпиталях дежурить уже в качестве квалифицированной медсестры. При этом она писала стихи. А те, кому она посылала их на фронт, после войны вспоминали об этом в своих мемуарах.

Активная жизненная позиция позволила ей на всю жизнь сохранить стойкость, жизнелюбие и юмор. Из самых сложных ситуаций она находила достойный и жизнеутверждающий выход. Непритязательная в быту, она очень бережно, и даже нежно, относилась ко всему, что ее окружало в данный момент: будь то коллеги, студенты или животные, а то и предметы.

Общение с этой умной и на редкость обаятельной женщиной приносило много радости и пользы и преподавателям, и студентам. Поражала ее корректность по отношению к окружающим. Особенно благодарны ей за это были студенты: никогда ни одним обидным словом она не унизила даже самого нерадивого из них. Только улыбнется, обернет все в шутку, да так, что тому очень стыдно станет.

У людей, работавших с ней или учившихся у нее, теплеет взгляд, когда речь заходит о ней. Многие бывшие студенты вспоминают ее лекции по истории зарубежной литературы XIX века. С каким чувством она рассказывала юным филологам о героях Диккенса или Стендаля. Затем на экзамене по этому курсу было очень стыдно, если чего-то не прочел и не сроднился с Жюльеном Сорелем или Дэвидом Копперфильдом. Их всех нужно было любить, как любила их она! Здесь уместно будет отметить, что Наталья Александровна была признанным специалистом по истории английской литературы XIX века, по творчеству Уильяма Теккерея. Эстетике и творчеству великого английского писателя была посвящена ее кандидатская диссертация «Критические взгляды и литературные пародии Теккерея» (1959), ряд статей, не утративших научной ценности до сих пор. За подобные темы в те годы мало кто брался, только человек неординарный мог этим заниматься. Кроме того, она была прекрасным стилистом, отлично редактировала английские тексты. Многому можно было у нее поучиться!

Студенты с благодарностью вспоминают и проводившиеся ею внеаудиторные мероприятия: вечера, посвященные языкам, поэтам и писателям, ее работу на отделении референтов-переводчиков ФОПа (Факультета общественных профессий). А с каким удовольствием обсуждались спектакли студенческого камерного театра, да еще с таким большим знатоком музыки, театра и литературы, как Наталья Александровна!

При Н.А. Егуновой на кафедре была утверждена первая научная тема – «Системный подход к обучению иностранным языкам». Разработка этой темы предполагала формирование системы в преподавании иностранных языков, основанной на сочетании трех уровней языковой структуры – фонетического, лексического и грамматического. Под руководством Н.А. Егуновой на кафедре появились первые методические разработки. А ее методические рекомендации «Как

готовиться к домашнему чтению», адресованные студентам, до сих пор остаются непревзойденным шедевром. Это единственная работа на кафедре, выполненная не в жанре раздаточного материала. Она представляет собой конкретные советы студентам относительно такого сложного вида самостоятельной работы, как домашнее чтение. Н.А. Егунова была инициатором и организатором НИРС на кафедре. При ней были организованы первые студенческие олимпиады по иностранным языкам, студенческие научные конференции страноведческого плана с докладами, основанными на переводах самих студентов, конференции не только внутривузовского, но и всесоюзного статуса. Активно практиковалось участие наших студентов в языковых олимпиадах и конкурсах, проводимых в других городах и республиках Советского Союза. Среди них было немало призеров, что свидетельствовало о высоком качестве языковой подготовки в университете. Для преподавателей были организованы первые стажировки в столичных вузах. Она помогала нам расширять горизонты этого мира, вносить в него радость успеха, умела так подать идею, что человек радовался «своему» открытию, и вселяла уверенность в осуществлении этой идеи. В 1980 году она вернулась в родной Ленинград, где продолжила сотрудничество с английскими издательствами, посетила Англию, ежегодно принимала участие в работе экзаменационных комиссий в вузах почти до последнего дня жизни!

Долгие годы не прерывалась ее связь с Сыктывкарским университетом. Ее квартира часто становилась местом рождения диссертаций молодых специалистов нашего университета, теплым кровом для стажеров.

Наталья Александровна уже давно нет с нами. Но она, как представитель ленинградской интеллигенции, по-прежнему будит в нас потребность сверять свои действия и результаты работы с установленными ею высокими стандартами. За столь недолгий период работы на кафедре Наталья Александровна во многих вложила часть своей души, создав при этом коллектив единомышленников, который долгие годы был способен с полной отдачей выполнять свои нелегкие преподавательские обязанности.

В последние десятилетия кафедра иностранных языков неоднократно подвергалась реорганизации, сначала разделившись на кафедру английского и французского языков и кафедру немецкой филологии, затем возникли кафедра иностранных языков естественно-научных специальностей, кафедра иностранных языков экономических и юридических специальностей, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации. Несмотря на формальную разобщенность, бывшие коллеги регулярно посвящают памяти замечательного педагога, талантливого переводчика, литературоведа Н.А. Егуновой научные доклады, встречи, воспоминания. На выставке, посвященной ее научной деятельности, жизни и творчеству, рядом с наградами разместились письма, дипломы, книги, фотографии – все то, что удалось сберечь нашим преподавателям.

Будучи уже смертельно больной, Наталья Александровна не переставала интересоваться жизнью Сыктывкарского университета, людьми, которых она помнила. «Это были самые счастливые в моей жизни годы», – говорила она.

ДЕЛО 1684 ГОДА О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ ТРОИЦКОГО ЮРЬЕГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ

В работе представлен столбец о подтверждении жалованной грамоты, данной Юрьегорскому монастырю в 1636 г. Дается археографическое описание этого источника и краткая характеристика его научного значения. Впервые публикуется полный текст этого дела.

Ключевые слова: *Русский Север, Юрьегорский монастырь, жалованная грамота XVII в.*

The work depicts the roll about a confirmation of the zhalovannaja gramota, given to the Yuregorskoj monastery in 1636. Is given the archeographic description of this source and the brief characteristic of its scientific value. The complete text of this file unit is published for the first time.

Keywords: *The Russian North Yuregorskiy monastery letters patent 17 century.*

Архив водлозерского Юрьегорского монастыря, судя по всему, утрачен. Основными источниками изучения ранней истории этого монастыря сейчас являются: житие Диодора Юрьегорского [5], писцовые и переписные книги, жалованная грамота Михаила Федоровича, тексты которых были частично опубликованы, приведены также в работе К.А. Докучаева-Баскова [4]. Каждый вновь обнаруженный источник XVII в. вследствие скудности источниковой базы приобретает важное значение. Большая часть представленных в публикуемом деле документов известна, однако официальный характер собранных и заверенных копий, представленных в этом деле, гарантирует высокую степень точности и достоверности их содержания. Прослеживается и ряд отличий с текстами некоторых ранее опубликованных документов.

В 1684 г. строитель Юрьегорского монастыря старец Ефрем обратился с челобитной в Новгородский приказ с просьбой подтвердить данную в 1636 г. жалованную грамоту новыми государями Иваном и Петром Алексеевичами. В ходе рассмотрения этого вопроса сложилось архивное дело. Оно хранится сейчас в Российском государственном архиве древних актов, в коллекции Монастырские дела (Ф. 125), которая была сформирована в конце XVIII – начале XIX вв. из документов Посольского и других приказов, хранившихся в Московском архиве Коллегии иностранных дел (с 1832 г. – МГАМИД) [10]. Показательно, что жалованная грамота 15 октября 1636 г. (подписана дьяком Максимом Матюшкиным)

и все последующие её подтверждения (25 июля 1657 г. – дьяк Ефим Юрьев; 6 февраля 1677 г. – дьяк Василий Бобинин; 18 февраля 1684 г. – дьяк Прокофий Возницын) были заверены приписью наиболее высокопоставленных чиновников Московского царства – дьяками Посольского приказа [3]. В 1684 г. дело рассматривал лично, на это указывает припись, сделанная по склейкам с лицевой стороны, самый влиятельный человек того времени, фаворит царевны Софьи, приказной судья Посольского и других приказов (подчинено было до 8 приказов), «царственныя большія печати и государевых великих посольских дел оберегатель, ближний боярин и наместник новгородский» Василий Васильевич Голицын [8; 9]. Столь высокий статус небольшой, затерянной в северных лесах обители, очевидно, связан с влиятельными покровителями в первой половине XVII в., среди которых источники называют великую старицу иноку Марфу Ивановну, мать первого царя династии Романовых; гостя из ярославских торговых людей Надея (Епифания) Светешникова [2]; келаря Троице-Сергиева монастыря, самой крупной и влиятельной духовной корпорации России, Александра Булатникова [1; 6; 7].

Правила передачи текста

Текст разделен на слова при сохранении практически всех орфографических особенностей. Сохранены вышедшие из употребления буквы, опущена только буква Ъ в конце слов. Буквенная цифирь заменяется арабскими цифрами. В сокращенно написанных словах, в словах под титлом восстанавливаемые буквы пишутся в круглых скобках. После выносных надстрочных согласных, если современное правописание предусматривает мягкий знак, он ставится без каких-либо примечаний. Употребление заглавных букв и знаков препинания производится в соответствии с современными правилами. Сохранен архивный заголовок дела XIX в.

Дело по челобитью Олонецкого уезда Юрьевы горы Демьяновы пустыни строителя старца Ефрема с братией о том, чтобы жалованные их монастырю грамоты прежних царей подписать на имя нынешних Ивана и Петра.

7192 (1684) г. февраля 1-18

Ц(а)рем г(о)с(у)д(а)рем і великим кн(я)зем Иоанну Алезѣвичю Петру Алезѣвичю всеа Великия и Малыа и Бѣлыя Росіи самодержцем бьют челом ваши г(о)с(у)д(а)рские б(о)гомольцы Олонецког(о) уѣзду Юрьевой горѣ Демьяновой пустыни строитель старец Еѡрем ѓ братиею. В прошлом, г(о)с(у)д(а)ри, во 145-м году в октябрѣ в пятомнадесять числѣ дѣда вашего великих г(о)с(у)д(а)рей блаженныя памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Ѡедоровича всеа Русіи в тое Демьянову пустыню Юрьевы горы дана нам ево г(о)с(у)д(а)рева жалованная грамота на м(о)н(а)ст(ы)рские всякие угодыя и вотчины за ево г(о)с(у)д(а)рскою вислою

красною печатью, а та жалованная грамота на имя отца вашег(о) великих г(о)с(у)д(а)рей бл(а)женныи памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)рѧ і великого князѧ Алеѣѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца и брата вашего великих г(о)с(у)д(а)рей блаженныи памяти великого г(о)с(у)д(а)рѧ ц(а)ря і великого кн(я)зѧ Феодора Алеѣѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца подписаны. М(и)л(о)с(е)рд(н)ые г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Иоанн Алеѣѣевич, Петр Алеѣѣевич всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы пожалуйте нас своих г(о)с(у)д(а)рских б(о)гомольцов велите г(о)с(у)д(а)ри на сеи нашей жалованной грамоте имя свое г(о)с(у)д(а)рьское против жалованныи грамоты дѣда своего великих г(о)с(у)д(а)рей блаженныи памяти великого г(о)с(у)д(а)ря и отца вашег(о) блаженныи памяти великого г(о)с(у)д(а)ря, і брата вашего великих г(о)с(у)д(а)рей блаженныи памяти великого г(о)с(у)д(а)ря подписать. Ц(а)ри г(о)с(у)д(а)ри смилуйтея пожалуйте. // (Л. 2)

Да челобитчик же Олонецкого уѣзда Юрьевы горы Демьяновы пустыни строитель старец Еѡрем подал в Новгородском приказе к челобитью своему жалованную грамоту какова в ту их пустыню дана и с той грамоты взят список, а подлинная жалованная грамота, справя с списком, отдана строителю Еѡрему с роспискою. А в списке пишет. (Л. 3)

Список з г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты слово в слово.

Б(о)жиею м(и)л(о)стию мы великіи г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великіи кн(я)зѧ Михайло Федорович всеа Русіи самодержец пожаловали есмя живоначальные Тро(и)цы ѡт Водла ѡзера с Юрьевы горы новыѧ Демьяновы пустыни, что в Новгородском уѣзде строителя старца Феодосѣя з братьею и хто по нем в том м(о)н(а)ст(ы)рѣ вперед иныи строитель і братья будут что били они нам челом в той де пустыне храм Живоначальные Тро(и)ца, другой храм Пр(е)ч(и)стые Б(о)г(о)р(о)д(и)цы Введение, третьей храм Зосимы и Саватія соловецких чудотворцов с трапезою і в них образы, і сосуды ц(е)рковныи, і кн(и)ги, і ризы, і колокола, і всякое ц(е)рковное строение м(а)т(е)ри н(а)шей блаженныи памяти г(о)с(у)д(а)р(ы)ни, великие старицы иноки Марѡы Івановны, а братью в тоѣ пустыню призывал и строил Соловецкого м(о)н(а)ст(ы)ря постриженник старец Демьян і собралосѣ при нем братья тридцать ч(е)л(о)век да трудников семнадцать ч(е)л(о)век, і питаютца де ѡни своими трудами, а вотчины де к той пустыне никакой нѣт кромѣ н(а)ш(е)го жалованья что дано им две пустоши на оброк: Луза с Нелмо-ѡзером по Хап-порог, да пустошь Коркола. І с тѣх пустошей платят они в Каргополе в н(а)шу казну ѡброчных денег по дватцати алтын // (Л. 4) на год, да в Каргопольском уѣзде на рѣчке на Водле починок Колгачиха, а оброку с него в н(а)шу казну платят в Каргополе на год всего по алтыну. А изстари тои де Юрьевой Горѣ с пустошками і с угоди межа ѡт Хап-порога круг Нелма-ѡзера до Вытской верхотины, а с Вытской верхотины

на Вяхорской мох, а с Вяхорского моху к Вешлому, а **wt** Вешлома к Югу, что на Чюсть-реки, позаде Нем-озеро **i** позаде Лузы к Хап-порогу же. **Ї** нам бы их пожаловати для **вѣчнаго** помяновения **wtца** **н(а)**шего великого **г(о)с(у)д(а)ря** **св(я)тѣишаго** **Филарета** Никитича патриарха Московского **i** всеа Русїи и **м(а)т(е)ри** **н(а)шей** **г(о)с(у)д(а)р(ы)ни** великие старицы иноки **Марѣы** **Івановны** тот **оброк** дватцать один алтын **велѣти** дати им в **н(а)ше** **ц(а)рское** **б(о)гомолье** на темьян, и на ладан, и на свечи. И **велѣти** **б** им на **тоѣ** пустынку, и на деревеньку, и на пустошки, **i** на озерка дати **н(а)шу** жаловальную грамоту почему им **тоѣ** пустыньку строить и деревенькою, **i** пустошками, **i** озерками впредь **владѣть**. А в Навгородцких в писцовых **кн(и)гах** **кн(я)зя** **Івана** Долгоруково да подьячего Посника Ракова 136-г^w **i** 137-г^w году написано в Навгородцком **уѣзде** в **Заонѣжских** погостех в Водлозерском стану, в **н(а)ших** в черных волостях пустошь что была деревня на Юрьеве **горѣ** **Июдки** Васильева, а в ней по приправочным **кн(и)гам** пашни перелогом **i** **лѣсом** поросло добрые земли три четверти с третником в поле, а в дву потому ж; **сѣна** тридцать копен; в пусе четверть **i** полполполчети. Да под тою ж пустошью **озеро** Юрьев под Юрьевскою горою в длину полтретьи версты поперег **двѣ** версты, а рыба в нем ловитца мелкая, а ныне на тои пустоши устроен **м(о)н(а)ст(ы)рь** вновь. А в **м(о)н(а)ст(ы)рѣ** **ц(е)рковь** живоначальные **Тро(и)цы** да другая **ц(е)рковь** **Пр(е)ч(и)стые** **Б(о)горо**дцы Введение, да у тои же **ц(е)ркви** **придѣл** великих чудотворцов **Зосимы** **i** **Саватья** – обе древяны **клѣцки**. А в **ц(е)рквах** **образы** и **сосуды** **ц(е)рковные** и **ризы** и **кн(и)ги** **i** всякое **ц(е)рковное** строение **м(онас)тыря** **н(а)шей** **г(о)с(у)д(а)р(ы)ни** великие старицы иноки **Ма//Л. 5)рѣы** **Івановны** **i** иных вкладчиков. Да в **м(о)н(а)ст(ы)рѣ** же четыре кельи братцких, а в них живут **св(я)щенники** да **старцов** двадцать четыре **ч(е)л(олове)ки**, а строит тот **м(о)н(а)ст(ы)рь** **Соловецкого** **м(о)н(а)ст(ы)ря** **пстриженик** **wtшельник** **старец** **Демьян** со 134-го году. А с **тоѣ** пустоши в **н(а)шу** казну **оброк** платят в Великом **Новѣ**городе **Водлозерского** **погоста** **кр(е)стьяне** с **ыными** **пустовыми** **денгами** **вмѣсте** с **выти** по **wсминатцати** алтын по полупяте деньги, которые **пустовые** **выти** **пашутца** из **оброку**. А **жилые** **д(е)р(е)вни** к тому **м(о)н(а)ст(ы)рю** не подошли, а **wtтого** **м(о)н(а)ст(ы)ря** **жилые** **д(е)р(е)вни** **верст** с **шестьдесят** **i** **больши**, а в каргопольских писцовых **кн(и)гах** **письма** **i** **мѣры** **Івана** **Воеикова** да **дїяка** **Третьяка** **Копнина** 129-г^w **i** 130-г^w году написано в **Каргопольском** **уѣзде** в половине волости **Водлаозера** пустошь, что была **д(е)р(е)вня** на **Лузе** **Івановская**, а ней два **мѣста** **дворовых**: **пашни** **перелогом** и **лѣсом** поросло худые земли **пятнацать** **четь** с **осминою** в поле, а в дву потому ж; в пусе **выть** без **полполполчетверти** **выти**; **сѣна** ко всей пустоши **тритцать** копен; **лѣсу** **пашенного** **три** **десятины**. **Д(е)р(е)вня** **пуста** в **Коркиничах**, а на **Лопе** **Лукинская** **тож**, а в ней **три** **двора** **пустые**; **пашни** **перелогом** и **лѣсом** поросло худые земли **двенатцать** **чети** в поле, а в дву потому ж; в пусе **выть** без **четверти** **выти**; **сѣна** под **д(е)р(е)внею**

дватцать две копны с полукопною; лѣсу пашенного полдесятины. Пустошь, что была д(е)р(е)вня в Лузе Сидоровская, а в ней мѣсто дворовое; пашни перелогом і лѣсом поросло худые земли четыре четверти в поле, а в дву потому ж; в пусте четверть выти; сѣна семь копен с полукопною. Водлозерского ж стану ѡтхожая д(е)р(е)вня Калгачова Гора на озере на Калгачове, а в ней три двора кр(е)стьянских, двор бобыльской, двор пуст бобыльской же, а тот бобыль сшел безвѣстно ѡт хлѣбные скудости; пашни паханные худые земли шесть чети да перелогом восемь чети да лѣсом попросло и с отхожими землями дватцать двѣ четверти в поле, а в дву потому ж; в живущем четверть и полчетверти выти; сѣна на живущем одинатцать копен с четвертью копны, а в пусте сорок девять копен с четвертью копны, лѣсу пашенного пять десятин. Всего в Каргопольском уѣзде д(е)р(е)вня да пустоши, а в них //(Л. 6) три двора кр(е)стьянских да два бобыльской да три двора пустых, да три мѣста дворовых; пашни паханные худые земли шесть чети с осминою, да перелогом і лѣсом поросло и с отхожими землями шестьдесят одна четь с осминою; в живущем четверть и полчетверти выти, а в пусте две выти без полполполчети выти; сѣна на живущее одинатцать копен с четвертью копны; а в пусте сто девять копен; лѣсу пашенного ѡдинатцать десятин. Денежных доходов з д(е)р(е)вни Колгачевы Горы данных дватцать пять алтын четыре деньги, да за стрилецкие хлѣбные запасы иметца по нынешнему указу тритцать алтын; ѡбого рубль дватцать два алтына две деньги. А с пустошей, что в Лузе с Сидоровские і с Ывановские, і с Лукинские, что в Коркиничих по н(а)шей грамоте, какова послана в Каргополь во 140-м году за приписью діака н(а)шего Баима Болтина по челобитью Юрьевы Горы старца Дѣмьяна велено платить денежного ѡброку в Каргополе по семнатцати алтын по полчетверты деньги на год и мы великій г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великим кн(я)зь Михаило Федорович всеа Русіі Юрьевы Горы новые пустыни, что строил старец Демьян, строителя старца Ѳеодосья з братьею или хто по нем в том м(о)н(а)ст(ы)рѣ иныи строители і братья будут пожаловали велѣли им тоѣ деревеньку и пустоши со всѣми угоды о чем они строитель Ѳеодосѣи з братьею били нам челом дати к той пустынке в вотчину і сю н(а)шу жаловальную грамоту за н(а)шею ц(а)рьскою красною печатью велѣли ім дати по чему им впредь владѣти. А тот ѡброк дватцать один алтын велѣли есмь им дати на темьян и на ладан, и на свечи. А з д(е)р(е)вни Колгачевы Горы данные і за стрилецкие хлѣбные запасы по рублю по дватцати по два алтына по две деньги платити ім в Каргополе с сошными людьми в мисте.

Дана ся н(а)ша жаловальная грамота в ц(а)рствующем граде Москвѣ лѣта 7145-г(о) ѡктября в 15 день, а подписал г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Федоровича всеа Русіі діяк Маѣим Матюшкин.// (Л. 7)

На заде пишет у подлинной грамоты: ц(а)рь і великим кн(я)зь Михаило Ѳеодорович всеа Росіі самодержец.

Лѣта 7165-гѡ июля в 25 де(нь) великий г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великий кн(я)зь Алеѣѣи Михайлович всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержец сеѣ отца своего г(о)с(у)д(а)р(е)ва блаженныя памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Ѡедоровича всеа Росіи самодержца, грамоты слушав Новгородцкого уѣзду Живоначальныя Троицы Юрьевы горы Демьяновы пустыни строителя старца Пахомия з братьею и хто по нем в том м(о)н(а)ст(ы)рѣ иные строители и братья впредь будут, пожаловал велѣл им сю грамоту подписать на свое г(о)с(у)д(а)р(е)во ц(а)рево і великого кн(я)зя Алеѣѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца имя и о всем велѣл дѣлать потому как в сеи грамотѣ указано.

Припись дияка Еѡима Юрьева

Лѣта 7185 году Ѡевраля в 6 де(нь) великий г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великий кн(я)зь Ѡеодор Алеѣѣевич всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержец сее жаловальныя грамоты дѣда своего г(о)с(у)д(а)р(е)ва блаженныя памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Ѡеодорович всеа Росіи самодержца, слушав пожаловал Новгородцкого уѣзду Живоначальныя Троицы Юрьевы Горы Демьяновы пустыни строителя старца Тихана з братьею велѣл на ней подписать свое великого г(о)с(у)д(а)ря повелѣние, что быти ей впредь во всем против того ж как пожаловал дѣд его г(о)с(у)д(а)р(е)в блаженныя памяти великий г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великий/(Л. 8) кн(я)зь Михаило Ѡеодорович всеа Росіи самодержец и от(е)ц ево г(о)с(у)д(а)р(е)в блаженныя памяти великий г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великий кн(я)зь Алеѣѣи Михайлович всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержец без нарушенія опричь тѣх статей, которые в сеи грамоте написаны противны ево великого г(о)с(у)д(а)ря указу и Соборному Уложению а тѣм статьям быть во всем по ево великого г(о)с(у)д(а)ря указу и Соборному Уложению.

Припись дияка Василья Бобинина. Справа подьячего Івана Зеновьева. //(Л. 9)

И із сего списка выписано.

В прошлом во 145-м году октября в 15 де(нь) блаженныя памяти великий г(о)с(у)д(а)рь ц(а)рь і великий кн(я)зь Михаила Ѡеодорович всеа Росіи самодержец пожаловал Новгородцкого уѣзду Юрьевы горы новые Демьяновы пустыни строителя старца Ѡеодосия з братьею или хто по нем в том м(о)н(а)ст(ы)рѣ иные строитель и братья будут велѣл в Каргопольском уѣзде на рѣчке на Водле починок, что была д(е)р(е)вня Калгачиха, да пустошь Лузу с Нелмом-осером да пустошь Корколу со всѣми угодыи о чем они строитель з братьею били челом дать к той пустыне в вотчину. А что с той д(е)р(е)вни и пустошей сходило оброку 21 алтын и то дать им на темьян, и на ладан, и на свечи. А з д(е)р(е)вни Колгачевы Горы данныя и са стрелецкие хлѣбныя

запасы//(Л. 10) по рублю по 22 алтына по 2 де(ньги) велено им платить в Каргополе с сошными людьми вмѣсте.

И та жалованная грамота во 165-м году на имя блаженные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Алеѣѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца подписана. Велено [в]о всем дѣлать потому как в той грамоте указано.

Также и на имя блаженные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Ѡеодора Алеѣѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца подписана ж во 185-м году Ѡевраля в 6 де(нь) велено быти во всем потому ж без нарушения опричь тѣх статей, которые в той грамоте написаны противны ево великого г(о)с(у)д(а)ря указу и Соборному Уложению. А тѣм статьям быти во всем по его великого г(о)с(у)д(а)ря указу и Соборному Уложению.//(Л. 11)

А в Олонецких і в Каргополских переписных кн(и)гах 186-г(о) и 187-г(о) годов написано: в Олонецком уѣзде в Водлозерском погосте м(о)н(а)ст(ы)рь на Юрьеве горѣ Демьянова пустыня, а за тѣм м(о)н(а)ст(ы)рем 2 двора скоцких. Да в Каргопольском уѣзде в Водлозерской же волости за тѣм же Юрьевым м(о)н(а)ст(ы)рем 3 д(е)р(е)вни да пустошь і в том числѣ д(е)р(е)вня Калгачева Гора, а в тѣх д(е)р(е)внях 10 дворов кр(е)стьянских 2 двора м(о)н(а)ст(ы)рских.

А в прошлом во 188-м году по указу блаженные памяти великого, а по челобитью Юрьевы горы Демьяновы пустыни строителя Еѡрема з братьею послана грамота в Каргополь к стольнику і воеводе к Михаилу Хитрову велено из стрелецких денег платить с м(о)н(а)ст(ы)рских своих с кр(е)стьянских.//(Л. 12) з 10 дворов по 10 рублей на год.

І великим г(о)с(у)д(а)рем ц(а)рем і великим кн(я)зем Іванну Алеѣѣевичю, Петру Алеѣѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцам бьют челом Олонецкого уѣзда Юрьевы Горы Демьяновы пустыни строитель старец Еѡрем з братьею: в прошлом де во 145-м году дана в их Демьянову путыню дѣда их великих г(о)с(у)д(а)рей блаженные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Ѡеодоровича всеа Росіи самодержца жалованная грамота на их м(о)н(а)ст(ы)рские вотчины і всякие угодыя. И та де грамота на их великих г(о)с(у)д(а)рей имя не подписана.

І великие г(о)с(у)д(а)ри пожаловали б их велѣли тое дѣда своего г(о)с(у)д(а)рского блаженные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря жалованную грамоту на свое великих г(о)с(у)д(а)рей имя подписать.//(Л. 13)

Лѣта 7192 Ѡевраля в 18 де(нь) великие г(о)с(у)д(а)ри ц(а)ри і великие кн(я)зи Іванн Алеѣѣевич, Петр Алеѣѣевич всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцы слушав сеи жалованной грамоты дѣда своего великих г(о)с(у)д(а)рей блаженные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила Ѡеодорович всеа Росіи самодержца повелѣли быти во всем по

тому как в сей жалованной грамоте писано кромѣ тѣх статей, которые их г(о)с(у)д(а)рскими указы отставлены. А стрелецкие деньги платить им з д(е)р(е)вни Колгочевы по их великих г(о)с(у)д(а)реи указу.

Под тою статьею написано: дьяк Прокоѳеи Возницын.

Притись дьяка по склейкам: (Л. 2) «192-гв ѳевраля в 18 де(нь) по указу// (Л. 3) великих г(о)с(у)д(а)реи боѳрин //(л. 4) кн(я)зь Василии Васильевич Голицын (Л. 5) с товарищи //(Л. 6) слушав //(Л. 7) челобитную того Троицкого м(о)н(а)ст(ы)ря //(Л.8) строителя старца Тихона //(Л. 9) Демьяновские пустыни //(Л. 10) з братьею приказал //(Л. 11) блаженные памяти великого г(о)с(у)д(а)ря //(Л. 12) ц(а)ря і великого кн(я)зя Михаила ѳеодо//(Л. 13)ровича всеа Русіи самодержца жаловальную грамоту какова дана в тот Тро(и)цкой м(о)н(а)ст(ы)рь в 145-м году //(Л. 13) подписать на имя их великих г(о)с(у)д(а)реи против прежних г(о)с(у)д(а)рских указов по указам».

На обороте по склейкам скрепа: (Л. 1 об.) «192-гв ѳевраля в 1 де(нь) выписать //(Л. 3 об.) к сему списку Юрьева м(о)н(а)ст(ы)ря //(Л. 4 об.) по его вевнию руку приложил //(Л.5 об.) вмѣсто строителя старца Еѳрема //(Л. 6 об.) стряпчей Клишко ѳилипов вмѣсто строителя старца Еѳрема к сему списку Юрьева м(о)н(а)ст(ы)ря //(Л. 7 об.) Подлинную грамоту он строитель к себѣ взял (12 об.) Правил Івашко Уланѳв.

РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Д. 159. Подлинник. Столбец на 13 сставах. Водяной знак «Герб города Амстердама», наиболее близок №154 (1685) – Дианова Т.В. Филигрании XVII-XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. На л.6 есть фрагмент филигрании «Голова шута» (не идентифицируется).

***

1. Волкова Т.Ф. Житие Диодора (Дамиана) Юрьегорского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А-З. СПб., 1992. С. 342-345.
2. Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Т. 1. С. 88-95.
3. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625-1700). Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли, 2011. С. 346, 642-643, 70-71, 117-118.
4. Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера // Христианское чтение. 1885. №5-6. С. 771-812.
5. Панченко О.В. Житие преподобного Диодора Юрьегорского: ранние редакции Жития и их отношение к повестям о соловецких пустынножителях // Святые и святыни Обонежья: материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения – 2013», посвящ. 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2-4 сентября 2013 года). Петрозаводск, 2013. С. 13-31.
6. Панченко О.В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: Троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. С. 488-507.

7. Пигин А.В. О некоторых книгах из Троицкого Юрьегорского монастыря // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб.: Наука, 2010. С. 322-324.
8. Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. Т. 1.
9. Советская историческая энциклопедия. М.: Наука, 1963. Т. 4.
10. Центральный государственный архив древних актов СССР: путеводитель: в 4 т. М.: Главрхив СССР, 1991. Т. 1. С. 204, 221.

СЕВЕРНЫЕ МОНАСТЫРИ РОССИИ В КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

В коллекции Национального музея Республики Коми хранятся редкие книги XIX в. с описанием церквей, монастырей, житий чудотворцев. Их авторы внесли огромный вклад в изучение истории монастырей северного региона. Это вологодские и устюжские историки-краеведы Н.И. и И.Н. Суворовы, П.И. Савваитов, Ф.А. Арсеньев, С.А. Непеин, священник с. Вотча Устьсысольского уезда П.Н. Шаламов, русский писатель и паломник А.Н. Муравьев, живописец В.В. Верещагин, дипломат Д.Н. Островский и др. Возвращение в научный оборот церковно-исторических исследований, созданных в XIX – начале XX вв. истинными подвижниками краеведения, расширит источниковый ресурс для новых изысканий.

Ключевые слова: коллекция редких книг, Национальный музей Республики Коми, православные храмы и монастыри, чудотворцы, Русский Север, Вологодская губерния, Архангельская губерния, Усть-Сысольский уезд, историки-краеведы, паломники, путеводитель.

Collection of National museum of Komi Republic has rare books of XIXth century with the description of churches, monasteries, and chudotvoretzes' lives (of those who created miracles). Their authors made the big contribution into the studying of monasteries of northern region. They are specialists of local history from Vologda and Great Ustug N.I. and I.N. Suvorovs, P.I. Savvaitov, F.A. Arsenjev, S.A. Nepein, priest of Votcha P.N. Schalamov, Russian writer and pilgrim A.N. Muravjev, painter V.V. Vereschagin, diplomat D.N. Ostrovsky etc. A Returning in scientific turnover of Church' researches, created in XIX-th – beginning of XXth centuries by true devotees of local history, will expand a circle of sources for new researches.

Keywords: collection of rare books, the National museum of Komi Republic, orthodox temples and monasteries, Russian North, Vologda, Arkhangelsk, Ust-Sysolsk, local history, pilgrims.

... «Как я корю себя, из этого прекрасного далека, что мало знал свою родину, не изъездил, не исходил!.. Не знаю ни Сибири, ни Урала... ни древнейших наших обителей... Проснешься ночью ... – и защежит-защежит. Да как же ты Север-то проглядел, погосты, деревянную красоту... молился ли в часовенке болотной, откуда родится Волга?.. А что в подвал-то не спустился, не поклонился тени умученного патриарха Гермогена?..»

И.С. Шмелев

Русский Север славится огромным количеством культурно-исторических памятников – православных храмов и монастырей, мест, связанных с жизнью и деятельностью известных святых, чудотворцев. Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и Горицкий монастыри в Кирилловском районе Вологодской области, Спасо-Прилуцкий монастырь в г. Вологде, Соловецкий монастырь на о. Соловки Архангельской области, Спасо-Преображенский Валаамский монастырь – эти и другие северные монашеские обители известны всей России.

В коллекции Национального музея Республики Коми хранятся редкие книги XIX в. с описанием церквей, монастырей, житий чудотворцев. Их авторы – историки-краеведы – внесли огромный вклад в изучение истории монастырей северного региона: Николай Иванович и Иван Николаевич Суворовы, Павел Иванович Савваитов, Флегонт Арсентьевич Арсеньев, Сергей Арсеньевич Непеин и др.

Известный российский археолог и историк П.И. Савваитов родился в семье священника в г. Вологде. По окончании Вологодской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии в возрасте 22 лет становится профессором философии Вологодской духовной семинарии, а затем преподает 25 лет в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Педагогические занятия он соединяет с научной работой: занимается изучением наречий зырянского языка и описанием монастырей Вологодской губернии [1, с. 94]. П. Савваитов – автор таких известных трудов, как «Грамматика зырянского языка» и «Зыряно-русский словарь» (Санкт-Петербург, 1850), «О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном» (М., 1873), «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора» (СПб., 1865). От Императорской академии наук за грамматику зырянского языка и словари П. Савваитов получил Демидовскую премию, за описание старинных царских утварей – Уваровскую.

В коллекции музея сохранились описания монастырей, составленные П. Савваитовым: «Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни» (СПб., 1850), «Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря» (СПб., 1856), «Описание Вологодского Спасокаменского Духова монастыря» (СПб., 1860), «Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря» (4-е изд.; Вологда, 1914) и др. Книга «Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор...» (СПб., 1886) была подарена автором вологодскому историку Н.И. Суворову, о чем свидетельствует дарственная надпись «Любезнейшему брату Николаю Ивановичу Суворову челобитна от П С Спб. 7 янв. 1887.».

Н.И. Суворов, так же как и П.И. Савваитов, занимался изучением Вологодского края, особое внимание уделяя истории местных монастырей. Окончив Московскую духовную академию, он свыше 40 лет проработал преподавателем в Вологодской духовной семинарии. Был инициатором в деле основания Вологодских епархиальных ведомостей и долгое время состоял их

редактором [1, с. 111]. Н.И. Суворов был одним из инициаторов создания Вологодского епархиального древлехранилища, основной целью которого было сохранение церковных архивов, древней утвари. Николай Иванович принадлежал к тем историкам, которые считали, что любой факт, даже малозначительный, должен быть сохранен для потомков. Им было опубликовано около 300 статей и монографий, основные из которых посвящены церковно-археологическому наследию монастырей Вологодской губернии [2, с. 110]. В коллекции музея имеются: «Описание Вологодского кафедрального Софийского собора» (М., 1863), «Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря, ныне Спасопреображенская Белавинская пустыня» (Вологда, 1871), «Путеводитель по Вологде, с указанием на ее церковные древности и святыни и другие достопримечательности» (Вологда, 1874), «Исторические сведения об иерархах древне-пермской и Вологодской епархии» (Вологда, б.г.), «Николаевский коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда Вологодской губернии» (Вологда, 1901).

Описания монастырей, составленные П. Савваитовым и Н. Суворовым, имеют единую структуру: краткая история возникновения монастыря, значимые события в жизни обители, ее основателя (к примеру, преподобного Феодосия, Димитрия Прилуцкого), описание достопримечательностей, святынь обители, список настоятелей, а также современное автору состояние обители – хозяйство, состояние храмов, жилых и хозяйственных корпусов, численность братии.

В 1896 г. в Вологде при Вологодском епархиальном древлехранилище была создана Постоянная церковно-археологическая комиссия любителей истории и древностей. Председателем комиссии стал сын Н.И. Суворова – Иван Николаевич. Под его редакцией были изданы «Описания собрания свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном Древлехранилище», раскрывающих содержание документов судного приказа архиепископского дома и местных монастырей. В коллекции музея сохранились 3 из 13 вышедших выпусков издания (вып. 6, 10, 12).

Одним из сотрудников Вологодского епархиального древлехранилища и членом-сотрудником Церковно-археологической комиссии любителей истории и древностей при нем был священник С.А. Непеин [1, с. 72]. Он – автор более 50 печатных трудов о памятниках архитектуры Русского Севера, в числе которых «Краткий очерк города Вологды» (Вологда, 1905). Наиболее значительным его трудом считается «Вологда прежде и теперь», в которой раскрыта история города Вологды с 1147 по 1906 гг. Кроме того, многие из книг вологодских исследователей конца XIX – начала XX вв. содержат уникальные фотографии северных храмов, сделанные С. Непеиным.

Имя историка В.П. Шляпина хорошо известно в истории великоустюгского краеведения: товарищ председателя комитета древнехранилища в г. Устюге, преподаватель в Усть-Сысольском, а затем в Устюжском духовном училище. В советское время возглавлял Северодвинское общество изучения местного края. Все годы Вениамин Петрович вел активную исследовательскую работу по

истории Устюжского края. В 1903 г. в Санкт-Петербурге отдельной книгой издается его «Житие праведного Прокопия устюжского чудотворца и описание Устюжского Прокопьевского собора». Самый значительный труд историка – двухтомник «Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря» – увидел свет в 1912-1913 гг. В предисловии к нему В. Шляпин указывает, что «списаны» акты им в 1888-1889 гг. и публикуются в связи с 700-летним существованием Михайло-Архангельского монастыря. Акты монастыря дают обильный материал по истории монастырского землевладения, экономических отношений в крае, показывают географическое распространение влияния монастыря и некоторые бытовые черты монастырской жизни [3, с. 23].

Из книг, описывающих монастыри Коми края, можно назвать: «Ульяновский монастырь у зырян» (М., 1889), описание которой составил по поручению иноков Ульяновской обители Ф.А. Арсеньев, посвятивший свой труд истории зырянского народа и Ульяновской обители, воздвигнутой соловецкими монахами на территории нынешнего Усть-Куломского района Республики Коми, и «Церковно-историческое описание Вотчинского прихода Устьсысольского уезда, Вологодской губернии» (Устьсысольск, 1911) П.Н. Шаламова, в котором подробно изложена не только древняя история зырянского села, связанного с посещением в XIV в. знаменитого миссионера, крестителя зырян Стефана Пермского, но и отдана немалая дань подвижническому труду о. Николая Шаламова.

Одним из самых популярных и признанных изданий XIX в. по истории Соловецкого монастыря является анонимная «История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря» (СПб., 1899), изданная по инициативе архимандрита Иоанникия. Она освещает как духовную историю обители, так и ту выдающуюся роль, которую Соловецкий монастырь сыграл в общероссийской истории. Книга в издательском коленкором переплете с тиснением содержит большую цветную раскладную карту Соловецкого монастыря и множество иллюстраций и фототипий с видами монастыря.

Северный край украшен именами святых, чудотворцев. В коллекции музея выявлены книги священника И.П. Верюжского «Святой праведный Прокопий, Христа ради юродивый, устюжский чудотворец» (Вологда, 1879) и «Житие преподобного Трифона, Вятского чудотворца» (Вятка, 1881).

Имеются в коллекции музея и впечатления путешественников и паломников по церквям и монастырям Русского Севера. «Северная Фиваида» – это распространенное поэтическое название северных русских земель ввел в обиход русский писатель А.Н. Муравьев. В 1855 г. была опубликована его книга «Русская Фиваида на Севере», основанная на впечатлениях от паломничества по святым местам северных русских земель, окружающих Белозерск и Вологду.

Особая страница, посвященная Русскому Северу, есть и в творчестве русского живописца и литератора В.В. Верещагина. Во время путешествия по Вычегде и Северной Двине (от Устюга до Архангельска) и по Белому морю (до Соловков) Верещагин открывает для себя русское деревянное зодчество.

Результатом этой поездки стало множество живописных этюдов, зарисовок архитектуры и интерьеров храмов. Дополнением к живописному творчеству стал литературный дневник Верещагина «На Северной Двине. По деревянным церквям» (М., 1895), в котором подробно описан ряд деревянных храмов вдоль течения Двины.

В конце XIX в. связи с развитием транспортного сообщения между разными регионами страны возникла необходимость в справочной литературе для ученых, художников, путешественников, туристов, паломников. В фонде Национального музея Республики Коми имеется «Справочная книжка. Путеводитель: от Москвы до Вологды, Архангельска и Соловецкого монастыря (Вологда, 1893), составителем которой является уроженец Усть-Сысольска, историк, член Вологодского общества изучения Северного края С.А. Ковалев.

Автором-составителем еще одного путеводителя, изданного по инициативе Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, стал вице-губернатор Архангельской губернии Д.Н. Островский. В его «Путеводителе по Северу России: Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая земля. Печора» (СПб., 1898) сообщаются общеисторические сведения об Архангельской губернии, описаны Архангельск, Холмогоры, западный берег Двинской губы, Никольский, Пертоминский монастыри. Путеводитель снабжен 12 картами различных частей губернии, в том числе и Соловецких островов.

Таким образом, в собрании музея достаточно широко представлена история монастырей севера России. В каждой из представленных работ нынешний исследователь и читатель найдет материалы по истории севернорусских православных обителей, церковной истории, местночтимых святых. Возвращение в научный оборот церковно-исторических исследований, созданных в XIX – начале XX вв. истинными подвижниками краеведения, расширяет источниковый ресурс для новых изысканий.

***

1. Веселовский А.А., Веселовский А.А. Вологжане-краеведы: источники словаря. Вологда, 1923. 166 с.
2. Камкин А.В. Православная церковь на севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. 164 с.
3. Чебыкина Г.Н. В.П. Шляпин: историк и краевед // Быть на Устье...: историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 21-30.
4. Шмелев И.С. Куликово поле. М., 1999. 332 с. (С. 232-233).

**РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА
С.А. НОСОВА: СБОРНИК № 26¹**

Мы продолжаем публиковать описание сборников последнего печорского старообрядческого писателя Степана Афиногеныча Носова (1902-1981). В предыдущем (№ 2 за 2013 год) номере Вестника нами было опубликовано описание сборника № 10.

Л. 1 – Содержание словъ по книгѣ 26.

Л. 2 – «Евангелие толковое» слово 7 въ неделю 6-ю. Нач.: «К тому же да разумѣемъ, яко и на земли отставляются грѣси дондеже убо есмы на земли можемъ потребити грѣхъ наших...».

Л. 2 – Прологъ 27 сентября. Нач.: «Еже не лѣзнитися о своемъ спасении. Не можемъ убо, братие, лѣзнитися о своемъ спасении, ни презримъ време, даннаго намъ на покаяние, егоже паки получити не можемъ...».

Л. 3 об – Прологъ 18 июля. Нач.: «Поучение к покаянию. Не отчайся, человеце, ни отступай молитвы и приди к церкви грѣшенъ сый, с въздыханиемъ помолися к Богу...».

Л. 4 – Прологъ февраля 27. Нач.: «Молю убо, братие: имѣйте выну смерть пред очима си...».

Л. 4 об. – Катехизис большой глава 22. Нач.: «Кратко из отвѣтовъ. Златоуст в «Маргаритѣ» лист 102. Нѣсть возможно словомъ горькихъ и нестерпимыхъ бѣдъ сихъ указати, не исповѣданна сия гроза и мука: не воинъ образъ сие воспомыновение бысть...».

Л. 6 Книга «Правая вера» глава 29. Нач.: «Блюдитесь, возлюбленнии, яко дние лукави суть и время своя слуги собираетъ и мнози суть учителя погибели и еще множитися будутъ...».

Л. 6 об. – К галатомъ зачин 199. Нач.: «Аще мы или ангель с небесе благовѣститъ вамъ: паче еже приясте анафема – да будетъ...».

Л. 7 – «Щить вѣры» лист 32. Нач.: «Яко в коемждо вѣрномъ раждается Христось умнѣ, тако и в коемждо зловѣрномъ раждается Антихристось умнѣ.

---

¹ Исследование проводилось при финансовом содействии гранта РГНФ 13-14-11002 а(р) Региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы» «Темы и сюжеты древнерусской и старообрядческой литературы в осмыслении печорских крестьян».

По святому Ефрему глаголется: Образъ приметъ истиннаго пастыря, да прельститъ овецъ стада. И по святому Ипполиту: Во всемъ хочеть уподобитися льстець Сыну Божию...».

Л. 7 – «Щить вѣры» лист 13, 16. Нач.: «По словеси Господню и учителей церкви: Яко пришедъ Господь на облацѣхъ не обрящеть вѣру на земли, развѣ не во мнозѣхъ. Израиль – сказуется умъ, зряи Бога от всѣхъ языковъ, вѣрующихъ во Христа...».

Л. 7 – От соборнаго послания Иоанна Богослова зачин. 73. Нач.: «Возлюбленнии! Не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнози лжепророцы издоша в мирь. О семъ разумѣтся: духъ Божий и духъ льстечь...».

Л. 7 об. – «Апостоль толковый» зачин 275. Нач.: «Да никтоже васъ прельститъ ни по единому образцу, яко аще не приидеть отступление. Прежде открыеться человекъ, беззаконию сынъ, погибели противникъ, и превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища...».

Л. 7 об. – Толкование «Златоуста». О Антихристѣ здѣ бесѣдуетъ и велия являеть тайны, отступлениемъ бо Антихриста нарицаеть, яко многия хотяща отлучити от Христа и погубити аще возможно будетъ и избранныхъ и человека беззакония онаго же нарицаеть...».

Л. 8 – Толкование блаженнаго Феофилакта. Послание апостола Павла к солунянамъ страница 59 русский перевод. Нач.: «Яко же ему сѣсти въ церкви божией говорит: Не сказано во Иеросалимскомъ собствено храмѣ, а просто въ церквахъ и во всякомъ храмѣ Божиемъ...».

Л. 8 об. – Творение преподобнаго Ефрема Сирина часть 7 страница 247. Нач.: «Такимъ образомъ онъ (Антихрист) явится и взойдетъ в храмъ Божии, чтобы сѣсть внутри и именно в церкви Божией...».

Л. 9 – Феодорить часть 6 страница 82. Нач.: «Возсѣдать же будетъ (Антихристъ) в божиемъ храмѣ. Храмомъ же божиемъ называетъ церкви».

Л. 9 – «Апокалипсисъ» глава 12. Нач.: «Аще кто озвѣршемуся тому Антихристу повинется и нечестиваго житие содержит, того образующее или словомъ или дѣломъ, того исповѣсть Бога. Сие бо сказуетъ на ружѣ и на челѣ даемое начертание и в малороссийскихъ печатѣй Апокалипсисѣ: знакъ на ружѣ и на челѣ – словомъ и учениемъ повиновение...».

Л. 9 – Книга «Истинна» глава 62 месяца марта и апрѣля (1809). Псков, славянская типография. Нач.: «Послѣднии российский патриархъ Иосифъ предрекъ, что всему древнему чину российской церкви будетъ прменение...».

Л. 10 – Повѣсть о житии и жизни преподобнаго отца Корнилия, иже бысть на Выгу рѣцѣ близъ озера Онега вкратцѣ запишемъ здѣ. Нач.: «В та же времена и лѣта 7120 при царѣ Михаилѣ Феодоровиче бывый на Москвѣ

из восточныхъ странъ ис Палестины из святаго града Иеросалима святѣйшій патриархъ Фефанъ, иже рукоположивый на Москвѣ патриарха Филарета...».

Л. 17 об. – Хошу же вамъ, братие, о Никонѣ и ину повѣсть повѣдати. Нач.: «Прилучи же сицева вещь дивна зѣло и ужаса исполнена, юже и умолчати не подобаетъ. Бысть нѣкто христианинъ именемъ Димитрий, жительствомъ с Волги, отнюду же и той самъ Никонъ изыде, сосѣдь сему баше...».

Л. 21 об. – О семъ Никонѣ и о горькомъ его Иеросалимѣ рекль святѣйшій патриархъ Иеросалимский...».

Л. 22 – Священнодиякона Феодора повѣсть о святыхъ отцехъ нашихъ священнопротопопѣ Аввакумѣ и священноиерее Лазарѣ и преподобнѣмъ Епифаніи из книги «Челобитнкъ». Нач.: «Тайна царева добро есть хранити, а дѣла Божия проповѣдати преславно есть», – глаголетъ писание...».

Л. 25 – Нач.: «Тогда Корнилии с Досифеемъ игуменомъ поиде на Донъ. И пребыша на Дону три лѣта и паки возвратишася к Москвѣ. Досифей остана на Москвѣ, Корнилий же поиде в Кириловъ монастырь, в Кириловѣ же монастырѣ много зѣло благочестивыхъ иноковъ было...».

Книга челобитная Аввакума древлеписмена выгорѣцкихъ жителей.

Л. 43 об. – Списано с челобитной Соловецкаго монастыря, какова послана к великому государю к Москве во 176 году в октябрѣ. Нач.: «Благовѣрному и благочествому и в православии свѣтло сияющему от небеснаго царя помазанному государю нашему царю и великому князю Алексию Михайловичу всея великия и (л. 44) Малыя и Бѣлыя России самодержцу бьют челомъ нищи твои богомольцы Соловецкаго монастыря келарь Азари и казначей Геронтии и священницы и дияконы и соборныя чернецы и вся рядовая братія и служки и трудники вси...».

Л. 56 – Газета «Голось» 1880 № 280 и «Русская церковная жизнь» 1893 г. № 348 писали. Нач.: «Еще об этомъ тягостномъ положении, разгромѣ и разорении пишутъ нынѣшнии добросовестнии писатели, которые имѣють человеческую душу и свидѣтельствуютъ всему миру: власть по волѣ и принуждению духовныхъ администраторовъ захотѣла покончить суровыми мѣрами».

Л. 56 об. – Книга «Великии расколь» Д.Л. Мордовцева (1891 г.), страница 152. Нач.: «Историкъ Д.Л. Мордовцевъ повѣствуетъ слова Аввакума в слѣдующемъ: «Вонъ сколько ужъ замучили нашихъ то. Или такъ ко Христу приводять, какъ проводите – кнудомъ да виселицею, да огнемъ...».

Л. 57 об. – Говорить сие Аввакумъ протопопъ. Нач.: «Еще вамъ побесѣдую о своей волокитѣ, какъ привезли меня из монастыря Пафнутьева и, волоча многажды, в Чюдовъ монастырь поставили на подворье и, волоча, в него поставили под вселенскихъ патриархов...».

Л. 59 об. – Нач.: «По исчислению лѣтописи «Россискому винограду» замучено было 300 тысяч душ. И другихъ еще погибшихъ безвѣдомо от руки гонителей, насильственной смертью скончавшихся – о ихъ же числѣ вѣдаетъ единъ Богъ...».

Л. 60 – Книга «Русская мысль» (1853), листъ 226. Нач.: «Расторгали браки, дѣтей насильно крестили, а за свое крещение старообрядческое ссылали и хоронить умершихъ не давали, а за тайные похороны суду предавали».

Л. 60 – О сихъ то гонимыхъ и мученныхъ старообрядцахъ говорилъ в 1857 г. историкъ князя Константина Николаевича *господинъ* Мельниковъ слѣдующее. Нач.: «Можно ли послѣ этого не признать истиннаго достоинства в многострадальном терпѣнии русскихъ людей, которое видно в нашихъ старообрядцахъ».

Л. 60 об. – В 1861 и 1858 г. князь И.А. Орловъ в докладѣ императору Александру Второму писалъ. Нач.: «Когда уничтожать старообрядцамъ преграды от общества, государь и Россия приобрѣтутъ в нихъ честных и полѣзныхъ сыновъ. Старообрядцы не враги государства...».

Л. 61 об. – «Книга о вѣрѣ» глава 30 листъ 272. Нач.: «Блаженные памяти Захария Копистенскаго. Архимандритъ киевпечерский в 1620 лѣто в книгѣ своей «Полинодии» на листу 1 преднаписалъ семи словесы...».

Л. 62 об. – Свѣтский писатель Неросовъ (рукопись в библиотеке Казанской духовной академии). Нач.: «Тогда богосмысленныя и разсудительныя русские люди видѣли въ (л. 63) этомъ послѣдняя времена, признакъ падения древнерусской православной вѣры и скорого пришествия Антихриста...».

Л. 63 – Святыхъ апостоль Петра и Павла правило 10. Нач.: «Аще нечестивии держать мѣсто – да бѣгаеши от него, понеже осквернено бысть от нихъ, яко же бо преподобнии святители освѣщаютъ, тако нечестивии оскверняютъ».

Правило 11. Аще ни в дому купно, ни в церкви собиратися нѣсть мощно, кождо себѣ да поеть, да почитаетъ и да молится, или купно два или трие, идѣже бо аще, рече, Господь, два или трие собрана игумени моемъ, ту есмь посредѣ ихъ.

Л. 63 об. Учитель Августинъ написал. Нач.: «Что въ томъ, что имѣя молитися Богу мѣста способнаго истаго ищемъ? Внутренности твои очисти и всяку злую похоть изгнавъ приуготови в сердца твоемъ храмъ, желая в церкви молитися – в себѣ молися и такъ себя всегда веди, чтобы был еси храмомъ Божиимъ, ибо тамо Богъ услышитъ, гдѣ живеть».

Л. 63 об. – Книга о вѣрѣ глава 23. Нач.: «Понеже бо соборная церковь к составлению своему не требуетъ извѣстнаго количества людей, но создается людьми благочестивыми, твердо и право хранящими вѣру, аще и зѣло будутъ

мали, яко же самъ Господь рече: «Не убойтеся, малое мое стадо, яко благоизволи Отець вашъ дати вамъ царство» (Лука зач. 67). И паки рече: «Идѣже бе ести два или трие собрании во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ» (Матф.зач. 76).

Л. 64 – Грѣческий Иларионъ на одномъ мѣстѣ такъ написалъ. Нач.: «Об одной вѣщи вамъ напоминаю: берегитесь Антихриста! Худо то, что вы к стѣнамъ склонность чрезмѣрную имѣете, в нихъ любуетесь...».

Л. 64 – Златоустъ в бесѣдѣ 23 и в «Книге о вѣрѣ» листъ 29. Нач.: «Здесь то же самое – было страшное гонение християнъ от руки таковыхъ отступниковъ, каковы гнали Киприяна, Василия Великого, Григория Богослова и единовольника Максима Исповѣдника. И римляне гнали и мучили не принимавших...».

Л. 64 об. – Книга «Протоколы» 6, 7 застѣдании. Нач.: «И удивлению достойно, что не прежде предназначеннаго лѣта и не послѣди, но в самыи той предсказанныи годъ устроили в Москвѣ соборъ, и послѣ того немѣдленно въ 1667 году послѣдовалъ великии московский соборъ, которыи утвердилъ всѣ новшества иерарха Никона и уложение соборовъ, бывшихъ в 1659 и 1666 годъ».

Л. 65 – «Книга вѣра» листъ 271. Нач.: «Здѣсь и наступило сие пророкованное время, в которое и была брань святыхъ мучениковъ с самимъ сатанюю. И тогда это пророческое предсказание непосредственно на самомъ исполнилось дѣлѣ, по пророку, глаголющему: яко не содѣланное наше видѣста очи твои, и в книзѣ твоей вси напишутся, и во дни созиждутся (псалом 137)...».

Л. 66 – Из истории. Нач.: «Никонъ, изгнанныи из Успенскаго монастыря какъ оглашенные и соборомъ осужденныи, на которомъ патриархъ Паисии сказалъ Никону: «Отселѣ, Никонъ, не будеши патриархъ и священная де не дѣйствуеши, но будеши, яко простой монахъ» – возгласилъ громко и отчетливо: «Аминь»...».

Л.66 об. – Книга «Челобитникъ» «История об отцѣхъ и страдалцѣхъ Соловецкихъ» Листъ 57. Нач.: «Таковъ бѣ и дивныи отецъ Саввати, иже по изшествии от киновии по многимъ пустынямъ и мѣстомъ ходя многия в благочестия законѣхъ пребывати утверди, многия иноческому житию наказа, яко зѣло бяше искусень и благопостоянень и опасень въ обучении иноческихъ...».

Л.71 – Нач.: «В 1965 г. исполнялось 270 лѣтъ основания Выговскаго общежительства. О немъ пишетъ И. Заволоко въ календарѣ старообрядческомъ 1965 г. слѣдующее: «Преслѣдования, расправы, мучительныи казни ревнителѣй древняго благочестия (статьи 1685 г.) заставили многыхъ бѣжать в непроходимую глушь высокихъ лѣсовъ, болотъ и тундры...».

Л. 71 об. – «Щить веры» за 1916 г. № 1. Нач.: «Указами Петра I в 1705, 1711, 1714 и 1724 гг. старовѣрцамъ Выговскаго края была обезпечена свобода веры и богослужения и дарованы различныя привилегии за добросовестную работу на Повенецкихъ заводахъ, имѣвшихъ военно-государственное значение. Росло население Выгореции...».

Л. 72 об. – Чаев-Черепнинъ «Русская палеография» (Москва, 1947) страница 172. Нач.: «В 1820 году на Выге перепиской книгъ занималось до 200 грамотницъ. Выработали свой стиль и поморские иконописцы. В XIX века этот культурный хозяйственный центр Севера былъ разрушенъ...».

Л. 72 об. – Ив. Евдокимов «Северъ в истории русскаго искусства» (Вологда, 1920, стр. 74). Нач.: «Выговское общежителство закончило циклъ своей истории. Но не следуетъ забывать о тѣхъ, кто в суровой обстановке далекаго Севера тяжелымъ неустаннымъ трудомъ превращалъ каменистую пустыню в культурный оазисъ с высокимъ для своего времени хозяйствомъ»

Л. 73 – Преподобнаго Кирилла стали спрашивать сарацине. Нач.: «Почему единого бога на три разделяете?». Преподобный Кириль показаль имъ на солнце и сказалъ: «Три в немъ суть вещи: кругъ, лучъ свѣтлыи и теплота. Солнечный кругъ – подобие Бога-Отца...».

Л. 73 об. – Четь-миней 11 мая. Нач.: «Задали вопросъ Кирилу: «Вси мы держимся закона Мухамедова крепко. Вы же, христиане, законъ Христовъ держащее овь сице, овь инако веруетъ и творить...».

Л. 74 об. – Книга Кирилла Иеросалимскаго 41 листъ. Нач.: «Иоаннь Златоуст глаголетъ: «Вѣмы, яко убо отецъ сына роди, а како, того не разумѣю. Вѣмъ, яко Духъ Святыи от Отца же, а которымъ подобиемъ – не разумѣю». По Кириллу Александрийскому и Василию Великому пишеть: «Яко воистину Сынъ от Бога Отца и Духъ – от Бога. Понеже и Сынъ от Отца изыде, и Духъ Святаи от Отца исходитъ, сынъ рождениемъ, а Духъ Святыи исхождениемъ».

Л. 74 об. – «Апостоль» зачин 276 пишеть: «Стойте и держите предания, имиже научистесь».

Л. 74 об. – «Катехисис» листъ 253. Нач.: «Слово Богъ различно толкуется: по коемуждо языцѣ своего имъ разумѣния. Мы убо, Русь, нарицаемъ Бога богатства ради: богатъ бо сыи и насъ обогащаетъ благостынею и вѣчными благими...».

Л. 75 – «Катехисисъ» лист 257. Нач.: «Еврейски Богъ нарицается Алль или Еллой, гречески же Одеось, а руски Богъ, рекше все могаи, и прочии такоже. А имя его таково, якоже самъ вѣсть единъ, а не мы мнози.

Л. 76 – Примечания из календаря 1973 г. страница 22. Нач.: «До нас дошли слухи поучения игумена Киево-Печерскаго монастыря преподобнаго Феодосия пишеться: «Запрещалъ с иноверными есть с ними и пить из одного сосуда и хвалить чужую вѣру...».

Л. 76 – Страница 26 В. Майновъ со словъ очевидцевъ разорения Выгореции пишеть. Нач.: «Главную часовню не захотѣли разорить, порешили оставить, устроивши в ней православную церковь. Тутъ, подлѣ этой часовни, и происходилъ главный разгромъ, тут и били, и сѣкли, и обливали холодной водой упорствующихъ. Около 3000 рукописей было сожжено на площадке пред часовней...».

Л. 76 – Старообрядческий календарь 1973 г. страница 45. Нач.: «5 декабря 1743 г. в слободку Усть-Цильму прибыла карательная экспедиция. В глухихъ лѣсахъ Печорскаго края скрывались старообрядцы. Холмогорский архиепископ Варсанофии направил в губернскую канцелярию «Промеморию» с просьбой послать воинскую команду ради искоренения старовѣрства...»

Л. 75 об. – Страница 39. Нач.: «1 октября 1913 г. скончался настоятель Московской общины поморцевъ Иванъ Михайлович Горбуновъ. Болѣе 20 лѣтъ выполнялъ обязанности, преставился на 73 г. своей жизни...».

Л. 76 – «Книга о вѣрѣ» глава 3 лист 31. Нач.: «Святый Андрей апостоль Первозванный приять страны греческия по жребию, и около Чернаго моря и окрестныя народы и сия приведе ко Христу, пойде моремъ в Русию рѣкою Днѣпромъ...».

Л. 77 об. – 1) Страница 13 календарь 1973 г. В 1729 г. в Даниловѣ и Лѣксе проживало свыше 1000 человекъ, а вмѣстѣ с старообрядцами на Суземке 12448 человек. По 8-й ревизии в 1834 г. зарегистрировано было всего лишь 590 душъ, а послѣ 9-й ревизии – 272. Проводились систематическия мѣропріятия с целью закрыть Выгорецкое общежительство.

Л. 78 – «Апостоль Толковый» листъ 102. Нач.: «Понеже ничтоже творяху апостолы своею властїю, но вся, яже творяху, Святымъ Духомъ касаеми, творяху или не творяху. (Ниже)».

Л. 78 – «Толковыи Апостоль» листъ 133, 134. (кратко воспомянем). «Дѣянїя святыхъ апостоль» написаль апостоль и евангелист Лука, вся яже зная по ряду... Павель в Римѣ свободно поживша и слово Божїе невозбранно проповѣдающа...».

Л. 78 об. – Из предисловїя «Толкового Апостола». Нач.: «Лука апостоль в книзѣ «Дѣянїя апостольскихъ» въ начале ихъ великую часть святаго Евангелїя Христова описуетъ: почему бы исповѣдали, яко вознесєся Господь на небо, намъ путь за собою показа, котораго времени четыредєсятаго дне по восстанїи его из мертвыхъ, на которомъ мѣстѣ на горѣ Елеонстѣй...».

Л. 79 – «Апостоль толковый» лист 65. Нач.: «Савль же еще дыхая прещениемъ и убийствомъ на ученики Господня приступль ко архиерею и испоси у него посланїя в Дамаскъ к соборищемъ, яко да аще нѣкїя обрящеть Христовымъ путемъ ходяща мужи и жены, связаны приведедъ во Иеросалимъ...».

Л. 79 – Чти продолжение книги 12 сборникх лист 57 Апостоль толковый Листь лист 65. Нач.: «Савль же еще дыхая прещениемъ и убийствомъ на ученики Господня...».

Л. 79 об. – Апостоль лист 27. Нач.: «Рече Петръ к людемъ Моисей убо ко отцемъ рече яко пророка вамъ воздвигнет...».

Л. 79 об. – Лист 89. Нач.: «Яко мене пророкъ нарекъ Господа вочеловечения ради и не по естеству, но по дѣланию сие примати достоить. И никтоже от пророкъ законодавецъ бысть от Моисея до Христа...».

Л. 80 – Лист 390. Нач.: «Освѣщает бо ся душа вѣрою, освещаетъ же ся и тѣло исповѣданиемъ, стыдяща же ся и срамляся в распятаго Христа вѣровати и исповѣдати его Бога себѣ и срамляся словес евангельскихъ...».

Л. 80 – Лист 142. Нач.: «Вѣра можетъ спасти человека не просто убо глаголяи Господень быти сей вѣренъ, но любяи Господа вѣры ради, еже к нему не токмо же, но и умрети его ради...».

Л. 80 об. – «Кормчя» лист 595. Нач.: «Слыши Господа, рекша ученикомъ: «Шедшее научите вся языки крестяше ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ». И паки рече: «Тако намъ есть лѣпо исполнити всяку правду. Вижди, како рече блюсти все и исполнити. Павелъ рече: «Облечетеса во вся оружия Божия, яко избрании Божии».

Л. 80 об. – Прологъ 8 мая. Нач.: «Ибо точию единого святаго Петра Господь крести своима рукама, Петръ же – Андрея и Андрей – Иакова, Иоанна. Иоаннъ, Иаковъ, прочия апостолы крестиша. Святую Богородицу Петръ и Иоаннъ крестиша, и даже до успения ея с нею быти Богослову...».

Л. 80 об. – Апокалипсисъ стихъ 301. Нач.: «Мнози будутъ нерадяше о своемъ спасении. Кто же словеса Божия любезнѣ не восприметь и не верить и в тинѣ грѣховнѣй пребывати восхоцетъ – да еще пребываетъ.

Л. 81 об. – Стих 299. Нач.: «Якоже во Евангелии рече Иоаннъ и видѣвъ и свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его. Тако и здѣ самовидѣць бывъ прореченнымъ, и сказавъ, и видѣния утвердивъ. Далее стихи 3, 7, 42, 48, 52, 59, 173,

Л. 82 об. – И к ефесеом зачин 225 учить. Нач.: «Да не бывайте к тому младенцы, умомъ влающесе (так!) и скитающесе во всякомъ вѣтрѣ учения во лжи человечестѣй, в коварствѣ козней и льщения».

Л. 82 об. – «Апостоль» зачин 284. Нач.: «Яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣщцы от вѣры, аще бо тоя отступитъ, кто и прочее содѣлаетъ вся злая».

Л. 82 об. – Бесѣды апостольские лист 1474. Нач.: «Вѣры и малѣйшую часть превративъ все погубляетъ, на горшая происходя от начала».

Л. 82 об. – Василии Великии ко Амфилофию глава 45. Нач.: «Аще кто приимъ имя христіанства не творяи дѣлъ Христовыхъ, ругается Христу – и нѣсть ему пользы от наречения».

Л. 83 – Кирилл Иеросалимский глава 3 лист 13. Нач.: «Якоже первѣе при Нои ради беззаконнаго смѣщения весь миръ потопомъ погуби, такоже и нынѣ, егда вси человецы во осквернение впадоша и своемышленное беззаконие творяху, и Богъ с ними весь миръ погубити имать».

Л. 83 – Из слова провидѣнія Волоамскихъ начальниковъ. Нач.: «При послѣднемъ времени начнутъ человецы быти людие напрасными бѣдами спасатися. По мѣстомъ за таковыя грѣхи начнутъ быти глады и моры частыя, и многия всякия трусы и потопы, и междуусобныя брани, и рати, и войны, и всяко в мирѣ начнутъ гинуть, и грады стѣсняются».

Л. 83 об. – Апостоль». К солуняном послание зачин 271. Нач.: «А о лѣтѣх и временѣхъ, братие, не требѣ есть вамъ писати. Сами бо извѣстно вѣсте, яко день Господень, яко же тать в нощи приидеть. Егда бо рекутъ: «Миръ и утвержение», тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство...

Л. 84 «Апокалипсис» глава 55 стих 226, 227, 228.

Л. 84 об. – Блаженный Андрей глава 64. Нач.: «В послѣдняя дни возставитъ Господь Богъ царя от нищеты, и ходити начнетъ во мнозѣй правдѣ, и всяку брань уставитъ, и нищихъ богатыя сотворитъ, и будутъ лѣта, якоже при Нои...».

Л. 85 об. – Стих 220. Нач.: «И глагола ми: «Воды, яже видѣль еси, идѣже любодѣица сѣдит, людие и народи есть, и племени, и языцы, и дѣсять роговъ, яже видѣ на звѣри, сии любодѣицу возненавидятъ и запустѣвшу сотворятъ ю и нагу, и плоть ея снѣдятъ и сожгутъ ю огнемъ».

Л. 85 об. – Вопросы Епифании Блаженный Андрея глава 70. Нач.: «Какое хочеть человечество изгинуть от земли и также и потомъ быти воскресению?». Рече святыи: «Другия хотять погубити нечисти языцы, а другия частыя рати, а вѣрныя о Христѣ Антихристъ погубитъ, еико же ихъ вѣру имуть Антихристу».

Л. 86 об. – Глава 64. Нач.: «Разбогатеють боляре в царство его и будутъ яко цари, а нищи – яко боляре, и будетъ радость многа тогда и веселие, и добрая от земли и от моря возникнуть по изобилу. И будутъ яко при Нои в тихости и весели донде же прииде потопъ. И царство его будетъ 32 лѣта... Минувшу же царству тому тогда настанетъ начало болѣзни.

Л. 86 об. – «Апокалипсис» стих 114. Нач.: «И в ты дни възыщутъ человецы смерти и не обрящутъ ея, и вожделѣють умрети, и бѣжить от нихъ смерть. Толкование. И възыщутъ человецы смерти и симъ знаменуетъ лѣльность озлоблении. Обычай бо сущихъ в болѣзняхъ призывати смерть, а еже просящимъ сия в болѣзняхъ не приходити ей...».

Л. 87 – Стих 25. Нач.: «Сущее имѣя ухо слышати да слышитъ, что Духъ глаголетъ церквамъ побѣждаи не имать вредитися от смерти вторыя. Толкование (инаго) перво. Смертию толико тѣло умираетъ, душа же жива пребываетъ...».

Л. 87 – Стих 178. Сущее. Нач.: «И видѣхъ: се облакъ свѣтѣль, и на облацѣхъ сѣдяи подобенъ сыну человеческому имѣяи на главѣхъ своей вѣнецъ златъ и в руцѣхъ его серпъ остръ. Толкование. Серпъ кончины явителен, ибо самъ Господь жатву мира кончину нарицает. Другаго толкования. Серпомъ же являетъ страшная суду его, понеже серпъ обнажаетъ и являетъ обнажение земли; жнуще вкупѣхъ пшеницы и плевъ – якоже пророкъ Иоиль о сей жатвѣхъ в лица Господни глаголетъ, яко азъ сяду на горѣхъ висоцѣхъ разсудити вся, того ради пусти серпъ, понеже приспѣша плоды земля.

Л. 87 об. «Катехисисъ большой» глава 23 вопросъ. Нач.: «Кая убо знаменія будутъ ближняя предъ суднымъ днемъ?» Отвѣтъ. «Сия есть страшнѣйша отъ первыхъ. 1. Солнце премѣнитъ во тму. 2. И луна не дасть свѣта своего. 3. Звѣзды спадутъ с небесе. 4. Тогда придетъ страшный и грозный оный день Господень, исполнь гнѣва и ярости, исполнь скорби и нужда и безгодия, исполнь мрака, и тмы, и трепета несповѣдимаго...

Л. 88 – Вопросъ: «Что еще тому послѣдовати?» «Трубы возгласятъ со грозою великою, и мертви отъ гробъ востанутъ, и вси возрастомъ единымъ будутъ. Таже отверзутся небеса и явится знамение Сына Человеческаго, сему же убо послѣдуютъ вся силы небесныя тысяща тысящами и тмы тмами ангель и архангель и вся прочая чины небесныя окрестъ со страхомъ окружающее, с кличемъ вопиють с небесе, глаголя...».

Л. 89 – Отъ «Патерика скитскаго». Рекоша святы: «Аще бы возможно было въ пришествии Божии по воскресении изыти душамъ человеческимъ отъ страха весь миръ отъ грозы ужасныя умереть бы. Что будетъ тогда, егда небеса совинутся и Бога открывающесе с гнѣвомъ видѣти, и воинства ангельская подвижаемы, и всѣхъ вкупѣхъ человечество трепещущее, каковымъ намъ подобаетъ быти в день той.

Л. 89 – Святыи Каллисть. Судия есть истиненъ и праведенъ Богъ нашъ ни свидѣтелей требуя, ни обличниковъ, ни показаний и судити имать всѣмъ отъ Адама сущимъ, даже до кончины бывшимъ еллиномъ, и жидомъ, и еретикомъ, и в православнѣхъ вѣрѣхъ согрѣшающимъ...».

Л. 90 – Святыи Иеремия глаголетъ. Нач.: «О лютехъ яко великъ день той и нѣсть подобна ему и время тѣсно есть». (глава 30) Данииль пророкъ глаголетъ: «В рѣхъхъ дондеже престолы поставишася и ветхийи деньми сѣде, и одежда его бѣла, яко снѣгъ, и власи главы его яки волна чиста, престоль его – пламень огненъ, колеса его – огнь паля, рѣка огненная течаше исходящи предъ нимъ...».

Л. 90 – Глава 7. Нач.: «Христосъ спаситель во святомъ Евангелии о пришествии своемъ предвѣщая, рекль: Якоже молния исходитъ отъ востока и является до западъ, тако будетъ и пришествие Сына Человеческаго...».

Л. 90 об. Матфей глава 24. Нач.: «Три евангелиста о семь согласнѣхъ пишутъ и на иномъ мѣстѣхъ утврждаетъ: «Аминь, глаголю вамъ, яко не имать

прейти родъ сей дондеже вся сия будутъ. Небо и земля преидеть, словеса же моя не преидуть, о дни же томъ и часѣ никто же вѣсть: ни ангели, иже суть на небѣсѣхъ, ни Сынъ, токмо Отецъ»

Л. 91 – Лука зачин 107. Нач.: «Что имамы сотворити, егда погнани будемъ вси и влекоми в геенския томления, вся без отрады тамо, вся без милости. Огнь ихъ не угаснетъ и червь ихъ не усыпаетъ. Нѣсть тамо покаяния, ни исповѣдания, ни оставления, ни спасение, иже о здѣ не стяжавшимъ сихъ...».

Л. 93 – Прологъ 14 марта от Старчества. Нач.: «В день обличения тайныхъ, егда кождо понесетъ дѣла своя, праведнии убо имуть понести страдания любезная, грѣшнии же пороки злыя, и срамныя уста умолкнуть коегождо пред праведнымъ Судиею, и не имѣти потребы вопрошати, все бо тѣло тогда будетъ, яко зеркало, и явятся дѣла его ясно воображена...».

Л. 93 об. – К Коринфом послание зачин 161. Нач.: «Невѣдение Божие нѣщии имуть к сраму, вамъ глаголю. Но речеть нѣкто, яко востануть мертви, коимъ же тѣломъ приидуть. Безумнее ты, еже сѣши: не тѣло сущее сѣши, но голо зерно. Аще случится пшеницѣ или иного от прочихъ Богъ же дасть ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тело...».

Л. 94 – Зачин 262. Нач.: «Такожде и воскресение мертвыхъ: сѣется в тлѣние, востаеъ в нетлѣние, сѣется не в честь, востаеъ в славу, сѣется въ немощи, востаеъ в силу, сѣется тѣло душевно, востаеъ тѣло духовно. Есть тѣло душевно и есть тѣло духовно».

Л. 94 – Зачинъ 163. Первый человекъ от земли, перстень, вторый человекъ – Господь с небесе, Яковъ перстныи, таковии перстни, и Яковъ небесныи, тачии же и небесныи, и якоже облакахомся во образъ перстнаго да облечемся во образъ небеснаго.

Л. 94 об. – Апостол толковый лист 883. Нач.: «Мертви о Христѣ воскреснуть первѣе. Толковый Златоуст. Сиречь вѣрнии, яко хотящее взиматися на облацѣхъ, прежде воскреснуть, прочии же – послѣди, яко не хотящимъ восхищенымъ бытии и срѣтати Христа на облацехъ...».

Л. 94 об. – «Апостол толковый» лист 416. Нач.: «Грядеть часъ, егда мертви услышатъ гласа моего и изыдутъ благая сотворшии на воскресение живота, а сотворивши лукавая – на воскрешение суда. Нынѣ убо долготерпѣние Божие приемлемъ, тогда же правии Судь его познати имамы, егда воскреснемъ: ови убо в муки вѣчныя, овии в жизнь вѣчныя, и приимем кождо по дѣлу своему».

Л. 95 – «Катехисис» лист 109. Нач.: «Аще уже вечная глаголются отнюдь убо по правдѣ, праведнии судъ праведенъ изведе, еже в вѣчныя муки отсылаеми будутъ грѣшницы, праведнии же в животь вѣчныи.

Л. 95 об. «Евангелие толковое» в неделю мироносиц. Нач.: «Якоже бо сотвористе, глаголетъ Господь, тако будетъ и вамъ, и воздаяние ваше

воздастся вамъ на главахъ вашихъ. Ими же бо согрѣшаемъ, братие, сихъ ради мучими бываемъ».

Л. 96 – Краткие толкования по снамъ царя Мамера философомъ Шаховичемъ о послѣднемъ времени. Нач.: «По 1 сновидѣнію (книга 15). Сказа царю философъ: «То будетъ не в твоємъ царствіи, но въ послѣднее время все збудетъ в началѣ осмыа тысящи. Тогда будутъ времена лютыя по всей земли, и во всѣхъ человекѣхъ правды и милости и мысли добрыя не будетъ, ни страха Божия и заповѣди Христовы хранити стануть...».

Л. 98 об. – Книга «Златоустъ» неделя 25... Нач.: «Снидутся тогда от седми градовъ во единъ градъ жити и не обрящется в селѣхъ вашихъ никого живуца. Погублю убо в водахъ рыбы и птицы, парящия в воздухе, и скоты, иже в лузѣхъ вашихъ. Грады ваши запустѣютъ, и не будетъ приходящего к церквамъ вашимъ, ни убогаго, сѣдѣща пред враты церковными и просяща милостыни...».

Л. 98 об. – Ипполитъ въ неделю мясопустную слово 3. Нач.: «Яко время зло есть, навькни, возлюбленне, иже тогда человекомъ лукавство, како восхищаютъ дома и села и праведное от праведнаго отъемлющее. Егда бо сия будутъ да веси, яко кончина есть...».

Л. 100 – Матфей 24; Марк 13; 4. Нач.: «Но говорить такъ свойственно только невѣрнымъ, еще невѣрующимъ людямъ. Наоборотъ, предугадывать будущее и вѣровать, что оно такъ будетъ – вотъ свойство блаженнаго мужа, которыи и знаетъ, и в то же время молчить, дабы своею болтливостью не навлечь на себя опасности. А что это справедливо и рабамъ Божиимъ извѣстно, мы докажемъ еще и инымъ способомъ».

Л. 101 – Третьихъ книгъ пророка Ездры глава 8. Нач.: «Сего ради суд мой нынѣ приближается, яже не всѣмъ показяхъ, токмо тебѣ и тебѣ подобно многимъ и отвѣщахъ, и рекохъ: «Се нынѣ, Господи, показаль еси мнѣ множество знаменіи часть, но не показаль еси, в кое время».

Л. 101 – Глава 9. Нач.: «И отвѣща ми, рече ко мнѣ: «Мѣрящъ мѣри время в себѣ самомъ. И будетъ повнегда увидиши, егда приидеть часть нѣкоторая знаменіи, яже предречена. Суть тогда уразумѣши, яко то самое есть время, в не же начнетъ вышнии посѣщати вѣкъ, иже от него сотворенъ бысть».

Л. 102 – Глава 15. Нач.: «Горе вѣку и иже обитають в немъ, понеже приближися мечъ и сокрушение ихъ, и встанеть языкъ на языкъ к брани, и мечъ в рукахъ ихъ. Будетъ не постоянное человекомъ и инии иныхъ одолѣваючи вознерадятъ о царѣ своемъ, и начальницы путей о дѣлѣхъ своихъ в могутствѣ своемъ».

Л. 103 об. – Глава 16. Нач.: «Се посылаются злая и не возвратятся, дондеже приидуть на землю. Огнь возгаряется и не угаснетъ, дондеже скончאותся основания земли. Имъ же образомъ не возвращается стрѣла,

послана от сильного стрѣльца, тако не возвратятся злая, яже послана будутъ на землю».

Л. 105 об. – В «Гранографѣ» печатномъ греческаго друку сице предречено. Нач.: «Народъ же руский вкупѣ сопричастниками всего Измаила побѣдять и Седмихолмникъ возмутъ со прибытками. Тогда же войну (брань) воздвигнуть междоусобную ярящуся таже до пятого часа, и гласъ с небесе возгласить трижды: «Стойте! Стойте! Стойте со страхомъ и поспѣшитесь многотщательнѣ на десную страну, обрящете мужа прироженнаго и чюднаго сильного и его же приемше...».

Л. 106 – Подобнѣ же и в книзѣ «Степенной» Соловецкаго монастыря. Нач.: «По концы царства царя Иоанна Васильевича посольство къ цисарю римскому Максимиану королю въ лѣто 7084: «Изволѣниемъ Божиимъ востанеть въ вашей России царь, брата же моего племянникъ. И той преполовить дни своя во благоденствии и кротости, и многими окрестными странами почитаемъ будетъ кромѣ меча».

Л. 106 об. – «Хрисмологионъ» глава 77. Нач.: «Царство от Анны деспины царградскаго ради родословия (или плѣмени) от россовъ турецкому царству возодолѣние, и паки въ Цариградѣ греческому произведение на престоль свой на скорѣ быти непшумемъ въ сочислении 2 сице засвидѣтельствоуетъ».

Л. 107 – Подобнообразнѣ же сему и в книзѣ «Стѣпенной» во главѣ 14 глаголетъ. Нач.: «Но убо да разумѣши, о окаяннѣ, аще вся предреченная Мефодиемъ Патрьскимъ и Львомъ Премудрымъ и знаменія о градѣ семь совершишася, то и послѣдняя не прейдуть, но такоже совершитися имуть. Пишетъ бо: «Руский народъ со прежде создатели всего Измаила побѣдять и Седмохолмнаго примуть и в немъ воцарятся»

Л. 107 – Сице бо глаголетъ Господь Богъ у пророка Иоиля глава 3. Нач.: «Соберу вся страны и сведу я на поляну Иосафатову и разсуждуся с ними ту. Сие и ангели предвозвѣстиша при вознесения Господня: (Деянїя 1) «Се Исусъ вознесыися от васъ на небо, тако и приидеть, имъ же образомъ видѣстѣ его идуши на небо».

Л. 107 об. – Кирилл Иеросалимский глава 6. Нач.: «Помысли, блюди же ся человеце, со многими бо на судъ приидеши и весь народъ человекъ тогда тамо станет. Помысли тогда, яко велико племя римское и яко много иныхъ языкъ нынѣ живущихъ, и яко много ихъ во сто лѣтъ умре».

Л. 108 – Иезекииль глава 38. Нач.: «И бысть слово Господне ко мнѣ, глаголя: «Сыне человекъ утверди лице свое на Гога и на землю Магога и князя росска, Мосохъ и Фовель, и соврашу тя окрестъ, и вложу узду в челюсти твоя уготовися самъ ты и весь соборъ твой собранныи к тебѣ, и будеши мнѣ в преднюю стражбу».

Л. 108 об. – Глава 39. Нач.: «Гогъ, князя Росска, Мосохъ и Фовель соберу и наставлю тя, и возведу тя на горы Израилевы. (ниже) И поражу тя на горахъ Израилевыхъ, и падеши ты и вси, иже у тебѣ, и многи страны с тобою».

Л. 109 – Апокалипсис стихи 192, 173, 178.

Л. 109 – Кирилл Иеросалимский. Глава 3 лист 13. Нач.: «Якоже первѣе при Ное ради беззаконнаго смѣшания весь мир потопом погуби. Также и нынѣ, егда вси человецы во осквернение впадоша и своеумышленное беззаконие творяху, и Богъ с ними весь мир погубити имать».

Л. 109 об. – «Правая вѣра» глава 14. Нач.: «Святѣи Феодоритъ пишетъ: «В день пришествия Господня будетъ острое и сильное свидѣтельство и тѣхъ, что добръ на семь свѣтѣ пожиша, яко злато и серебро огонь свѣтлѣйшихъ явить. Оных же паки иже беззакония плодствоваху, по подобию древа, сѣна и сламы пожжетъ, и прочая, и обойметъ вовѣки».

Л. 109 об. – «Старчество» слово 43. Нач.: «О жизни сей должно есть намъ небрежи все бо в ней сладкое и красное, еже есть богатство, и слава, и пища, и питие, и вся сласти временныя суть, в малѣ являются, потом же погибають, яко цвѣтъ травныи, егда убо процвѣтаетъ красенъ и добръ зѣло, егда же усохнеть – измѣняется и без вѣсти бываетъ.

Л. 110 – Цвѣтникъ» Дорофея глава 16. Нач.: «Помысли убо, о человеце, и буди разумѣя: се бо житие 80 лѣтъ или 70, или паки до 100 лѣтъ живешь, богатѣешь, женишия, и дѣти приживеши, сыны ожениши и дщери вдаси, и владѣеши странами и царствуеши».

Л. 110 об. – Дорофей глава 18. Премудро есть дѣло, поистинѣ премудро, и нѣсть премудрее сего на семь свѣтѣ, еже есть, да кто душу свою спасеть, понеже вся хитрости земныя на земли останутся, сия же премудрость едина точию с душою поидеть и во царство небесное душу вводитъ, понеже высоко отстоять небо от земли и нѣсть на него ни лѣстницы, ни восхода чювственнаго, точию восходятъ на него терпящии скорби и болѣзни и смиренномудрии.

Л. 110 об. – Его же глава 14. Нач.: «Здѣшнее бо страдание скорбно есть, но маловременно суть и недостойно суть противу будущия радости: единому дне тысяща лѣт, будущая бо радость безконечна суть».

Л. 110 об. – «Книга о вѣрѣ» глава 16 лист 142. Нач.: «По «Златослову», глаголющему, иже не молится Богу ниже Божественныя бесѣды приимати желаетъ непрестанно мертвъ есть и окаянень и смердящъ. Да приимемъ, вѣрнии, молитву яко многочестныи даръ и многоцѣнныи бисеръ нравомъ правымъ, обლობызающе во извѣстную помощь и побѣду на врага видимыя и невидимыя.

Л. 111 – Книга «Лѣствичникъ» глава 152. Нач.: «Се есть мужество и разумъ, еже поспѣшити человеку о очищении первыхъ его согрѣшении, о ихъ

же и молится, простится ему. Таже всю силою Богови молится, да не паки впадетъ в таяжде, ниже в сердца своемъ, ни дѣломъ, ни чювствами».

Л. 111 – Глава 165. Нач.: «Тѣмъ же всѣмъ дѣломъ на всякомъ мѣстѣ и частѣ потщимся къ Богу молитвами и всякой напасти и во всякой брани молитву стяжи – непобѣдимое оружие, и Христовою благодатию вся злая побѣдиши.

Л. 111 об. – Глава 219. Нач.: «Аще убо во время молитвы лукавыми помыслы плѣкнются – се тягчайши есть. Во время молитвы к Богу умъ собирати и молитвѣ внимати и мыслѣй всяческихъ отвращатися, аще ли не во время молитвы и о нужныхъ потребахъ, иже в житии таковая безгрѣшна суть».

Л. 111 об. – Глава 39. Нач.: «Мнози убо звании, мало же избранныхъ. И не убоимся, рече, врагъ нашихъ бѣсовъ, яко лице души наша видятъ, аще и не явни. Лице же душевное душевныя чювства глаголетъ, бѣсове же лукавыя помыслы в насъ сѣютъ, от душевныхъ нашихъ чювствъ навикаютъ, аще приемлемъ сладостнѣ от нихъ под вдагаемыя помыслы или абие ихъ тгоняемъ, якоже суть в тѣлеси пять чювствъ: зрѣние, обоняние, слухъ, вкусъ и осязание».

Л. 112 – От жития преподобнаго Нифонта. Нач.: «Мнозѣми козными нападаше на нь дияволь и мыслиши низложити праведнаго. Онъ же знаменашася образомъ креста и глаголя: «Азь нечистому бѣсу не покорюся. Аще ти есть Богъ мой повелѣлъ погубити мя, да приму со благодарениемъ Бога моего повелѣние, аще ли ти нѣсть повелѣно от Бога моего – посрамлю вся козни твоя».

Л. 115 – Кириль Иеросалимский глава 23 лист 221. Нач.: «Якоже Златоустъ глаголетъ Иоаннь: «Да покажетъ то, яко намъ, живымъ, со отшедшими отсюду нѣсть никоего различия, даже и до дне суднаго, якоже бо они молятся о насъ, тако и мы о нихъ, якоже Богъ дая симъ милосердие свое ради насъ, живущихъ на земли».

Л. 115 об. – «Кормчая» правило 14 лист 28. Нач.: «Творити усопшимъ третины во псалмѣхъ и молитвахъ воскресшаго ради тридневно, и девятины на воспоминание сущихъ здѣ усопшихъ, и четьредесять дней по вѣтхому Закону, якоже и жидовстии людие плакашася Моисея ради, и на всяко лѣто память имъ творите и от имѣнния ихъ раздавайте нищимъ на воспоминание ихъ».

Л. 116 – Правило 15 апостолу Петра и Павла. Нач.: «На памяти же ихъ зываеми со благочиниемъ ядите и со страхомъ Божиимъ, яко могущии молитися о преставльшихся, презвитери бо и диякони Христови сущее, трезвитися должны есте всегда и к себѣ и ко инѣмъ, да возможетъ и безчинныя наказовати от жития христьянскаго о молчании на трапезѣ».

Л. 116 – «Зонарь» лист 45. Нач.: «Умершимъ убо подобаетъ творити память и жертвы, третины, девятины и шесть месяцъ лѣто исполнено. Также и въ субботу мясопустную и в субботу сыропустную, и в субботу седмую по Пасцѣ. Сихъ ради вѣруемъ обрѣсти о грѣсѣхъ прощение».

Л. 116 об. – «Кормчая» лист 78. Нач.: «Ибо яды в трапезѣ и глаголяи, что кромѣ Исусовы молитвы юже заповѣдахомъ глаголати подобень есть псомъ ядущимъ и свиниямъ и коткамъ».

Л. 116 об. – По Златоусту о серафимѣхъ (из слова). Нач.: «Аще сядеши на трапезѣ, вспомяни, яко по восстании от трапезы помолитися подобаеъ и тако в мѣру исполни, утробу яко да не отягчаваемъ от трапезы не на одръ, но на молитву обращаемся и божественному чтению прииматися подобаеъ».

Л. 117 – «Прологъ» 4 августа. Нач.: «От патерика о ядущихъ мнискѣхъ на трапезѣ. Повѣдаше единъ от старць прозорлив в братии и видяше духомъ ядущихъ, сѣдящихъ на трапезѣ, якобы суть овыхъ ядуша медь, а овыхъ – хлѣбъ, а иныхъ – мотылу».

Л. 117 об. – Соборное изложение из «Потребника» лист 140. Нач.: «И нарицаются убо християне, а правила святыхъ апостоль и святыхъ отецъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, и инѣхъ святыхъ предания мнози в нихъ не соблюдаютъ вѣры три или четыре и вкупѣ убо на единой трапезѣ».

Л. 118 – «Прологъ» 29 генваря, яко подобаеъ молитися за враги и творящихъ пакости. Нач.: «Елико ты молишися о души за оклеветающихъ тя, толико Богъ извѣствуетъ о тебѣ и самъ мечь творить за тя. «Мнѣ бо, – рече, – мечь, и азъ вздамъ», – глаголетъ Господь».

Л. 118 об. – Титлы на крестѣ Господни.

М – Мария, Р – роди, Ф – фарисеомъ, У – учителя, Ника – на крестѣ, И – искупи, К – крестомъ, А – Адама (внизу:) М – мѣсто, Л – лобно, Р – рай, Б – бысть, Г – гора, Г – Голгофа, Г – глава, А – Адамова (титлы у Спаса на вѣнцы:) ОГ – от небеси приидохъ, О – они же мя не познаша, Н – на крестѣ пригвоздиша.

Л. 118 об. – О крестѣ Господни. Нач.: «Крестъ Господень завистию иудейскою и гробъ Господень прочии засыпаны землею, ту была кумирская церковь богини Афродиты за 333 лѣта, егда обрѣте царица Елена».

Л. 119 – Григории Амиритский въ своей книгѣ. Нач.: «Глаголють, крестъ Христовъ от кипариса и певга и кедра сложение иматъ, ибо простое его от кипариса бѣше, пред кое же его от певга подножие от кедра».

Л. 119 – Святцы 14 сентября. Нач.: «Крестъ обрѣте царица Елена в лѣта 5885. Христовъ же распятъ в лѣто 5533. От сего явствуетъ, яко крестъ былъ обрѣтенъ черезъ 352 лѣта. (л. 119 об.)»

Л. 119 об. – «Катихисисъ» о страсти Христовѣ глава 11. Нач.: «Вопросъ. Чесо ради Господь нашъ крестною смертию умре? Ответъ. Того ради, еже та смерть срамотнѣе и лютѣе и проклята, такую убо смертию злыхъ разбойниковъ осуждаху древле, смерти предающе и на крестѣ распинающее».

Л. 120 – Книга Кирилла Иеросалимскаго Слово о пременении праздника Пасхи. Нач.: «Вся бо елика сотвори Богъ в полномъ или совершеномъ»

существовъ въчини якоже человека или от него жену, не детьми малыми ихъ сотвориль, якоже нынѣ от нас рождаются, иже ни разумомъ, ни удами до совершеннаго возраста владѣти могутъ, но первыхъ родоначальниковъ нашихъ совершенныхъ Богъ сотвориль возрастомъ, словомъ и разумомъ, в полномъ муже и в естество ихъ сѣмена вложивъ.

Л. 122 – «Альфа и омега» глава 89 лист 192. Нач.: «Вкратцѣ помянути полезно, когда достоинъ Пасху праздновати, ибо Христось спас 23 марта распять бысть по сравнении весенномъ».

Л. 123 об. – «Правая вѣра» глава 15. Нач.: «В дѣянии святыхъ апостоль зачин 7 глаголется: вкупѣ же Петръ и Иоаннъ восхождаста во святилище на молитву в девятыи часъ. Извѣстно же, яко не ядше, а часъ девятыи с полудне трети часъ».

Л. 123 об. – «Евангелие от Иоанна зачин 60. Краниево же мѣсто глаголаху Лобное мѣсто. И слово удержашеся, яко ту погребесе Адамъ, да идѣже начало смерти, ту и падение ея будетъ».

Л. 124 об. – Евангелие толковое зачин 8. Нач.: «Сугубъ бо человекъ – от тѣла и души, сугубу бо и мать, и таковаго порождения образъ. Вода бо видимо приемлема и видимому тѣлу очищение разумѣется».

Л. 125 – «Кормчя» лист 625. Нач.: «Вопроси человекъ Божии бѣсов (начало псалма 67): «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его». И возопиша бѣси: «Не глаголи слова сего! Аще ли то не отвѣщаемъ ти!»

Л. 125 – Книга Кирилова лист 15. Нач.: «Якоже видимъ, иже сами духовнии мужие плотское все разумѣюще и в мирѣ семъ по плоти живуще, а не по духу и ради свободного жития законы превращаютъ и предѣлы, уставленныя имъ, прелагаютъ, и от вѣры отступаютъ, а православие с еретичествомъ соединяють».

Л. 125 об. – Книга «Правая вѣра» глава 30. Нач.: «Что имамы сотворити, егда погнани будемъ вси и влекоми в геенския томления вся без отрады. Тамо вся без милости, огонь ихъ не угаснетъ и червь ихъ не усыпаетъ. Нѣсть тамо покаяннн, ни исповѣданн, ни оставленн, ни спасенн, иже от здѣ не стяжавшимъ сихъ».

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА СТАРОВЕРОВ

В статье представлен отчет об экспедиции по Северу с целью установления точного местонахождения некоторых известных памятных мест истории русского староверия. В результате экспедиции разведаны подъездные пути к Курженскому озеру, Столпозеру, реке Большая Порма, уточнено место существования Шожмозерской пустыни.

Ключевые слова: памятные места, монастыри, пустыни, поселения, озера, реки, мощи, часовни, экспедиция, велосипед, дороги.

The article presents a report about the expedition to the North with the aim of establishing the exact location of some of the famous and memorable places of the history of Russian old believers. As a result of the expedition explored access roads to Kurzenskoe lake, Stolpozzero, river Bolshaya Porma, precised place of existence of the desert.

Keywords: sites, monasteries, deserts, settlements, lakes, rivers, relics, the chapel of the expedition, the Bicycle road.

Русский Север некогда являлся признанным центром староверия [6; 7]. Здесь сосредоточено большое количество так называемых памятных мест староверческой истории, на которых находились монастыри, не принявшие церковную реформу середины XVII в., тайные староверческие поселения, пустыни и скиты, часовни. Необходимость проведения мониторинга подобных мест очевидна и является насущной научной задачей [4, с. 1]. Из исторических источников известно, где находились староверческие поселения, но для исследователя очень важно увидеть эти места своими глазами, пройти дорогами староверов, пережить все дорожные неудобства и невзгоды, какие переносили люди 300-350 лет назад. В конце августа у меня оставались три недели от неиспользованного отпуска, и я решил осуществить давно задуманную экспедицию по памятным местам староверов. Тем более что мне предстояло принять участие в конференции «Водлозерские чтения»¹, а Водлозеро расположено недалеко от интересующих меня мест.

---

¹ Научная конференция «Святые и святыни Обонежья» (Водлозерские чтения – 2013), посвященная 380-летию со дня преставления преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря на Юрьевых горах. Конференция состоялась 2-4 сентября 2013 г. на туристической базе Водлозерского национального парка в д. Варишпельда.

Экспедицию планировал в несколько этапов, предусматривая на каждом решение конкретных научных задач.

На первом этапе предполагалось добраться до Курженского озера, где в XVII в. на острове находилась знаменитая Курженская пустынь, основанная иноком Евфросином [1; 9]. Курженские монахи не приняли реформированный обряд и продолжали служить по-старому, привлекая тем самым сторонников старой веры. На короткое время монастырь стал стратегическим центром староверов, откуда был послан в Москву инок Сергей для подачи челобитной о вере в 1682 г. [11, с. 79; 10]. Мне предстояло попасть на остров и произвести его осмотр с целью обнаружения следов бывшего там некогда монастыря. В связи с удаленностью монастыря от железной дороги задача оказалась непростой. Первоначально я планировал доехать на поезде до Подпорожья и оттуда проехать на велосипеде (складном) за 2 дня 200 км. до Вытегры. Дальше в течение еще одного дня 50 км до поселка Октябрьский и 45 км до самого озера. Но в последний момент ко мне присоединились двое староверов из Новгорода, и в связи с этим изменился план проезда до цели нашего путешествия. У них не было велосипедов, поэтому, встретившись в Подпорожье, мы поехали на автобусе до Вытегры, а там взяли такси до поселка Октябрьский. Мой складной велосипед легко поместился как в багажном отсеке автобуса, так и в багажнике легкового автомобиля. В Октябрьском, в магазине (средоточие всяческой информации в деревне), нам подсказали, к кому обратиться, чтобы нас довели до озера и показали тропу к нему. В итоге мы оказались на месте в тот же день, правда уже ночью. Предстояло еще дойти до самого озера всего около 1 км, но по ночному лесу. В темноте, светя фонариками, с трудом находили едва заметную тропу. Мое продвижение затруднял велосипед, который я тащил на себе, перелезая через поваленные стволы деревьев, переходя через овраги, ручьи, заболоченные низины. Преодолев все ночные препятствия, мы вышли к берегу озера, где обнаружили рыбацкую избушку – нашу заслуженную награду за тяжелый переход. На следующее утро осмотрелись: мы были еще далеко от желанного острова, который заметно выделялся у противоположного берега. Необходимо было пройти берегом по лесу несколько километров, чтобы максимально приблизиться к острову. При солнечном свете идти было несравненно приятнее, но количество препятствий и трудность их преодоления возрастали, так как мы двигались не по тропе, а по лесному бездорожью. Бесконечные завалы деревьев и заболоченные места заставляли петлять по тайге, увеличивая расстояние и отдаляя нас от берега. Через 2 часа изнурительного перехода (в основном для меня из-за велосипеда) мы вышли к самому острову, от которого нас теперь отделял всего лишь узкий (около 20 метров) пролив (фото № 4). Немного отдохнув, на остров мы переправились вплавь, положив вещи на надувной матрас. Почти сразу напротив места переправы обнаружили развалины церкви, по всей видимости приходского храма XIX в. (фото № 1). После упразднения монастыря в 1764 г. здесь был устроен сельский приход. Небольшой остров мы обошли несколько раз. В центре острова располагался храм, за ним небольшое кладбище. Западнее храма – развалины здания, являвшегося, по нашему

предположению, часовней (фото № 2). На самой западной оконечности острова следы 2-х строений, между ними и часовней – кладбище. Крестов не сохранилось, лишь одни могильные холмики, заросшие травой. Завершив осмотр и произведя фотофиксацию развалин, мы снова переплыли пролив и прошли на мыс в западном направлении (фото № 3). Здесь мы нашли остовы двух домов – все, что осталось от деревни Курженская. На обратный путь до рыбацкой времянки у нас ушло больше времени, так как мы немного сбились с курса в лесу, удалившись от берега. Этот переход с велосипедом на перевес отнял у меня последние силы (фото № 5). Переночевав в избушке, снова пошли по тропе, по которой пришли сюда ночью. На этот раз тропа была хорошо видна, и все ночные препятствия, казавшиеся в темноте такими зловещими, преодолевались легко. Вышли на дорогу, по которой сюда приехали на машине. Нам предстоял переход в 45 км по хорошей грунтовой дороге (фото № 6). Наконец-то я поехал на велосипеде, а не он на мне. Правда моя скорость передвижения не намного отличалась от скорости моих пеших спутников. Складной велосипед с колесами 20 дюймов не предназначен для перевозки грузов. Я же умудрился приторочить к нему на багажник рюкзак весом 20 кг. Из-за этого двигаться приходилось с осторожностью, объезжая кочки и камни, чтобы не пробить колеса. Несмотря на все мои старания, камера заднего колеса все-таки не выдержала и лопнула, угодив на камень. Пришлось её заменить и ехать с еще большими предосторожностями. Преодолев 25 км за 4 часа, мы сделали привал, а вскоре попутная машина с туристами подобрала моих спутников. Для меня с велосипедом места не нашлось, но я отправил с ними рюкзак и дальше ехал налегке значительно быстрее. Немного не доехав до поселка, я попал под дождь и вымок с ног до головы, не найдя себе укрытия на дороге (все мои непромокаемые вещи уехали с рюкзаком). Когда я совершенно мокрый въехал в поселок, дождь прекратился (фото № 7). Мои товарищи поджидали меня в магазине, откуда начинался наш путь на Курженское озеро. Мне посоветовали сходить в поселковую администрацию и попросить помочь с ночлегом уставшим и промокшим участникам экспедиции. Вероятно, мой жалкий вид вызвал сострадание в сердце местного чиновника, и нам разрешили переночевать на веранде ремонтируемого дома. На следующее утро мы уехали из Октябрьского в Пудож (50 км) на рейсовом автобусе Вытегра-Медвежьегорск. В Пудоже староверов должны были встретить на машине и довезти до Данилова, где строится часовня. Я же рассчитывал, что меня подвезут до Пяльмы (от Пудожа 100 км). Машина была забита, но тут сказались преимущества складного велосипеда – его удалось привязать к багажнику на крыше. Таким образом, я оказался в Пяльме, и здесь начался второй этап моей экспедиции.

На данном этапе я предполагал произвести разведку дороги до Столпозера, где в конце XVII в. было поселение не принявшего реформу инок Епифания [11, с. 48-53]. Он погиб в озере при попытке захватить его стрельцами. Вскоре его тело было обретоено староверами и захоронено на острове, а над могилой поставлена часовня. Паломники со всей округи приходили к этой часовне для поклонения мощам инок Епифания. Узнав об этом, церковные власти приказали унич-

тожить часовню и могилу, что и было сделано специальной военной командой в 1774 г. [2; 5, с. 109-116]. На карте Столпозеро обозначено, но мне предстояло найти дорогу к озеру, осмотреть его и попытаться определить место, где погиб иннокентий и где стояла часовня. В Пяльме по адресу, полученному от староверов, я разыскал старосту деревни и оставил у него часть вещей, немного разгрузив рюкзак. Там же мне подсказали, как выехать на дорогу до Тамбичозера – ближайшего населенного пункта от Столпозера. Движение от трассы до Тамбичозера я начал около 16 часов и ехал без остановок 4 часа, не встретив никакого жилья и людей. Уже начало смеркаться, и у меня возникли сомнения, в правильном ли направлении я еду, как наконец-то показалась жилая деревня Тамбичозеро. От трассы я проехал около 40 км. До Столпозера оставалось 10 км. Заночевал в деревне в пустом доме. Наутро, расспросив о дороге местных жителей, поехал по бывшей узкоколейке, переделанной в хороший грейдер (фото № 8). Через 4 часа после нескольких неудачных попыток обнаружить озеро нашел нужный поворот к нему. Отдохнув у костра, осмотрел северную оконечность озера с двумя выдающимися мысами. Остров находился у противоположного берега далеко от меня. Идти туда вокруг озера у меня уже не было времени. Здесь я не нашел избушки, а надо было где-то укрыться на ночь, не хотелось ночевать под открытым небом. Я решил поехать на Кодозеро, где должна быть изба. Свернул на дорогу, которая, по моему предположению, вела к нужному мне озеру. Дорога быстро превратилась из наезженной в едва различимую, а вскоре совсем потерялась в траве и мелколесье. На пути попадались провалившиеся мосты, разобранные узкоколейки, песчаные обрывы, крутые подъемы и спуски. Продравшись через чапыжник по этой уже давно забытой дороге, я в сумерках вышел к берегу неизвестного мне озера, где нашел избу. Рыбачье становище показалось мне раем. Я сильно проголодался и наварил целый солдатский котелок рисовой каши со сгущенкой. Ничего более вкусного я не ел. Переночевав в избе, утром нашел хорошую дорогу и выехал по ней к Кодозеру. Здесь тоже в XVII-XVIII вв. был староверческий скит старца Варлаама Быкова. Позже образовалась деревня, остатки которой в виде нескольких домиков я обнаружил (фото № 10). От Кодозера мне надо было вернуться в Тамбичозеро и ехать по уже знакомой дороге до трассы, где меня должен был подобрать автобус с участниками конференции на Водлозере. Времени оставалось в обрез, и я торопился. Несколько раз отказывали тормоза, поврежденные кустарником. Тогда приходилось пеглять на велосипеде, чтобы погасить скорость и падать в траву. Наконец к середине дня доехал до поворота на трассу, до которой оставалось 10 км. Здесь ловила мобильная связь, и я сообщил, где меня подобрать, надеясь, что еще успею заехать за своими вещами в Пяльму. Но опять отказали тормоза, меня вынесло на камни, и последняя запасная камера лопнула. Я попытался её заклеить, но она тут же спустила. Понимая, что уже никуда не успею, из последних сил я тупо толкал свой велосипед вперед. Прошел около 5 км, когда мне позвонили и сказали, что ждут. Я объяснил ситуацию, тогда мои коллеги в автобусе вынуждены были свернуть на тряскую проселочную

дорогу, чтобы подобрать меня. По моей вине организаторы конференции могли выбиться из графика и тем самым доставить неудобство всем участникам. Я это понимал, но был настолько обессилен бесконечной гонкой, что не сумел как следует принести свои извинения. Только в автобусе в 17 часов я сделал первый за день глоток воды.

Конференция на Водлозере пролетела на одном дыхании, оставив в душе массу теплых воспоминаний (фото № 11)¹. А мое путешествие по дорогам староверов продолжалось, приближаясь к третьему этапу.

На попутной машине с коллегами я доехал до Няндомы. Здесь я купил еще 2 камеры для велосипеда. У меня образовался свободный день, и я решил использовать это время для поездки на Большую Порму в её среднем течении. На Порме в XVII-XVIII вв. находились многочисленные староверческие деревни. Это место некогда называлось Дорами и печально известно произошедшими здесь самосожжениями во время захвата поселений воинскими командами [12]. Мой путь лежал в урочище Нахрат, на карте обозначенное как нежилой поселок. И местные таксисты говорили, что там ничего от поселка не осталось и дорога совершенно непроезжая. Из Няндомы до бывшего поселка Нахрат ведет лесовозная дорога, которую местные жители называют Киевской, так как когда-то здесь на лесозаготовках работали киевляне. Дорога оказалась вполне пригодной для велосипеда, и через 5 часов неспешной езды я въехал в поселок, от которого сохранилось несколько домиков и все они были обитаемы (в летний период). Мне рассказали историю поселка: здесь стояла воинская часть, которая занималась вырубкой леса. Было хорошее снабжение, электричество, магазин, медпункт, кипела жизнь. Запустение наступило два десятка лет назад. О староверах нынешние обитатели поселка, конечно, ничего сказать не могли. Однако проживающий здесь (как на даче) потомок местного лесника, любитель бродить с ружьем по лесу, обошел все окрестности – и Малую и Большую Порму. Он рассказал, что видел на Малой Порме остатки старого строения, у которого нашел старинные кованые гвозди и подкову. Возможно, это следы пребывания в этих местах староверов. Обратная дорога заняла чуть больше времени, потому что у меня снова пробило колесо и сломался насос. Пришлось ехать с недокачанным колесом. Проезжая через Шултусский заказник, я встретил на дороге медведей. Они переходили дорогу и долго крутились у меня на виду. Мне удалось хорошо их рассмотреть: двое небольших и один покрупнее, наверное, медведица с медвежатами. Издалека они походили на лохматых черных собак. Меня они не заметили и скрылись в лесу, а я проехал мимо без происшествий. Из-за поломки я выбрался из леса в кромешной темноте, и у колеса образовалась солидная восьмерка.

На четвертом этапе своей экспедиции по староверческим местам я оказался в поселке Шестиозерский в 20 км от Няндомы. Отсюда вместе с двумя охотниками мы намеревались выйти к верховьям той же реки Большая Порма, где в

---

¹ По итогам конференции в Петрозаводске был издан сборник.

урочище Жилая Порма, по предположению местных охотников, жили в 1930-е гг. староверы. Мы прошли через Иванозеро, знаменитое тем, что на его берегах в начале XVIII в. скрывался от преследования властей староверческий инок Филарет. Здесь он умер, и его обретенные мощи стали почитаться как староверами, так и нововерами. Сюда приходили паломники со всего Каргополья [4; 8]. Их водили предки охотников – моих спутников Быковых, отца и сына (фото № 14). Быковы поставили на месте сгоревшей часовни памятный крест и облагородили берег озера для современных паломников (фото № 12, 13, 15). Выйдя к Порме, мы заночевали в охотничьей избушке, а на следующий день продолжили путь (фото № 16). Увлечшись охотой, мои спутники отклонились от намеченного маршрута и заблудились. Пришлось поплутать по болотам, чтобы выйти на старую лесовозную дорогу. В итоге до Жилой Пормы мы так и не дошли. Но позже в поселке я узнал, что там жили не староверы, а высланные раскулаченные крестьяне с Украины.

Пятый этап экспедиции прошел поблизости от того же поселка Шестиозерский на озере Большое Шожмозеро, протянувшемся с юга на север вдоль архангельской железной дороги. Под горой у этого озера около 100 лет существовало поселение староверов, называвшееся Шожмозерская пустынь. Оно было уничтожено по распоряжению властей в 1857 г. [3]. Мне предстояло найти гору, которая упоминалась в архивных документах при описании поселения. Осмотр я начал с левой западной стороны озера, где выделяются два мыса с крутыми берегами, только похожими на горы. Зато на восточной стороне озера просматриваются четкие очертания горы, покрытой лесом (фото № 17). Именно здесь, по моему предположению, и должна была существовать Шожмозерская пустынь.

Экспедиция завершилась в Няндоме, где я сел в поезд до Москвы. Намеченные мной цели в основном были достигнуты: подтвердилось расположение Курженского монастыря на острове, где были обнаружены его остатки; разведаны подъездные пути к Столпозеру и Кодозеру; разведана дорога на среднюю Порму, откуда следует начинать обследование местности; выяснено, что Жилая Порма не связана со староверами; установлено место существования Шожмозерской пустыни. Решая поставленные задачи, я совсем не задумывался ни о дорожных тяготах, ни о возможных встречах с дикими зверями, обитающими в лесу. Правда, иногда становилось жутковато, особенно в одиночестве. В компании, конечно, веселее. Личные переживания, испытанные в ходе экспедиции, приблизили меня к предмету моих изысканий, дали необходимый опыт для лучшего понимания условий жизни и образа мыслей людей, отказавшихся от всех благ цивилизации, чтобы сохранить веру отцов.

***

1. Галко В.И., Романова А.А., Юхименко Е.М. Евфросин // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVII. Евангелическая церковь чешских братьев – Египет. С. 473-474.

2. Материалы для истории раскола в Олонецком крае. Раскольничьи мощи // Олонецкие губернские ведомости. 1897. № 81-82.
3. Национальный архив Республики Карелия. Фонд № 1 (Канцелярия губернатора). Опись № 46. Дело № 25/694. Ведомости о раскольниках за 1857 г. Л. 38-45; Дело № 14/365. Дело о Шожмозерской пустыни. Л. 38-264.
4. Ружинская И.Н. Филаретова пустынь // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Т. 1. С. 95-99.
5. Святые и святые Обонежья: материалы всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения – 2013», посв. 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье (2-4 сентября 2013 года) / отв. ред. А.В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 252 с.
6. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: исследование по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. XI-XVIII.
7. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 6-30.
8. Старицын А.Н. Дело об уничтожении Филаретовской часовни // Вестник церковной истории. М., 2012. № 1-2 (25-26). С. 299-312.
9. Старицын А.Н. Евфросин Курженский // Новый Олонецкий патерик. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. С. 480-481.
10. Старицын А.Н. Курженская пустынь // Вестник церковной истории. М., 2009. № 3-4 (15-16). С. 191-205.
12. Филиппов И. История Выговской пустыни М., 1862. С. 48-53, 79.
13. Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683-1684 гг. (К проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII-XVIII вв.): сб. науч. тр. / под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 64-119.

№1 (28082013455) Развалины церкви на Курженском острове

№2 Предполагаемая часовня на Курженском острове

№3 (28082013475) Курженское озеро (вид с острова)

№4 (28082013486) Остров на Курженском озере

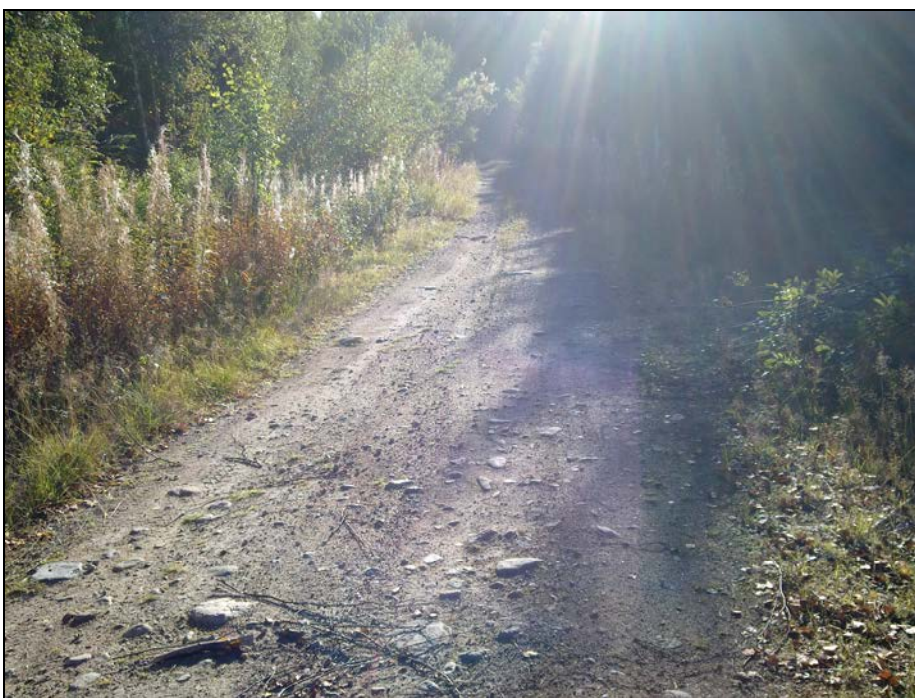
№5 (28082013488) Автор на фоне гигантской выскети

№6 (28082013492) Староверы – участники экспедиции: Илья Мельников и Алексей Безгодов

№7 (28082013494) Поселок Октябрьский после дождя

№8 (31082013502) Дорога от Тамбичозера к Столпозеру (бывшая узкоколейка)

№ 9 (31082013506) Столпозеро

№10 (01092013523) Остатки деревни у Кодозера

№ 11 (DSC 04295) Конференция в д. Варишпельда на Водлозере

№ 12 (IMG 0452) Крест на месте Филаретовской часовни

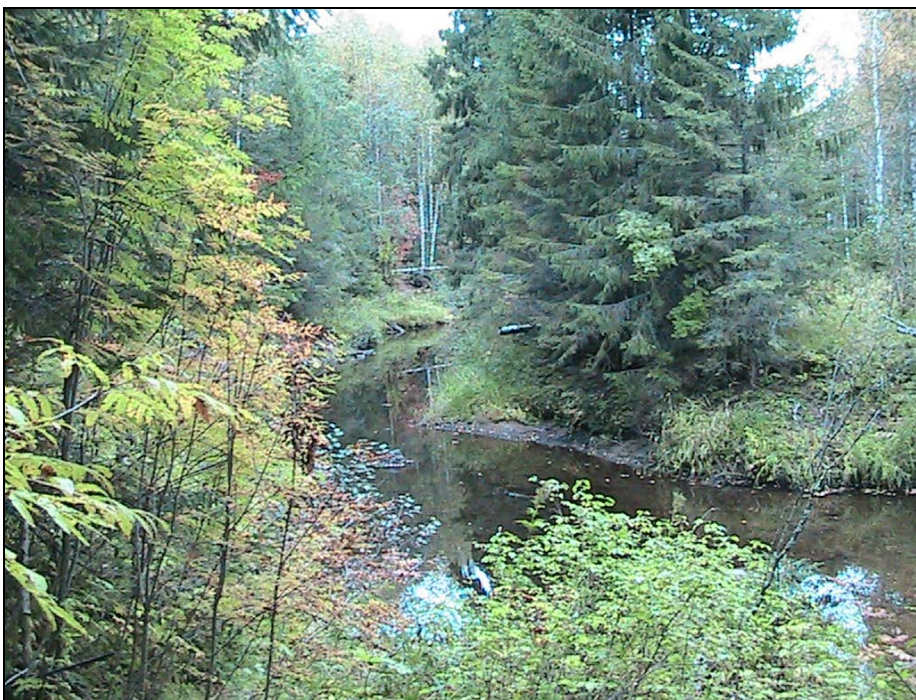
№ 13 (IMG 0453) Надпись на кресте

№ 14 (IMG 0454) Быковы
(слева Игорь Владимирович, справа Владимир Сергеевич)

№ 15 (IMG 0455) Иванозеро

№ 16 (IMG 0465) Река Большая Порма

№ 17 (IMG 0494) Вид на гору на Шожмозере, где находилось староверческое поселение

Сведения об авторах

Агеева Елена Александровна, научный сотрудник Музея истории Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

e-mail: eleeva3@gmail.com

Алексеев Алексей Викторович, археолог, реставратор, заместитель директора по реставрации Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина (Московская обл.).

e-mail: Alekseev.L@mail.ru

Барт Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций, ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

e-mail: mariabart@mail.ru

Бешкарев Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар

e-mail: zhurnalist@syktsu.ru

Бровкина Татьяна Владимировна, магистрант кафедры русской и общей филологии ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

e-mail: tatjana-brovkina@rambler.ru

Волкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и общей филологии ФГБОУ Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар.

e-mail: volkovatf777@gmail.com

Вуттке Николай Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент зав. кафедрой иностранных языков естественнонаучных специальностей, ФГБОУ Сыктывкарский государственный университет, г. Сыктывкар.

e-mail: kiya-ens@syktsu.ru

Горунович Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры связей с общественностью и рекламы, ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

e-mail: gorunovich521@yandex.ru

Дементьев Андрей Владимирович, сотрудник Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции, г. Москва.
e-mail: kraegranesie@gmail.com

Доброноженко Галина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зав. кафедрой истории, политологии и социологии ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.
e-mail: g_dobronozhenko@mail.ru

Добычина Майя Александровна, кандидат исторических наук, директор Муниципального архива, г. Калуга.
e-mail: madivasv@rambler.ru

Иванов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Калужского государственного университета, им. К.Э. Циолковского, г. Калуга.
e-mail: madivasv@rambler.ru

Иванов Владимир Иванович, профессор, доктор исторических наук; главный научный сотрудник; Южный филиал Российского института культурологии Министерства культуры РФ.
e-mail: ivanovst@mail.ru.

Краева Надежда Вениаминовна, зав. отделом книжного фонда, Национальный музей Республики Коми, г. Сыктывкар,
e-mail: nadezhda-kraeva@mail.ru

Кырнышева Ольга Валериевна, заведующая отделом Национальной библиотеки Республики Коми, г. Сыктывкар
e-mail: kyrnysheva@nbrkomi.ru

Лудыкова Валентина Матвеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии и национального образования ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.
e-mail: kkfuy@syktsu.ru

Мелихов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и общей филологии ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.
e-mail: melikhovm@mail.ru

Минеева Инна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск.

e-mail: ruslitemig@mail.ru

Мурашова Наталья Сергеевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной и библиотечной деятельности ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

e-mail: 2107542@mail.ru

Никонов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Мурманский государственный гуманитарный университет, г. Мурманск.

e-mail: snikonov-77@mail.ru

Полетаева Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки УрО РАН, г. Екатеринбург.

e-mail: poletaeva@cbibl.uran.ru

Пыстина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

e-mail: zhurnalist@syktsu.ru

Рыжова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета.

e-mail: zhurnalist@syktsu.ru

Свигова Светлана Борисовна, начальник Издательско-полиграфического отдела ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

e-mail: ipo@syktsu.ru; rio@syktsu.ru

Сипола Ольга Борисовна, аспирант отделения истории искусства и культуры гуманитарного факультета Ювяскюльского университета, г. Ювяскюль (Финляндия).

e-mail: olga.sipola@gmail.com

Старицын Александр Николаевич, ведущий библиограф, Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва.
e-mail: profitens@rambler.ru

Супрун Василий Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград.
e-mail: suprun@vspu.ru

Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, зав. сектором этнографии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО, г. Сыктывкар
e-mail: yurshabaev@mail.ru

Юркина Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии, ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар
e-mail: yurkina.olga2010@yandex.ru